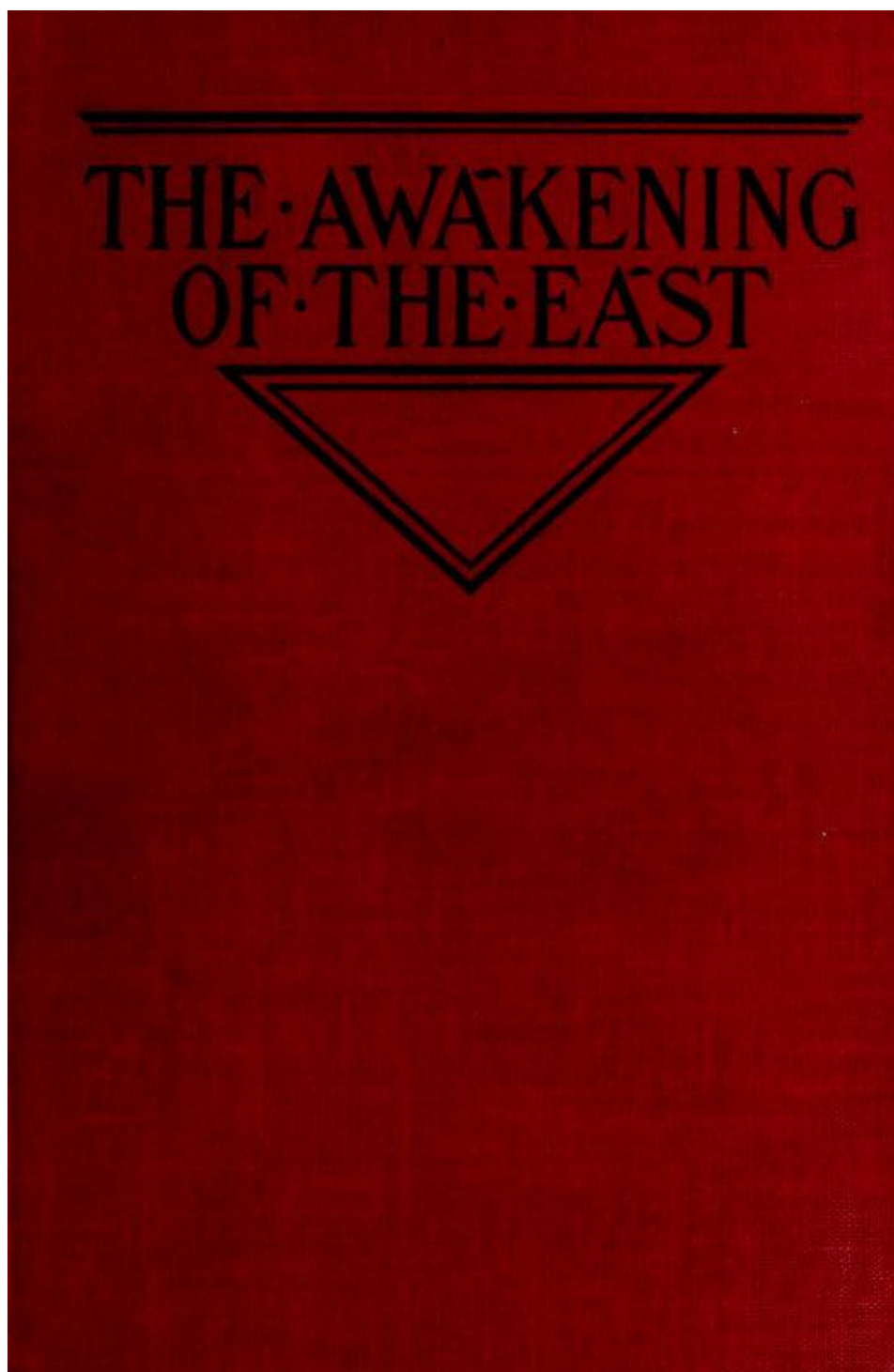

Пробуждение Востока. Сибирь- Япония-Китай

Пьер Леруа-Болье

The Project Gutenberg eBook of The Awakening of the East: Siberia-Japan-China

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Пробуждение Востока: Сибирь-Япония-Китай

Автор: Пьер Леруа-Болье

Автор введения и т.д.: Генри Норман

Переводчик: Ричард Дэйви

Дата выхода: 3 февраля 2020 [eBook #61310]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Ричардом Тонсингом и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, любезно предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ПРОБУЖДЕНИЕ ВОСТОКА: СИБИРЬ-ЯПОНИЯ-КИТАЙ ***

Электронная книга Project Gutenberg "Пробуждение Востока", Пьер Леруа-Болье

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. [См.
https://archive.org/details/awakeningofeast00lero](https://archive.org/details/awakeningofeast00lero)

Пробуждение Востока

СИБИРЬ-ЯПОНИЯ-КИТАЙ

ПЬЕР ЛЕРУА-БОЛЬЕ

С предисловием ГЕНРИ НОРМАНА

Автор книг "Люди и политика Дальнего Востока", "Настоящая Япония" и др.

НЬЮ-ЙОРК

McCLURE, PHILLIPS & CO.

МСМ

Авторское право, 1900 год,

Компания McClure, Phillips & Co.

Первое впечатление, ноябрь, 1900 г.

Второй оттиск, январь, 1901 г.

PREFACE^[1]

М. Работа Леруа-Болье выходит на английском языке в необычайно подходящий момент, и я полагаю, что те, кто больше всего знает о Дальнем Востоке, будут горячо хвалить ее. Его личные наблюдения остры, статистические данные добросовестно собраны и тщательно сопоставлены, они скрупулезно ограничены конкретными вопросами, которые они призваны осветить, а самое ценное - политическая проницательность автора и, так сказать, отстраненность его позиции как наблюдателя и исследователя. Если можно так выразиться без обиняков, это редкость для писателя национальности М. Леруа-Болье. Француз, как правило, настолько хороший француз, что даже на час не может отрешиться от предпочтений и предрассудков своей страны и расы. Однако если вам удастся найти француза, который благодаря своему темпераменту, исследованиям и путешествиям достиг космополитической беспристрастности, то никто не живет в такой прохладной и ясной атмосфере, как он. Настоящий том, смею утверждать, является примером этого, ибо если бы на титульном листе не было имени, а слово "мы" не употреблялось в отношении французского народа, то по его работе невозможно было бы определить национальность писателя. Гиперкритики, возможно, заметят, что М. Леруа-Болье слишком готов принять за факт злобные анекдоты, направленные против нас самих, например, гениальную выдумку о том, что британский адмирал перед рассветом салютовал флагу японского адмирала у Вэйхай-взя, чтобы пушки разбудили спящих китайских моряков и заставили их осознать свою опасность. Не говоря уже о том, что он с готовностью принял как типичный пример "ненасытной британской публики" забавное хвастовство какой-то безымянной английской газеты о том, что мы могли бы, если бы нам было угодно, построить железную дорогу от устья Нила до устья Ян-цзы. Но в целом он, пожалуй, настолько близок к "беспристрастному зрителю" старомодной философской гипотезы, насколько это вообще дано кому-либо в этом предвзятом мире; и, безусловно, блестящая способность, с которой он проанализировал и обобщил национальные и международные ситуации величайшей тонкости и сложности, говорит сама за себя.

Будущее Дальнего Востока, вне всякого сомнения, является самым серьезным вопросом, стоящим сегодня перед цивилизованным миром. На протяжении многих поколений Восточный вопрос заставлял государей беспокойно ворочаться в своих постелях, а дипломатов - замирать на месте; но, как быстро заметил лорд Розбери, не так давно возник Дальневосточный вопрос, гораздо более неудобный, гораздо более сложный, гораздо более

чреватый катастрофой. В данный момент он предстает перед нами в трех основных аспектах: приближающееся завершение строительства непрерывной русской железной дороги от Европы до Китайского моря, границ Кореи и ворот Пекина; поразительное вступление Японии в сообщество народов в качестве великой морской, военной и цивилизующей державы; и ход событий, приведший к оккупации китайской столицы союзными войсками восьми государств. Именно этими тремя темами занимается М. Леруа-Болье, и нет необходимости рекомендовать их серьезному вниманию британских читателей, если последние осознают - как и должны осознавать, - что за третьей, несомненно, маячит ужасающий призрак европейской войны.

Строительство Транссибирской магистрали сильно затруднено из-за восстания китайцев в Маньчжурии. В практических целях она едва ли может существовать за пределами Иркутска, так как, хотя линия завершена до Стретенска, подвижного состава все еще не хватает, а тоскливое путешествие на пароходах разной тяги вниз по рекам Шилка и Амур до Хабаровска, где встречается линия до Владивостока, лишает железнодорожный путь пока всех его преимуществ перед морским путем из Европы. Последние пассажиры, прибывшие из Владивостока в Москву до прекращения движения, провели в пути тридцать восемь дней, и, как можно было заметить, большая часть подкрепления русских войск, лошадей и *материальных средств* была отправлена на Дальний Восток из Одессы, причем немалая часть - на британских транспортах. Маньчжурский участок великой железной дороги с самого начала, даже в мирное время, представлял большие трудности по климату, недостатку снабжения и враждебности туземного населения, но теперь значительная часть выполненных работ разрушена, русским войскам еще не удалось очистить страну от китайских войск и иррегуляров, придется содержать большой гарнизон для охраны работ, и неизбежна большая задержка по сравнению с первоначально предполагаемыми сроками окончания работ. Все это, однако, не более чем вопрос времени. В национальных стратегических предприятиях такого рода Россия работает быстро и упорно. Разрушенное будет построено прочнее прежнего; вероятно даже, что последние события, несомненно давая России более свободные руки, позволят ей обеспечить более короткий, а потому и более эффективный путь от ее сибирской линии в Китай. В любом случае, не пройдет и нескольких лет, как Порт-Артур и Пекин окажутся в двухнедельной железнодорожной доступности от Москвы. К тому времени эта железная дорога разовьет сельскохозяйственные и минеральные богатства вдоль своего маршрута до такой степени, о которой не мечтали те, кто не изучал ее перспективы на месте, и будет защищена и обслуживаема всеми видами защитного и отеческого законодательства. Более того, когда возникнет необходимость, каждая миля линии, каждая станция, склад и резервуар для воды, каждый начальник станции, каждый инженер, каждый кондуктор, каждый патрульный каторжник, каждый локомотив, каждый вагон и каждая повозка будут одним росчерком пера предоставлены в полное распоряжение военного министра, а все железные дороги Европейской России будут призваны обеспечить все, чего может не хватать. У России есть одно большое преимущество перед другими странами во время кризиса - частные интересы перестают существовать. Не следует также забывать, что Транссибирская магистраль - лишь одна из великих стратегических линий России на Восток. Прежде чем она будет закончена, к ней присоединится ее Транскаспийская магистраль, которая уже имеет не только военный, но и положительный коммерческий успех, и приведет границы Персии и Афганистана, а также другую границу Китая, в пределах одной недели от военного центра Европейской России. С точки зрения коммуникаций, торговли, дипломатии и вооружений, ни одно событие не было столь значительным и далеко идущим по своим последствиям в современном мире.

Второй аспект дальневосточного вопроса наконец-то с радостью осознан всеми. Дитя старости мира, Япония, стала совершеннолетней. Прошло ровно восемнадцать лет - возраст, в котором государи достигают совершеннолетия, - с тех пор как граф Иноуэ впервые предложил шестнадцати державам, заключившим договор, включая Перу и Гавайи, что Япония, в обмен на определенные уступки иностранцам, должна быть наделена определенной судебной автономией. Великобритания, к ее чести, пусть всегда помнят об этом, возглавила процесс, и теперь Япония - такая же независимая нация, как и мы сами, первый восточный народ, который был поставлен в один ряд с завоевательным и ревнивым Западом. Ни в одном отношении она не показала себя недостойной возложенной на нее веры. Только в искусстве она отступила назад, но это не будет особым упреком для нее со стороны тех, кто смотрит на шесть веков назад для своего художественного вдохновения. В финансах, в праве, в науке, в образовании, в производстве она уже достигла более высокого уровня, чем многие так называемые цивилизованные страны, и она быстро прогрессирует. В областях, к сожалению, еще более рассчитанных на то, чтобы вызвать уважение других народов, - очень мощная армия и флот, прекрасно оснащенные, великолепно дисциплинированные и обладающие инстинктом великолепной храбрости старых феодальных воинов, - ее продвижение застало врасплох весь неразумный мир. Если бы не ее быстрые и бескорыстные действия в Китае и крупные силы, которые ее первоклассная военная система позволила ей отправить без промедления, Европа и Америка сегодня оплакивали бы самую ужасную бойню в современной истории. На данный момент Япония и Великобритания - единственные нации, которые стремятся и, если потребуется, возможно, готовы сражаться, чтобы сохранить Китай независимым и неразделенным, открытым для торговли всего мира на равных условиях, без эгоистических оговорок с одной стороны и без трепета перед партийными упреками с другой.

Дальневосточный вопрос, однако, занимает сцену в данный момент благодаря своему третьему аспекту. Китай, вечно неоригинальный, снова повторил себя, как предвидел каждый изучающий Дальний Восток. На этот раз повторение необычайно точное, как только что отметил один из рецензентов нового издания "Личных рассказов" лорда Лоха 1860 года. "Невозможно, - говорит он, - читать эту книгу, не поражаясь сходству, вплоть до деталей, между ситуацией в Китае и ситуацией ровно сорок лет назад. Тогда, как и сейчас, военная партия во главе с императорским принцем была на подъеме; война была навязана европейским державам грубым нарушением торжественного договора, два посла, направлявшиеся в Пекин, были обстреляны и вынуждены вернуться; армии этих держав должны были идти на китайскую столицу; китайские власти в провинциях неистово стремились к переговорам, чтобы остановить продвижение союзной армии на столицу. У Ли, который в то время был всего лишь губернатором провинции, были свои маленькие предложения, чтобы уладить все к своему удовольствию. Император бежал из столицы, а вместе с ним бежала и вдовствующая императрица, и во многих других отношениях история только сейчас повторяется с любопытной точностью"^[2] Но сорок лет назад не было ни оккупации восьми государств, ни пяти великих держав, пытающихся сгладить планы друг друга. По сути, тогда вообще не существовало Дальневосточного вопроса. Но хотя мы изменились, Китай остался прежним. Ее укоренившаяся ненависть к иностранцам, ее вероломство, ее ложь, ее отвратительная жестокость, ее полная неспособность реформировать себя, искоренить коррупцию, создать армию или флот, одним словом, быть нацией - остались такими же, какими были всегда. Писатели, не знающие Китай из первых рук, невольно впадают в заблуждение, полагая, что, поскольку в руках китайских войск оказались мелкокалиберные винтовки и крупновские пушки, которые с успехом использовали их, отбивая на время иностранные войска, следовательно, Китай наконец-то усвоил уроки поражения от Японии и стал военной державой, с которой следует считаться.^[3]

Это полное заблуждение. Боксеры сражались безрассудно, как и махдисты, из веры в собственную магическую неуязвимость; но регулярные войска едва ли пытались противостоять иностранному нападению в равных количествах, разве что из-за крепких стен, да и то не всегда. Описывая взятие без единого выстрела или удара нескольких фортов и великолепных орудий, которые ни разу не стреляли с момента их покупки, очевидец говорит: "Только самая полная деморализация, полный разгром и бегство китайцев могли объяснить оставление столь ценных орудий, снаряжения и оборудования".^[4]

Я останавливаюсь на этом вопросе, потому что существует большая опасность того, что в нынешний кризис его не заметят - одни по незнанию, другие по умыслу. Как сказал миссионер М. Леруа-Болье, "те, кто больше всего отчаивается в Китае, - это те, кто знает его лучше всех"; а вывод автора о том, что "любая реформа изнутри невозможна, с какой бы высоты ни начиналась инициатива", - это убеждение всех изучающих Китай, кроме тех, кто никогда не был в пределах десяти тысяч миль от его побережья. Именно в этой слабости, в сочетании с ее податливостью даже по отношению к профессии вооруженных сил - свидетельство тому галантное поведение китайского полка из Вэй-хай-взя под командованием британских офицеров - и кроется опасность нынешней ситуации, ибо нация, которая должна быть свободна в организации Китая, будет угрозой для всего остального мира. Поэтому те, кто нацелен на завоевание, играют на высокую ставку, и их вдохновение более убедительно, чем то, которое побуждает других защищать простые торговые возможности. От результатов этого испытания государственной мудрости зависит ход грядущего столетия. Горе Англии, если ее лидеры подведут ее сейчас!

ГЕНРИ НОРМАН.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
ВВЕДЕНИЕ	xv
ЧАСТЬ I. СИБИРЬ	
ГЛАВА	
I. ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ В СИБИРЬ И ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАНЫ	1
II. ЗЕМЛЯ СИБИРИ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ	9
III. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИБИРЬ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ	17
IV. МИНЕРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	27

V.	СИБИРСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ПЕРЕВОЗКА ЧАЯ	31
VI.	СИБИРСКИЕ ГОРОДА	38
VII.	ИММИГРАЦИЯ	43
VIII.	СРЕДСТВА СВЯЗИ В СИБИРИ	56
IX.	ТРАНССИБИРСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА	64
X.	ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ЧЕРЕЗ МАНЬЧЖУРИЮ	71
XI.	ИЗМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ, ВЫЗВАННЫЕ ПРОКЛАДКОЙ ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ	76

ЧАСТЬ II.-ЯПОНИЯ

I.	ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРОШЛАЯ ИСТОРИЯ ЯПОНИИ	81
II.	ЯПОНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1868 ГОДА	97
III.	СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНИЯ	110
IV.	ЯПОНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	118
V.	СЕЛЬСКАЯ ЯПОНИЯ	125
VI.	РАЗВИТИЕ ЯПОНСКОЙ ТОРГОВЛИ	135
VII.	ФИНАНСЫ ЯПОНИИ	143
VIII.	ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ПАРЛАМЕНТ ЯПОНИИ	154
IX.	ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ И ЕЕ ВОЕННАЯ МОЩЬ	164
X.	БУДУЩЕЕ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЯПОНИИ - ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯПОНЦАМИ И ИНОСТРАНЦАМИ	171

ЧАСТЬ III.-КИТАЙ

I.	КИТАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА	183
II.	СТОЛИЦА КИТАЯ	188
III.	СТРАНА В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЕКИНА - МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПРИЗНАКИ УПАДКА ИМПЕРИИ	198
IV.	ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛАСС И КЛАСС МАНДАРИНОВ - ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ УПАДКА ИМПЕРИИ	204
V.	КИТАЙСКИЙ НАРОД И ЕГО ОСОБЕННОСТИ	212
VI.	ИНОСТРАНЦЫ В КИТАЕ - ОТНОШЕНИЕ КИТАЙЦЕВ К ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	228
VII.	ПОЛОЖЕНИЕ И РАБОТА ИНОСТРАНЦЕВ В КИТАЕ	234
VIII.	КИТАЙ И ДЕРЖАВЫ	242
IX.	РОССИЯ, ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1895-97 ГОДАХ	253
X.	КИТАЙ И ДЕРЖАВЫ 1897-99 - "СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ" И "ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ"	266
XI.	БУДУЩЕЕ КИТАЯ - СОХРАНЕНИЕ ИЛИ РАЗДЕЛ ПОДНЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ?	276

ВВЕДЕНИЕ^[5]

Эта книга - результат личных наблюдений, сделанных в ходе путешествия по Сибири, Китаю и Японии, продолжавшегося более года, и дополнена информацией, почерпнутой в основном из официальных и тщательно собранных документов. Азия, самый большой из пяти континентов, до сих пор остается самым густонаселенным; но, став колыбелью цивилизации, она на протяжении многих веков была мертва для любого прогресса. Именно в пробуждении этого огромного континента благодаря притоку людей и идей с Запада, применению современной науки к эксплуатации его богатств и состоит тот феномен, свидетелями которого мы являемся в настоящее время и исследованию которого автор посвящает следующие страницы.

Эффект от действий европейцев в Азии, правда, не относится к нашему времени; он начался, как только прекратились азиатские вторжения в Европу. В XVI веке, пока русские заселяли Сибирь, португальцы высаживались на берегах Индии, Китая и Японии. Однако долгое время влияние Запада было лишь поверхностным. К середине XIX века оно едва достигло Индии и нескольких точек на побережье Малой Азии; вся остальная Азия оставалась непреклонной. Сибирь была почти пустыней, неизведанной, без всякого сообщения с внешним миром; Китай был чужд всякому прогрессу; Япония была герметически закрыта. Таким образом, все умеренные зоны Азии, наиболее подходящие для белой расы, а также населенные наиболее многочисленным, трудолюбивым и энергичным населением, с какой бы точки зрения они ни рассматривались, еще пятьдесят лет назад были полностью вне европейского влияния. В настоящее время на первый план вышли два факта жизненной важности, которые прошли почти незамеченными европейскими нациями, сильно озабоченными другими вопросами. В 1854 году Япония начала открывать свои порты для иностранцев, а Россия, спустившись почти одновременно с ледяных просторов Охотского моря, захватила за счет Китая берега Амура, вступив таким образом в фактический контакт с Поднебесной, до которой она добиралась только через пустыни, продвинула свою границу до пределов Кореи и приобрела порт на Тихом океане (широта 43°), свободный ото льда почти круглый год. Именно в этот момент началось то пробуждение Северной и Восточной Азии, которое становится все более активным, особенно в последние десять лет.

Сразу же после завоевания Приамурского края граф Муравьев-Амурский, один из инициаторов расширения России, предвидя, при каких условиях империя москвичей сможет заявить о себе на Дальнем Востоке, предложил построить Транссибирскую магистраль, что через тридцать лет и было сделано Александром III. Главной идеей его строительства было открытие стратегического маршрута, облегчающего проход его войск в Китай. Таким образом, Транссибирская магистраль строилась не столько в интересах страны, через которую она проходила, сколько в интересах стран, расположенных на ее противоположных концах. Но вскоре выяснилось, что южная часть Сибири, через которую проходит линия, обладает климатом не более суровым, чем в Манитобе и на крайнем западе Канады, столь же плодородной почвой, с еще лучшим орошением и еще большими минеральными богатствами, освоению которых мешало лишь полное отсутствие каких-либо средств сообщения.

Теперь Сибирь, вместо того чтобы быть отгороженной от остального мира, будет пересекаться одним из самых посещаемых маршрутов во вселенной, а ее южная зона станет одним из самых богатых владений белой расы. Русские крестьяне имеют естественную склонность к эмиграции, и со времени отмены крепостного права они в большом количестве проникают в Сибирь и быстро там оседают. Ежегодно туда прибывает более 200 000 эмигрантов, и число родившихся значительно превышает число умерших, так что население азиатских владений царя ежегодно увеличивается более чем на 300 000 человек. Русская колонизация, несомненно, имеет свои недостатки, наиболее серьезными из которых являются нехватка капитала и отсутствие образования и предприимчивости среди рабочих классов. Несмотря на это, остается один факт: благодаря Транссибирской магистрали многочисленное белое население уже занимает весь север Азии, от Урала до Тихого океана, и, таким образом, Россия может тем временем ощутить всю тяжесть своего могущества на Дальнем Востоке, что, несомненно, окажется неисчислимым благом для продвижения современной цивилизации по всей Азии.

В то время как Сибирь колонизировалась, а Транссибирская магистраль обретала определенные очертания, Япония совершала свое необыкновенное преображение. В 1854

году державы под угрозой бомбардировки заставили открыть ворота этого феодального государства, чьи обычаи отличались от наших больше, чем обычаи любой другой азиатской страны, вход в которое был запрещен иностранцам под страхом смерти, и которое в течение десяти лет было ареной многочисленных бесчинств против них. Сорок пять лет спустя новая Япония имеет дело на равных с европейскими державами; ее вступление в число цивилизованных государств ознаменовалось отменой экстерриториальных привилегий европейцев, и она стала центром большой промышленности, чьи хлопчатобумажные изделия конкурируют в Китае с индийскими, американскими и британскими. Европейские пароходы снабжаются из ее угольных станций; ее внешняя торговля составляет 44 000 000 фунтов стерлингов в год; ее землю пересекают 3 125 миль железных дорог; толпы маленьких пароходов, часто местной постройки, курсируют вдоль ее берегов, в то время как регулярные линии пароходов поднимают ее флаг в портах Европы, Америки и Австралии; ее флот является самым мощным в Тихом океане; ее армия, которая разгромила Китай пять лет назад, составила большую часть международных войск, которые недавно отправились на помощь иностранным представительствам, которым угрожали китайцы. Перед этими реалиями скептицизм тех, кто так долго высмеивал этих азиатов, играющих в европейцев, должен был смениться восхищением.

Многим, однако, трудно поверить в долговечность и искренность преобразований в Японии. Не скрывая от себя, что огромная работа, сделанная в Японии, иногда была преждевременной, что подражание Европе иногда доходило до крайности, что оно даже было направлено в некоторых направлениях, где было бы мудрее сохранить верность национальным традициям, мы верим - как заверил нас один из самых информированных японцев, которых мы когда-либо встречали, - что великий ветер с Запада, дующий на эту страну, пришел надолго. Мы находим подтверждение этому убеждению как в наблюдениях за нынешней Японией, так и в уроках, преподанных ее прошлым. Там, где изменения зашли слишком далеко, некоторые неассимилированные и несущественные *scorix* будут устранены, но большая часть работы останется, и результатом станет новая Япония, во многих отношениях похожая на Европу в научном и материальном смысле цивилизации - значительно измененная и приближенная к Западу, но отличающаяся от нас с социальной и моральной точки зрения. Короче говоря, мы уверены в будущем Японии, если только она примет к сердцу полученные уроки и если она не будет слишком гордиться тем, что является "Великобританией Дальнего Востока", и не будет увлечена духом мании величия, который может истощить ее ресурсы. Благоразумная политика, которую она, похоже, приняла перед лицом нынешнего кризиса в Китае, однако, имеет характер, хорошо рассчитанный на то, чтобы успокоить ее друзей.

Исследование китайской проблемы завершает этот том. Поднебесная империя, так и не возродившаяся подобно своим соседям, решительно не пошла на уступки западной цивилизации. Пока Китай беспокоили лишь прерывистые и недалекие действия западных держав, отвлеченных тысячей других забот, и чья коммерческая активность находила выход в других направлениях, ей не составляло особого труда сохранять свою изоляцию.

Однако с того момента, как она оказалась лицом к лицу с близкими и могущественными соседями, омоложенными нациями, от глаз которых ее неизлечимые слабости не были отгорожены иллюзией расстояния, ей было суждено, если она не уступит с благосклонностью, быть подхваченной потоком инноваций, которым она так долго и так тщетно пыталась сопротивляться. Япония, одержав победу в войне, которая в действительности была войной западной науки *против* китайской рутины, войной прогресса против застоя, в 1895 году заставила открыть ворота Китая. Если бы она не сделала этого

тогда, Россия, несомненно, добилась бы того же через несколько лет, после строительства Транссибирской магистрали. Поднебесная больше не пугает мир своими просторами, и те новшества, которые она отвергает, теперь навязываются ей иностранцами; таким образом, сложилась ситуация, чреватая политическими и экономическими последствиями, еще более осложненная соперничеством европейских наций, стремящихся осуществить преобразования, от которых они надеются получить огромные преимущества.

В этой книге мы также постарались отметить основные черты нынешнего положения, знание которых может пролить свет на будущее Поднебесной. Во-первых, напомним об отвратительном правительстве, навязанном Китаю всесильным классом *литераторов*, которые остаются окаменевшими в своей упрямой гордыне, неизлечимыми рутинистами и враждебными прогрессу; затем, в противовес дряхлости этого правительства, о жизнеспособности народа, чьи несомненные недостатки компенсируются выносливостью, упорством и коммерческими способностями высшего порядка; Отношение этого народа к европейцам и их цивилизации, роль, которую до сих пор играли последние, их торговля в портах и совсем недавнее начало большой промышленности в этих самых портах; концессии на различные предприятия, предоставленные в течение последних четырех лет этим самым европейцам, которые наконец-то выходят из тех немногих акров, на которых они до сих пор были заперты в редких местах вдоль побережья или на берегах Ян-цзы, и которые отказываются от своей исключительной преданности торговле, чтобы осуществить систему настоящей колонизации, применяя западные методы для реализации богатств Китая; и, наконец, тревожное зрелище держав, соперничающих вокруг этой дряхлой империи, на которую никто не смеет наложить слишком тяжелую руку, чтобы она не рассыпалась, и они не потеряли лучшие части, которые каждая из них мечтает в конце концов аннексировать.

Со времени выхода этой книги во Франции, в апреле этого года, в Китае разразился особенно тяжелый кризис. Наиболее реакционная фракция при пекинском дворе захватила бразды правления и возглавила движение за истребление иностранцев; регулярная армия, объединившись с фанатичными приверженцами тайных обществ, осадила в своих легациях министров всех наций и противодействовала продвижению войск, посланных им на помощь; сотни миссионеров и тысячи местных христиан были убиты по всей империи, и везде, даже в договорных портах, безопасность европейцев оказалась под угрозой. Эти ужасающие события, похоже, застали Европу совершенно неподготовленной, хотя предупреждения не заставили себя ждать. Если просмотреть подборку гонконгских и шанхайских газет, то можно легко убедиться, что еще весной прошлого года если не в легациях, то уж во всяком случае в договорных портах царило большое беспокойство.

Нынешний кризис, правда, не вызовет особого удивления у тех, кто изучал Китай. Читатель заметит несколько отрывков из этой книги, в которых нам напоминают о необходимости соблюдать крайнюю осторожность при внедрении прогрессивных мер в древней империи, если мы хотим избежать вспышки, которая приведет к кровопролитному перевороту и возможному краху этой изъеденной червями структуры. Однако на деле оказывается, что за последние три года непродуманные действия Европы сделали все для того, чтобы привести к подобной катастрофе.

Слишком большое количество железнодорожных и горных концессий, предварительные работы, начатые одновременно в большом количестве местностей, без достаточного учета суеверий туземцев, вторжение иностранных инженеров и прорабов с властными манерами не могли не раздражать китайцев и не подготовить почву для агитаторов и агентов тайных обществ и (безработных) литераторов, которые кишат повсюду. Насильственные действия Германии при Киао-чау, а затем захват многими державами многих пунктов на побережье,

легко побудили двор и литераторов поверить, что иностранные державы намереваются разделить Китай и обращаться с ним как с завоеванной страной.

Правящие классы китайцев не отличаются патриотизмом, как мы его понимаем, но они трепетно относятся к своим окладам и привилегиям, и, как и население, с ужасом воспринимают возможное нарушение своих древних обычаев. Поэтому от них нельзя было ожидать энергичного подавления волнений, авторам которых они сердечно сочувствовали. Опять же, династия иностранного происхождения, правящая в Китае, в настоящее время изнашивается и пошатнулась; она знает, что любая уступка иностранцу будет обращена во вред ей, что лучшее средство восстановления престижа - выставить себя врагом западной цивилизации; она даже вынуждена опасаться, что любое сильное противодействие с ее стороны народным предрассудкам может однажды привести к тому, что она будет сметена.

Что же удивляться, что под властью старой вдовствующей императрицы - энергичной, возможно, но невежественной, как затворница гарема, и, кроме того, страстной, как большинство женщин, - двор благосклонно смотрел на организацию, известную как *И-хо-чуань*, почти буквально "Лига патриотов", которую мы называем "Боксеры", и которая сначала распространилась в Шань-туне, где иностранцы проявили наибольшую жестокость и бестактность! Создания императрицы, узколобые и жестокие маньчжурские князья, мандарины ультрареакционного типа, которые, никогда не вступая в контакт с европейцами, не знают силы последних - все эти люди, которых дворцовая революция в сентябре 1898 года вознесла к власти и которые осуществляют ее без контроля после изгнания Ли Хун-чжана в его далекое Кантонское наместничество, не научились соблюдать меры предосторожности, которыми в свое время руководствовался этот хитрый старый лис.

Императорские указы благоволили боксерам, "верным подданным, которые занимаются атлетикой для защиты своих семей и связывают вместе различные деревни для взаимной защиты". В этой ассоциации, связанной с другими тайными обществами, пытались найти опору для династии как внутри страны, так и за рубежом. В Европе было закуплено оружие, предназначенное либо для мятежников, либо для регулярной армии, а затем, как это всегда случается со слабыми правительствами в тяжелые времена, оказалось невозможным остановить поток, который так легко выпустить на свободу, и растущее насилие вскоре взяло верх. Императрица даже, кажется, была подавлена фракциями, более реакционными и фанатичными, чем она сама, - фракциями, во главе которых стоит принц Туан, отец недавно принятого наследника.

Таков генезис нынешнего кризиса. Каковы будут последствия? Они будут очень серьезными, если вожди враждебного иностранцам движения удалят нынешнего императора в какое-нибудь отдаленное место и откажутся вести переговоры на сколько-нибудь разумных условиях, или если, оставив его в руках европейцев, они поднимут против него конкурентов. Император, чье восшествие на небесный престол в любом случае, согласно китайским представлениям, является незаконным, и который привел мандаринов в ярость своими попытками реформ, подвергся бы, таким образом, большому риску прослыть узурпатором, как в глазах народа, так и в глазах литераторов. Что могли бы сделать державы в таком случае? Вряд ли мы осмелимся мечтать о столь трудоемком, дорогостоящем и смертельно опасном предприятии, каким была бы экспедиция за пять или шестьсот миль от побережья в сердце такой страны, как Китай, лишенной хороших средств передвижения, и где существование большой европейской армии было бы затруднено. Кроме того, в разгар полной анархии и гражданской войны державы, чей союз и так нестабилен, были бы вынуждены вмешаться, с риском возникновения непоправимых споров между всеми ними в самом конце.

Даже если Двору удастся договориться и не возникнет борьбы за империю, ситуация в Китае все равно будет сопряжена с большими трудностями. Установление в Пекине императора, окруженного советниками, одобренными Западом, и под наблюдением иностранного гарнизона, что было бы самым желательным завершением нынешнего острого кризиса, не будет достаточным для восстановления порядка во всей империи. Все элементы агитации сейчас находятся в точке кипения, и можно даже опасаться, что прежде чем союзники смогут предпринять энергичные наступательные действия, антииностранный движением укрепится в провинциях. Престиж маньчжурской династии, и без того сильно подорванный, еще больше упадет, когда император будет выставлен марионеткой Запада. Честолюбивые честолюбцы всех мастей, китайские патриоты, враждебные как маньчжурам, так и иностранцам, даже законные представители древней династии Мин, - все они будут стремиться извлечь выгоду из такого положения вещей и, ловя рыбу в мутной воде, вызовут тем самым всеобщий всплеск восстания, разжигаемого тайными обществами. Удастся ли китайскому правительству подавить их собственными силами? В этом нет никакой уверенности, и в таком случае возьмет ли Европа на себя все политические, военные, и финансовые риски, связанные с подобной деятельностью, и станет ли она полицией Китая?

Возможно, скажут, что если маньчжурская династия больше не может поддерживать себя, то лучше оставить ее на произвол судьбы и позволить ей смениться другой. Тогда на сцене появится новое, популярное и сильное правительство, которому будет легче соблюдать наложенные на него обязательства.^[6]

Но помимо того, что это новое правительство, возможно, будет очень враждебно относиться к иностранцам и его трудно будет образумить, маньчжуры еще не лишились всей власти, и их свержение не обойдется без разрушительной гражданской войны, которая продлится, вероятно, много лет. Европа сейчас слишком сильно заинтересована в Китае, чтобы поощрять такую катастрофу.

С другой стороны, никто не желает раздела Поднебесной. Начнем с того, что главные возможные соперники не готовы: Россия не завершила строительство Транссибирской магистрали; Англии мешает затянувшаяся война в Южной Африке; США, значительная часть населения которых выступает против внешнего расширения, настаивает на том, чтобы ни одна часть Поднебесной не была для них закрыта, то есть не была расчленена; Япония не завершила вооружение; ее финансы требуют пристального внимания, и, кроме того, она чувствует, что не может действовать в одиночку. У Франции есть все основания не допустить раздела, в котором ее доля (провинции, прилегающие к Тонкингу) будет весьма незначительной; и, наконец, нынешнее повстанческое движение должно доказать всему миру, включая Германию, которая проявила столь неосторожную инициативу в Киао-чау, что управлять Поднебесной по европейским методам будет нелегко и что сама задача установления порядка в большой колонии, вырезанной из Китая, может оказаться не по силам даже европейским державам.

В таком случае единственная возможная политика для всех стран - это отказаться на время от своих личных целей и попытаться в едином порыве исправить маньчжурскую систему. Отступать от этой линии действий - значит идти к катастрофе. Но державам придется проявить определенную мудрость в течение нескольких лет, чтобы этот процесс укрепления имел хоть малейший шанс на успех. Двор и население столицы должны получить нелегко забываемый урок: пусть зачинщики предполагаемых убийств министров будут преданы и поплатятся за свое трусливое поведение; если нужно, пусть даже их тела останутся непогребенными, что в глазах китайцев является самым страшным из всех наказаний; пусть старая императрица будет сослана, если окажется необходимым отстранить ее от власти. Но

после того как все это будет сделано, пусть соблюдается законный порядок престолонаследия". Оказывая давление на Двор с целью назначения умеренных или даже несколько прогрессивных людей во главе дел, избегайте слишком прямого и явного вмешательства в выбор правителей, что было бы губительно нежелательно. С одной стороны, державы вскоре перестанут действовать в унисон, каждая из них будет считать такого-то и такого-то великого мандарина более или менее своим другом, а такого-то и такого-то - своим врагом; с другой стороны, выбранные люди потеряют всякий авторитет, поскольку на них будут смотреть как на агентов иностранцев. Против этого совершенно необходимо, чтобы Пекин и Тянь-цин были заняты в течение нескольких лет сильным гарнизоном, иначе будут говорить, что иностранные солдаты ушли из-за страха, и что постоянное укрепление Та-ку должно быть запрещено.

Эти последние меры, несомненно, связаны с определенными неудобствами, предоставляя трудности в поддержании гармонии между различными державами, но если ими пренебречь, то урок рискует быть слишком быстро забытым, как это было в 1860 и 1900 1894-95 годах; кроме того, они обеспечат средство постоянного давления на китайское правительство.

Тем не менее, если важно нанести сильный удар по центру, тем больше оснований воздерживаться от любых действий, направленных на снижение в провинциях престижа и авторитета режима, источники слабости которого уже многочисленны. Угроза народных восстаний будет оставаться одной из серьезных опасностей положения на Дальнем Востоке; чтобы избежать ее, мы не должны использовать первый же возникший инцидент в качестве предлога для требования уступок, вымогательство которых беспокоит и отдаляет мандаринов, а их исполнение раздражает народ. Если мы не примем такой курс, мы рискуем создать постоянную анархию. Самым надежным способом достижения спокойствия в Китае было бы официальное или, во всяком случае, негласное международное соглашение, обязывающее державы в течение нескольких лет не поддерживать в Пекине никаких требований о предоставлении концессий, пока не будет завершено строительство большего количества железных дорог, находящихся сейчас в стадии строительства. Кроме того, это позволило бы европейским капиталистам, которые не очень охотно берут китайские кредиты, определить стоимость своих вложений в Поднебесную. Мы верим, что деловой и практический смысл, столь высоко развитый в китайцах, побудит их примириться с материальной стороной нашей цивилизации, но, умножая одновременно во всех направлениях предварительные работы, скажем, по строительству железных дорог, мы раздражаем их и раним их восприимчивость, не дав им возможности оценить преимущества наших нововведений, не говоря уже об экономическом беспорядке, вытекающем из этого.

В заключение хочу сказать, что, хотя патриотизм в Поднебесной находится на низком уровне, а военный дух еще ниже, мы можем, слишком беспокоя китайцев, в итоге породить одно и реанимировать другое. В любом случае, если из китайцев получают плохие солдаты - в основном потому, что у них отвратительные офицеры, - то они первоклассные бунтовщики. Поэтому любая идея разделить Китай, будь то сейчас или в будущем, кажется нам неразумной. Прошедшие события преподнесут полезный урок, если заставят Европу раз и навсегда отказаться от этой роковой идеи. В английском парламенте во время нынешнего кризиса было очень мудро сказано, что "Китай должен управляться китайцами и для китайцев", что не означает, что он должен управляться против иностранцев. Будем надеяться, что вся Европа откровенно примет к сердцу это мудреное замечание.

ПЬЕР ЛЕРУА-БОЛЬЕ.

ЧАСТЬ I. СИБИРЬ

ГЛАВА I.

ИСТОКИ РУССКОЙ ЭКСПАНСИИ В СИБИРЬ И ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАНЫ

Древность русской экспансии в Азии, современная экспансии Западной Европы в Новом Свете - аналогия между севером Азии и севером Америки - три природные зоны Сибири - их климат, протяженность и возможности - полярная зона абсолютно бесплодна и непригодна для жизни - лесная зона - меридиональная зона, пригодная для обработки и колонизации.

Не успела Россия избавиться от татарского ига, которое тяготило ее на протяжении трех столетий и оставило на ней столь глубокий след, что он виден до сих пор, как, реформированная и объединенная, она начала выходить за пределы своих естественных границ. В этом она лишь подражала примеру Испании, которая незадолго до этого была освобождена от мавров и объединена под скипетром Фердинанда и Изабеллы. Будучи по сути континентальной страной, не имея выхода к морю и не имея труднопроходимых границ, препятствующих ее экспансии на Восток, Россия обратила свое внимание в этом направлении и, победив своих старых хозяев, присоединила к себе татарские царства - Казанское и Астраханское. Это завоевание расширило ее границы до непосредственного соседства с Уральскими горами. Во второй половине XVI века царь Иван Грозный обнаружил себя обладателем обширных, но малонаселенных областей, расположенных на большом расстоянии от его столицы и чрезвычайно трудных для непосредственного управления.

Удивительно совпадение, что при таких обстоятельствах в России почти спонтанно возникла организация, подобная той, которая должна была оказаться столь полезной на Западе - т.е. большая колонизаторская компания под императорским уставом. Строгоновы, очень богатые купцы, простиравшие сферу своих торговых операций до бассейна Камы, великого притока Волги, обратились в 1558 году с прошением к царю, в котором требовали уступки земель в этом регионе, обещая в обмен на пожалование построить город, развивать ресурсы и защищать страну от нападений диких племен. Иван Грозный удовлетворил их просьбу, предоставил им различные торговые привилегии и наделил их правом вершить правосудие и вводить войска. Так была организована регулярная чартерная компания, аналогичная Ост-Индской компании и тем, что недавно образовались в Южной Африке и на берегах Нигера. Компания, о которой идет речь, приступила к завоеванию Сибири.

Утвердившись на Каме, Строгоновы, как это обычно бывает, когда цивилизованный народ вступает в контакт с варварскими племенами, столкнулись с необходимостью продвигаться дальше на восток за счет своих соседей-татар, хотя бы для того, чтобы защитить себя от их грабежей. В 1581 году царь разрешил им нанять знаменитого казачьего пирата Ермака Тимофеевича,^[7] который захватил город Сибирь, или Искер, тогдашнюю столицу хана Кучуна, главного татарского вождя Западной Сибири. Через шесть лет на месте Сибири вырос нынешний город Тобольск.

Мы не будем пытаться излагать историю завоевания Сибири, которая сильно напоминает захват Северной Америки французскими первопроходцами примерно в то же время. Когда западные татарские племена были оттеснены в южные степи, казаки не встретили особого сопротивления со стороны бедных охотников и рыболовов, которых они обнаружили в округе. Летом эти казаки-авантюристы плавали по рекам на каное, а зиму проводили в срубах, или *острогах*, окруженных частоколами, не похожими на крепости, возведенные Компанией Гудзонова залива. Вскоре они стали очень многочисленными, привлеченные из более цивилизованных частей России растущими доходами от торговли пушниной. В 1636 году они достигли устья Енисея, а еще через год прибыли на берега Лены. Менее чем через два года - то есть в 1639 году - они открыли берега Охотского моря, а еще через пятьдесят лет весь континент был пройден из конца в конец. В 1648 году казаки-авантюристы Алексеев и Дежнев удвоили восточную оконечность Азии и прибыли на Камчатку, а в 1651 году атаман Хабаров обосновался на Амуре, где обнаружил других искателей приключений, которые уже спускались по этой реке в 1643 году. В этот момент русские оказались лицом к лицу с маньчжурами, только что завоевавшими Китай, и, несмотря на героическую оборону крепости Албазин в двух случаях, в 1688 году они были вынуждены оставить Сынам Неба средний и нижний бассейны Амура в соответствии с Нерчинским договором, территорию, которую они отвоевали у выродившихся китайцев только в 1858 году.

Как к западу, так и к востоку от Сибири российские границы оставались малоизмененными примерно до середины нынешнего века. Только в 1847 году царские войска смогли пересечь засушливую зону Киргизских степей. Политика Петра I была направлена на Европу, и его мечтой было расширение России на Запад путем завоевания Константинополя - этим объясняется угасание рвения России в отношении ее азиатских владений, которые теперь рассматривались лишь как каторжные поселения или как поле для научных исследований, когда государям взбрело в голову специально интересоваться этими вопросами. Усиление императорской власти и более регулярная организация государства тем временем утомили авантурный и предприимчивый дух казаков, и тот особый класс людей, наполовину солдат, наполовину разбойников, которые в прежние времена проявили себя такими выносливыми первопроходцами, теперь исчез, и в середине XVIII века Сибирь была открыта как поле для колонизации. Несмотря на многочисленные препятствия, которые система крепостного права в России ставила на пути крестьянской эмиграции, в 1851 году население Сибири достигло 2 400 000 человек, что, хотя и не очень много, учитывая необъятность страны, превышало население Канады в тот же период, которое насчитывало всего 1 800 000 душ. С этой точки зрения у русских не было причин стыдиться своей колонизации, и, собственно говоря, нет их и сегодня. По данным переписи населения, проведенной в январе 1897 года, на территории в 4 812 800 квадратных миль проживало 5 731 732 сибиряка, тогда как в 1891 году на 3 721 800 квадратных миль, называемых доминионом, приходилось всего 4 833 000 канадцев. Плотность населения Северной Азии не намного уступает плотности населения Британской Северной Америки, и не стоит забывать, что условия жизни в Сибири значительно уступают условиям жизни в Канаде.

Сравнение природных условий, существующих в северных регионах Старого и Нового Света, показывает, что они практически идентичны. Оба они в большинстве своем представляют собой обширные равнинные пространства, часто покрытые великолепными лесами и столь же часто бесплодные. Сибирь, как и Канада, орошается благородными реками, которые при более мягком климате представляли бы собой великолепную сеть коммуникаций; но, к сожалению, обеим странам мешает чрезвычайно суровый климат, который заключает эти прекрасные реки в течение многих месяцев года под непроницаемо толстым слоем льда. На севере Сибири, как и в Канаде, царит такой сильный холод, что земледелие становится

невозможным. Поэтому та часть обеих стран, которую можно эксплуатировать, крайне ограничена и представляет собой как в российской Азии, так и в британской Северной Америке лентообразную зону длиной около 3720 миль и шириной от 250 до 300.

Если Сибирь в чем-то и похожа на Канаду, то надо признать, что последняя имеет все преимущества по красоте и положению. Во-первых, Сибирь расположена севернее; та часть, которая ближе всего подходит к экватору, находится примерно на 43° широты, то есть немного севернее, чем крайний юг Верхней Канады, и, находясь на берегу Тихого океана, она наиболее удалена от Европейской России, тогда как соответствующая часть Канады ближе всего к Англии и омывается Атлантикой, рекой Святого Лаврентия и великими озерами. С другой стороны, та часть Сибири, которая ближе всего к России, с юга покрыта бесплодными степями или горами, которые ограничивают центры цивилизации между 54° и 57° широты. Более того, если на тихоокеанском побережье Канады климат гораздо мягче, чем в стране, расположенной по другую сторону Скалистых гор, то в регионах Сибири, граничащих с Великим океаном, так же холодно, как и на остальной территории страны. Высоты, отделяющие бассейн Амура от бассейна Лены, недостаточно возвышенны, чтобы образовать барьер от пронизывающих северных ветров, а Японский архипелаг находится между побережьем и теплыми водами Черного течения, которое играет ту же роль в Тихом океане, что и Гольфстрим в Атлантике. Таким образом, климат Забайкалья, где берут начало реки, которые, соединяясь, образуют Амур, является одним из самых суровых в Сибири, а море покрыто льдом в порту Владивостока, который лежит на одной широте с Марселем, тогда как напротив, на американском побережье, на семь градусов севернее, зимы в Британской Колумбии не более суровые, чем в Голландии или на западе Германии.

Несмотря на ужасный климат, Сибирь не является полностью необитаемой; более того, даже на границах Северного Ледовитого океана человечество представлено несколькими аборигенными полярными племенами, которые кочуют с места на место в санях, запряженных собаками, и обычно за ними многочисленное стадо северных оленей. Белый человек, однако, не может выдержать условий, преобладающих на крайнем севере, и поэтому в целях колонизации необходимо научиться различать разные части Сибири.

Страна была разумно разделена на три зоны: тундровую (или арктическую), лесную и сельскохозяйственную; к югу и юго-западу от последней находятся степи, а также Алтайские и Саянские горы. Провести точную границу между этими зонами невозможно, так как переход между ними происходит очень постепенно, но в целом земля, расположенная к северу от 63° и 64° широты, лишена всякой растительности, за исключением мхов и лишайников. Недра вечно мерзнут, но летом поверхность оттаивает совсем немного, превращая страну в одно огромное болото. Реки остаются замерзшими в течение девяти месяцев в году. В таких условиях о земледелии не может быть и речи. На юго-западной границе этой зоны, в Бериозофе на Оби, средняя температура круглый год составляет 5° C. ниже нуля, а зимой опускается до 23°. Средняя температура летом составляет 13-5°, а в самый жаркий месяц - 18°, что примерно соответствует жаре в Париже в июле; но теплая погода держится так недолго, что бесполезна для сельскохозяйственных целей. К востоку климат быстро становится суровым, и в Верхоянске, селе, расположенном в Якутском округе на широте 67°, достигается один из самых холодных регионов в нашем полушарии. Средняя температура в течение года составляет 17° ниже нуля, в течение трех зимних месяцев - 47°, а в январе - 49°. Минимум составляет около 68° ниже нуля. Характерной особенностью этого ужасного региона является то, что к экстремальному холоду зимой добавляется очень короткое, но относительно теплое лето. Средние термометрические показатели в теплое время года составляют 13°, которые повышаются до 15° в июле, когда ртуть иногда

поднимается до 25° в тени. Разница между температурой самых теплых и самых холодных месяцев года составляет около 64°, то есть в четыре раза больше, чем в Париже. Весьма примечательно, что в каком бы направлении вы ни двигались от Верхоянска, даже на север, климат становится менее суровым, благодаря сравнительной мягкости зимы. Что касается лета, то оно едва ли заслуживает этого названия, опускаясь до 9° и даже до 3° С. на границах Северного Ледовитого океана.

В таких неблагоприятных условиях неудивительно, что на 1 600 000 квадратных миль, составляющих зону тундры, проживает всего от 60 000 до 80 000 человек, в основном самоеды, остяки, чукчи, ламуты и другие несчастные арктические племена, среди которых живут, а точнее, вегетируют, несколько русских чиновников и довольно многочисленная группа ссыльных. Северный олень, служащий средством передвижения, также используется в пищу, а из его шкур туземцы получают одежду. Других домашних животных нет, за исключением мощной полярной собаки, которая тащит сани. Пригодится ли когда-нибудь эта часть Сибири в конечном итоге, сейчас сказать трудно, но можно считать само собой разумеющимся, что только благодаря открытию полезных ископаемых, о существовании которых в настоящее время ничего не известно, полярная зона Сибири когда-нибудь привлечет хотя бы временное поселение колонистов.

К югу от Тундры начинаются Великие леса. Поначалу деревья здесь редкие и низкорослые, и только опытный ботаник может распознать отличительные черты лиственницы; однако по мере смягчения климата и удлинения лета деревья становятся все более высокими. Лиственницы, ели и сосны поднимаются на огромную высоту и, наконец, становятся настолько густыми, что не дают солнцу высушить влажную почву тайги, или первобытного леса. Берега рек неизменно покрыты огромными болотами, самые обширные из которых встречаются в окрестностях Оби и Иртыша. Когда снег начинает таять, затопления простираются на шесть с лишним миль по обе стороны от неопределенных берегов рек. Климат этого региона чрезвычайно суров, зимы здесь страшно холодные, а лето довольно теплое. Морозы длятся всего семь, а не восемь месяцев, однако недра вечно мерзнут, и сельское хозяйство возможно только в определенных местах и требует постоянного внимания. Очевидно, однако, что эта зона, занимающая около 2 320 000 квадратных миль, то есть примерно половину Сибири, никогда не сможет обеспечить плотное население; тем не менее, с ее огромными лесами она гораздо ценнее, чем более северные или полярные регионы. Если удастся предотвратить опустошение сибирских лесов, подобное тому, что постигло леса Северной Америки, они могут приобрести огромную ценность. Кроме того, среди них есть несколько очень важных золотых приисков, особенно вблизи Енисея и в бассейне Олекмы, одного из притоков Лены, некоторые из которых уже удовлетворительно эксплуатируются. Поэтому есть надежда, что со временем эти обширные области, покрытые сейчас лесами и болотами, смогут содержать гораздо больше населения, чем в настоящее время, которое не превышает 700 000 душ, в основном русских и туземцев.

Если отбросить от общей площади Сибири 1 600 000 квадратных миль тундры и 2 320 000 квадратных миль лесных угодий, то останется почти 900 000 квадратных миль, которые образуют культивируемую зону, единственную, которая когда-либо будет способна поддерживать хоть что-то похожее на плотное население. Этот регион не отличается от лесов какими-либо заметными изменениями в ландшафте, разве что на западе, где большие зеленые деревья, которые обычно растут в более мягком климате, составляют приятный контраст с вечными соснами и елями. И снова очень заметно присутствие злаков: конец лета здесь достаточно продолжительный, чтобы созрели пшеница, ячмень и овес. Пока семена находятся под снегом, не имеет значения, насколько сильным может быть холод наверху; но

когда снег растает, становится абсолютно необходимым, чтобы тепло было достаточно сильным в течение длительного периода, чтобы зерно могло прорасти, и, прежде всего, необходимо, чтобы осенние заморозки не наступили раньше, чем кукуруза успеет созреть. В Нерчинске в Забайкалье зима часто бывает гораздо суровее, чем в Бериозофе на Оби, и все же кукуруза созревает в окрестностях первого из названных городов по той простой причине, что температура между маем и сентябрем, хотя и не на много градусов выше, остается стабильной гораздо дольше. Именно короткому периоду, в течение которого солнце имеет хоть какую-то силу, а не интенсивности жары или избытку холода можно приписать трудность придания этим крайним северным регионам какой-либо сельскохозяйственной ценности. Несмотря на то, что возделываемая зона Сибири так ограничена, она занимает площадь, в пять раз превышающую площадь Франции и равную половине возделываемой территории России в Европе, которая также страдает от ледниковых и стерильных зон. Эта более удачливая часть Сибири может, и, несомненно, еще долго будет, предлагать восхитительное поле для русской эмиграции.

ГЛАВА II

ЗЕМЛЯ СИБИРИ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Сибирь - продолжение России в Европе - Заметное сходство пейзажа и климата между двумя странами - Значительность коренного населения, особенно на западе - Возможности колонизации - Преобладание русского элемента в земледельческой зоне - Коренные элементы: Полярные племена уменьшаются; монгольское население увеличивается, но гораздо медленнее, чем русское-Азиатская иммиграция к востоку от земледельческой зоны- Гетерогенные элементы, импортированные из Европы-Евреи и раскольники.

После пересечения прекрасно заросших лесом долин и цепи холмов, известных как Уральские горы, путешественник прибывает в Челябинск, расположенный на Великой равнине, и с трудом может поверить, что 1200 миль железной дороги отделяют его от Москвы, настолько поразительно сходство между окружающими его пейзажами и пейзажами Центральной России, в частности Тульского и Рязанского правительств. На открытых пространствах возвышаются клумбы нежной зелени, за которыми то тут, то там виднеются серые очертания какой-нибудь деревни, состоящей из рядов деревянных домов, окруженных полями. Единственное разительное отличие этой страны от Центральной России заключается в преобладании березы между Уралом и Обью. На протяжении почти 1200 миль ни одно другое дерево не затеняет абсолютно плоскую местность. То же самое можно сказать и о диких цветах, среди которых я заметил *чай каборский* с его длинными розовыми спиральными цветами, напоминающими дигиталис. Неудивительно, что российская территория, имеющая столь необычное сходство с родиной, оказалась привлекательной для русских эмигрантов. Зима здесь, однако, несомненно, и длиннее, и холоднее; лето немного жарче, а комары доставляют гораздо больше хлопот; но, с другой стороны, земля свободнее, и крестьянин больше не ограничен в том узком пространстве, которое было предоставлено в старой стране его отцу при освобождении крепостных и которое после его смерти он был обязан разделить со своими братьями. Если кого-то удивляет, что в первые несколько дней пути по Транссибирской магистрали так мало деревень, то причину искать недолго. Линия проходит немного южнее колонизированного региона и граничит с недостаточно обводненными степями, где киргизы пасут свой скот. Время от времени путешественник видит на равнине круглые хижины и даже палатки этих кочевников, и нередко на станциях можно встретить несколько таких людей, с их черными

глазами-бусинками, желтым цветом лица и гладко выбритыми головами, живописно контрастирующими со светлыми локонами и длинными желтыми бородами краснорубашечников-муджиков. Немного севернее, после прохождения Оби, киргизы исчезают, хотя в городе Томске до сих пор сохранилась мечеть, которая, как говорят, является самой северной в мире.

По оценкам, численность татар не превышает 90 000 человек. Большинство исповедует исламизм, несколько человек перешли в православную веру, а меньшая часть остается язычниками. Лишь небольшая часть проживает в городах. Кроме этого татарского племени, в горах Алтая проживает около 20 000 монголов, называемых калмаками. На севере еще можно встретить аборигенов очень низкого типа, известных как остяки. Предполагается, что они финского происхождения, их численность не превышает 40 000 человек, и они занимаются исключительно охотой и рыболовством. Утверждается, что в свое время они были довольно цивилизованными, но постепенно были оттеснены русскими в арктические и бесплодные районы, и их погубило пьянство и другие пороки, что стало печальным результатом контакта с более высокой расой. Дальше к северу от линии леса и тундры обитают несколько полярных племен, называемых самоедами, которые из-за крайне засушливого характера почвы и сурового климата никогда не вступали в контакт с европейской цивилизацией. Их насчитывается около 20 000 человек, и из-за неблагоприятных социальных и климатических условий, в которых они существуют, маловероятно, что их численность увеличится. Чисто русское население, к которому почти исключительно относится сельскохозяйственная зона, составляет примерно девятнадцать двадцатых процента от 3 356 000 жителей Западной Сибири, которая сама по себе содержит три пятых населения всей Сибири.

Самый богатый участок Тобольского правительства состоит узкой полосы земли, проходящей между болотами северных районов и бесплодными степями южных. В Томске эта возделываемая зона расширяется, когда она переходит через Обь, и характер пейзажа меняется на приятные холмы и долины, в которых земля еще достаточно плотная и богатая, чтобы полностью покрыть скалистые образования внизу. Листопадные деревья более мелкие, среди них встречаются великолепные экземпляры сибирской пихты и чрезвычайно живописного сибирского кедра. Иногда эти деревья группируются вместе и образуют своеобразный лес или плантацию; в других случаях они растут поодиночке вдоль обочины дороги, и таким образом их выращивают, чтобы поставлять шпалы для железной дороги или в качестве превосходного топлива. Поля полны красивых цветов, а общий вид страны - это прекрасный парк, составляющий очень приятный контраст с однообразной Барабинской степью с ее редкими и чахлыми березками. Плато, простирающееся между двумя реками Томью и Чулымом, впадающими в Обь, на высоте от 800 до 900 футов над уровнем равнины, чрезвычайно плодородно, растительность самая разнообразная, а вся местность по живописности значительно превосходит все до сих пор посещенные. Долина Енисея, с востока упирающаяся в горы и пересекаемая величественной рекой, чрезвычайно красива. Вода течет быстро, она удивительно чистая, и в нескольких местах величественный поток расширяется более чем на 1000 ярдов.

Переехав Енисей, путешественник оставляет позади утомительные равнины и оказывается среди приятных холмов и долин, которые быстро становятся высококультурными. Почтовая дорога, проходящая с запада на восток, от Тюмени, у подножия Урала, до Стретенска на Амуре, иногда идет вдоль русла рек, а иногда поднимается на значительную высоту над ними. По обеим сторонам возвышаются настоящие стены гигантских сибирских сосен с красными стволами и мрачной зеленью, перемежающиеся великолепными лиственницами

более светлого оттенка и более правильной формы, елями и кедрами, в шишках которых содержатся маленькие семена, которые так любят жевать сибиряки. На берегах более важных рек и через каждые десять-двадцать миль путешественник проходит мимо множества маленьких городов и деревень, окруженных пахотными землями, которые, однако, образуют лишь незначительные оазисы посреди этих бескрайних лесов. Однако именно вдоль этой почтовой дороги, в долине Енисея и на берегах двух или трех других рек, сосредоточено почти все население Центральной Сибири. Здесь, как и везде, преобладает русский элемент, так как из 570 000 жителей Енисейской губернии не более 50 000 туземцев, которые, к тому же, живут преимущественно в лесах на севере.

Население Иркутской области насчитывает около 500 000 человек, из которых 100 000 - буряты, в основном пастухи и земледельцы. Изначально они были монголами, до сих пор исповедуют буддизм и живут в основном на склонах Саянской цепи гор, которая проходит рядом с китайской границей. К востоку от великого озера Байкал, длина которого составляет 440 миль, а ширина - от 30 до 60, и которое из-за своих гористых берегов напоминает озера Шотландии, находится регион, содержащий единственный по-настоящему красивый пейзаж в Сибири. Эта часть страны всегда поддерживала тесные отношения с Китаем. В былые времена Забайкалье поставляло императорам в Пекине самую лучшую дичь. Весь Верхне-Удинский район, включающий бассейн Селенги, главного притока Байкала, часто и небезосновательно называют Русской Монголией. На вершине Ахмар-Дабама, цепи гор, возвышающейся над Байкалом, я впервые увидел фетиш-дерево, ветви которого украшены разноцветными лоскутами. На восточном склоне я также обнаружил ламаистский храм. Скучно возделанное плато к северу, орошаемое Витимом, притоком Лены, судя по всему, не было заселено к моменту прихода русских, да и сейчас там всего несколько деревень, населенных жалкими муджиками. До присоединения правобережья и нижней долины Амура эта область использовалась как своего рода военный лагерь. В настоящее время здесь царит военный режим, управление сосредоточено в руках губернатора, неизменно генерала армии. Из 670 000 жителей треть составляют туземцы, треть - крестьяне или жители мрачных городков, а треть - казаки, которых можно отличить от крестьян только по желтой полосе на фуражке и брюках. Вместо того чтобы платить налоги, они должны выполнять определенные военные обязанности. Хотя они казаки по названию и по расе, они не обладают ни одним из блестящих военных качеств, которые отличают их европейских сородичей. Две территории, присоединенные Россией в 1858 году за счет Китая, Приамурская провинция и южная часть Литоральной провинции - единственная, представляющая наименьшую ценность, - почти не заселены и были еще менее населены к моменту прибытия русских, когда в них проживало не более 10 000 маньчжуров и примерно столько же туземцев, занимавшихся охотой и рыболовством и принадлежавших к нескольким уменьшающимся племенам. Маньчжуры остались и процветают; остальные племена постепенно исчезают. Около 20 000 или 30 000 корейских и китайских эмигрантов поселились в окрестностях Владивостока. Русская иммиграция, однако, составляет не менее пяти шестых от 112 000 жителей Амурской провинции и более двух третей от 214 000 жителей приморской провинции, из которых 30 000 туземцев живут в арктических районах, где белые оставляют их в покое. На вновь приобретенной китайской территории проживает не менее 140 000 русских из 175 000 жителей. Следует, однако, помнить, что это замечательное большинство объясняется главным образом концентрацией войск, произошедшей после китайско-японской войны, которая так сильно изменила политическое состояние Дальнего Востока.

Следующая таблица составлена на основе официальных источников, главным образом переписи населения, проведенной 28 января 1897 года, и обозначает площадь и общую численность населения девяти сибирских губерний:

	Квадратные мили.	Общая численность населения.	Туземцы и другие азиаты.	Площадь сельскохозяйственной зоны, кв. миль.
Тобольск	536,600	1,438,655	180,000	270,800
Томск	328,000	1,917,527		
Енисей	987,400	567,807	45,000	193,400
Иркутск	280,800	501,237	100,000	
Якутск	1,535,900	283,954	250,000	
Забайкалье	229,800	669,721	200,000	139,200
Амур	172,900	112,396	18,000	104,000
Литораль	741,400	214,940	70,000	147,000
Остров Сахалин		25,495		
Всего	4,812,800	5,731,732	863,000	854,400

Южный сельскохозяйственный регион Сибири, в отличие от мерзлотной зоны на севере, в основном заселен европейскими поселенцами. Их доля по отношению к коренному населению наиболее велика на западе и уменьшается к востоку, где, однако, она все еще остается выше примерно на две трети, так что мы без колебаний можем заключить, что из 5 000 000 человек, живущих на этой длинной полосе земли, более четырех с половиной миллионов имеют европейское происхождение. Тем не менее не следует забывать, что коренное население монголов и турков, которое значительно превосходит бедные племена рыбаков и охотников, кочующие по северной зоне, не уменьшается, а продолжает увеличиваться, правда, гораздо менее быстро, чем русские, которые постоянно пополняются за счет эмиграции. К счастью, отношения между этими двумя различными элементами прекрасные; русские, будучи восточного происхождения, не придерживаются тех расовых предрассудков, которые так заметны среди англосаксов. Религиозный вопрос, который, конечно, является препятствием для любой попытки слияния православного и буддийского населения, также не является очень острым или запутанным. Русский человек по сути своей толерантен, в отличие от своего правительства, которое придерживается обратной точки зрения. Православные эмигранты не возражают против возведения пагоды или ламаистского храма рядом с их собственными церквями и монастырями. Я помню, как во время поездки из Челябинска в Омск митрополит этого города, случайно оказавшийся в поезде, вышел на одной из станций, чтобы посетить строящуюся церковь и одарить своим благословением толпу мужиков, собравшихся для ее принятия. В то время как происходила эта церемония, в нескольких шагах от него пять татарских путешественников расстелили свои ковры и, повернув лица в сторону Мекки, выполняли сложные гимнастические упражнения, связанные с мусульманской набожностью. Мужики, которые толпились впереди, чтобы поцеловать руку своего священника, и не думали мешать магометанским поклонникам, но наблюдали за ними вполне уважительно. Я очень сомневаюсь, что в какой-либо части Европы три века назад, когда население было не более развито в интеллектуальном отношении, чем эти бедные мужики, можно было наблюдать такую сцену терпимости. Российское правительство предоставляет своим подданным в Азии максимальную свободу в вопросах религии. Происхождение официальной нетерпимости России в Европе в основном чисто политическое, и если она считает буддистов и мусульман в Сибири менее предосудительными, чем католиков и протестантов, то это просто потому, что последователи этих разнородных верований являются представителями бывших и очень

опасных врагов, и, кроме того, постоянно пытаются навязать свою доктрину всем, с кем они вступают в контакт.

Русская колонизация Сибири проходила без помощи какой-либо другой европейской национальности. В стране поселилось всего несколько сотен европейцев, большинство из которых - французы. На маленькой станции Сокур, в девяти лье от Оби, меня очень позабавил буфет француженки, крестьянки, вышедшей замуж за бессарабца и прожившей в Сибири всего год, после того как она провела несколько лет в Южной России. Ее буфет был устроен с большим вкусом и удобством, чем у русских, которые, однако, держат все в строгости и чистоте. Достойная дама забыла свой беглый французский, но еще не овладела беглым русским. В Томске я сошелся с другой француженкой, державшей книжную лавку, и почти во всех городах вдоль большой почтовой дороги на Иркутск, Благовещенск, Хабаровск и Владивосток я встречал французских лавочников, некоторые из которых прожили в стране тридцать лет. Похоже, они отдавали предпочтение фотографии.

Теперь, когда Сибирь наконец-то открыта для цивилизации, иностранцев, конечно, станет гораздо больше, и уже сейчас в разных частях горных районов можно встретить много инженеров; но при всем этом я не думаю, что в какой-либо период времени это сильно повлияет на русскую колонию.

Поэтому мы можем заключить, что с этнологической точки зрения, равно как и с географической, Сибирь - это всего лишь продолжение Русской Европы или того, что известно как Великая Россия. Правда, существует несколько гетерогенных элементов того же рода, что и в самой России: Поляки и немцы из балтийских провинций, потомки изгнанников или даже сами изгнанники; поэтому во всех крупных городах, в Томске, Красноярске и Иркутске, в изобилии имеются католические и лютеранские церкви. С другой стороны, почти во всех средних городах есть синагоги. Израиль полностью представлен в Сибири, а маленький городок Каинск, расположенный между Омском и Обью, в народе называют сибирским Иерусалимом. Здесь также проживает около 100 000 раскольников, последователей реформы, которая произошла в литургии православной церкви в семнадцатом веке. Однако это, надо сказать, чисто русский контингент. Раскольники есть во всех частях Сибири, но в Приамурском крае они составляют около десятой части населения, а также очень многочисленны в Забайкалье. В основном они являются потомками людей, принадлежащих к этой секте, которые были первоначально высланы из России в XVIII веке. Их главная особенность заключается в любви к воздержанию и ужасе перед всякого рода нововведениями. Ничто не заставит их выпить даже чашку кофе или чая. В наше время членов некоторых любопытных сект, например, евнухов, ссылают в Сибирь и поселяют в одном из поселков на территории Якутска, в тундровой зоне. По убеждению этих эксцентричных личностей, Наполеон I был реинкарнацией Мессии, и они верят, что он покоится в смертном сне на берегах Байкала до того времени, когда ангел пробудит его и поставит во главе удивительного воинства, призванного установить царствование Бога во всех уголках мира. Раскольники, благодаря своим умеренным привычкам и трудолюбию, считаются очень ценным элементом в населении страны.

ГЛАВА III

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИБИРЬ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Огромное преобладание сельского и крестьянского населения в Сибири - сибирские мужики - их грубый и примитивный образ жизни - отличное качество земли и отсталые методы ее обработки - посредственный и нерегулярный способ выращивания зерновых -

необходимость и трудность улучшения сельскохозяйственных работ - отсутствие крупных и предприимчивых владельцев в Сибири - недостаток.

Сибирь похожа на Россию не только своей необъятностью, одиночеством, продолжительностью зимы, однообразием равнин и огромных лесных массивов, но и ведущими чертами крестьянства; но в Азии и России они, кажется, подчеркнуты, возможно, в силу своеобразия среды, среди которой они вынуждены жить. Еще в большей степени, чем в России, этот класс населения является по сути сельским; эксплуатация золотых приисков - единственная отрасль промышленности, имеющая какое-либо значение, и в ней занято сравнительно мало людей по сравнению с ее доходностью.

В Сибири крупные землевладельцы бросаются в глаза своим отсутствием. Единственные дворяне, о которых упоминает официальная статистика, - это несколько чиновников, чьи земли можно найти по ту сторону Урала, а единственные богатые люди в стране - это купцы, живущие в городах, которые время от времени добавляют к своим доходам, получаемым в основном от торговли, определенный интерес к спекуляциям на горнодобывающей промышленности. Некоторые из этих достойных людей строят себе красивые загородные дома, но не проявляют особого интереса к сельскому хозяйству. Несколько земельных концессий было сделано в середине века, но они уже давно ушли из рук первоначальных владельцев в руки мужиков, которым они были "сданы в аренду", но те, похоже, не заботятся об их процветании. Вся остальная земля принадлежит либо правительству, либо мелким фермерам, которые арендуют ее у короны.

Сибирский крестьянин живет точно так же, как и его собратья в России, в деревнях или селах. Изолированные дома встречаются редко, скопление жилищ является абсолютной необходимостью в условиях того коллективного и общинного владения, которое преобладает во всех царских владениях. Сибирская деревня, таким образом, является воспроизведением русской деревни. По обе стороны дороги стоит череда низких одноэтажных домов, построенных из темного дерева и отделенных друг от друга дворами, в глубине которых находятся конюшни. Внешний вид этих жилищ крайне уныл, ведь они неизменно построены из грубого дерева, почерневшего от старости. Изредка, правда, несколько досок выкрашены в яркий белый цвет. Обычный унылый вид этих деревень иногда оживляется, особенно в больших, наличием кирпичной церкви с куполами, выкрашенными в яркий зеленый цвет. В хуторах эти часовни лишь внешне отличаются от остальных *изб* железным крестом.

Общий вид этих сибирских деревень еще более уныл и печален, чем их собратьев в европейской части России, где дома часто бывают нарядно раскрашены. Здесь же они построены исключительно из неотесанного дерева, как бревенчатые хижины на Дальнем Западе. Да и немногочисленные домашние животные, разгуливающие по проезжей части, не внушают оптимизма: собаки похожи на волков, а огромные черные свиньи - на диких кабанов. Тем не менее я считаю, что сибирский крестьянин живет лучше, чем его русский брат. Его *избы*, безусловно, просторнее, хотя, конечно, шесть, семь и даже десять человек обычно теснятся в двух или трех крошечных комнатах, огромная печь в центре которых зимой обычно используется всей семьей в качестве кровати, что герметично исключает доступ воздуха. При всем том я не видел в Сибири ни одной из тех жалких лачуг, которые можно встретить в России, но, несомненно, нравы и обычаи сибирских крестьян еще более примитивны, чем у русских. Они меньше знают о гигиене и чистоте и абсолютно невежественны во всем, что хоть в малейшей степени способно сделать жизнь приятной или рациональной. В течение шести зимних месяцев сибиряк держит свой дом строго закрытым, исключая даже глоток воздуха; летом он делает то же самое, поскольку двойные окна двух или трех очень маленьких спальных комнат никогда не открываются ни под каким предлогом.

Эти сибирские крестьяне, кроме того, поразительно ленивы и апатичны. Их единственное удовольствие в жизни состоит в том, чтобы коротать время за курением трубки и пить водку, но не для того, чтобы оживить себя, а просто чтобы напиться до смерти. В то время как мужчины находятся в публичных домах, женщины стоят у открытых дверей, бездельничают и сплетничают, безучастно наблюдая за своими светловолосыми детьми, которые в одних красных рубашках лепят в грязи или катаются в пыли традиционные пирожки всеобщего детства. Работа ограничивается только самым необходимым, и сибирскому крестьянину гораздо приятнее ничего не делать, чем трудиться, чтобы добыть то, что его товарищи в других странах считали бы предметами первой необходимости, но на что он смотрит как на смехотворно лишнее. В каждой деревне есть стадо коров, которое можно наблюдать ранним утром, бредущим на пастбище, подгоняемым двумя-тремя стариками или урками, и хотя вы всегда можете получить отличное молоко, масло очень скудно, а сыр неизвестен. Что касается огорода, даже для выращивания необходимых овощей, то я ни разу не видел его в сотне посещенных мною деревень, за исключением, правда, Забайкалья, где я видел один или два, пристроенных к *станицам*, принадлежащим некоторым казакам. Дело не в том, что овощи не растут, а в том, что крестьяне не занимаются их выращиванием. В городах Амурского округа, таких как Благовещенск, Хабаровск и некоторых других, овощи можно достать, но даже их привозят китайцы с противоположного берега реки.

К лени сибирский крестьянин добавляет удивительное упрямство, которое не является плохим качеством, когда, как в случае с англичанами, оно служит для повышения их активности; но в Сибири это просто еще один стимул ничего не делать. Если сибирский крестьянин решил играть в *dolce far niente*, никакая сила, ни божественная, ни человеческая, не заставит его сдвинуться с места. Я часто слышал, как европейцы говорили, что Сибирь - единственная страна, где нельзя получить работу даже за деньги; и это совершенно верно, потому что в некоторые праздники не имеет значения, что вы можете предложить, вы не получите кучера, чтобы отвезти вас на пять миль. Сибиряк скорее потеряет деньги, чем заработает их против своей воли.

Если инерция - это счастье, то сибиряки должны быть самыми счастливыми людьми на земле. Они презируют прогресс и скорее умрут, чем улучшат свое положение. Их девиз: "То, что было достаточно для наших отцов, несомненно, достаточно для нас", и именно такой ответ неизменно даст вам крестьянин, если вы осмелитесь предложить какие-либо изменения к лучшему в его положении. Его любимые тексты из Священного Писания - это те, которые льстят его привычке к интеллектуальному застою, те, которые проповедуют покорность и воздержание, но уж точно не те, которые учат действовать и прилагать усилия. "Кто довольствуется малым, тот не будет забыт Богом", - такой текст я однажды увидел в зале ожидания одного из самых грязных вокзалов Забайкалья. Он показался мне особенно подходящим и к месту, и к людям. Преобладающий недостаток энергии и упорства, который был замечен путешественниками во всех частях царской империи, кажется мне одной из коренных черт русской натуры. Возможно, это происходит от влияния татарской крови, которая так сильно вливалась в низшие классы русских с XIII по XVI век во времена татарского господства. Кроме того, следует помнить, что сильный холод, как и сильная жара, вызывает апатию, особенно у мужчин, которые таким образом обречены оставаться в бездействии в течение многих месяцев, и чей разум, в силу их чрезмерного невежества, является пустым.

Сибирские крестьяне в высшей степени невежественны. В 1894 году правительство Тобольска, самого прогрессивного из всех в отношении образования, насчитало всего 19 100 детей, посещающих школы, из населения в 1 400 000 душ. В городах доля учащихся

составляла 4-63 на 100 человек, а в сельских округах не поднималась и до 1-05. Не следует, однако, слишком строго относиться к сибирякам за столь низкие результаты в области образования, поскольку нельзя забывать об огромных расстояниях между деревнями и селами, а также о трудностях с получением школьных учителей, вызванных главным образом чрезмерным невежеством, в которое ввергнуты низшие слои русского населения. Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в этом направлении за последние несколько лет, в мире, вероятно, нет страны, где чтение и письмо были бы более полезны, поскольку в течение по крайней мере половины года сибиряку буквально нечем заняться, кроме как думать, или, лучше сказать, мечтать, о своей жизни.

Крепостного права в Сибири никогда не существовало, поэтому мужики ведут себя гораздо более независимо, чем их собратья в Европейской России. Тем не менее, у них, как и у последних, есть тот особый вид милосердия, который хорошо известен как "жалость славянина". Это, однако, не активная добродетель, а некая мечтательная жалость, которая побуждает этих бедняков помогать друг другу, но не мешает им быть крайне подозрительными к чужакам. Тем не менее они неизменно оставляют на подоконнике у своего окна горбушку хлеба или кувшин молока в пользу какого-нибудь беглого каторжника или несчастного изгоя. К сожалению, крайнее невежество и врожденная лень этих людей не позволяют им извлечь из земли то, что при очень небольших затратах труда могло бы значительно увеличить их богатство и комфорт.

Почвы Сибири чрезвычайно богаты. Знаменитый *чернозем*, или чернозем юга России, занимает большую часть меридиональной зоны Тобольской и Томской губерний. Верхние долины Оби и Енисея, защищенные от северных ветров, имеют более мягкий климат, чем равнины, и прекрасно подходят для выращивания всех видов зерновых культур. На границах Ангары, великого притока Байкала, и Нижнего Амура, его притоков и впадающих в него рек, которые заболочены, есть огромные участки чрезвычайно плодородной земли, но методы ее возделывания самые примитивные. К тому же подавляющее большинство сельского населения упорно отказывается работать в поле. На всем протяжении великой почтовой магистрали, протянувшейся от Урала до Амура и далее до Кяхты, способ заработка крестьян значительно изменился. Они существуют за счет торговли по этой главной дороге, по которой проходят промышленные товары, ввозимые из Европы и направляемые в Центральную Сибирь, большие караваны торговцев чаем, банды ссыльных и, наконец, обычные путешественники. Поскольку эта дорога - единственная, идущая с запада на восток, она очень оживленная. Даже летом, когда движение не такое активное - чайные караваны проходят только зимой, - я редко видел меньше 100 транспортных того или иного рода в день. Хотя каждый почтмейстер обязан содержать не менее сорока лошадей, а на каждую карету редко приходится более трех, иногда бывает невозможно найти попутку, и приходится обращаться за помощью к крестьянам, которые с готовностью оказывают ее, Заставляя вас заплатить от трех до четырех рублей (от шести до восьми шиллингов) за путь в двадцать пять *верст* (шестнадцать миль), сумму, которую, если они видят, что им приходится иметь дело либо с кем-то, кто очень спешит, либо с богатым путешественником, они настойчиво увеличивают самым наглым образом. Зимой перевозка чая также позволяет им зарабатывать значительные суммы.

Поэтому сельские жители в этих широтах пренебрегают сельским хозяйством, рассматривая его лишь как вспомогательное средство. В окрестностях деревень можно найти несколько полей и пастбищ, где пасутся коровы, лошади, а иногда и несколько черных овец под присмотром двух-трех мальчиков или стариков, а иногда и вовсе без пастуха. Деревянный барьер препятствует их побегу в соседний лес.

Количество лошадей в Сибири очень велико. В Томской губернии в 1894 году насчитывалось 1 360 000 лошадей при населении всего 1 700 000 человек, то есть 80 лошадей на 100 жителей. В правительстве Енисея эта пропорция составляет более 90 на 100 жителей, и такая же пропорция преобладает в правительстве Иркутска. Почти единственной страной, где лошадей почти столько же, сколько людей, является, помимо российской Средней Азии, Аргентинская Республика, где их 112 на 100 жителей. В Соединенных Штатах их всего 22, а во Франции - 7. Доля рогатого скота также очень значительна и составляет около 60 голов на 100 жителей, в Восточной Сибири, в Тобольске и Томске, доходит до 80, в то время как в Енисейском и Иркутском округах на семью приходится около 3 голов. Большая часть из них - коровы. Быков очень мало, они не используются ни в пищу, ни в навоз. Молоко используется только в Киргизских степях, в стране, по которой проходит Транссибирская магистраль между Уралом и Омском, и в области, расположенной сразу за этой линией. Дождей в этом регионе выпадает очень мало, и земля не обрабатывается, а является чисто пахотной, а поскольку киргизы - очень способные скотоводы, результаты очень удовлетворительны, и они экспортируют свой скот в значительной степени в российскую Европу и даже за ее пределы. Я помню, как столкнулся с поездом, полным быков, которых везли в Санкт-Петербург, и я знаю по крайней мере один большой дом в Москве, который еженедельно получает из маленького городка Кургана, расположенного на железнодорожной линии, многие тысячи фунтов сливочного масла, большая часть которого экспортируется затем в Гамбург.

Если вы хотите познакомиться с настоящими сибирскими фермерами, нужно оставить в стороне автомобильные дороги и погрузиться в деревню. Правда, деревень становится гораздо меньше, но зато их окружают более обширные поля. В тех районах, которые были впервые колонизированы в Тобольском правительстве, иногда встречаются довольно густонаселенные места, особенно в северной степи между 55° и 58° широты. В Томской губернии к югу от зоны обширных, но хорошо заросших болот также встречается более населенный район; но в этой губернии, как и в Енисейской, южная часть, вместо бесплодных степей, содержит великолепные лесистые долины верхней Оби, Енисея и их притоков, которые, естественно, привлекают большее число русских эмигрантов.

Сельскохозяйственные ресурсы Барнаульского, Бийского, Минусинского и Канского округов чрезвычайно богаты, и, кроме прекрасных земель, великолепной воды и относительно мягкого и приятного климата, здесь имеются разнообразные полезные ископаемые. На востоке, если мы хотим избежать вечно безмолвной пустыни или *тайги*, мы должны, покинув шоссе, попасть в долины у подножия гор на китайской границе, на границах которой в настоящее время сосредоточено все население. Вид этого края, однако, мало отличается от того, который пересекает почтовая дорога между Иркутском и великой тюрьмой Александров, где мы видим прекрасные пшеничные поля и стада скота везде, где есть просвет в густых, но болотистых лесах. Внешний вид деревень, за исключением площади окружающих их возделанных земель, ничуть не меняется. Возле домов нет ни малейшего признака сада или какой-либо зелени, разве только несколько цветов, растущих в горшках, которые ставятся не на карнизе за окном, а в интерьере и составляют, вместе с несколькими иконами и портретами Их Императорских Величеств, единственную попытку украсить жилище, которой предаются обитатели этих, в сущности, неуютных и бесхитростных жилищ.

Наименьшую ценность в Сибири представляют только зерновые культуры, которых собирают около 150 000 000 бушелей, в основном в западной части страны, которая не только наиболее густо населена, но и наиболее свободна от лесов.

Остальная часть Сибири, то есть провинции, омываемые Амуром, и территория Иркутска, очень слабо заселенная, не производит в общей сложности более 5 500 000 бушелей. Пшеница, обычно высеваемая весной, и овес составляют примерно по 30 процентов от общего объема зерновой продукции Сибири. Остальное приходится на рожь, ячмень и гречиху. Пахотные земли, особенно когда они только отвоевываются у степи, должны пройти обычный процесс подготовки, внесения удобрений и т. д. Сибирские крестьяне не приобрели даже самых элементарных знаний в области сельскохозяйственной науки, и поэтому часто вынуждены бросать свои хозяйства. С другой стороны, в некоторых благоприятных районах, в Тобольской и Томской губерниях, где земля исключительно богата, пастбища сохраняются вполне благополучно в течение более ста лет без какого-либо заметного снижения качества их пастбищных свойств. Однако земли в Сибири так много, что часто крестьяне, обнаружив после мелиорации, что ее продуктивные качества снижаются, вместо того чтобы утруждать себя повторением процессов удобрения и т. д., собирают свои ловушки и переезжают в другие места, буквально, в "свежие леса и новые пастбища", где, вероятно, еще не ступала нога человека.

В Сибири, как уже говорилось, крупных землевладельцев не существует. Земля, следовательно, находится исключительно в руках крестьян, но до настоящего времени *мирская* коллективная общинная собственность, как это встречается по всей России, является совершенно исключительной, и то только в более малонаселенных частях запада. Однако с 1896 года правительство решило ввести если не практически, то хотя бы теоретически принцип *мирской* собственности в том виде, в каком он существует в Европейской России. Тем не менее, в Сибири предполагается, что коммуны не владеют собственностью, а просто держат ее на основе принципа узуфрукта, причем вся земля принадлежит короне. В тех частях страны, которые почти не заселены, до сих пор сохраняется система *заимки*, при которой крестьянину, хотя он может быть жителем деревни, разрешается построить себе избу в степи или в лесу, где он проводит лето, и где он может обрабатывать и даже огораживать одно или два больших поля, которые, как предполагается, принадлежат ему, и которые он может продавать или дарить по своему усмотрению, и которые, по сути, принадлежат ему по праву первого жильца; но эта система только временная. С ростом населения она сменяется другой, при которой крестьянин считается не абсолютным собственником, а лишь до тех пор, пока он решает обрабатывать свою землю должным образом. С того момента, как он перестает соблюдать это условие, его землю может занять другой человек. В прериях каждому разрешается косить сено, где ему заблагорассудится, а пастбища и леса являются общей собственностью. С другой стороны, запрещается огораживать леса и пастбища.

Климат Сибири естественным образом препятствует выращиванию зерновых культур, которые вынуждены бороться с засухами, осенними туманами, поздними и ранними заморозками. За последние десять лет в Иркутске были проведены очень интересные метеорологические наблюдения, в результате которых выяснилось, что июль - единственный месяц, в котором никогда не бывает морозов. Кроме того, в Тобольске и к западу от Томска, в дополнение к этим климатическим недостаткам, урожай часто уничтожается мириадами *кобылок*, разновидности саранчи или кузнечиков, которые приходят из Киргизских степей. В этих условиях сельское хозяйство в Сибири можно назвать еще более тяжелым способом добывания средств к существованию, чем в самой России. Нередко случаются полные неурожай, и за последние десять лет было замечено, что эти бедствия происходят главным образом из-за все большего обеднения почвы. Неравномерность урожаев тем более губительна в Сибири из-за отсутствия путей сообщения, что препятствует удобной перевозке кукурузы из одного района в другой и приводит к огромным колебаниям цен, что часто сулит

разорение несчастным крестьянам. Введение железной дороги до Иркутска привело к заметному снижению цен на хлеб в Восточной Сибири, но, с другой стороны, главная линия, к сожалению, перевозит сельскохозяйственные продукты из Сибири в район Волги.

Но еще более важным вопросом, чем связь, являются крайне устаревшие методы обработки земли, на сохранении которых настаивают крестьяне. Во-первых, их представления о подготовке мелиорированной почвы к культуре абсолютно варварские. Все, что они делают, - это распахивают непосредственную поверхность земли плугом, относящимся к железному веку, а затем сеют урожай. Когда поле истощается, а это происходит очень скоро, если его не удобрять должным образом, его бросают на несколько лет, пока оно не восстановит свои репродуктивные качества. С помощью усовершенствованных сельскохозяйственных орудий землю можно вспахать еще глубже, и на небольшом расстоянии под поверхностью она почти всегда чрезвычайно богата. Вопрос в том, как побудить крестьян изменить методы, которые передавались им от предков на протяжении веков. Конечно, приходится сожалеть, что в Сибири нет крупных землевладельцев, достаточно богатых, чтобы внедрить современные усовершенствования и таким образом научить своих более скромных соседей ценности прогресса на практических примерах; но пока средства коммуникации не будут облегчены и улучшены, будет трудно побудить богатых и образованных людей поселиться в стране, которая, как бы ни была богата от природы, является, мягко говоря, исключительно непривлекательной. Даже в России, где многие дворяне из-за больших потерь, понесенных ими во время освобождения крепостных, оставили свои земли крестьянам и удалились в большие города, еще можно найти людей, у которых хватило мужества противостоять неудачам, и которые взяли свои имения в руки на научных принципах, внедряя последние усовершенствования в сельскохозяйственные орудия, и тем самым повлияли на крестьянство в лучшую сторону, даже побудив некоторых из них отказаться от своих первобытных методов ведения сельского хозяйства. Однако такое желаемое положение вещей не может существовать в Сибири, по крайней мере, в настоящее время. Кроме того, есть еще одно преимущество, которое могло бы быть получено от присутствия богатых землевладельцев в Сибири, а именно контакт с людьми высшего образования и культуры, что в конечном итоге, несомненно, повлияет на крестьянство в лучшую сторону. В России крестьянство представляет собой компактный организм, который в силу своего уникального положения в социальной сфере абсолютно не способен воспринимать и усваивать какие-либо влияния со стороны более образованных классов. Такое положение вещей очень желательно, чтобы прекратилось в азиатских колониях, где в настоящее время оно выражено еще сильнее, чем в самой России. Проблема будущего Сибири заключается в возможности и целесообразности побудить крупных землевладельцев поселиться в этой стране.

ГЛАВА IV

МИНЕРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Важность сибирских приисков - Золотые прииски - Недостаточность организации в основном из-за неблагоприятных климатических воздействий - Расширение железных дорог приведет к увеличению стоимости горнодобывающей промышленности - Серебряные, медные и железные рудники.

Какой бы продуктивной ни стала Сибирь, ее процветание никогда не будет зависеть только от сельскохозяйственных ресурсов. К счастью, недра богаче, чем верхняя кора, из-за

огромного количества руды различных видов, которую они скрывают. Однако только золотые и серебряные рудники до сих пор разрабатывались в полной мере, хотя несколько железных рудников были немного освоены. Однако даже в случае с золотом были затронуты только аллювиальные шахты в тех долинах, где есть золото, и нигде не были вскрыты горные жилы. Большого вряд ли можно ожидать в стране, почти лишенной надлежащих средств передвижения; отсюда и крайняя сложность транспортировки тяжелых и сложных машин, необходимых для извлечения золота из породы. Кроме того, руду можно найти только на большом расстоянии от населенных пунктов, в неисследованных лесах и горных районах. С другой стороны, копанье намного проще, не требуя никаких других инструментов, кроме сита и лопаты. Просеиватели эксплуатируются в огромных количествах от конца до конца Сибири, и их добыча с 1895 года составляет две трети золотого продукта всей Российской империи, четвертого по величине золотого центра в мире, идущего сразу после Соединенных Штатов, Австралии и Трансвааля. Количество золота, извлеченного из сибирских приисков с 1895 года, составляет не менее 5 000 000 фунтов стерлингов, и эта цифра, как бы высока она ни была, по всей вероятности, значительно занижена, поскольку старатели очень часто оставляют значительную часть своих находок себе. Правительство является единственным покупателем сибирского золота. Оно имеет право требовать при покупке золота у старателей от 15 до 20 процентов от стоимости руды. Такая система налогообложения крайне пагубна, поскольку, как уже говорилось, побуждает старателей скрывать реальную сумму добычи. Увеличение налога на поверхность компенсирует подавление официальных требований на чистый продукт и положит конец большому количеству мошенничества. Меня заверили, что вскоре можно ожидать реформы в этом смысле. Принудительное обязательство продавать государству в долгосрочной перспективе становится крайне неприятным для концессионеров, поскольку вынуждает их отправлять свое золото на большое расстояние, в лаборатории Томска и Иркутска, где официальные агенты анализируют его для определения стоимости, тогда как, конечно, гораздо проще было бы отправить его прямо в Европу и там продать спекулянтам, которые быстро заплатили бы требуемую цену. Еще один недостаток нынешней системы заключается в том, что шахтерам часто приходится долго ждать готовых наличных денег, которые совершенно необходимы им в их бизнесе. Иногда правительство заставляет их ждать, пока их золото доберется до Санкт-Петербурга, и в итоге они вынуждены скидывать его по очень высоким тарифам, преобладающим в Сибири. Транспортировка металла в Европу за счет государства столь же дорога, сколь и хлопотна, поскольку его приходится доставлять в Москву и Санкт-Петербург в сопровождении военного эскорта. Я несколько раз видел между Енисеем и Байкалом обозы, везущие золото с приисков, в сопровождении трех-четырех солдат, готовых открыть огонь при малейших признаках возможного нападения. Еще одним недостатком сибирской горнодобывающей промышленности являются примитивные орудия, используемые для извлечения руды из почвы, которые, как очень верно заметил мне выдающийся инженер М. Леват, относятся к тому типу, который, по-видимому, восходит к временам Гомера. В этих условиях в Сибири принято обрабатывать только поверхность шахты, а после того, как из нее будет извлечено достаточно руды, полностью покидать место.

В силу особенностей геологического строения страны наиболее важные сибирские рудники находятся не на горных склонах, как в Калифорнии, а на глубине, покрытой болотами. Поэтому их эксплуатация обходится гораздо дороже, так как перед началом работ необходимо вывезти огромное количество верхнего слоя земли. Поэтому, если шахта нарушена на поверхности, а затем заброшена шахтерами, она, так сказать, испорчена, поскольку любая попытка разработать ее снова, скорее всего, приведет к разочарованию. По этой причине многие превосходные рудники в бассейне Оби и Енисея уже истощены, и центр горной промышленности в этих районах перенесен на берега Амура и Лены, и это

несмотря на многочисленные трудности, с которыми приходится сталкиваться горнякам, поскольку почва здесь неизменно промерзает на глубину около двадцати ярдов, и работы можно вести только около 120 дней в году. Заработная плата шахтеров также очень высока. На выработках в Олекме, притоке Лены, зарплата составляет 3 с. 4 д. в день, то есть вдвое больше, чем на Енисее, и в восемь раз больше, чем в окрестностях Семипалатинска, где рабочие-киргизы получают всего пять пенсов. Однако за последние несколько лет в этих регионах был достигнут заметный прогресс: рудники постепенно выходят из рук авантюристов и мелких товариществ и концентрируются в руках крупных компаний, финансируемых богатыми сибирскими купцами и даже крупными российскими фирмами. Великая горнодобывающая компания Олекмы добыла в 1880 году золота на 1 000 000 фунтов стерлингов, а в 1896 году сохранила свою репутацию на 680 000 фунтов стерлингов, доказав, что этот рудник является одним из самых богатых в мире. С введением надлежащих транспортных средств и, прежде всего, либеральной реформы в законодательстве, сибирские рудники, несомненно, станут бесконечно более ценными, чем в настоящее время.

Европейские капиталисты уже обращают внимание на Азиатскую Россию, а одна или две важные группы французских горных инженеров в течение последних трех лет обследовали те районы страны, которые, как говорят, наиболее богаты рудой. Я никогда не был так удивлен, как обнаружив на борту парохода на Амуре двух английских инженеров, с которыми я познакомился в декабре 1895 года на далеких золотых приисках Трансвааля. Все, что нужно для того, чтобы сибирские рудники приобрели огромную ценность, - это достаточный капитал и современные методы их разработки. Нерчинские серебряные рудники, которые в былые времена пользовались незавидной репутацией места самой страшной сибирской каторги, теперь не представляют особой ценности. С другой стороны, медь, железо и угольные пласты в большом количестве распространены в различных частях страны и, как кажется, составляют ее главный и наиболее постоянный источник богатства. Медные рудники не эксплуатировались совсем, но известно, что они существуют в верховьях Енисея, в округах Минусинска, прославленного на всю Сибирь своим сельскохозяйственным процветанием; другие могут быть обнаружены более западно, на Иртыше. Железо в большом количестве встречается в западных районах, в горах Алтая, на границах Енисея и в долине Ангары, а на востоке - в Забайкалье, где железные рудники эксплуатируются довольно хорошо, но до сих пор не в значительных масштабах. На западных равнинах, несомненно, можно найти уголь в значительном количестве, и за последние несколько лет был обнаружен обширный угольный район, начинающийся примерно в 150 милях к югу от Транссибирской магистрали около города Кузнецка и простирающийся до Верхней Оби. В 1887 году было открыто новое, еще более крупное месторождение примерно в 80 милях к востоку от Томска, и, кроме того, недалеко от железнодорожной линии. На оконечности Сибири, вблизи Владивостока и, следовательно, недалеко от моря, в последнее время были открыты и другие угольные месторождения.

Промышленность Сибири в настоящее время весьма ограничена и состоит из нескольких малозначительных винокуренных заводов, пивоварен, кирпичных заводов, спичечных мануфактур и т. д. Поэтому очевидно, что еще долгое время жители будут вынуждены уделять свое внимание и силы развитию естественных продуктов земли. Все новые страны вынуждены делать это на первых этапах своей цивилизации, и поскольку Соединенные Штаты, Новая Зеландия и Австралия в ранний период своего существования потерпели неудачу в развитии мануфактур, Сибирь, несомненно, может довольствоваться тем, что идет по их стопам.

ГЛАВА V

СИБИРСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ПЕРЕВОЗКА ЧАЯ

Особый характер торговли в Сибири - Значение чайного транспорта - Кяхта - Ежегодное прибытие чая в Иркутскую таможню - Путь, по которому следует чайный караван - Утомительные и дорогие способы перевозки - Сравнение сухопутной дороги через Кяхту и морского пути через Одессу - Другие предметы торговли, вывоз зерновых и др.

Торговля в Сибири имеет гораздо большее значение, чем сельское хозяйство или производство, и является основой всех огромных состояний, которые были сделаны в этой стране. Сибирская торговля в основном связана с перевозками, и если не считать торговлю золотом, осуществляемую правительством, то единственными предметами экспорта являются зерно и меха. Импорт, с другой стороны, очень ограничен и состоит только из промышленных изделий, необходимых для материального комфорта очень скудного и примитивного населения, чьи потребности соответственно немногочисленны. Торговля страны была бы ничтожной, если бы не тот факт, что почти весь чай, потребляемый в России, проходит через Сибирь.^[8] Чай в России занимает даже более важное место, чем в Англии. Средний россиянин выпивает от дюжины до пятнадцати чашек в день, и он не путешествует без чая, чайника и сахара, а *самовар*, своего рода прославленный чайник, никогда не отсутствует на каждом столе в России, и всегда полон горячей воды, готовой смочить листья растения, которое успокаивает, но не опьяняет. Русские делают настой очень слабым, многократно заливая кипятком одни и те же листья. Крестьяне, в отличие от англичан из низших слоев общества, которые любят очень крепкий чай, используют одни и те же листья снова и снова, пока в итоге отвар не превращается в воду соломенного цвета. Этим объясняется тот факт, что, хотя русские пьют в три раза больше чая, чем англичане, количество его, ввозимое в Россию, по крайней мере на две трети меньше того, что Китай и Индия ежегодно отправляют в Великобританию.

Именно сухопутным путем русские впервые вступили в контакт с китайцами где-то в конце XVII века, и до середины нынешнего столетия их торговля с Поднебесной продолжалась исключительно по суше. Почти весь чай, поступающий в Россию, проходит через город Кяхта, расположенный примерно в 180 милях к юго-востоку от Иркутска, но в 430 милях по почтовой дороге, которая используется только в два коротких периода года, первый - в декабре, второй - весной, когда из-за большого количества льда на озере Байкаля навигация невозможна. В остальное время года чай перевозится через озеро, зимой на санях, а летом на пароходах, при этом преодолевается не менее 93 миль. Иногда, как, например, на берегах Соленги, дорога поднимается на высоту около 4 000 футов над уровнем озера Байкаля. Здесь пейзаж становится чрезвычайно красивым, и путешественник видит между ветвями великолепных деревьев прекрасное озеро далеко внизу, что является очень приятным изменением однообразия равнины, на которой караваны проводят большую часть своего пути. Кяхта состоит из трех частей: города Троицкосавска, расположенного примерно в двух милях к северу от русско-китайской границы; собственно города Кяхты, который находится на непосредственной границе, но на российской территории; и отделенного от последнего только полосой нейтральной земли шириной в сто ярдов китайского города Майматчин. Троицкосавск - самый важный из этих трех городов, и он представляет собой весьма приятный вид для путешественника, которому приходится подниматься на обратную сторону крутого и бесплодного холма, возвышающегося над городом. Дома, стоящие вдоль дороги, деревянные, удобные и выкрашены в светлые тона. Даже боковые улицы ухожены, и

в целом это самый чистый город, который я видел во всей Сибири. Вскоре понимаешь, что торговля чаем дает всему населению достаточно средств к существованию, а также что богатые люди проявляют интерес к своему городу. На одной стороне дороги, например, находится коммунальная школа, построенная на средства, первоначально предназначенные для возведения казарм, но, поскольку солдаты не требовались, место было переоборудовано под школу, благотворительно поддерживаемую купцами города. Дети платят небольшую плату за вход. Напротив стоит еще одно очень крупное учебное заведение, также поддерживаемое добровольными взносами.

Жилища главных чаоторговцев расположены в Троицкосавске, население которого насчитывает около 7 000 душ; но именно в Кяхте,^[9] на границе, производятся операции с чайными листьями. Эти два города связывает отличная дорога, проходящая между пустынными песчаными холмами, редко поросшими жалкими елями. На юге на горизонте проступают голубые очертания гор Монголии. Дома зажиточных жителей выкрашены в белый цвет, как и церковь, интерьер которой чрезвычайно богат массивными серебряными канделябрами и великолепным иконостасом. За группой *изб*, где живут рабочие, и наполовину скрытое куполами церкви, возвышается огромное, но очень низкое одноэтажное здание Чайного склада. Это Кяхта, через которую в Российскую империю ежегодно проходит от 40 000 000 до 60 000 000 фунтов чая стоимостью от 1 500 000 до 2 000 000 фунтов стерлингов до уплаты таможенных пошлин. Ниже приведены цифры, полученные из чайных реестров за последние пять лет, любезно предоставленные мне властями Кяхты.

Год.	Вес чая.	Ценность чая.
1892	42 596 500 фунтов.	£1,672,143
1893	43,123,250 "	1,659,134
1894	51,086,900 "	1,932,318
1895	52,439,500 "	2,043,086
1896	55,369,200 "	2,128,402

Чай начинает поступать в Кяхту зимой, с ноября по февраль. В декабре нередки случаи, когда ежедневно доставляется до 5 000 ящиков. Общее количество ящиков с чаем, прошедших таможеню в 1896 году, составило 412 869.

Сбор чая в Китае обычно происходит весной: первый сбор листьев - в апреле, четвертый и последний - в июне. Последний спрессовывается в кирпичи, имеет очень низкое качество и покупается только бедными слоями населения. Крупным чайным рынком является Ханькоу на реке Ян-цзы. Все великие русские дома имеют здесь своих представителей, которые ежегодно прибывают сюда для закупок и доставляют чай либо морем, виа Одесса, либо по суше через Кяхту. Не стоит, однако, думать, что караванный чай, который русские считают самым лучшим, весь перевозится по суше. Это далеко не так, но покупатели не должны этого знать, поскольку существует предубеждение, что чай, который путешествует по воде, тем самым портится, что является нелепостью, поскольку все чаи должны совершить путешествие по воде большей или меньшей длины. Даже тот, что предназначен для Кяхты, отправляется на лодке в Тянь-цин, откуда ему приходится подниматься на джонках по реке Пэй-хо, и только в Калгане, у подножия Великой стены, его упаковывают на спины верблюдов. Затем ему предстоит проделать путь не менее 900 миль по пустыне, прежде чем он достигнет Урги, священного города Монголии, который находится на расстоянии 160 миль к югу от Кяхты. Перевозка может быть осуществлена только в октябре, когда дороги начинают твердеть от первых заморозков, а верблюды возвращаются с пастбищ, где они проводят

большую часть лета. Этих верблюдов нанимают у монголов, и между купцами существует большая конкуренция, русские стремятся получить большее количество животных раньше других, чтобы получить первый урожай чая. Определенное количество чая также привозится в Кяхту на маленьких монгольских тележках, которые неизменно возвращаются домой, увозя с собой три куска дерева - предмет, который почти не ценится в Сибири, но очень дорог в Китае, где его перепродают с выгодой.

Верблюдов разгружают в Кяхте, а плетеные ящики или корзины, в каждой из которых от 100 до 160 фунтов чая, избавляют от легкого покрытия из верблюжьей шерсти, которое защищало их во время путешествия по пустыне Оби, где дождь почти не бывает. На оставшуюся часть пути через Сибирь их необходимо укрыть водонепроницаемым чехлом из верблюжьей шкуры, причем шерсть подворачивается внутрь. Пока идет процесс обтягивания коробок, почти невозможно выносить невыносимую вонь. Чай, спрессованный в кирпичи, каждый из которых весит два фунта с половиной, затем сортируется, очищается от пыли, а те, что были хоть немного повреждены, отделяются от остальных и продаются по низкой цене. Затем весь чай, будь то листовой или кирпичный, упаковывается на сани и перевозится, как уже говорилось, через всю страну, частично по воде, частично по уже описанным маршрутам. В Иркутске, однако, таможенники осматривают несколько ящиков, а на остальные ставят свинцовое клеймо, и каравану разрешается следовать к месту назначения.

Прибывшие ранее чай на санях доставляются в Ирбит, город на восточном склоне Урала, но за пределами Сибири, в Пермском крае. С 1 февраля по 1 марта в Ирбите проходит огромная ярмарка, на которую съезжаются купцы со всех уголков Сибири. Основными товарами являются китайский чай, меха с севера и востока, а также легкие промышленные изделия из российской Европы. В 1880 году общая сумма продаж составила 5 286 000 фунтов стерлингов, и с тех пор она значительно превысила эту сумму.

Основные чайные караваны прибывают в район Оби не раньше начала апреля, сани идут очень медленно, а остановки в пути часты. Лодки перевозят ароматный товар между Томском, Турой и Тюменью - конечными станциями Уральской железной дороги, откуда его доставляют в Пермь. Здесь их отправляют вверх по Каме, а затем выгружают на Волгу и везут в Нижний-Новгород - главный центр чайной торговли в России. Далее по железным дорогам товар распределяется по всей империи. Результаты более поздних посевов поступают в Иркутск, где их перегружают на Ангарах и доставляют на лодках до слияния этой реки с Енисеем, где, поскольку подняться по ней невозможно, грубо сколоченные лодки, в которых до сих пор совершалось это путешествие, разбивают и продают на дрова. По этой дороге до Томска по суше всего 330 миль. Некоторые из купцов, чтобы по возможности избежать сухопутного пути, пользуются гораздо более длинным водным путем через Улясутай, город в Западной Монголии на верхнем Енисее. Вышеизложенного достаточно, чтобы дать читателю представление о некоторых исключительных трудностях, с которыми приходится сталкиваться торговцам чаем при доставке своего скоропортящегося груза через Северную Азию в Россию, причем путь занимает не менее года со дня сбора листьев. Следующие официальные данные, зарегистрированные в 1893 году, о расходах на перевозку одного пуда, или тридцати шести фунтов (англ.), чая из Хань-Кеу в Нижний Новгород будут достаточны, чтобы дать справедливое представление о большой стоимости транспортировки.

	£	s.	d.
От Хань-Кэу до Кяхты	0	15	5

виа Тянь-Цинь и Урга			
Манипуляция в Кяхте и транспортировка в Иркутск	0	6	4
От Иркутска до Нижнего (на санях до Томска, по воде до Тюмени, по железной дороге до Перми и далее по воде)	0	12	9
Страхование от Тянь-Цзиня до Ницни, 2¼ процента	0	1	10½
Проценты на капитал	0	3	2
Всего	£1	19	6½

С другой стороны, такое же количество чая, перевозимое из Ханькоу в Ниджни, через Суэцкий канал и Одессу, а затем по железной дороге в Ниджни, стоит всего тринадцать шиллингов. Из этих фактов легко понять, что огромная торговля Кяхты является чисто искусственной и ненормальной и существует только благодаря огромной разнице между таможенными пошлинами в Одессе и Иркутске. В первом месте пошлина составляет 3 фунта 6 шиллингов за пуд, или тридцать шесть фунтов, на все виды чая, в то время как в Кяхте она составляет всего 2 фунта на листовый чай и 5 шиллингов. 4 д. за кирпич. Незначительность этого последнего налога очень важна, потому что кирпичный чай - единственный сорт, который используется в Сибири к востоку от Волги, большая часть листового чая переправляется в Россию. С другой стороны, несмотря на многие неудобства, перевозка чая по России является важнейшим фактором сибирского существования, поскольку она дает средства к существованию тысячам людей, живущих вдоль великого почтового тракта, и действительно является своего рода субсидией, которую русские чаепития платят Сибири, и которую правительство очень мудро поддерживает, сохраняя высокий тариф в Одессе. Интересно проследить, как растет стоимость пуда (тридцать шесть фунтов) чая на пути от Иркутска до Нижнего. При въезде в Сибирь в первом месте из Китая он стоит всего 2 фунта 5 шиллингов. К этому времени он уже оплачивает стоимость перевозки из Ханькоу, расходы на страхование и т.д., которые составляют около 1 фунта 3 шиллингов, таможенные пошлины составляют около 2 фунтов стерлингов, то есть 3 фунта 2 шиллинга, а пересылка в Ниджни добавляет к его стоимости около тринадцати шиллингов; таким образом, принимая во внимание процент в три шиллинга на вложенный капитал, мы обнаруживаем, что продукт, который стоил менее десяти рублей там, где он рос и где его впервые купили, к тому времени, когда он попадает на рынок, стоит сорок восемь рублей, почти в пять раз больше своей первоначальной стоимости. На большую часть листового чая, проходящего через Одессу, россиянин платит с каждого фунта чая по 3s. 2 д., а за покупку - 1 шиллинг в казну. Общая сумма таможенных пошлин, уплаченных за чай в Иркутске, составила в 1896 году 1 050 361 фунт стерлингов.

Независимо от чая, сухопутная торговля между Российской империей и Китаем, сравнительно говоря, незначительна и редко превышает 265 000 фунтов стерлингов. Главным предметом импорта является российская кожа, а главным товаром из Китая - очень легкий, но прочный сорт шелка, который в Сибири носят летом. В остальном торговля между Сибирью и Россией состоит в основном из зерна и муки, но точную статистику получить трудно из-за множества путей сообщения, которые были недавно открыты после введения железной дороги.

ГЛАВА VI СИБИРСКИЕ ГОРОДА

Скудость городов и их незначительное значение - их управление и торговля - сходство с городами в российских губерниях - введение телефонов и электрического освещения - интеллектуальный прогресс - университет в Томске - драма в Иркутске - кризис, через который проходят эти города.

Отсутствие крупных производств, несомненно, в какой-то мере объясняет тот факт, что в Сибири, согласно переписи 1897 года, насчитывается всего одиннадцать городов с населением более 10 000 человек. Восемь из них (включая два города - Томск и Иркутск, в которых проживает по 50 000 человек) расположены на почтовой дороге, которая проходит от подножия Урала до Тюмени, чтобы закончиться на берегу Тихого океана во Владивостоке; Омск расположен несколько южнее старого почтового тракта, в том месте, где Транссибирская магистраль пересекает Иртыш; Тобольск, старая столица Сибири, сильно уменьшившаяся в наши дни, построен на слиянии Иртыша и Тобола, а также недалеко от слияния двух великих магистралей. Барнаул, расположенный на Верхней Оби, - единственный значимый сибирский город, до которого не доходят ни железная, ни почтовая дороги, но его преимущество в том, что он находится в центре самой высококультурной части страны. Существует также ряд других небольших городов, расположенных на двух главных артериях и в более плодородных долинах. Все они являются центрами распределения промышленных товаров, импортируемых из Европы, а также складами, откуда собираются и доставляются продукты, выращенные в их окрестностях. Все эти города являются как административными, так и торговыми центрами, а местные столицы всегда, за исключением Тобольска, являются самыми крупными городами в округе и содержат жилища чиновников и других должностных лиц, что значительно улучшает их привлекательный внешний вид. В Приамурье и Приморском крае введены гарнизоны, которые придают значительное оживление местности. Во Владивостоке в 1895 году русское население состояло из 2 780 гражданских служащих, 189 ссыльных, 555 чиновников и священников (включая их жен и детей), а также 10 087 офицеров и солдат с семьями. В Хабаровске чиновничий элемент еще более преобладает. За исключением Благовещенска, расположенного на слиянии Амура и Зеи и обязанного своим процветанием соседним золотым приискам, города Восточной Сибири представляют собой не более и не менее как лагеря или огромные деревни, подобные Чите или Нерчинску, с очень низкими *избами*, или деревянными домами, непомерно широкими улицами, обширными открытыми пространствами, над которыми в целом доминирует огромная белая масса какого-нибудь официального здания или другого.

Однако на западе, между Уралом и Байкалом, существуют города в европейском понимании этого слова. Нельзя сказать, чтобы они отличались монументальной красотой, но они обладают определенной живописностью и имеют поразительное сходство с

провинциальными городами России, такими как Саратوف, Самара или некоторые кварталы самой Москвы. Дома почти все построены из черного дерева, как и те, что стоят по всей стране, и выстроены по обеим сторонам длинных улиц на небольшом расстоянии друг от друга, и редко, если вообще когда-либо, украшены садом или какой-либо попыткой внешнего декора. Улицы пересекаются под прямым углом и делаются как можно более широкими из-за многочисленных пожаров, против которых необходимо принимать все меры предосторожности, и людей действительно просят не курить на большом деревянном мосту, который пересекает Ангару в Иркутске. В некоторых богатых кварталах городов к домам обычно пристраивают этажерки, которые красят в белый, серый или какой-нибудь другой заметный цвет. Изредка попадаются каменные здания высотой в два-три этажа, обычно это либо магазин какого-нибудь богатого купца или чиновника, либо музей, больница, гимназия, колледж для мальчиков или школа для девочек, а иногда и огромные казармы.

Эти жилища, сгруппированные на вершинах холмов, как в Омске, имеют приятный вид, особенно когда они перемежаются с яркими куполами церквей. Что касается последних, то они бесчисленны. Буквально на каждом углу. Стоя в центре соборной площади Иркутска, я смог разглядеть не менее семи. Все они совершенно одинаковы, обычно выкрашены в голубой или розовый цвет, над ними возвышается один большой купол, окруженный множеством маленьких, ярко позолоченных или посеребренных, и производят прекрасный эффект на солнце или в ясную лунную ночь. Внутри они обладают всем варварским великолепием русских церквей, сияют золочеными иконами и хрустальными люстрами.

В целом сибирские города гораздо приятнее для посещения, чем можно себе представить. Улицы, как правило, имеют деревянное покрытие, но после сильного дождя они становятся непроходимыми. Один томский джентльмен уверял меня, что однажды, когда снег растаял, бык утонул в бурлящей массе воды, пронесшейся мимо его двери. Но, в конце концов, улицы Чикаго и Нового Орлеана не очень хорошо содержатся, а там, где климатические колебания настолько экстремальны, несомненно, почти невозможно содержать улицы в каком-либо подобии надлежащего порядка. Зато телефон есть во всех крупных городах, и когда турист поднимает голову и видит такое удивительное количество проводов, тянущихся по улицам от столба к столбу, он с легкостью может представить себя в Америке. Электрическое освещение появилось даже в Томске и Иркутске. Не обошли вниманием и средства передвижения: за двадцать копеек, или шесть пенсов за проезд, можно взять напрокат быстроходный маленький русский кабриолет! Но больше всего удивляет, что, как и в России, на улицах этих городов почти нет движения, несмотря на то что они являются центрами очень активной торговли.

Образование в городах Сибири достигло значительного прогресса, и зажиточные слои населения не отказываются от помощи правительства в этом направлении. В Томске недавно был основан университет в огромном и очень красивом здании, в котором в настоящее время обучается около 500 студентов. Поступление в университет было сделано гораздо более легким, чем в России, и ожидается, что в скором времени будет создан юридический факультет, на котором студенты смогут изучать новые правовые реформы, которые Александр II ввел несколько лет назад в судебную систему России. В дополнение к медицинскому факультету, который уже сейчас очень хорошо посещается, будут открыты и другие профессорские кафедры. Библиотека насчитывает более 200 000 томов, большая часть которых - подарки частных благотворителей, а некоторые из редких изданий французских и английских классиков, должно быть, изначально принадлежали библиотекам, разогнанным во времена Французской революции. В прилегающем к университету парке (совсем недавно бывшем девственным лесом) было построено

несколько комфортабельных домов для студентов, которые могут получить там питание и жилье по весьма умеренной цене. Помимо университета, в настоящее время ведется строительство еще одного огромного учебного заведения - Технологического института. Томск, хотя и находится в некотором отдалении от коммерческих целей, как мне кажется, призван стать в скором времени интеллектуальным центром Сибири.

Во всех сибирских городах есть театр. Томский был построен богатым купцом несколько лет назад, и в зимние месяцы две постоянные труппы дают поочередно оперные и драматические представления. Труппы русских актеров иногда посещают Сибирь, и я помню, как однажды два артиста, пользующиеся большой популярностью в Москве, давали в Красноярске представление на русском языке шекспировского "Укрощения строптивой", а на следующий вечер - превосходное представление "Мадам Сан-Ген". На этих спектаклях собралась большая и благодарная публика. В Иркутске есть действительно великолепный театр, способный вместить тысячу человек, возведение которого обошлось не менее чем в 32 000 фунтов стерлингов. Он был построен полностью по общественной подписке, во главе списка стоял губернатор. Входные билеты стоят 6s. 8d. в первом ряду; 2s. 2d. на задних сиденьях; 1s. в первом ряду второй галереи и 6d. в третьей. Последние - самые дешевые места в доме. К сожалению, в последние годы более состоятельные слои населения, благодаря возможности путешествовать, проявляют явную тенденцию тратить свои деньги в России и даже в Париже, а богатые купцы больше не склонны ослеплять сибиряков несколько варварской демонстрацией своего богатства. В Москве и Петербурге, несомненно, они находят большее разнообразие развлечений, и им не нужно, чтобы потратить свои деньги, следовать примеру некоего сибирского миллионера, который мыл пол в своих покоях шампанским. Другие времена, другие нравы. Если князь уезжает в Петербург, то их представители остаются, и хотя они не могут особо выпендриваться, тем не менее, живут безбедно. Положение чиновников, вероятно, благодаря расширению средств сообщения и распространению образования, потеряло значительную часть своего прежнего значения, и на губернаторов губерний, которые в прежние времена были царями или полубогами, уже не смотрят с каким-либо благоговением, все знают, что они ежедневно получают свои распоряжения по телеграфу из Петербурга. Иркутск, который в прежние времена был столицей, теперь всего лишь большой провинциальный город. Старинное сибирское гостеприимство стремительно исчезает, и даже в Сибири не хватает старомодных людей, проклиняющих Транссибирскую магистраль, которой рано или поздно суждено совершить переворот в нравах и обычаях Северной Азии.

ГЛАВА VII ИММИГРАЦИЯ

Причины русской эмиграции в Сибирь - ее возрастающее значение - абсолютная необходимость государственного вмешательства в колонизацию Азиатской России - пути, которыми следуют эмигранты - земельные концессии - провинции, в которые они направляются - колонизация Приамурской и Приморской областей - Владивосток - китайцы, корейцы и японцы - ссыльные и каторжники - условия для развития Сибири - благоприятные и неблагоприятные элементы - необходимость привлечения иностранного капитала.

Переселенцы, прибывающие в Сибирь, почти без исключения крестьяне. Согласно переписи, проведенной в январе прошлого года, в российской Европе, за исключением Финляндии и Польши, жители которых редко, если вообще когда-либо, эмигрируют, насчитывалось всего 94 000 000 жителей, рассеянных на площади в 1 875 000 квадратных

миль, то есть по пятьдесят человек на квадратную милю. Поэтому можно было бы предположить, что в европейских владениях царя достаточно места для всех подданных; но в великих северных правительствах - Архангельском, Вологодском и Олонецком, которые занимают более четверти этой территории и в которых земледелие почти невозможно, - на 540 560 квадратных миль приходится не более 2 000 000 жителей. Кроме того, большое количество правительств, расположенных к северу от Москвы, состоят только из очень плохих болот, слабо заселены и, более того, вряд ли когда-либо улучшатся. Поэтому большинство жителей империи сосредоточено на юге, где население относительно густое, особенно в Курской, Пензенской, Тамбовской, Орловской, Воронежской губерниях и особенно в Малороссии, что тем более примечательно, если учесть, что эти области исключительно сельскохозяйственные, а методы ведения хозяйства еще очень примитивны. Несмотря на быстрое развитие промышленности в России, пройдет еще много лет, прежде чем эти регионы смогут содержать население, равное населению Центральной или Западной Европы, где природные условия более или менее идентичны. Поэтому неудивительно, что часть населения России отправляется на поиски лучших условий и устремляется в Южную Сибирь, более привлекательную и плодородную страну, чем Северная Россия.

Эмиграция, надо иметь в виду, занимает лишь небольшое место среди естественных причин увеличения численности населения России. Ежегодное превышение числа родившихся над числом умерших составляет около 1 500 000 человек во всей империи и от 1 100 000 до 1 200 000 человек в Европейской России (за исключением Польши и Финляндии). Эмиграция в Азию до 1895 года едва ли превышала десятую часть этой цифры, да и сейчас не достигает более пятой или шестой части. Согласно официальному труду, опубликованному в конце 1896 года, "Справочнику государственного деятеля по России", в течение 1887-95 годов в Сибири обосновались 94 000 семей, что в общей сложности составляет 467 000 человек. Таким образом, в среднем в год в Сибирь прибывало около 52 000 душ, но в последние несколько лет наблюдается заметный рост. Приведенные выше цифры, очевидно, не включают эмигрантов, предназначенных для Центральной Азии (общее правительство степей и Туркестана), общее число которых редко превышает 10 000 человек в год. Согласно информации, полученной непосредственно из Сибири, в 1894 году за Урал из Европейской России прибыло около 63 000 эмигрантов. С другой стороны, 3 495 человек прибыли в Сибирь морем, высадившись в великой Литоральной провинции на Тихом океане. В последнее время эмиграционное движение значительно активизировалось, и мы не ошибемся, если оценим число эмигрантов в Сибирь за 1897 и 1898 годы примерно в 200 000 человек за каждый год. Число лиц, ищущих разрешения на выезд из России в Сибирь, с каждым годом становится все больше. Многих, однако, отговаривают и даже отказывают в выдаче необходимых документов, чтобы не обременять новоселов избытком людей, прибывающих, как правило, без копейки в кармане. Естественно, что в стране, где крестьянство еще так примитивно и невежественно, как в России, правительство должно внимательно следить за передвижениями эмигрантов, которые могут, обнаружив, что преувеличенные обещания и иллюзии развеяны, стать беспокойными и даже опасными. Ниже приводится описание того, как эти вопросы обычно организуются в Европейской России. Когда несколько семей, принадлежащих к одной *волости*, изъявляют желание эмигрировать, их просят определить, в какой части Сибири они хотят обосноваться. Если претенденты признаются подходящими, двое из них, выбранные в качестве делегатов, посещают отведенный им участок земли и по возвращении могут сообщить своим друзьям точный характер места, в которое они направляются. Раньше эмигрантам разрешалось самим выбирать землю, которая, поскольку они почти всегда были очень неопытны, обычно совершенно не соответствовала их требованиям, и они либо уезжали дальше, либо,

испытывая отвращение, возвращались домой. Поэтому, чтобы предотвратить повторение такого неудовлетворительного положения дел, была создана разумная система отправки двух делегатов или первопроходцев.

До недавнего времени эмигранты, прибывающие в Сибирь, поднимались по Каме и переправлялись по Уральской железной дороге через Пермь в Тюмень, а оттуда по Тоболу, Иртышу или Оби в Тобольск, который служил прекрасным местом встречи эмигрантов. В 1893 году Сибирская железная дорога еще не достигла Омска, и из 63 000 эмигрантов 56 500 попали в Азию по Тюмени, а 6 500 только по Транссибирской магистрали до Кургана. Среди первых 36 500 человек шли по водному пути, который я только что описал, а 20 000 путешествовали на телегах. В настоящее время большинство из них добираются по железной дороге до станции, ближайшей к городу, выбранному для их будущего проживания, или до крайнего предела линии, если они едут дальше на восток. Там они вынуждены пересесть *на телегу* - разновидность русской телеги, по форме напоминающей корыто, на четырех колесах. Я часто встречал на дорогах Сибири длинные вереницы этих телег, в каждой из которых находилось несколько человек, мужчин, женщин и детей, с их рабочими инструментами и домашним скарбом. Сцена очень живописна, особенно ближе к вечеру, когда достойные люди собираются на дороге: мужчины распрягают лошадей, женщины идут к колодцу за водой, дети играют, а какой-нибудь старик, сидящий на обочине, читает вслух Библию группе жаждущих слушателей. Иногда путешествие истощает ресурсы семьи, и я видел в Забайкалье, как караван малороссов остановился из-за нехватки денег, а добрые люди, расположившись на шоссе, спокойно ожидали прибытия районного иммиграционного агента, чтобы получить от него припасы, необходимые им для продолжения путешествия. Эмигранты, путешествующие *по телеге* от старого дома в Европе до нового в Азии, часто тратят на путь от Малороссии до Амура целый год, хотя путешественники часто проводят по три месяца на железной дороге, чтобы немного пополнить свой скудный запас денег.

Большинство эмигрантов прибывает весной. В главных городах по маршруту следования для них организованы приюты. Несколько из них находятся в Челябинске у подножия Урала. Я побывал в Канске, центре многолюдной области в составе правительства Енисея. Здесь для нуждающихся эмигрантов было построено двадцать *иурдисов*, или огромных хижин, по образцу киргизских, от десяти до двенадцати футов в диаметре и девяти футов в высоту, с крышей в форме огнетушителя, покрытой верблюжьей шкурой. В то время были почти закончены просторная больница, кухни и русская баня. Также было возведено зимнее жилье с огромной печью, но в худшие месяцы года эмигрантов путешествует не так много. Все эти строения деревянные, по моде большинства русских домов, и выглядели довольно уютно. Три молодые женщины из города работали добровольными медсестрами при больнице.

Эмигранты, прибывшие из одного района Европейской России, как правило, объединяются в одну деревню, и, насколько это возможно, делается все возможное, чтобы не допустить скопления людей, прибывших из разных провинций, что может привести к возникновению проблем. Так, чиновники всегда стараются избежать смешения "малороссов" с "великороссами" и никогда не вводят новых переселенцев в деревни, уже заселенные старыми сибиряками, которые не очень-то благосклонно относятся к эмиграции по той простой причине, что раньше они могли занимать сколько угодно земли и выкупать ее по своему усмотрению, когда их собственные поля истощались, и, более того, они могли даже отправиться в другую сторону в поисках лучшей земли, если их побуждал к этому дух. Прибытие большого количества новых людей, естественно, положило конец этим безответственным движениям и, как следствие, породило массу недовольства.

Ниже приведены несколько правил, принятых в последнее время для образования новых поселений по *мирской* системе русского коллективного общинного владения, которую правительство решило ввести в Сибири. Пятнадцать десятин (37 акров) даются безвозмездно каждому мужчине, а сумма в 30 рублей (около 3 фунтов стерлингов 8 д.) может быть, в случае необходимости, немедленно выдана каждой семье. Раньше для получения даже этой небольшой суммы необходимо было ожидать разрешения правительства в Санкт-Петербурге, но теперь, к счастью, было решено оставить этот вопрос в руках чиновника, возглавляющего иммиграционное бюро района, что позволяет избежать многих неприятностей и страданий. Время от времени могут выдаваться и другие денежные суммы, вплоть до 9 10 фунтов стерлингов, если проситель будет признан достойным. Теоретически эти деньги должны быть возвращены по истечении десяти лет, что, разумеется, редко, если вообще возможно, происходит.

Из 63 000 человек, прибывших в Сибирь из-за Урала в 1894 году, большинство, 38 000, поселились в Томской губернии, 17 000 - на Амуре, 3 800 - в степях, 2 100 - в восточных губерниях, Енисейской и Иркутской, и 2 100 - в Тобольской. Эти цифры не включают 3 495 человек, прибывших в Приморскую губернию морским путем. Наибольшее число эмигрантов привлекает Верхняя Обь и ее притоки, включая Барнаульский, Бийский и Кузнецкий районы Томской губернии. В этих защищенных долинах, спускающихся с Алтайского хребта, климат относительно мягкий, а земля отличная. После этого идет область Амура, где эмигранты почти исключительно малороссы, которые в основном обосновались в области, простирающейся вдоль Нижней Зеи к востоку от Благовещенска и Буреи. Климат здесь, однако, гораздо холоднее, чем в Томске, и хотя для главного центра колонизации была выбрана самая богатая часть Амура, сырость здесь чрезмерна из-за близости к большой воде и густым лесам, покрывающим почти всю страну. Долины, даже на границах Амура и его притоков, часто затопляются, всегда заболочены и, кроме того, до сих пор сопротивлялись всем попыткам возделывания. Плато к северу от Становых гор обладает лучшей почвой и образует более благоприятную зону, хотя и здесь зерновые культуры имеют тенденцию производить, в ущерб себе, избыток сорняков. Правительство, которое по понятным политическим причинам до сих пор содействовало колонизации в бассейне Амура, до недавнего времени отказывалось распространить это движение на Енисей, возможно, находясь под впечатлением того, что следует избегать чрезмерного разброса нового населения. Теперь, когда значительная часть богатых земель Томска занята, было сочтено целесообразным продвинуться на восток; поэтому в 1896 году в Енисейском крае было поселено 19 000 колонистов, в частности, в Минусинском районе на верхней реке, который пользуется почти теми же преимуществами, что и Верхняя Обь, и в Канске на востоке, который в настоящее время является наиболее активным центром заселения. Правительство Иркутска, которое, очевидно, содержит меньший запас вероятных земель, несомненно, привлечет официальное внимание позже.

Поселенцы, прожившие значительное время в Сибири, в целом довольны своей судьбой, и хотя они не могут согласиться с оптимистичными утверждениями официальных лиц, большинство их деревень выглядят более процветающими, чем те, которые они оставили в русской Европе. Иначе и быть не могло, если бы они усердно трудились, ведь им выделено много хорошей земли и небольшой денежный аванс, чтобы помочь им с предварительными расходами. Тем не менее, многие из них ежегодно возвращаются в Европу. В 1894 году их вернулось около 4500, и, думаю, если бы правда была известна, гораздо больше. Однажды я спросил чиновника, отвечающего за эмигрантов в Канске, очень приятного, хорошо информированного человека, который с большим интересом относится к своим обязанностям, почему так много этих хороших людей хотят вернуться домой. Он ответил, что

не мало крестьян эмигрировало в Сибирь в иллюзии, что им будет гораздо лучше и не придется так много работать, но когда они обнаружили, что им приходится трудиться так же тяжело, как и раньше, они вскоре устали, собрали свои ловушки и вернулись домой. Другие жалуются на климат, причем не столько на зимний, сколько на летний, когда комары - настоящая чума. Некоторые страдают от тоски по дому, особенно женщины, которые сожалеют о своем прежнем окружении и непрерывными жалобами и причитаниями добиваются возвращения своих мужей. Впрочем, это свойственно не только Сибири или русским, но и Соединенным Штатам, где молодые колонисты часто вынуждены бросать свои фермы, потому что их жены считают уединенную деревенскую жизнь невыносимой.

В большей части Сибири население, как мы уже отмечали, исключительно русское. Туземный элемент можно назвать почти несуществующим. С этнологической точки зрения регион от Оби до Енисея уже является, и имеет тенденцию становиться все более и более, продолжением Европейской России. В правительстве Амура дело обстоит, однако, иначе, ибо русским приходится сталкиваться с туземным населением, а колонисты, прибывшие из европейских владений царя, вынуждены конкурировать с довольно грозным азиатским контингентом. С этой стороны центр русского влияния находится во Владивостоке, городе, который был основан всего около сорока лет назад, но который Транссибирская магистраль со временем поднимет до чрезвычайного значения. Единственная тень на картине - это то, что в течение трех или четырех зимних месяцев гавань покрыта льдом. Благородная бухта, которую англичане раньше называли в честь королевы Виктории, а теперь русские отдали под покровительство Петра Великого, - одна из самых великолепных в мире, в которой легко мог бы укрыться весь русский флот; но, к сожалению, хотя она находится на той же широте, что и Тулон, она очень легко замерзает.^[10] По этой причине Владивосток может значительно пострадать от большей привлекательности Порт-Артура, который даже лучше расположен в начале линии сообщения с Поднебесной, и, кроме того, свободен ото льда круглый год. Тем не менее, город останется местом расположения многих важных военных учреждений, которые уже существуют, и которые было бы очень дорого, и ни в коем случае не легко, перенести в другое место.

Великолепно расположенный на полуострове длиной около двенадцати миль, разделяющем две глубокие бухты, берега которых, однако, абсолютно бесплодны, Владивосток обращен к главному и более восточному из двух портов, который, к тому же, является самым безопасным. Город состоит из каменных домов высотой в несколько этажей, построенных на довольно крутых склонах холмов, и представляет собой довольно внушительный вид, особенно после маленьких деревянных городков во внутренних районах Сибири. Несмотря на отсутствие необычайного оживления, присущего его современникам, Ванкуверу, Такоме и Сиэтлу, например, на другом берегу Тихого океана, его улицы - самые оживленные из всех, что я видел между Москвой и Нагасаки. Вскоре становится очевидным, что находится на Дальнем Востоке. Улицы переполнены китайцами с косичками в голубом, корейцами в белом и японцами в национальных костюмах. Среди этих азиатов перемещаются солдаты и моряки, так что европейский гражданский костюм почти не представлен, а большинство тех, кто его носит, - японцы. На следующий день после моего приезда случился праздник святого Александра Невского, один из великих русских праздников, который совпал с китайским фестивалем, так что все вокруг пестрело от небесных повязок, желтых треугольных флагов с золотой каймой, украшенных геральдическими драконами, значительно превосходящими по количеству русские. Цифры подтверждают впечатления от опыта, и ниже приведены данные о том, как подразделялось население Владивостока в 1895 году:

Мужчины. Женщины. Всего.

Nobles	290	228	518
Священники и их семьи	19	18	37
Гражданское население России	1,691	1,089	2,780
Солдаты и семьи	9,232	855	10,087
Изгнанники и семьи	117	72	189
Другие европейцы	46	26	72
Японский	676	556	1,232
Китайский	5,580	58	5,638
Корейцы	642	177	819
Всего	18,293	3,079	21,372

В 1895 году население значительно увеличилось, в основном за счет казарм и роста русской и азиатской эмиграции. Отмечается, что после китайско-японской войны у корейцев появилась явная тенденция обосноваться на русской земле.

Как и в Калифорнии и Австралии, китайцы, приезжающие во Владивосток, не берут с собой жен. В основном они работают рабочими, домашней прислужкой, лодочниками и т. д. Накопив небольшое состояние, они возвращаются на родину. Многие из них, правда, зимуют в Шань-туне, в окрестностях Чи-фу, откуда они почти все родом. Японцы также занимаются мелкой торговлей, а значительное число из них - парикмахеры. За границей также шепчутся, и довольно свободно, что некоторые из них - шпионы. Высокий моральный кодекс осудил бы способ, которым большинство японцев добывают себе средства к существованию. Что касается корейцев, то, будучи очень сильными, они лучше приспособлены к тяжелой работе, и на железной дороге из них вышло немало рабочих рук. В окрестностях Владивостока их больше, чем в самом городе, и они высоко ценятся своими работодателями, администрация выделяет им небольшие пособия за их трудолюбие и мирный образ жизни.

Влияние Дальнего Востока проявляется не только во Владивостоке, но и на всей территории Приамурья. С момента въезда в Забайкалье человек сразу же вступает в контакт с монгольским племенем бурят. Как уже говорилось, в этом регионе преобладает желтая раса, а во всем Забайкалье последователи буддизма составляют около трети населения - в 1895 году 190 003 из 610 604. Продвигаясь на восток и оставляя в стороне старые российские владения, чтобы войти в провинции, присоединенные в 1857 году, мы обнаруживаем, что на территории Амура проживает 21 000 маньчжурских буддистов из 112 000 человек населения, согласно переписи 1897 года. Эти маньчжуры были практически единственными жителями страны на момент ее присоединения, и не многие из них остались подданными Китайской империи. Напротив Благовещенска находится большая китайская деревня, откуда почти каждое утро несколько человек привозят в русский город фрукты и овощи.

На территории Литорали, в широкой зоне, простирающейся от 42° до 70° северной широты, по оценкам 1895 года, русских насчитывалось более 110 000 человек при населении в 152 000, остальное население составляли 23 000 туземцев, 18 000 китайцев, корейцев и японцев и около 1 000 евреев. Согласно переписи, проведенной в 1897 году, население значительно увеличилось. В ней зарегистрировано 214 940 жителей, но они не были разделены на классы, и, кроме того, европейская иммиграция не была очень значительной в течение последних двух лет. Любопытно отметить преобладание мужского пола над женским: 147 669 мужчин против 67 261 женщины. Причину этого искать далеко не надо, и объясняется она главным образом тем, что русские переселенцы, как правило, приезжают с семьями, в то

время как военные, которых в Приморской губернии более 40 000, и китайцы не обременены женщинами. В Хабаровске, по сути гарнизонном городе и столице правительства, из 14 932 жителей всего 3 259 женщин. Поэтому вид его вполне воинский, а живописность значительно улучшается присутствием в гавани множества китайских джонок, которые, как и в Благовещенске, Сиднее и Мельбурне, привозят отличные овощи из плодородного царства Сына Неба. Кроме войск, корейцы, китайцы и японцы составляют не менее четверти населения Приморского края и, вместе с туземцами, достигают общей численности, лишь немного превышающей численность русских. Есть и те, кто не одобряет столь высокую долю представителей желтой расы на трех территориях, образующих правительство Амура, но без всяких на то оснований. Буряты, например, ни в коем случае не являются уменьшающимся элементом населения, а русские явно плодовиты, в то время как китайская иммиграция, если она когда-либо будет иметь значительные масштабы, должна будет пересечь пустыню Гоби, препятствие, которое задержит ее на долгое время. На двух других территориях коренное население, в основном рыбаки и охотники очень примитивного вида, несомненно, заметно сокращается, за исключением скованных льдом районов Охотского и Берингова проливов, куда также в значительных количествах стекаются маньчжуры, китайцы и корейцы. Все эти азиаты трудолюбивы, живут на меньшую сумму, чем русские, но гораздо более трудолюбивы и часто арендуют у европейских переселенцев участки земли, которые обрабатывают с гораздо лучшими результатами. Мелкая торговля в городах почти полностью находится в руках представителей желтой расы. Хотя китайская иммиграция носит более или менее эфемерный характер, она может стать очень многочисленной, особенно в городах и их пригородах, и со временем может сделать конкуренцию белых чрезвычайно трудной и потребовать вмешательства со стороны российского правительства для ограничения сферы применения китайского труда. В любом случае, совершенно точно, что если Маньчжурия, вследствие введения железной дороги, когда-нибудь перейдет под власть царя, то крайне маловероятно, что это приведет к увеличению иммиграции русских, главным образом из-за удивительной активности китайцев в колонизации этой части их империи. В настоящее время правительство больше озабочено европейской, чем азиатской иммиграцией, и если корейцам оно никогда не отказывает в предоставлении земли, то европейцам делает это очень часто, за исключением особых и исключительных случаев. Я вынужден признать, что правительство, как правило, очень снисходительно относится к французам, несколько из которых получили гранты в Благовещенске, хотя одному французу было отказано в покупке земли, несмотря на то, что он прожил в стране более тридцати лет. Что касается золотых приисков, то их эксплуатация разрешена только российским подданным. Вся страна к востоку от Байкала, то есть правительство Амура, в настоящее время освобождена от уплаты таможенных пошлин, за исключением спиртных напитков, табака, сахара и других предметов, которые в России облагаются акцизом. Эта часть Сибири вряд ли станет привлекательной для европейцев другой национальности, чем русские. С другой стороны, несомненно, со временем европейский капитал будет активно использоваться в этой части, и некоторые предприимчивые купцы и инженеры могут даже со временем обосноваться в стране, что, несомненно, окажется в ее интересах, а не во вред.

Независимо от добровольных переселенцев, в Сибирь ежегодно прибывало большое количество политических и других ссыльных и каторжников. Указом, изданным в 1899 году, царь Николай II положил конец старой и жестокой системе ссылки подозреваемых и каторжников в Сибирь,^[11] что, несомненно, должно привести к большому благу; ибо когда страна начинает густо заселяться свободными переселенцами, неразумно продолжать использовать ее в качестве каторжного поселения. Этих изгнанников можно разделить на две основные группы: во-первых, политические, часто очень честные и доброжелательные люди, такие как студенты, принимавшие участие в манифестациях, враждебных

правительству; поляки, скомпрометированные во время недавних восстаний; католики и протестанты, проявившие излишнее рвение в отстаивании своих религиозных взглядов; раскольники, чьи особые теологические взгляды уже были описаны. Ко второй категории относятся менее уважаемые люди: юноши из хорошей семьи, отнюдь не безупречного характера, которых отправили на определенное количество лет размышлять о своих недостатках и каяться в своих глупостях на досуге на приятных берегах Оби или Енисея; некоторые чиновники из хорошей семьи, виновные в присвоении официально доверенных им денег. Из этих несчастных людей тех, кто провинился в мелких преступлениях, отправляют в Западную Сибирь, где они часто устраиваются на работу в качестве слуг и кучеров. С другой стороны, те, кто совершил более тяжкие преступления и был приговорен к каторжным работам, отбывают наказание в Восточной Сибири, в Иркутске, Енисее или Забайкалье, и должны оставаться там. Закоренелые преступники, убийцы и беглые галерные рабы отправляются на остров Сахалин, напротив устья Амура, где даже по истечении срока они обязаны покончить с жизнью. Политические ссыльные, не наказанные за тяжкие преступления, также отправляются на запад, где климат довольно умеренный. Чем серьезнее обвинение и тяжелее приговор, тем дальше на восток, даже в ледяные края - Якутск, Верхоянск, Нижне-Колымск, Усть-Янск. В эти края также отсылают членов странной секты евнухов. Большинство этих людей, если только они не очень серьезно скомпрометированы, после того как они вынуждены прожить три, а то и десять лет в деревне, получают возможность поселиться в городе, свободно ездить по всей Сибири и даже по истечении определенного количества лет вернуться в Россию. Нередко они оказываются чрезвычайно полезными. Многие поляки становятся трактирщиками, и я знаю по крайней мере одного, который является доктором права и прекрасно говорит по-французски. В Иркутске можно купить хорошее пиво, напиток, который в других местах был бы просто отвратителен, и это благодеяние полностью объясняется предприимчивостью изгнанника из балтийских провинций. На крайнем севере не мало ссыльных занимаются научными и метеорологическими исследованиями. Здесь я могу заметить, что никогда не видел жестокого обращения ни с кем из ссыльных в Сибири, и даже цепь, которую некоторые из них вынуждены носить, не показалась мне очень тяжелой. Большая Александровская тюрьма, расположенная недалеко от Иркутска, прекрасно управляется, ее правила очень мягкие. Тем не менее, я должен признаться, что посетил только то, что чиновники решили мне показать. Все, что я могу сказать, это то, что, согласно моему опыту, если и есть ссыльные, с которыми обычно плохо обращаются, то их должно быть очень мало. Конечно, я ничего не могу сказать в оправдание системы, при которой молодого человека или даже молодую женщину отправляют томиться в унылую деревню, затерянную в глубинах леса или тундры, только потому, что они приняли слишком большое участие в какой-нибудь политической или студенческой демонстрации.

Один любопытный факт, связанный с этой системой российской перевозки, заключается в том, что женам и детям ссыльных часто разрешают следовать за осужденным, что они очень часто и делают, хотя в некоторых случаях закон считает брачные узы аннулированными самим фактом осуждения, и несчастные ссыльные считаются граждански мертвыми. Семьи этих бедняков часто терпят такие ужасные лишения, что под патронажем властей были созданы местные комитеты для оказания им помощи. В 1894 году в пять губерний - Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую и Якутскую - прибыло 15 000 ссыльных с семьями.

За один, не особенно благоприятный год, население Сибири увеличилось примерно на 85 000 человек, из которых около 66 495 были вольными переселенцами. Естественный прирост был почти столь же велик и составил, согласно статистике, 78 000 человек, за исключением

Приморской губернии, которая, если принять ее во внимание, должна была бы увеличить население на 80 000 человек. При численности населения, которую мы можем оценить в 5 300 000 человек в этот период, должно было произойти около 250 000 рождений, то есть 47-5 на 1 000 человек, и 172 000 смертей, или 32-4 на 1 000 человек. Таким образом, уровень рождаемости чрезвычайно высок, а уровень смертности, если учитывать условия страны, не является чем-то ненормальным. В 1898 году иммиграция, в связи с открытием железной дороги, значительно увеличилась и достигла 200 000 душ. Поэтому не недостаток населения может повлиять на будущее Сибири. Природные ресурсы страны можно справедливо сравнить с Канадой, которую она превосходит по площади, а также, в незначительной степени, по численности населения; но разница между этими двумя странами, с точки зрения экономического развития, очень велика. В Сибири требуется не столько создание большого количества сложных отраслей промышленности, для которых страна еще не созрела, сколько внедрение, как уже говорилось, современных методов эксплуатации природных ресурсов страны, которые могут быть заимствованы только у иностранных государств. И только широко открыв свои двери и принимая чужеземцев без ревности и необоснованных подозрений, Россия сможет когда-нибудь получить от своего гигантского предприятия в Транссибе отдачу, достойную огромного богатства страны, которая в конце концов должна быть поставлена на одну ступень с любой другой по уровню цивилизации и прогресса.

ГЛАВА VIII

СРЕДСТВА СВЯЗИ В СИБИРИ

Абсолютная недостаточность существующих средств передвижения - Кареты и сани - Тарантас: цена, продолжительность и условия путешествия на этом средстве передвижения - Навигация - Схема проникновения в Сибирь по Северному Ледовитому океану и ее недавний успех - Абсолютная необходимость большого количества железных дорог.

Для того чтобы составить представление о революции, которую Транссибирская магистраль способна произвести в экономических и политических условиях Северной Азии, необходимо взглянуть на состояние современных средств передвижения и транспорта в этой стране. Еще вчера самым быстрым средством передвижения в распоряжении путешественников был, так сказать, летом - кучер, а зимой - сани. Двадцать лет назад, чтобы добраться до Владивостока (расстояние в 6 000 миль), путешественник садился в карету в Казани, на Волге, и это путешествие занимало не менее двух месяцев в более благоприятный сезон, когда твердый, как мрамор, и гладкий, как бархат, снежный покров заменял обычную грязь и слякоть на сибирских дорогах. Позднее, с развитием судоходства и строительством железной дороги через Урал, отправная точка этого путешествия была перенесена на самый восточный пункт, которого касались пароходы, - в бассейн Оби у Томска. Летом этот маршрут сокращал путь через Красноярск, Иркутск и Читу примерно на 1 875 миль, в конце которого можно было добраться до Амура, где возобновлялась навигация. С 1896 года Транссибирская магистраль проходит через Томск, и теперь начальная точка путешествия постепенно отдаляется и с каждым днем все больше отходит на восток.

Летом 1897 года железная дорога уже достигла небольшого городка Канска, расположенного примерно в 160 верстах за Енисеем, и именно здесь или на станции Ключи, расположенной примерно в 65 верстах дальше, можно было нанять вагон. Однако разумнее

купить свой тарантас, чтобы не выгружать багаж на каждом этапе, к тому же кареты, нанятые почтмейстерами, гораздо менее комфортабельны.

Начальник станции Ключи, которому я был рекомендован, как и многие другие подчиненные чиновники в Сибири, был ссыльным, в лучшие времена капитан артиллерии и, кроме того, кассир своего полка. В один прекрасный день, в приступе излишней щедрости, он по несчастью одолжил сумму денег, извлеченную из кассы, товарищу, который крупно проигрался на игровых столах. Судьба отомстила полку в лице инспектора, который несвоевременно прибыл на место происшествия, разобрался в делах и тут же завершил военную карьеру неудачливого офицера. После четырнадцати лет ссылки в Сибири этот неразборчивый в средствах добродушный человек стал главным инспектором небольшой железнодорожной станции и пополняет свой небольшой доход, сдавая тарантасы путешественникам. Он продал мне за 18 фунтов стерлингов лучший из своих автомобилей, которым, как меня заверили, недавно пользовался один уважаемый чиновник, но, тем не менее, мне пришлось избавиться от него, когда через два месяца я сел на пароход на Амуре, заплатив около 7 фунтов.

Жюль Верн в "Михаиле Строгове" представил и популяризировал тарантас. Это транспортное средство без рессор, с кузовом длиной около шести футов, похожим на корыто, опирающееся на три широких деревянных бруса, и установленное на двух очень низких осях на расстоянии девяти-десяти футов друг от друга. Огромный капюшон защищает заднюю часть повозки от дождя, а застегнув кожаный фартук, закрепленный спереди, можно почти герметично укрыться от непогоды. Тарантас, если он не особенно удобен, имеет то преимущество, что он очень прочный. В нем нет ничего похожего на сиденье, и человек вынужден лежать во весь рост на подстилке из сена или на багаже, если, конечно, время от времени, чтобы сменить положение, он не присаживается на край транспортного средства или рядом с кучером. Лошадей предоставляют почтмейстеры из расчета три копейки, или три фартинга, за версту за каждую лошадь, и, кроме того, нужно платить фиксированный налог в размере около пяти пенсов за лошадь при каждой эстафете. Упряжка обычно состоит из трех лошадей, а эстафеты встречаются на расстоянии около шестнадцати миль друг от друга. Таким образом, расходы на это короткое расстояние составляют около пяти шиллингов, включая чаевые кучеру, так что в этом отношении не на что жаловаться. Зимой действует тот же тариф, но в промежуточные сезоны, с 5 марта по 15 мая и с 15 сентября по 1 декабря, когда наступает оттепель и дороги становятся очень тяжелыми, требуется четвертая лошадь, и расходы увеличиваются примерно на четверть. Я часто спрашивал сибиряков, сколько миль можно проехать на таком транспорте. Разумеется, почти все отвечали по-разному. Один высокопоставленный чиновник в Томске сообщил мне, что за двадцать четыре часа он может проехать до 400 верст. "Не думайте, что вы сможете проехать больше шестидесяти пяти - восьмидесяти", - сказал мне станционный смотритель, и поскольку именно он продал мне мой тарантас, я пришел к выводу, что его довольно мрачный прогноз был верным. На самом деле все зависит от состояния дорог, а также от того, снабжен ли путешественник *подоройном* - официальным документом, который обычно выдается императорским курьерам и высокопоставленным чиновникам и позволяет его обладателю избежать задержания на различных станциях по дороге. К счастью, поскольку у меня был один из таких документов, я смог проехать от 90 до 120 миль за двадцать четыре часа.

Я не могу назвать пейзажи на этом пути особенно интересными. Дорога протекает через леса из сосен и лиственниц, как правило, довольно ухоженная и примерно такая же широкая, как лучшие из наших национальных трасс во Франции. Время от времени стена зелени раздвигается, уступая место просеке, вдоль которой виднеются ряды деревянных домов,

указывающих на существование той или иной деревни, название которой напечатано на столбе, где также указана информация о количестве жителей каждого пола. От красоты деревьев, а по правде говоря, и от довольно однообразных колонн *телег* с товарами, повозок с золотом в сопровождении солдат и нескончаемых караванов эмигрантов вскоре устаешь. По мере продвижения к Байкалу дорога становится все менее посещаемой, все более однообразной и тоскливой, особенно в унылой степи с чахлой порослью, через которую протекает Витим, приток Лены. Дорога теперь пролегает через болотистые прерии и обозначается лишь линией серых телеграфных столбов, тянущихся к горизонту.

Чтобы разбавить невыносимую монотонность этих долгих путешествий, обычно приглашают одного или двух других путешественников, чтобы разделить расходы, и их нетрудно найти, поскольку русские по природе своей общительны и совершенно свободны от чопорности и условностей. Однажды я был весьма удивлен, обнаружив жену чиновника в Забайкалье, которая, чтобы присоединиться к мужу, проделала путь из Владикавказа, 4 000 миль по железной дороге и 1 000 миль по автодороге, в компании офицера, с которым она была лишь немного знакома. Русские были удивлены этим не больше, чем американцы. Вероятно, общая небезопасность страны объясняет легкость, с которой люди заводят знакомства. Любители ужасов не преминут рассказать ужасающие истории о путешественниках, которых настигли беглые каторжники и убили в сердце леса. У вас есть револьверы?" - спросил почтмейстер в вечер моего первого путешествия в тарантасе, когда мы уже собирались в путь. Трое путешественников были убиты на этом маршруте всего пятнадцать дней назад, - продолжал он, а затем ужасно подробно рассказал нам об обстоятельствах. У меня не было с собой револьвера, да и не было причин в нем нуждаться, и я сильно сомневался в достоверности этих жутких историй. Настоящая опасность, с которой приходится сталкиваться путешественникам в Сибири, - это возможность ловко перерезать веревку, прикрепляющую багаж к спинке тарантаса, и унести свои портфели. Несчастные случаи редки, так как тарантас обычно очень крепко сконструирован. Правда, на крутых подъемах несколько тревожно наблюдать, как кучер дикими жестикациями подгоняет лошадей в галоп, но вскоре понимаешь, что опасность в этом случае лишь кажущаяся.

В этих сибирских путешествиях, безусловно, требуется немалое терпение, ведь дороги часто бывают ужасающе плохими, особенно когда после оттепели начинаются наводнения, когда потоки воды сносят даже мосты. И еще, что особенно раздражает, так это пассивная покорность, которую принимают все, и почтмейстер, и кучер, и даже попутчики. Привыкшие жить в климате, где силы природы бросают вызов изобретательности человека, они очень склонны, особенно если им больше нечем заняться, пожимать плечами перед неизбежным и с величайшим мастерством избегать беспокойства о путях и средствах улучшения ситуации. Помню, как однажды, после того как в Кяхте и Чите меня заверили, что если я буду продолжать путь, то подвергну свою жизнь опасности, меня высадили на броде, в котором застряло одно из колес тарантаса. Чтобы вытащить его, нам пришлось работать более часа в холодной воде и при тусклом рассвете, и даже тогда мы смогли сделать это только с помощью двух бурятов, проезжавших в том направлении, которые одолжили нам своих лошадей, чтобы помочь нам выбраться из этой неприятной ситуации. За единственным исключением этого казуса мне почти не на что было жаловаться. Однако именно на почтовых станциях терпение человека подвергается испытанию, и он осознает силу истины, высказанной одним английским автором, который начал книгу о Сибири следующим необычным афоризмом: "В Сибири время - не деньги". Переступая порог этих довольно унылых на вид домов, которые по мере продвижения на восток становятся все более и более мрачными, испытываешь чувство, сродни ужасу.

Почтмейстер почти всегда сидит перед очень грязной кассой и на ваши вопросы о том, есть ли у него готовые лошади, обычно отвечает: "Вам придется подождать два-три часа, возможно, до следующего утра". После этой приятной информации вы проходите в общую комнату ожидания, обычно обставленную несколькими стульями, двумя-тремя столами и одним-двумя старыми диванами. На стене висит икон, неизбежные портреты Их Величеств и несколько рамок с обычными печатными инструкциями и правилами. Затем идет нечто вроде прославленной ведомости на проезд, прочитав которую, вы узнаете названия множества сочных блюд, но, к сожалению, последняя строчка сообщает, что почтмейстер обязан снабдить вас только черным хлебом и горячей водой, причем последняя предназначена для приготовления чая, которым, вместе с сахаром, каждый путешественник снабжает себя перед отправлением. Почти всегда, однако, можно найти отличные яйца и молоко. Путешествуя по Забайкалью, разумно взять с собой запас консервов, которые можно купить в любом крупном сибирском городе.

Однако путешественники, которых можно встретить на этих курортах, как правило, очень дружелюбны, охотно и даже охотно делятся своей провизией. Сидя вокруг большого медного самовара, разговор становится душевным и интимным, все называют друг друга, независимо от возраста и пола, по христианским именам: "Николай Петрович", "Павел Иванович", "Елизавета Александровна" и так далее. Постоянно, во время путешествия, человек часто сталкивается с одними и теми же людьми, и таким образом знакомство вскоре перерастает в близость. Но, хотя эти посиделки за самоваром очень приятны и позволяют изучить самые приятные качества русских людей, не стоит ночевать в общежитиях по дороге, потому что все инсектицидные порошки, которые когда-либо были изобретены, не обеспечат спокойной ночи.

Поэтому, каким бы интересным ни было путешествие по Сибири, оно не совсем подходит для увеселительной поездки, хотя многие русские дамы, даже самого высокого ранга, часто совершают его, но я не рекомендую его деликатным людям. *При наличии подорожной* и хорошей погоды путешествие достаточно приятно, но не следует забывать, что путь от Урала до Владивостока занимает семь недель. Зимой путь на санях от Волги занимает два месяца, но если это так долго для путешественника, то каково должно быть для товара! Поэтому, ввиду отсталости сухопутных путей, торговля в Сибири вынуждена пользоваться великолепными водотоками, но даже они в течение семи месяцев в году парализованы толстым слоем льда, и, что еще хуже, все они текут к океану, вечно запруженному айсбергами.

Недавно были предприняты очень смелые эксперименты, увенчавшиеся пока частичным успехом, по проникновению в сердце Сибири по Полярному морю, когда навигация свободна в течение определенных недель в году. Следует помнить, что именно по Белому морю европейская торговля, представленная англичанином по фамилии Ченслер, впервые проникла в Россию в шестнадцатом веке. Поэтому не стоит удивляться попыткам проникнуть в Сибирь через устья Оби и Енисея, которые находятся на расстоянии не более 1000-1200 миль от самой северной части Норвегии, где море всегда свободно ото льда. М. Сидоров, русский джентльмен с большим состоянием, в середине нынешнего века посвятил себя осуществлению этой затеи, и, несмотря на то, что ведущие ученые того времени отговаривали его, считая ее неосуществимой, он обещал весьма солидное вознаграждение капитану первого корабля, который войдет в Енисей. Две экспедиции, предпринятые в 1862 и 1869 годах, потерпели неудачу; но в 1874 году англичанин Виггинс, капитан судна "*Диана*", сумел пройти Карский пролив, отделяющий Новую Землю от континента, на границе Европы и Азии, и таким образом смог осуществить проход в устье Енисея. В последующие лет

предпринимались более успешные попытки, и в 1878 году в устье Оби и Енисея были выгружены железо, бакалея, машины и другие товары. В 1887 году была создана английская компания для осуществления регулярных перевозок в конце каждого лета между Англией и севером Сибири, но, к сожалению, первый год оказался неудачным, так как товары не приносили прибыли. В следующем рейсе судно не смогло пройти Карский пролив и было вынуждено вернуться домой. Впоследствии была создана новая компания, но с плачевными результатами. Эти безрезультатные попытки, однако, не обескуражили англичан, и в 1896 году план навигации по Северному Ледовитому океану был возобновлен на более широкой основе, когда три парохода вошли в Енисей и поднялись по реке до Туруханска, примерно в 600 милях от его устья, где их товары были перегружены на большие баржи и доставлены в Красноярск. Товар, включавший семь паровых машин, был продан с изрядной прибылью. В настоящее время эта английская компания открыла свое представительство в Красноярске, и русское правительство, в знак признательности за большие услуги, которые она оказала, рискуя создать регулярное сообщение через Северный Ледовитый океан в Западную и Центральную Сибирь, снизило таможенные пошлины на все ввозимые ею товары наполовину, а на ряд товаров, таких как бакалея и машины, и вовсе отказалось от своих требований. Более того, российское правительство было настолько удовлетворено этой смелой попыткой, что предоставило несколько очень ценных концессий на добычу полезных ископаемых на этой реке. В 1897 году шесть английских пароходов вернулись в Туруханск, и довольно большая их флотилия была направлена к устью Оби, до сих пор несколько запущенному из-за мелководья. Кроме того, недавно была предпринята попытка наладить экспортную торговлю между Сибирью и Англией, и груз кукурузы, доставленный баржами компании к месту стоянки ее судов, вскоре был благополучно отправлен в Европу. В 1898 году та же компания добилась такого же успеха. До сих пор это предприятие было очень удачным. Нет нужды говорить, что Карское море и проливы, граничащие с ним, до начала августа забиты льдами, сконцентрированными там различными течениями, и сезон, в течение которого возможна навигация, длится только от шести недель до двух месяцев, между августом и сентябрем. Корабли, используемые для этой специфической службы, должны покидать Европу заблаговременно, чтобы в Карском проливе дожидаться благоприятной возможности проникнуть в устье рек, подняться по ним, разгрузиться, пополнить запасы и как можно быстрее отправиться в обратный путь. Время, в течение которого баржи могут доставить свои грузы в глубь Сибири и вновь подняться по сибирским рекам, пока они не замерзли, крайне ограничено, и особенно это касается Енисея, течение которого даже у Красноярска не превышает шести миль в час, достигая, однако, двенадцати миль между Красноярском и Енисеем. Поэтому невозможно делать более семидесяти-восьмидесяти миль в день, и надо помнить, что между Туруханском и Красноярском расстояние около 1000 миль, и что в начале октября навигация приостанавливается. При таких условиях вряд ли возможно организовать более одного рейса в год, хотя, возможно, когда особенности ледяных районов Карского моря будут лучше изучены, дело может обстоять иначе. Следует также отметить, что суда, занимающиеся этим видом торговли, не были построены специально для него, а являются обычными грузовыми судами, которые в остальное время года могут быть заняты торговлей в более приятных климатических условиях. Если настоящая компания окончательно утвердится, то это будет чрезвычайно удачно не только для города Красноярска, но и для всей Сибири, которая таким образом сможет экспортировать по очень дешевому пути излишки своих урожаев и, возможно, также часть своей превосходной древесины, и получать взамен из Западной Европы промышленные изделия и машины, которые до сих пор поставлялись исключительно из Москвы. Поэтому открытие Транссибирской магистрали в сочетании с открытием навигации через Северное Ледовитое море обязательно принесет значительную пользу Азиатской

России, поможет ей получить более свободную связь с остальным миром и тем самым позволит ей в конечном итоге полностью модернизироваться.

ГЛАВА IX

ТРАНССИБИРСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Происхождение Транссибирской магистрали - сначала рассматривалась только со стратегической и политической точки зрения - Завершение Уральской железной дороги - Проект использования судоходных путей для соединения России с Амуром - Трудности, возникшие из-за сурового климата - Александр III. В 1891 году Александр III решает проложить линию между Уралом и Тихим океаном и определяет условия ее строительства - различные участки линии и ее отклонения через Маньчжурию - состояние работ в 1892 году и скорость, с которой она была построена - в настоящее время (1900) Россия имеет линию смешанного сообщения на поездах и судах, проходящую от Урала до Тихого океана, А в 1904 году будет построена полная линия от Урала до Порт-Артура, расстояние более 4 130 миль - строящиеся пароходы-монстры для перевозки пассажиров через озеро Байкал - успех предприятия.

Идея создания сухопутной дороги из России на Дальний Восток и в Тихий океан, вероятно, зародилась в плодородном мозгу Вольтера, который в письме к графу Шувалову, датированном 11 июня 1761 года Ферни, сказал, "что из России можно было бы ехать прямо в Китай, не пересекая значительных горных перевалов, подобно тому, как можно ехать из Петербурга в Париж, не покидая равнины". Еще более практическое определение этому вопросу дал ближе к нашему времени граф Муравьев-Амурский, который, присоединив к России Приамурскую провинцию, поддержал идею строительства Транссибирской железной дороги, а тем временем поощрял создание почтовой магистрали от Урала до Амурского, что, по его мнению, значительно укрепит престиж России на берегах Тихого океана.

Транссибирская магистраль, надо заметить, изначально задумывалась не только в интересах Сибири, но и как средство соединения Европы с богатыми странами Дальнего Востока, причем таким образом, чтобы избежать необходимости длительного пребывания на грубых и малонаселенных промежуточных территориях. Даже после того, как проект был окончательно принят Александром III, политические и стратегические соображения проблемы считались гораздо более важными, чем коммерческие; но вскоре выяснилось, что Сибирь - не такая уж заброшенная страна, как представлялось до сих пор, а обладает определенными ресурсами большой ценности, которые можно легко освоить при условии организации быстрого сообщения с остальной частью империи.

Первым шагом в правильном направлении стало строительство Уральской железной дороги, открытой в 1880 году и соединившей Пермь на Каме с Тюменью на Тоболе, реке, впадающей в Иртыш. Растущая необходимость разработки важных золотых и железных рудников на Урале, несомненно, была главным мотивом для строительства этой линии; но впоследствии она оказалась чрезвычайно важной и для остальной Сибири, поскольку, сочетая речные и сухопутные пути, стало возможным, по крайней мере в течение пяти или шести месяцев в году, добраться до Томска за относительно короткий срок.

В то время считалось, что открытие этой магистрали будет вредить плану создания Транссибирской магистрали, так как после соединения судоходных притоков Оби с Волгой было решено соединить Россию с ее владениями на Дальнем Востоке, объединив таким же образом бассейн Оби с бассейном Енисея, а последний - с притоками Амурского и, наконец, с

Тихим океаном. Железная дорога от Оби до Енисея была признана нецелесообразной, требовался лишь канал. Поэтому в 1882 году было начато строительство канала между рекой Кеть, притоком Оби, и рекой Касс, притоком Енисея, расстояние между которыми не превышает 126 миль. Канал, проходящий через ряд девственных лесов, по завершении строительства, к сожалению, не оправдал ожиданий. К востоку от Енисея его создатели столкнулись с грозными препятствиями в виде льда и многочисленных порогов, мешающих течению Ангары, и все попытки подняться вверх по этой реке до сих пор не увенчались успехом.

Несмотря на эти трудности, предприимчивые инженеры до последнего надеялись, что смогут модифицировать некоторые из них, но так и не преуспели в этом. Таким образом, вскоре стало очевидно, что если между Россией и Тихим океаном и должно существовать какое-либо практическое сообщение, то оно может осуществляться только каким-либо способом, не зависящим от климатических особенностей. Покойный царь Александр III легко понял, что смешанная железнодорожно-речная система с ее многочисленными неудобствами погрузки и разгрузки, а также ледовыми заторами, была, сравнительно говоря, бесполезна. Поэтому Его Императорское Величество оказал большое содействие и помощь в создании Транссибирской магистрали, к которой он проявил глубочайший интерес, будучи совершенно уверен, что ее завершение имеет жизненно важное значение для благоустройства и благосостояния огромной части его империи. Менее чем через восемь лет со дня подписания им императорского указа о немедленном строительстве железной дороги поезда начали курсировать на протяжении 3300 миль, соединяя верхнее течение Амура с Европой, а нижнее - с Тихим океаном. Не вдаваясь в дальнейшие подробности различных маршрутов, предложенных и впоследствии отмененных, достаточно сказать, что в настоящее время прекрасная идея создания линии, проходящей вдоль берегов Байкала от Иркутска до Мисофска, временно оставлена, и что короткая линия в сорок четыре мили между Иркутском и Лиственичной теперь идет к западному берегу этого озера, где поезда скоро будут перегружаться прямо на пароходы, построенные по известной американской системе, и таким образом путешественники смогут продолжать свой путь на Дальний Восток, не покидая поезда.

Транссибирская магистраль между Челябинском и Владивостоком включает в себя основную линию длиной около 4 125 миль, а также две ветки, одна длиной 104 мили, другая 410 миль, которые соединяются с Верхним и Нижним Амуром.

Западно-Сибирская железная дорога была закончена в 1895 году, Центрально-Сибирская и участок между Иркутском и Байкалом - в 1898 году. Теперь поезда могут ходить по 2 152 милям железной дороги. Уссурийская железная дорога протяженностью 478 миль, из которых 67 миль относятся к магистрали, была открыта только в 1897 году. Многочисленные трудности Забайкальской линии, несколько задерживавшие ее завершение, были преодолены, и она была открыта совсем недавно, причем 2 814 миль из 4 125 миль были освобождены для движения. Линия на Уссуре была закончена три года назад, а железная дорога проложена между Ононом и Стретенском, и теперь (1900 г.) русские имеют полную сухопутную и речную систему сообщения с Тихим океаном.

В течение нескольких лет русские офицеры и инженеры спокойно исследовали Маньчжурию, получая весьма интересные результаты. В 1895 году китайское правительство, после китайско-японской войны, в знак благодарности России за ее участие в совместной с Францией и Германией интервенции в ее пользу, предоставило ей право построить железную дорогу через эту важную провинцию и, кроме того, оккупировать страну во время ее строительства, чтобы обеспечить безопасность работ и рабочих. Это обстоятельство

внесло существенные изменения в первоначальный маршрут Транссибирской магистрали. Участок на Амуре от Стретенска до Хабаровска был заброшен и заменен Транс-Маньчжурской железной дорогой, которая отходит от станции Онон, в 104 милях к востоку от Стретенска, и соединяется с первоначальной линией в Никольске, примерно в 67 милях от Владивостока, и таким образом был создан смешанный железнодорожно-речной маршрут, который обеспечивает прямую связь Европы и Тихого океана в летние месяцы. Поезд теперь доставляет путешественников с Урала в Стретенск, оттуда на лодке в Хабаровск, откуда линия непрерывно идет во Владивосток. Что касается большой Маньчжурской линии, то она не может быть закончена, даже согласно концессионному письму, раньше 1904 года, настолько многочисленны и велики естественные и другие препятствия, которые необходимо преодолеть. Однако в первоначальный план уже внесены заметные изменения. Владивосток больше не будет главным пунктом назначения, его перенесут в Порт-Артур, расположенный на 530 миль южнее. Преимущества для торговли, которые будут получены в результате реализации этого проекта, несомненно, быстро и в значительной степени компенсируют дополнительные затраты труда и средств.

Огромные трудности при строительстве Транссибирской магистрали были связаны в основном с ее огромной протяженностью. Если американцам при создании линии между Миссисипи и Тихим океаном пришлось преодолеть всего 2000 миль, то русским спустя тридцать лет пришлось проложить более 4000 миль рельсов, чтобы достичь того же океана с Урала. В остальном их трудности были гораздо менее грозными, чем те, которые порой почти ставили в тупик даже изобретательность американцев. К счастью, в Сибири нет Скалистых гор или Сьерра-Невады, которые нужно преодолевать на большой высоте, а есть только сравнительно невысокие хребты, такие как Яблоневого, или "Яблоневые горы", названные так из-за их довольно приземистой формы. Кроме того, хотя Сибирь в настоящее время заселена не более густо, чем Дикий Запад в 1860-1870 годах, в ней нет таких безлюдных районов, как плоскогорья Юты и Невады. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что с инженерной точки зрения задача была сравнительно легкой, хотя линия должна пройти через очень разнообразную страну после выхода с Урала и через бескрайние равнины, чтобы достичь волнистых районов между Обью и Енисеем, где она поднимается на цепь холмов на высоте не менее 2000 футов на пути от Енисея до Иркутска. На восточном берегу Байкала железная дорога постепенно поднимается на высоту не менее 3 500 футов над уровнем воды, откуда быстрым зигзагом спускается в долины Ингоды и Чилки, перерезает крутые отроги некоторых очень высоких гор и переходит в болота, где, между прочим, инженерам пришлось преодолеть величайшее препятствие, главным образом из-за неустойчивого состояния почвы. Таким образом, если учесть, что между Амуром и Уралом нет ни одного тоннеля, можно с уверенностью заключить, что, если бы не огромная длина, эта знаменитая линия с инженерной точки зрения не была столь же трудным предприятием, как, например, некоторые из гораздо более коротких линий, расположенных ближе к дому, через Альпы и Севенны.

Мосты, напротив, очень примечательны и многочисленны, а некоторые из них потребовали большого мастерства при строительстве, поскольку они перекинуты через важнейшие реки Сибири, которые, за исключением тех, что находятся в бассейне Амура, неизменно текут на север. Здесь четыре главных моста, из которых два пересекают Иртыш и Обь соответственно, каждый длиной 2750 футов; два других перекинуты через Енисей и Селенгу и имеют длину около 3000 футов. Строительство этих четырех мостов потребовало больших затрат, так как пришлось возводить каменные сваи огромной прочности, способные выдержать удар огромных масс плавучего льда. Второстепенные мосты, некоторые из которых имеют длину от 700 до 900 футов, очень многочисленны, но, если не считать

трудностей с их прочным закреплением на большом расстоянии по обе стороны рек из-за болотистой природы почвы на ближайших берегах, от инженеров, руководивших их возведением, не потребовалось никакого выдающегося мастерства.

Самой примечательной особенностью линии станет способ, которым поезда будут перевозиться через Байкал, самое большое озеро в Азии. В Америке и Дании система переброски поезда на чудовищный паром, пересекающий значительные водные пространства, используется на практике уже много лет, но до сих пор расстояния никогда не превышали семидесяти миль. Железная дорога Толедо, Энн-Харбор и Северного Мичигана располагает паромными перевозками поездов через озеро Мичиган на расстояние около семидесяти миль. *Père Marquette*, самый большой паром в мире, названный так в честь знаменитого иезуитского миссионера и исследователя, имеет 344 фута в длину и 54 фута в ширину и четыре линии, что позволяет ему перевозить тридцать грузовых вагонов и шестнадцать очень современных пассажирских коридорных вагонов. Трудности, которые необходимо преодолеть на Байкале, к счастью, меньше, чем на озере Мичиган. Начнем с того, что расстояние от берега до берега значительно меньше. От Лиственничной, иначе "лиственницы", до Мисофска всего сорок миль. Несмотря на сильный холод, Байкал не замерзает до самого конца января из-за своей большой глубины - 4 200 футов, из которых 2 900 футов находятся ниже уровня моря, образуя огромный объем воды, который очень долго замерзает и почти так же долго оттаивает, так как его температура даже летом редко поднимается выше 5° C. В течение восьми месяцев в году озеро Байкал свободно и судоходно, и считается, что две переправы в день, всегда по одному и тому же каналу, могут в конечном итоге уменьшить толщину льда зимой.

Строительство этих огромных паромов было поручено известной американской фирме.^[12] Они должны быть больше, чем *Père Marquette*, и снабжены специальными приспособлениями для разрезания льда при прохождении через него, и, кроме того, они должны идти со скоростью тринадцать с половиной узлов в час в свободной воде и четыре узла при прорезании льда. Зимой переход займет девять часов, а летом - около двух с половиной часов. К сожалению, штормы на Байкале бывают очень внезапными и частыми, а летом путешествию часто мешают густые туманы, и случается, что лодки задерживаются на несколько часов и даже дней, прежде чем отважатся переправиться. Пассажирам сайта, конечно, будет очень неприятно, если их на долгие часы задержат в Лиственничной или Мисофске в ожидании ясной погоды. Однако они могут утешиться, ведь еще совсем недавно их могли задержать на несколько дней в каком-нибудь заштатном почтовом отделении, в компании с целым полком самых неприятных и безымянных собутыльников!

Трудности с поиском рабочих для строительства этой железной дороги были не столь велики, как можно было ожидать, благодаря кочевым привычкам русских, которые мало задумываются о том, чтобы оставить дома жен и имущество и отправиться за сотни, а то и тысячи миль в поисках работы. Кроме того, на самой линии уже имелось значительное количество рабочих рук, поскольку, как уже говорилось, население Сибири сконцентрировано на старой почтовой дороге, которая во многих местах проходит параллельно железной дороге. Каторжный труд использовался нечасто, а если и использовался, то был неудовлетворительным и вскоре был практически заброшен. Строительство линии, однако, заняло необычайно много времени, поскольку единственный сезон, в течение которого в Сибири можно вести работы, длится всего шесть месяцев; но это, вероятно, оказалось привлекательным для русских и азиатских рабочих, поскольку давало им достаточно времени, когда земля была густо покрыта снегом, чтобы вернуться в

свои хижины и предаться дневным мечтам, столь дорогим для них и для всех восточных людей.

Трудно подсчитать точную стоимость линии, но поначалу она оценивалась более чем в 40 000 000 фунтов стерлингов,^[13] из которых, к сожалению, значительный процент был потрачен впустую, если не сказать хуже. В связи с этим были выдвинуты серьезные обвинения против большого числа людей, и, несомненно, не без оснований; ведь не следует забывать, что представления о честности, принятые в азиатской России, даже сейчас склонны быть явно византийскими. Однако, как бы то ни было, Россию можно поздравить с блестящим достижением, которое ни одна другая страна, за исключением, возможно, Англии или Америки, не осмелилась бы предпринять, особенно в столь короткий срок.

ГЛАВА X ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ЧЕРЕЗ МАНЧЖУРИЮ

Концессии, предоставленные Китаем для строительства Маньчжурской железной дороги - Компания Восточно-Китайской железной дороги и ее устав - Метод строительства и использования водных путей - Военные и политические преимущества - Ответвление на Порт-Артур - Быстрый прогресс уже достигнут.

Завершение строительства Маньчжурской железной дороги произойдет через несколько лет, и если в ее строительстве произошла явная задержка, не следует забывать, что более сложная работа уже была завершена на Транссибирской магистрали, когда планы китайской схемы только разрабатывались, а также что препятствия, которые необходимо преодолеть в Маньчжурии, бесконечно больше, чем те, которые возникали в Сибири. Эти препятствия в основном являются результатом естественного формирования почвы. Что касается предполагаемых политических трудностей, то они очень незначительны, хотя линия и проходит через китайскую провинцию.

Несмотря на то, что номинально линия была передана анонимному обществу, она находится в руках российского правительства, и для подтверждения этого утверждения достаточно изучить устав Восточно-Китайской железнодорожной компании, который был составлен главным учредителем, М. де Витте, и сформулирован Русско-Китайским банком между 26 августа и 8 сентября 1896 года, после подписания Конвенции между российским и китайским правительствами. Согласно этому уставу, одобренному российским правительством с 4 по 16 декабря 1896 года и опубликованному в "Официальном вестнике империи", "акционерами должны быть либо русские, либо китайцы. Концессия прекращается по истечении восьмидесяти лет со дня открытия законченной линии. Облигации могут быть выпущены только по требованию, и то только с согласия министра финансов России. Правительство России гарантирует выплату процентов и погашение облигаций. Управление компанией осуществляется комитетом, состоящим из президента и девяти членов, из которых один является вице-президентом, поделенных между Пекином и Санкт-Петербургом. Президент выбирается только китайским правительством; остальные члены комитета обычно избираются на общем собрании акционеров. Главная обязанность президента - следить за соблюдением интересов китайского правительства. Вице-президент должен заниматься исключительно управлением компанией. Российское правительство имеет право наблюдать за ходом и развитием работ, как в период строительства, так и в период эксплуатации. Министр финансов России, кроме того, имеет право утверждать кандидатуры вице-президента, главного инженера и всех других должностных лиц, а также

одобрять или не одобрять любые изменения, которые могут быть предложены в ходе строительства линии.

Эти и другие положения, на которые нам остается только сослаться, доказывают преобладающее влияние России в этом предприятии, и, кроме того, мы должны помнить, что большинство акций находится в руках российского правительства. Поэтому очевидно, что китайский президент - всего лишь фигура, а все предприятие принадлежит исключительно России. По сути, единственная важная оговорка, сделанная в интересах Китая, заключается в следующем: "По истечении тридцати шести лет со дня окончания строительства линии китайское правительство будет иметь право выкупить ее и принять на себя все обязанности указанной компании". Если Китай не воспользуется этим правом выкупа, то он вступит во владение линией и ее зависимыми территориями только по истечении восьмидесяти лет со дня ее открытия, что, безусловно, потребует от него очень долгого времени. Устав также гласит, что работы должны быть начаты не позднее 16-28 августа 1897 года и закончены через шесть лет, то есть в 1903 году, но, по сути, маловероятно, что все будет готово к этому времени из-за многочисленных препятствий, которые предстоит преодолеть инженерам.

Согласно проекту, принятому в 1897 году, протяженность Маньчжурской железной дороги от Онона до Никольска составит 1200 миль, из которых 890 миль пройдут по территории Поднебесной, а 310 миль - по территории России. Общее расстояние по железной дороге от Челябинска до Владивостока составит 4 072 мили, а не 4 640, как указано в первоначальной схеме, включая 40 миль через озеро Байкал.

Китайская Маньчжурия состоит из двух бассейнов - Сунгари, великого притока Амура, который впадает в эту реку между Благовещенском и Хабаровском, и Ляо-хо, впадающего в договорной порт Ниу-чван в правительстве Пе-чи-ли. Между этими двумя бассейнами лежит зона степей, совершенно лишенная воды, восточное продолжение великой пустыни Гоби, шириной 130 миль. К востоку от севера и северо-запада Маньчжурии возвышается цепь высоких гор, которые отделяют долины Амура и его притоков, Аргуни и Уссури, от большой внутренней и очень болотистой равнины, орошаемой Сунгари и ее притоками.

Новая линия, выйдя из Онона, должна будет пересечь возвышенную цепь гор к югу от Забайкалья, длиной 265 миль, на высоте более 3 000 футов, затем спуститься в долину Аргуни и, наконец, войти в совершенно пустынный горный район, не исследованный до прибытия инженерной миссии, длиной около 130 миль. Отсюда придется преодолеть высоту, превышающую даже упомянутые 3 000 футов, и еще 330 миль пройти на высоте от 300 до 600 футов над уровнем Сунгарийской равнины, чтобы снова подняться до 1 950 футов и пересечь еще один высокий хребет, прежде чем спуститься в Никольск, находящийся на высоте 130 футов над уровнем моря. К трудностям, которые возникают на пути быстрого продвижения из-за большой высоты и обрывистости Маньчжурских гор, следует добавить те, что создаются из-за неустойчивого состояния почвы, которая, по словам некоторых моих знакомых путешественников, исследовавших этот район, состоит из одного огромного озера грязи. К счастью, однако, кажется, что примерно на три или четыре фута ниже этой неприятной поверхности существует твердый слой гравия, который может послужить отличным фундаментом для линии. Эти неблагоприятные условия поначалу казались настолько непреодолимыми, что многие пессимисты одно время считали, что будет разумнее вообще отказаться от маньчжурского плана и вернуться к первоначальному плану прохождения через долину Амура. Однако царь твердо стоял на своем, и в 1898 году Его Величество отдал приказ немедленно приступить строительству той части линии между Ононом и Аргунью, которая находится на его собственной территории. Водные пути на территории Китая использовались точно так же, как и в Сибири. Для подъема по Сунгари в

Ньюкасле-на-Тайне было заказано несколько плоских паровых буксиров. Они необычайно мелководны, набирают всего два фута воды, снабжены двигателями мощностью 500 лошадиных сил и предназначены для перевозки рельсов. Их привозят из Европы, через Владивосток, по Уссурийской железной дороге. Помню, как в сентябре я был в Имане, где Владивостокская линия впадает в Уссури, и с большим интересом наблюдал за одним из этих огромных судов в процессе реконструкции. Я не могу не думать, однако, что Аргунь лучше подходит для перевозки тяжелых железнодорожных грузов, чем мелководная Сунгари.

Если российское правительство так быстро решило осуществить строительство Маньчжурской железной дороги, то это было вызвано скорее важными политическими соображениями, чем каким-либо сокращением маршрута. Следует иметь в виду, что эта железная дорога проходит менее чем в 330 милях от крайней северной точки залива Пе-чи-ли, тогда как по Амурской линии расстояние вдвое больше, и даже тогда, после прибытия во Владивосток, чтобы достичь Пе-чи-ли, необходимо будет пройти неизведанный и необитаемый горный район, простирающийся к северу от Корейской границы. С равнины Сунгари Россия может легко отправить войска в Мукден и Ниу-Чван, а при необходимости даже в Пекин, тогда как из Владивостока ей будет очень трудно, если не совершенно невозможно, переправить их по суше, и, кроме того, там она отнюдь не является полной владычицей моря.

Во Владивостоке уже имеется ряд важных морских предприятий, гавань отличная, и в случае войны с Японией это будет важнейший плацдарм. Однако Россия рассчитывает, что с помощью Маньчжурской железной дороги она сможет перенести конечный пункт Транссибирской магистрали на пять градусов южнее Владивостока, в Порт-Артур, и таким образом господствовать над заливом Пе-чи-ли, а также над сухопутными и морскими путями, ведущими к китайской столице. Эта схема была абсолютно решена с 1898 года. Ветка, соединяющая гавани Порт-Артура и Талиен-вана с ближайшей точкой Восточно-Китайской железной дороги, расположенной недалеко от города Кирин, прокладывается как можно активнее. Из Франции и Америки в Порт-Артур и Ниу-чван уже прибыли тысячи тонн рельсов, а также множество железнодорожных двигателей, а в направлении последнего порта прокладывается еще одна ветка Русской железной дороги. Ветка от Порт-Артура составляет около 530 миль, так что общая длина Транссибирской магистрали не будет сильно увеличена этим отклонением, которое приведет ее к полной остановке на оконечности Ляо-тунского полуострова, на берегу моря, которое всегда свободно ото льда. Общее увеличение расходов не превысит 5 000 000 фунтов стерлингов.

ГЛАВА XI

ИЗМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ, ВЫЗВАННЫЕ ПРОКЛАДКОЙ ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Расстояние между Европой и Дальним Востоком по Транссибирской магистрали - Сокращение времени и расходов на морской путь - Китай и Япония в двух неделях пути от Парижа и Лондона - Роскошь и комфорт на борту дальневосточного экспресса - Сложность перевозки товаров, которые должны оставаться намного дороже, чем по морскому пути - Важность Транссибирской магистрали как средства распространения цивилизации на Дальнем Востоке.

Как уже говорилось, не позднее 1904-1905 годов непрерывная железная дорога соединит Европу с берегами Тихого океана. Расстояния между Парижем, Берлином и Лондоном, а также Владивостоком и Порт-Артуром следующие:

5 852 мили от Санкт-Петербурга, viâ Москвы.

6 370 миль от Берлина.

7 044 мили от Парижа.

7 104 мили от Лондона, через Дувр и Остенде.

Европейские экспрессы преодолевают самые большие из этих расстояний за одну неделю; но следует помнить, что в настоящее время поезда не могут двигаться по Сибирской железной дороге с такой высокой скоростью, как сорок-пятьдесят миль в час. Это возможно только на очень крупных линиях Западной Европы, и это действительно намного больше того, что достигается американскими трансконтинентальными поездами, как только они пересекают Миссисипи, или канадскими тихоокеанскими поездами, скорость которых между Монреалем и Ванкувером редко превышает двадцать пять миль, и даже эта относительно низкая скорость не может быть ожидаема вначале на Транссибирской магистрали. Рельсы очень легкие, особенно на первых или западных участках, и вся железная дорога во многих местах, как это часто бывает в Америке, довольно примитивно построена. Поэтому подсчитано, что дальневосточный экспресс, еженедельный *поезд-де-люкс*, который будет организован, как только линия будет полностью закончена,^[14] займет не менее двенадцати дней, чтобы совершить путешествие между Лондоном или Парижем и Владивостоком и Порт-Артуром, что не потребует большей скорости, чем двадцать миль в час по сибирским линиям. Однако, когда система будет лучше управляться и станет на ту же основу, что и Канадская Тихоокеанская железная дорога, путешествие, возможно, будет выполняться за несколько часов менее чем за одиннадцать дней. Транссибирский маршрут после его открытия станет несравненно самым коротким путем между Европой и Дальним Востоком. Расстояние от Владивостока до японских портов Навоицу и Ниигата на Японском море составляет около 480 миль, что займет около сорока часов пути на пароходе. Оттуда около 280 миль по железной дороге, пройденных за пятнадцать часов, приведут столицу микадо в двух с половиной днях пути от Владивостока и примерно в пятнадцать дней от Парижа. С другой стороны, китайская линия, которая сейчас реорганизуется английской компанией между Пекином и Тянь-цзинем, а оттуда до Шань-хай-квана у подножия Великой стены, продлевается до Ниу-чвана, где она соединится с русскими линиями, и таким образом путешествие из Парижа и Лондона в Пекин может быть осуществлено за тринадцать-пятнадцать дней. Шанхай, главный порт Китая, удален от Порт-Артура на 575 миль, до него можно добраться за два дня, и, таким образом, Гонконг будет находиться в семнадцати днях пути от Лондона. Теперь, чтобы добраться из Парижа или Лондона до Иокогамы через Суэцкий канал, потребуется не менее тридцати четырех дней, а до Канады - двадцать один, и уж точно не менее двадцати восьми дней, чтобы добраться до Шанхая по любому из этих маршрутов. Двадцать пять дней требуется, чтобы добраться до Гонконга через Суэцкий канал, и тридцать - через Америку, и хотя этот порт расположен в тропиках, до него можно добраться гораздо быстрее через Сибирь, чем круглым путем через Индию. Марсельские пароходы прибывают в Сайгон после двадцати трех дней плавания, но вряд ли они смогут соперничать в скорости с Транссибирской магистралью. Столица Китая Кочин, однако, обозначает крайний предел этой сферы; но все места, расположенные к северу и востоку от нее - Япония, Тонкин, Китай и Филиппины - могут быть неизмеримо ближе к Европе, чем, конечно, когда-либо представлял себе Вольтер, когда писал свое письмо графу

Шуварофу. Поэтому очевидно, что даже если морские компании сделают все возможное, чтобы увеличить скорость своих судов, они никогда не смогут доставить путешественников в Пекин, Гонконг, Шанхай, Токио или Манилу за время, похожее на то, которое занимает Транссибирская магистраль.

Еще одно большое преимущество Транссибирской магистрали - снижение расходов, которые будут значительно меньше, чем на паромных судах. Стоимость проезда первым классом из Марселя в Гонконг, Шанхай или в один из японских портов составляет около 70 фунтов стерлингов, к которым следует добавить еще 5 фунтов стерлингов на дорожные расходы от Лондона до начального пункта. Через Канаду расходы примерно такие же, а через Сибирь - примерно вдвое меньше. Российский тариф - чрезвычайно разумный, особенно для больших расстояний, и подсчитано, что стоимость проезда от границы Германии до Владивостока или Порт-Артура на обычных поездах составит около 11 гиней первым классом и 5 фунтов третьим. *На поезде класса люкс* от российской границы до конца путешествия - 18 фунтов стерлингов. К этим расходам, однако, следует добавить те, которые всегда включены в стоимость на кораблях, но никогда - на поездах: питание, обслуживание и т. д., которые, однако, никогда не бывают тревожно высокими ни на немецких, ни на российских линиях. Если мы добавим к вышесказанному стоимость билета из Порт-Артура в Шанхай - 6 фунтов, в Гонконг - 12 фунтов, то станет ясно, что стоимость путешествия из Парижа в Северный Китай и Японию составит около 32 фунтов, а в Южный Китай - 40 фунтов, словом, вдвое меньше, чем сейчас.

Возникает довольно тревожный вопрос, как люди смогут выдержать неизбежную усталость от двенадцатидневного непрерывного пребывания в железнодорожном вагоне. Привычка - вторая натура, и хотя в мире нет другой линии такой большой протяженности, тем не менее бесчисленное множество американцев не задумываются о том, чтобы провести неделю или десять дней в постоянном путешествии на поезде. Не стоит забывать и о том, что вагоны, предназначенные для этой линии, будут построены специально, и в них будут предусмотрены все мыслимые удобства и современные усовершенствования. Длинный коридор по центру купе позволит пассажирам заниматься спортом, и, конечно же, все будет предусмотрено для комфорта спального отделения и отопления вагонов в зимнее время. Уже сейчас на тех линиях, которые были открыты в Сибири, работают рестораны с очень хорошей едой, обычно под руководством японца, чей главный повар знает толк в приготовлении космополитических блюд, а официанты не оставляют желать лучшего в плане чистоты и вежливости. Даже сейчас на отдаленных станциях, где еще несколько лет назад не ступала нога человека, путешественники, исчерпавшие свой запас романов, могут найти книжный магазин, где продается современная художественная литература и путеводители.

Однако российское правительство, заботясь о комфорте транссибирских путешественников, позаботилось о создании превосходного ресторана, библиотеки и, в общем, всех тех предметов роскоши, которые до сих пор являются радостью и гордостью американцев. Нельзя ожидать комфорта первоклассного лайнера в узком, похожем на коробку поезде; но не стоит забывать, что пассажирам на борту этих плавающих дворцов приходится переносить множество страданий в виде морской болезни и многочисленных недугов, которые неизменно сопровождают путешествие через Зону жары. Не подлежит сомнению превосходство транссибирского маршрута в Тихий океан над канадским, поскольку последний включает в себя два длительных морских переезда. Летом Транссибирская магистраль, несомненно, очень приятна, и даже зимой вагоны можно держать в тепле, и, кроме того, не нужно опасаться неожиданного схода лавин, как это происходит в Канаде. Таким образом, в течение нескольких лет неумевшие путешественники двух миров, а также

бизнесмены, для которых "время - деньги", найдут новое и быстрое средство для достижения стран, расстояние и трудности путешествия в которые до сих пор были недоступны только для самых предприимчивых или тех, кто не возражает против очень долгого морского путешествия. С чисто коммерческой стороны вопроса, однако, нет никаких сомнений в том, что пройдет еще очень много времени, прежде чем Транссибирская магистраль сможет конкурировать с морским путем в перевозке тяжелых товаров на Дальний Восток и из великих торговых центров Европы и Азии. Тем не менее, некоторые легкие товары - например, молоко и чай - могут быть доставлены в достаточном количестве по разумной цене через Сибирскую железную дорогу. Одним из главных преимуществ этой линии будет возможность пересылать письма в Китай, Японию и т. д. за гораздо меньшее время, чем сейчас.

Что касается социальных преобразований, которые неизбежно должны произойти в результате постоянного проезда столь большого количества людей, принадлежащих к высокоцивилизованным западным народам, через такую отсталую до сих пор страну, как Сибирь, то они могут быть названы неисчислимыми. То, что Россия особенно выиграет от создания линии, которую она построила с огромными затратами, справедливо и, более того, несомненно, является наградой за ее мужество и предприимчивость. В то же время цивилизация найдет общий интерес в удивительной разнице, которую столь важный фактор неизбежно должен внести в историю прогресса на Дальнем Востоке.

ЧАСТЬ II.-ЯПОНИЯ

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРОШЛАЯ ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

Различные мнения о Японии и реформах, которые были проведены в этой империи за последние несколько лет-Необходимость знать кое-что из японской истории, чтобы оценить недавние преобразования в стране-По происхождению японцы-Ранняя история-Микадо-Японцы перенимают китайскую цивилизацию между пятым и восьмым веками нашей эры - Неспособность японцев принять некоторые китайские институты - Упадок абсолютной власти микадо - Военное правительство, принятое в двенадцатом веке - Японский феодализм - Увеличение власти среди феодалов в четырнадцатом веке - Гражданские войны и анархия в пятнадцатом веке - Порядок вновьУстановление порядка и централизация правительства благодаря действиям великих военачальников в конце шестнадцатого века - Основание династии сёгунов Токугава - Европейцы в Японии в шестнадцатом веке - Японцы принимают нашу цивилизацию с энтузиазмом - Быстрое распространение христианства - Реакция в семнадцатом веке - Чисто политические причины - Преследование христиан и изгнание иностранцев - Япония изолирована в течение почти двух веков.

Абсолютная изоляция, которую Япония сохраняла на протяжении более трехсот лет, и ее систематическое неприятие любых попыток привнесения хотя бы лучика западной цивилизации, не могут, надо признаться, не очаровывать всех, кто интересуется историей народа, который за последние тридцать лет стал таким популярным и прогрессивным, как японцы. Внезапно и без всяких объяснимых причин страна, которая была так же тщательно запечатана от внешнего мира, как знаменитый ларец чародея, была широко открыта, не только для того, чтобы принять, но даже для того, чтобы судить иностранный прогресс, науку

и цивилизацию, и теперь Япония окончательно приняла без колебаний самые абсолютные изменения и смелые инновации в своей политической и социальной системе, и осуществила преобразование в своих нравах, идеях и обычаях, не говоря уже о костюмах, такое, какого никогда не достигала ни одна другая нация за такой короткий промежуток времени.

Поначалу Европа с интересом наблюдала за этой необычной эволюцией, но не без скептицизма, поскольку трудно было всерьез воспринимать то, что в конце концов могло оказаться лишь мимолетной модой или результатом каприза. Многие, правда, испытывали тревогу, опасаясь, что внедрение современной цивилизации в страну, столь восхитительно причудливую и очаровательную, как Япония, может разрушить очарование населения, состоящего из художников, и, более того, нанести непоправимый ущерб тому изысканному искусству, которым она так славится. Для многих Япония должна была остаться страной прекрасного фарфора, богатых лаков, *какимоно*, *мусме* и хризантем. В самом деле, кто бы мог поверить, что родина *гейш* и всевозможных изящных прелестей, карликовых деревьев и лилипутских чайных садов сможет акклиматизироваться в прокуренной промышленности, суровом милитаризме и незыблемой судебной и политической системе нашей обыденной цивилизации? С таким же успехом можно ожидать подобной трансформации в мире бабочек и сверкающих мух-драконов, как и в империи Микадо. Один выдающийся писатель заявил, что "современная Япония - это всего лишь плохой перевод"; а другой говорит: "Я нахожу Японию чем-то вроде анемичного карлика. Я знаю, что она имеет допотопную древность, но при всем том я не могу не считать эту маленькую старую мумию, облаченную в атрибуты западной цивилизации, в высшей степени нелепой". Такого мнения придерживались не только случайные посетители Японии, но и те, кто прожил в этой стране много лет, и кто никогда не был счастлив, кроме как при противопоставлении солидных качеств китайцев, их осмотрительности, благоразумия и глубокой привязанности к древним обычаям, с сильным тщеславием и легкомыслием японцев.

То, чего не удалось достичь за двадцать пять лет упорного труда и мирного прогресса, убедив Европу в искренности своих намерений, Япония сделала менее чем за шесть месяцев своими военными успехами. Когда Европа увидела триумфальные успехи армии микадо, она вынуждена была признать, что Япония - не совсем та бабочка, которую она себе представляла, и стала с большим вниманием изучать замечательную работу, которая была проделана в этой империи. Но удивительный прогресс, достигнутый в Японии за последнюю половину этого века, не казался бы столь необычным, если бы история Страны цветов и ее народа была лучше известна. В свете прошлого революция 1868 года, приведшая к подавлению феодальной системы в Японии и открытию портов по всей стране, становится понятной и последовательной.

В пятом веке нашей эры японская история начинает обретать определенные очертания, а хроники "Кодзики" и "Нихонги", написанные в восьмом веке, перестают фиксировать мифологические события и занимаются чисто человеческими. С этого времени предки нынешнего императора правили двумя меридиональными островами Киу-Сиу и Сикоку, а также юго-западной частью большого острова Хондо. Согласно традиции, они правили уже более тысячи лет, и их история, как и история почти всех других великих династий, уходит корнями в ночь времен, когда мир был населен богами и полубогами. Первый император, Дзимму-тэнно, был внуком Аматерасу, богини Солнца, а сама она была правнучкой богов Идзанаги и Идзанами, которые и были фактическими основателями Японии. Далее мы узнаем, что Япония возникла непосредственно из рук богов, в то время как все остальные страны мира, даже те, от которых она с удовольствием принимает современную цивилизацию, возникли в результате эволюции природных сил. Дзимму-Тэнно, сойдя на

землю с небес на острове Киу-Сиу, проследовал через Внутреннее море в Хондо, где, покорив "людей той же расы, что и его собственные подданные", населявших эти места, он покорил всю западную часть острова, вплоть до зоны центральных лесов, "которые были заселены варварами". В 660 году до н. э. он обосновался в провинции Ямато, где, как утверждают в наши дни, была обнаружена его гробница. Именно с этой ранней даты начинается история японцев. Дзимму-Тэнно сменилось несколько поколений микадо, из которых первые семнадцать были столетними, прожившими от ста до ста сорока лет каждый. В те далекие времена боги, похоже, проявляли такой же личный интерес к делам японцев, какой они проявляли к делам троянцев. Однако история Японии в ее легендарный период, как и история большинства других стран, крайне отрывочна и не содержит ничего позитивного вплоть до 200 года нашей эры, когда императрица амазонок, носившая довольно громкое имя Дзинго, возглавила успешную кампанию против корейцев.

Современные исторические исследования позволили рассеять значительную часть тумана, окутывавшего первобытную историю Японии завесой тайны. Так, например, оказывается, что за несколько столетий до нашей эры монгольские пираты совершали частые вторжения на западное побережье страны в той же неприятной манере, что и норманны в Европе тысячу лет спустя. Истребив местных жителей, которых было немного, они обосновались вместе со своими женами и семьями на острове Киу-Сиу. Позже прославленный вождь, который при ближайшем знакомстве оказался не кем иным, как легендарным Дзимму-Тэнно, переправился на большой остров и "нашел его заселенным жителями той же расы, что и он сам"; Таким образом, становится очевидным, что существовало два различных переселения с материка предков настоящих японцев, и этот факт подтверждается двойным циклом героических легенд, одна из которых посвящена острову Киу-Сиу, а другая - провинции Идзума, расположенной на западном побережье Хондо, острова напротив Кореи.

Японцы, таким образом, являются частью большой семьи, научно известной как урало-алтайская, которая включает в себя финнов, венгров, турок, монголов и корейцев. Различные ветви этой семьи, по-видимому, менее тесно связаны друг с другом, чем ветви белой расы, но, с другой стороны, их языки, в которых отчетливо прослеживается агглютинация, несомненно, имеют общее происхождение. Следует отметить, что китайцы не входят в эту группу, представляя собой совершенно отдельную семью, язык которой отличается моносложностью и ритмичностью. Однако их почерк был заимствован японцами от тысячи до двенадцатисот лет назад, как и ряд слов, описывающих предметы, которые до того времени были им неизвестны и, вероятно, заимствованы из Китая. Если принадлежность китайцев и японцев к Желтой расе является несомненным фактом, то связь, объединяющая их, столь же отдалена, как и та, что существует между французом и немцем, с одной стороны, или арабом и кабылом - с другой. Поверхностная аналогия между китайцами и японцами не должна вводить нас в заблуждение. Очень немногочисленная коренная раса, которую корейские переселенцы обнаружили на юге и юго-западе Японии, принадлежала к той же семье, что и айносы нашего времени, из которых около 15 000 до сих пор живут на Езо, большом южном острове Архипелага; более того, они принадлежали к той же расе, что и гиляки на Амуре и племена на северо-востоке Сибири. Эти айно, живущие охотой и рыбной ловлей, считаются самыми волосатыми людьми на земле; они просто дикари, в своих привычках настолько же грязные, насколько чисты японцы. По всей вероятности, они не имели практически никакого отношения к формированию фактического населения.

Цивилизация древних японцев до пятого или шестого века нашей эры была, похоже, самой примитивной. Письменность была неизвестна, люди только-только вышли из каменного века, их знания об использовании металла были весьма ограниченными. У них было

несколько домашних животных - лошадь и собака, а также домашняя птица. Они выращивали рис, просо, ячмень, два вида гороха, а в дополнение к этим злакам море и реки снабжали их рыбой, а леса - мясом. Они, очевидно, ели больше мяса, чем их современные потомки, что, конечно же, связано с внедрением буддизма, последователи которого являются или должны быть вегетарианцами. Что касается их домов, то они были деревянными и очень простыми.

Религия синто, которая вновь стала государственной, имеет мифологию, сформированную из легенд о поколениях богов, предшествовавших появлению императорской семьи. Из восьмисот мириад божеств сегодня почитается лишь полдюжины. Среди них - Аматерасу, богиня Солнца и прародительница Дзимму-Тэнно. Духи умерших микадо и некоторых героев известны как *ками*, "высшие существа", и почитаются под этим именем, так же как и предки каждой семьи. За пределами этого синтоизм не признает ни догм, ни этики. Один из писателей прошлого века извиняется за это покладистое вероисповедание. "Его, - говорит он, - придумали китайцы, потому что они очень безнравственный народ; но в Японии мораль не нужна, потому что японцы должны поступать в соответствии с велениями своего сердца, чтобы все было хорошо. Повиноваться императору, который является потомком богов и почти сам бог, и следовать своим природным склонностям - вот единственные заповеди, которые синтоизм налагает на своих последователей, а паломничество в ближайший храм раз в год - единственный вид богослужения, который требуется. Публичных церемоний нет, за исключением редких иератических танцев, исполняемых молодыми девушками. В деревянных храмах с крышей из коры, которые, как предполагается, воспроизводят жилища первобытных японцев, нет ни украшений, ни скульптур, ни каких-либо изображений божества. Жрецы, которые не носят никаких отличительных костюмов и ведут жизнь обычных граждан, время от времени надевают богатые одежды с длинными ниспадающими рукавами, посещают различные храмы и совершают некоторые очень простые обряды в присутствии мистического зеркала, которое можно найти в каждом храме, факсимиле того, которое Богиня Солнца подарила своему внуку Дзимму-Тэнно в качестве эмблемы чистоты. Также в храмах иногда можно увидеть белую лошадь. Единственным жертвоприношением является подношение фруктов, рыбы, вина и риса, сопровождаемое чтением определенных молитв на древнем японском языке; это, надо признать, чрезвычайно примитивный культ, но он был единственным, известным в Японии до шестого века, когда началось великое развитие китайской цивилизации в Японии, первоначально, однако, привнесенной вторжением японских войск в Корею в начале третьего века. Корейские посланники, приносящие ежегодную дань своим японским завоевателям, в конечном итоге стали пионерами цивилизации среди более примитивной расы, которая их победила. Например, в 284 году они принесли в страну искусство письма. Возможно, эта дата ошибочна и должна быть 400 годом, когда, согласно очень древней традиции, в национальной истории впервые упоминается медицина, в связи с тяжелой болезнью царствовавшего тогда микадо, которого вылечил корейский врач. Затем появились шелкопряд и тутовое дерево, искусства прядения и ткачества. Наконец, в 552 году появилось первое изображение Будды, что в итоге привело к введению религии Сакьямуни.

С этого периода и до начала седьмого века происходило совершенное вторжение в искусство, обычаи и мнения, религиозные, социальные и политические, соседнего континента. Тогда впервые проявилась та пылкость, которая так свойственна японцам, и, если можно так выразиться, та ярость к цивилизации - правда, тогда это была только китайская цивилизация, - которая характеризует их в настоящее время.

Буддизм восторжествовал, не встретив грозного сопротивления, и в начале седьмого века в Японии насчитывалось не менее сорока шести храмов и 1385 священников или буддийских монахов. Был принят китайский календарь, с энтузиазмом изучались язык, письменность и литература Китая. На континент были отправлены послы и специальные миссии, чтобы на месте изучить религию, искусство, промышленность, а также правительство китайцев и их политическую и судебную систему. Так сложилось, что феодализм был введен за много веков до того, как он был навязан Европе после падения Римской империи. После смерти императрицы Суйко в 628 году, при правлении которой были проведены все эти реформы, Япония была полностью переделана по образу и подобию Китая. Примечательной особенностью этого преобразования является его сходство с революцией, происходящей в настоящее время. Она была осуществлена без малейшего сопротивления или насилия. Тогда использовались те же методы, что и сегодня: отправка миссий и привлечение правительством иностранцев для изучения и внедрения всего, что могло бы улучшить страну и ее народ. Прежде всего, существовала всеобщая добрая воля и готовность стимулировать движение вперед. Таким образом, Япония, благодаря своей удивительной способности к ассимиляции, внезапно превратилась из варварской в цивилизованную страну. Тем не менее, как бы глубоко ни укоренилось влияние Китая, оно не повлияло на архитектуру и искусство японцев, которые остались самобытными. Здравый смысл этого способного народа научил его различать различные элементы в той цивилизации, которую он внедрял, отвергать те, которые ему не подходили, и преобразовывать другие, которые лучше соответствовали его склонностям. Однако между VIII и XI веками наступила реакция, которая позволила японцам восстановить свою самобытность и сохранить большинство инноваций в промышленности, сельском хозяйстве и изобразительном искусстве, в культуре которого они в конце концов превзошли своих хозяев. Новая религия подошла им как нельзя лучше, и по сей день она остается в Японии гораздо менее коррумпированной, чем у самих китайцев. Привнесенная из Китая официальная и административная система, противоречащая природному складу ума японцев, была, однако, вскоре отвергнута, и они вернулись к своей собственной, которая подходила им больше.

Мандаринат никогда не был акклиматизирован, и принцип наследственности всегда оставался в силе. Различные степени достоинства, сначала двенадцать, а затем девятнадцать, не присваивались, как в Китае, отдельным лицам, а передавались семьям в качестве наследственных титулов. Так, например, должность премьер-министра, или *квамбаку*, стала наследственной в великой придворной семье Фудзиваров, из которой, к тому же, по традиции, неизменно выбирали императрицу. Тогда начала проявляться та особенность истории Японии, что реальная власть очень редко оказывается в руках того, кто должен был ее осуществлять. Микадо, который, начиная с IX века, неизменно был ребенком и отрекался от престола в юности, чтобы уйти в монастырь, должен был царствовать, но никогда не управлял. Так было положено начало системе императорского самоотречения, которая просуществовала более тысячи лет. Вскоре мы обнаруживаем, что наследственный *Квамбаку* также не обладает никакой властью, что прямо противоположно тому, что происходило в Европе в Средние века, где, если государь удалялся в уединение, его премьер-министр был почти уверен, что сразу же станет соответствующим выдающимся. В Средние века, в эпоху, когда Европа была занята борьбой и резней, двор Киото был центром искусства, удовольствий и поэзии, в котором, однако, власть была полностью отброшена.

Тем временем в стране утвердился феодализм. Наряду с низкопробной аристократией *куге*, некоторые дворяне, происходившие из боковых ветвей императорской семьи и занимавшие в свое время большие чиновничьи должности как в провинциях, так и в столице, оставляя подчиненных для выполнения своих обязанностей, Теперь они сформировались в военную и

территориальную аристократию и, пока в большей части страны царил глубокий мир, вели войну против корейцев в ее юго-восточных пределах и против айнов, которые были оттеснены к северу от Хондо, на северо-востоке. Завезенный японцами из Китая обычай отделять гражданских чиновников от военных в сочетании с гениальной наследственностью привел со временем к созданию множества крупных военных семей, под властью или руководством которых группировались кланы воинов, постепенно отделявшиеся от остального населения. Вожди этих кланов со временем стали, особенно в десятом веке, в северных и восточных провинциях, независимыми, так что в течение двух последующих столетий их влияние в правительстве было первостепенным, а двор Киото стал объектом вечных раздоров между двумя великими военными семьями, Тайра и Минамото, обе потомками императоров восьмого и девятого веков. У каждого из них был свой претендент на императорский трон, который неизменно оказывался младенцем. Один из Тайра, Киёмори, управлял Японией с 1156 по 1181 год в должности премьер-министра. Он приказал истребить род Минамото; однако один или два его члена спаслись, среди них был Ёритомо, сын вождя. Со временем этот Ёритомо устроил в Кванто революцию в свою пользу. Узнав о смерти Киёмори, он сразу же двинулся на Киото в сопровождении своего брата-бастарда Ёсицунэ, сбежавшего из монастыря, в который он был сослан. Вдвоем они захватили столицу и провозгласили семилетнего ребенка императором вместо микадо Антоку, который был не намного старше и которого Тайра унесли на остров Киу-Сиу. Великое морское сражение при Дан-ноура, выигранное Ёсицунэ в 1185 году в устье Внутреннего моря, завершило гибель Тайра, которые вместе со своим императором почти все погибли во время катастрофы их флота, сделавшей Ёритомо хозяином Японии.

Ёритомо повел себя крайне неблагодарно по отношению к своему брату Ёсицунэ, который во многом способствовал его успеху. Он приказал ему никогда больше не появляться при дворе и отправил группу убийц преследовать его до самого дальнего конца острова. Его жизнь часто спасалась благодаря пронизательности монаха-великана Бенкея и преданности танцовщицы Сидзуки. Приключения отважного Ёсицунэ и его смерть от самоубийства дали японской литературе ряд интересных и живописных легенд, не похожих на те, что восхищали наших предков в Средние века.

После этих событий феодальная система прочно утвердилась в Японии более чем на семь столетий, и мы больше не слышим о китайских методах управления. Это объясняется главным образом воинственным характером японского народа и растущей властью феодальных вождей, которые, естественно, для поддержания своей репутации должны были держать страну в состоянии вечного брожения политических или гражданских войн. Разительное отличие феодальной системы в Японии от той, что существовала в Европе в то время, заключается в том, что японский правитель никогда не был государем. Его называли сёгун, или сэй-и-тай-сёгун, буквально "генерал, на которого возложена обязанность покорить варваров". Впервые этот титул был присвоен Ёритомо в 1192 году. В обязанности сёгуна входило управление государством. В теории он был ответственен перед императором, чьим покорным слугой он должен был быть. На самом деле микадо уже давно перестал вмешиваться в управление страной и жил во дворце Гошо в Киото в роскоши, а его генералы и министры не оказывали ему никакого уважения, кроме церемониального.

Новая власть сёгуната, учрежденного Ёритомо, недолго просуществовала и ослабла. В 1198 году, сразу после смерти основателя, бразды правления захватил его тесть, Ходзё Токимаса, а в 1219 году потомство Ёритомо уже исчезло. К этому времени верховная власть окончательно перешла к семье Ходзё, глава которой принял титул сиккэн, или регента, и по своему усмотрению выбирал и свергал сёгунов, обычно детей, либо из императорской

семьи, либо из семьи Фудзивара. Период, в течение которого длился этот любопытный режим, возможно, самый блестящий и самый процветающий в истории Японии в Средние века; но в конце концов Япония впала в своего рода феодальную анархию, имеющую близкое сходство с той, что существовала в Германии в ту же эпоху. Власть Ходзё была окончательно сломлена в 1334 году благодаря совместным действиям феодалов при поддержке микадо по имени Го-Дайго, который, как оказалось, в кои-то веки обладал некоторой энергией. Однако исполнительная власть недолго оставалась в руках этого императора. Его главный лейтенант, Асикага Такаудзи, восстал против него, вынудил его бежать из столицы и заменил его другим членом императорской семьи, одновременно избрав себя сёгуном. С 1337 по 1392 год в Японии существовали две соперничающие династии микадо. Несмотря на эти беспорядки, двор сёгунов Асикага часто был чрезвычайно блестящим, как с литературной, так и с художественной точки зрения. В XV веке вновь вспыхнули гражданские войны, и власть как микадо, так и сёгунов, соответственно, упала до ничтожного уровня. В провинциях воины, известные как *самураи*, постепенно становились наследственными, не признавая никакой власти, кроме власти своих феодалов - даймио. Страна беднела, население быстро сокращалось, а все искусства, кроме оружейного, стремились к исчезновению. В первые годы шестнадцатого века Япония находилась в плачевном состоянии, ее население сократилось в результате страшных эпидемий и землетрясений, а также гражданских войн, и ее состояние можно было бы сравнить с Францией после Столетней или Германией после Тридцатилетней войны. Когда святой Франциск Ксаверий посетил страну в 1550 году, он был потрясен ее бедственным положением. От Японии его дней до Ципанго, золотой земли обетованной, о которой так мечтал Марко Поло тремя столетиями ранее, было очень далеко. Феодальная система в Японии, однако, сыграла большую роль в формировании характера людей; она сохранила в них те мужественные качества, которых так не хватало китайцам.

В конце XVI века феодализм во всей империи пришел в упадок, что привело к восстановлению централизации. Это произошло благодаря энергии трех великих военачальников - Нобунаги, Иэяса и Хидэёси, первый из которых происходил из рода Тайра, а второй - из рода Минамото, и поэтому оба были по сути аристократами. Третий, однако, был едва ли не единственным человеком в средневековой Японии, который когда-либо поднимался из сословия и занимал высокое положение в государстве. Ота Нобунага, значительно увеличив небольшое княжество, унаследованное им от отца, вмешался в распри череды сёгунов и, свергнув в 1573 году последнего Асикага, захватил власть в качестве премьер-министра и заставил даймио подчиняться ему. Он обуздал посягательства буддийских монахов, накопивших за долгий период гражданских войн огромные земельные владения; но в конце концов, зажатый своими многочисленными врагами, этот выдающийся человек закончил свою карьеру, обезглавив себя, - неприятный, но явно популярный среди японцев способ самоубийства.

Хидэёси, который из жениха стал главным лейтенантом Нобунаги, погасил всякий дальнейший дух сопротивления со стороны феодальных баронов. После объединения Японии он пожелал утвердить свою власть за пределами империи и с этой целью отправил экспедицию в Корею, которая, однако, привела лишь к разорению этой страны, благодаря ссорам и раздорам, возникшим между японскими генералами, одни из которых были христианами, а другие - буддистами.

После смерти Хидэёси в 1598 году власть даймио, даже великих князей юго-запада, Чосю и Сацума, уже значительно ослабла, и все было готово к переменам, подобным тем, что произошли во Франции при Людовике XI. Это привело к тому, что квазинезависимость

сеньоров была подавлена в пользу феодальности чисто внутреннего характера. Главным фактором этих перемен стал Токугава Иэяса, который был одним из главных генералов Нобунаги и Хидэёси. Поставленный последним во главе совета регентства, которому предстояло осуществлять власть в период несовершеннолетия его сына Хидэёри, Иэяса недолго ссорился со своими соправителями. Взяв на себя командование армией, набранной на севере и востоке империи, он в 1600 году разбил при Сэкигахаре объединенные силы кланов юга и запада и тем самым сделал себя хозяином Японии. Вместо чисто эфемерного суверенитета он основал династию и режим, которые просуществовали 250 лет, что стало результатом его способностей и способностей его сына и внука. Прежде чем приступить к дальнейшему описанию политической и социальной организации этой интересной страны, стоит остановиться и рассмотреть событие огромной важности, которое произошло в XVI веке и последствия которого объясняют многое из того, что происходит сейчас. Я имею в виду период великой португальской колонизации, когда это небольшое королевство присоединило к своей империи обширные владения в Индийском океане и новые - в Кочине и на юге Китая.

В 1542 году у южного побережья Японии потерпели крушение три португальца, взявшие билет на борт китайской джонки. Среди других пассажиров оказался китаец, который вызвался быть переводчиком. Однако, судя по всему, он относился к иностранцам с тем же презрением, что и его соотечественники в нынешнем благодатном 1900 году. Он описывал португальцев японцам как людей, которые были немногим лучше дикарей, не умели писать по-китайски и, кроме того, были глубоко невежественны в искусстве есть еду палочками. Поэтому можно сделать вывод, что эти достойные португальцы произвели не очень благоприятное впечатление. В 1545 году мореплаватель Фернан Мендес Пинту прибыл на маленький остров Танегасима, расположенный к югу от Киу-Сиу, и был хорошо принят феодалом этого района. Могущественный принц Бунго, тесть владыки Танегасимы, услышав о чужестранцах, пригласил их в свою столицу на северо-востоке Киу-Сиу и очень красиво их развлекал. Увиденное произвело на Пинто столь благоприятное впечатление, что через два года он вернулся на то же место, прихватив с собой двух японских беглецов от правосудия. Им посчастливилось быть обращенными в христианство святым Франциском Ксавье, и они служили ему переводчиками, когда 15 августа 1549 года знаменитый миссионер-иезуит высадился в Кагосиме, столице князя Сацумы. Самыми первыми новообращенными были несколько родственников переводчиков. Князь принял святого очень благосклонно, а принцесса настояла на том, чтобы он составил для нее краткое изложение основ христианской веры вместе с переводом главных молитв. Святой Франциск немедленно отредактировал японскую версию Катехизиса и перевод Кредо. К сожалению, со временем принц Сацума был сильно оскорблен некоторыми португальскими моряками, которые, вероятно, из-за препятствий, встретившихся им на пути, отказались высадиться в его владениях и переправили себя и свои товары дальше к его соперникам. Сильно раздосадованный их поведением, принц приказал миссионерам покинуть его владения. Святой Франциск послушался и отправился в столицу князя Бунго, который был очень рад его видеть и оказал ему неоценимую помощь в основании церквей и миссий, так что, когда великий миссионер покинул Японию в 1551 году, христианство было уже вполне утверждено в стране. Вскоре в Японию хлынули португальские миссионеры, моряки и купцы. Японцы, заботясь не только о бизнесе, но и о социальном улучшении, поощряли этот приток чужеземцев в надежде, что он приведет к установлению выгодной торговли между двумя странами. К иезуитам, чье влияние японцы быстро распознали, они относились с величайшим радушием и уважением. Так велика была способность японцев к ассимиляции, что Мендес Пинто рассказывает, что, подарив принцу Танегасимы аркебузу, тот велел подражать ему, и вскоре мореплавателю показали шесть точно таких же орудий, как у него

самого. Через несколько месяцев в провинции Бунго было распространено 30 000, а по всей стране - 300 000. К этим цифрам можно отнести с долей соли, но, тем не менее, у этой истории должна была быть очень прочная основа. В 1582 году, через сорок лет после прибытия португальцев, артиллерия сыграла большую роль в битве при Сигутаке, одной из величайших побед Хидэёси.

Материальные или духовные мотивы лежали в основе стремительного прогресса христианства в этот период, сказать сложно. Князья, литераторы, священники, даже буддисты, как богатые, так и бедные, сотнями являлись на , чтобы принять крещение, и даже Нобунага, если и не исповедовал новую религию, то, во всяком случае, поддерживал ее пропаганду. К моменту его смерти в 1582 году в центре и на юге Японии насчитывалось около 600 000 новообращенных; половина даймио на острове Киу-Сиу приняла христианство вместе с большей частью своих подданных; принц Тоса на острове Сикоку и многие даймио в центре и на западе большого острова также были крещены. Всего насчитывалось не менее 200 церквей, некоторые из которых находились даже в столице империи. В Нагасаки, который в 1567 году стал центром иностранной торговли, почти не осталось язычников. В 1582 году посольство, отправленное в Рим князьями Бунго, Арима и Омура, было торжественно принято папой Сикстом V. После этого оно отправилось в путешествие по Португалии, Испании и Италии. Хотя Хидэёси, очевидно, не проявлял такого энтузиазма в отношении христианства, как его соседи, тем не менее, их число продолжало расти; считается, что за последние десять лет шестнадцатого века в Римскую церковь было обращено более миллиона человек из восьми или десяти миллионов населения, что является удивительным рекордом для пятидесятилетнего миссионерского труда. К сожалению, он продержался недолго, хотя, конечно, короткая эпоха его успеха была отмечена материальным прогрессом, столь же поразительным, как и духовным, ведь вместе с религией европейцев японцы переняли многие из их искусств и отраслей промышленности. Например, начали выращивать табак, а лодки, построенные по европейским образцам, доставляли японскую торговлю даже в Мексиканский залив. Чужестранцы могли путешествовать из одного конца страны в другой, не опасаясь приставаний со стороны местных жителей, и у святого Франциска Ксаверия были все основания сказать, что "японская нация была отрадой его сердца". Вскоре Хидэёси начал опасаться, что сформулированная им система правления может быть в конце концов свергнута миссионерами и возможными религиозными войнами, вызванными столь резкой сменой взглядов и этики целого народа. Он опасался, как бы допуск в страну такого количества купцов и миссионеров не стал прелюдией к другому вторжению враждебного характера, которое приведет к завоеванию и присоединению Японии к той или иной европейской державе. Говорят даже, что один португальский капитан был достаточно неосторожен, чтобы сообщить Хидэёси, что король, его господин, имеет намерение послать священников во владения микадо с целью в конечном итоге высадить войска, которые, при поддержке местных христиан, должны свергнуть его. Были ли эти слова когда-либо произнесены, неизвестно, но они, несомненно, выражали мысли современных европейских государей, о чем японцы вскоре узнали, когда немного лучше ознакомились с действиями португальцев в Индии. Одним словом, подозрения японских правителей пробудились, и даже блестящие услуги, оказанные христианским генералом Кониши, не смогли их развеять, а впечатление еще более усилилось из-за соперничества, существовавшего между иезуитами и францисканцами, а также между португальцами, испанцами, англичанами и голландцами, которые постоянно обвиняли друг друга в самых злонамеренных замыслах. В 1587 году Хидэёси издал указ, предписывающий всем миссионерам покинуть Японию в течение двадцати четырех дней, который, однако, оставался мертвой буквой до 1597 года, когда он был введен в действие вследствие неосмотрительности испанских францисканцев,

которые начали проповедовать под открытым небом и даже на улицах Киото, что привело к беспорядкам и к тому, что семнадцать местных христиан были преданы смерти в Нагасаки. Иэя продолжал преследования в течение всего 1614 года, как и его сын и внук, которые, в свою очередь, сумели уничтожить христианство во всех частях империи до 1638 года. В течение многих лет жители Нагасаки были приговорены к попиранию распятия в присутствии властей, и даже в 1868 году на улицах все еще можно было увидеть плакаты с предложением вознаграждения за донос на членов "запрещенной, лживой и развращенной секты".

Непосредственным результатом этих преследований, которые были чрезвычайно суровыми, стало исключение из Японии всякого внешнего влияния, поскольку иностранцы и христианство стали в глазах правительства моральным, социальным и политическим разлагателем. Злое поведение европейских моряков, которые, даже по заявлениям самих миссионеров, в огромных количествах уводили женщин и детей, чтобы продать их в рабство в Маниле или Макао, и их распущенное поведение в целом бросали тень на религию, которую они исповедовали, и таким образом получилось, что японцы обвинили христиан в том, что они не практикуют этику, которой учат, а, наоборот, подают плохой пример своим неуважением к родителям, начальству и всем, кто имеет власть.

В 1609 и 1611 годах Иэя предоставил голландцам право торговли по всему острову, но его сын Хидэтада, заподозрив их в добрых намерениях, закрыл для них все гавани, кроме Хирадо и Нагасаки на острове Киу-Сиу, и, кроме того, запретил японцам покидать свою страну под любым предлогом. С 1637 года только голландцам и китайцам было разрешено торговать в японских водах, и то только через порт Нагасаки. Замкнутые в узких пределах острова Дешима, обреченные на самые унижительные условия и не имевшие права сходить на берег, за исключением одного раза в год с особой миссией в Йедо, когда они доставляли подарки сёгуну, перед которым им приходилось ползать на руках и коленях, агенты голландской Ост-Индской компании поддерживали с Японией самые скудные торговые отношения. За этим единственным исключением Япония, которая вела себя так либерально по отношению к иностранцам, за короткое время стала запечатанной книгой для внешнего мира.

ГЛАВА II

ЯПОНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1868 ГОДА

Прогресс, деморализованный в Японии при сёгунах Токугава-Императорский двор, микадо и *кугэ*, феодальное общество, сёгун, даймио, *самураи*, и народ - Основание политического режима - Военное превосходство сёгуна - Затворничество микадо - Разделения среди даймио - Исключение чужеземцев - Художественное развитие и экономика - Прогресс цивилизации - Упадок сёгуната - Положение Японии в середине XIX века - Иностранцы начинают вновь - Скандал, вызванный открытием портов - Двор и кланы в юго-западных провинциях, враждебные как западной цивилизации, так и сёгунам - Падение сёгуната - Восстановление микадо и введение европейской цивилизации.

Мы уже видели, что император, или микадо, был лишен всех полномочий и сохранил лишь внешние атрибуты своего императорского достоинства. Он жил в своем дворце Гошо в окружении 155 *кугэ*, или знатных семейств, все из которых происходили из императорского дома, но чьи обязанности были чисто церемониальными. Чтобы предотвратить любую возможность вмешательства *кугэ* в его дела, Иэяс довел двор до абсолютной нищеты. Он установил гражданский список микадо - согласно обычаю, в натуральном выражении - в размере 9 000 *кокус*^[15] или 44 550 бушелей риса; что касается *кугэ*, то многие из них жили в

самых стесненных обстоятельствах. Чтобы еще больше изолировать микадо, феодальным князьям ни под каким предлогом не разрешалось въезжать в Киото.

Эти князья, или даймио, возглавлявшие военный орден, начальником которого был сёгун, делились на пять классов, в соответствии с их старшинством и значением: во-первых, три великих рода Госанкэ, которые правили провинциями Овари, Кии и Мито и происходили от трех старших сыновей Иэяса: Они пользовались привилегией избирать из своего числа сёгуна в случае отсутствия прямых наследников; во-вторых, шестнадцать даймио кокусу, чьи предки владели своими вотчинами до возвышения Иэяса, которые он значительно сократил в наказание за то, что они подняли против него оружие, и чьи доходы составляли от 750 000 до 5 000 000 бушелей; в-третьих, девятнадцать даймио *Каммонг*, которые были ближайшими родственниками или вассалами Токугава и потомками любимых генералов Иэяса, среди которых он распределил вотчины, конфискованные у его врагов: В конечном итоге они стали главными сторонниками сёгуната, однако не были столь богаты, как вышеперечисленные, имея лишь от 50 000 до 1 600 000 бушелей дохода; в-четвертых, 88 даймио *тодзамма*; и, в-пятых, 110 даймио *фудай*, которые нередко были кадетами одного из двух предыдущих классов. Их доход составлял не менее 50 000 бушелей, но редко больше, а их владения были пропорционально малы. Тем не менее, существовало восемь *тозамма* и шестнадцать *фудай*, которые имели доход в 500 000 бушелей и, объединившись, были достаточно могущественны, чтобы доставлять много хлопот.

Далее шли *самураи*, составлявшие примерно двадцатую часть всего населения империи. Они были отдельным военным сословием при даймиосах и отличались тем, что даже в младенчестве носили два меча, которые Иея называл "живой душой *самурая*". За исключением одного или двух княжеств на крайнем юге, в частности Сацумы, они никогда не занимались сельским хозяйством, а, презирая любой ручной труд, жили на жалованье, выплачиваемое их вождем. Чрезвычайно храбрые и пунктуальные во всех вопросах чести, они были склонны к вендетте, а к другим своим особенностям добавляли свирепый обычай *харакири*, который обязывал их при малейшем оскорблении обезглавливать себя маленьким мечом, неприятный обряд, в который их посвящали еще в раннем возрасте. Они всегда были готовы пролить свою кровь за своего принца и фанатично привязаны к своему клану. Именно из них набирались войска, а также все мелкие чиновники в различных княжествах. *Самураи* были не только военными, но и литераторами, соответствуя нашим профессиональным классам, и их мнение оказывало лишь самое незначительное влияние на дела страны. Когда *самурай* по той или иной причине оказывался без хозяина, либо потому, что его изгнали со службы, либо потому, что его господин был лишен сёгуном своих титулов и владений, он иногда становился *ронином*, или рыцарем-отступником, чаще всего разбойником, иногда исправителем, но, как правило, парнем, способным как на самые страшные преступления, так и на самые героические рыцарские поступки. В трудные времена *ронины* объединялись в отряды и предлагали свои услуги популярному принцу, а когда их принимали, их мнение и влияние порой приобретали значительный вес.

Девятнадцать двадцатых населения составляли *хеймины*, или простолюдины. Из этого класса крестьянство было самым многочисленным и уважаемым. Далее шли ремесленники, затем купцы, ибо следует помнить, что феодальная Япония, как и феодальная Европа, относилась к торговле и торговцам с глубоким презрением. И наконец, два класса изгоев - *эта*, или "грязные люди", которые занимались выделкой кож, дублением, выбиванием кож, рытьем могил и т. д., затем *хинины* (не мужчины) и нищие.

Лишь в редких случаях, когда даймио, желая увеличить число своих воинов, набирал *самураев* из *хейминов* или, наоборот, когда *ронин*, устав от бродяжничества, занимался тем

или иным ремеслом и терялся среди людей, барьеры между сословием и классом разрушались, и таким образом общество в Японии оставалось строго ограниченным в своих узких границах на протяжении более двух веков. Несмотря на эти ограничения, в стране в этот период царили глубокий мир и великое процветание. И Иэясу, и Иэмицу в совершенстве поняли, как применять максимум "Разделяй, чтобы властвовать", и таким образом разрушили влияние даймио, которые, объединившись, могли оказаться грозными. Для этого они изолировали их от императорского двора, создали между ними разногласия по интересам и разжигали среди них дух ненависти и ревности. После победы Иея не решился лишить всех своих противников собственности, но он конфисковал по крайней мере часть их владений, из которых создал ряд вотчин, которые распределил между своими союзниками и солдатами. Потомки этих князей, *Каммон* и *Фудай*, постоянно воюя с *Кокусю* и *Тодзамму*, добились защиты от сёгунов, установив общие интересы, прекрасно понимая, что гибель Токугава непременно повлечет за собой их гибель.

Опасность, несомненно, представлял юго-восток империи, поскольку здесь владения князей-кокусю Чосю, Сацума, Хидзэн и других, почти столь же могущественных, образовывали непрерывную линию территории, и, следовательно, поднявшаяся в этом квартале буря могла стать роковой для сёгуната; но пока эти великие вассалы не получали поддержки от иностранной державы, военное превосходство сёгуна было в безопасности. Такое положение дел в конце концов привело к строгому исключению иностранцев. Разделенные между собой, изолированные от всех внешних влияний, лишённые всякой связи с двором, даймио со временем утратили значительное влияние в своих княжествах. В соответствии с законом Санкин, изданным в 1635 году Иэмицу и торжественно ратифицированным микадо, они были вынуждены по крайней мере один год из двух проживать в Йедо, а в течение следующего года оставлять своих женщин и детей в этой столице в качестве заложников. Таким образом, их инициатива была подавлена, а поскольку они были вынуждены в значительной степени оставлять управление своими делами в руках подчиненных, то вскоре превратились в простых бездельников, находящихся под постоянным наблюдением роя шпионов, которые докладывали сёгуну о любой попытке с их стороны сопротивляться его власти или устроить заговор против него. Несмотря на многочисленные недостатки, эта административная система, хотя и ослабила политический характер японцев, в конечном счете, обеспечив длительный мир, оказалась чрезвычайно полезной для страны, особенно в плане развития искусства и литературы, и именно с эпохи Токугава связано все лучшее в японской архитектуре, живописи, скульптуре, лакировке, включая храмы Никко и самые благородные образцы фаянса Сацума. Тем временем цивилизация стремительно развивалась, и интеллектуальное влияние Китая на Японию было первостепенным. Китайская классика, ранее пренебрегаемая японцами, теперь, благодаря инициативе Иэяса, с усердием изучалась как при дворе его преемников, так и при дворе микадо, и даже публично преподавалась в постоянно увеличивающемся количестве школ. Таким образом, когда европейцы вернулись в 1854 году, они обнаружили, что Япония находится под более сильным влиянием китайского искусства и литературы, чем их предки в шестнадцатом веке.

Причины, вызвавшие революцию 1868 года, приведшие к уничтожению сёгуната и феодализма, а также к быстрому внедрению европейской цивилизации, были столь же важны и так же глубоко укоренились в сердцах японцев, как и те, что привели к Французской революции 1789 года, которая, напомним, назревала очень долгое время до своего окончательного начала. В политическом плане упадок сёгуната начался в 1652 году, после смерти Иэмицу, и особенно в начале XVIII века, когда Токугавы начали постепенно приходить в упадок, как и различные династии, предшествовавшие им. Окруженные блестящим

двором и просвещенными покровителями искусств и литературы, сёгуны не желали заниматься государственными делами, которые они оставляли в руках Горогио, совета, состоявшего из пяти даймио-фудай и их подчиненных. Замена старой, но энергичной феодальной системы на бюрократический аппарат вскоре внушила великим вассалам надежду на то, что они смогут свергнуть своих прежних хозяев. Они поняли, что в сёгунате легко найти брешь с доктринальной точки зрения, даже во имя тех самых конфуцианских теорий, на которые они претендовали, основывая свое господство. На самом деле, хотя система отцовского правления, воспеваемая прославленным китайским философом, ни в коем случае не противоречит феодализму, при внимательном изучении она показывает, что в ней нет места сегунату, поскольку она не допускает никаких посредников между отцом и его детьми.

В то же время в XVIII веке возникла целая коллегия литераторов и отдельная литературная школа, главной целью которой было изучение древних текстов, их сопоставление, публикация и интерпретация, в результате чего были сделаны определенные политические и религиозные выводы, доказывающие, что единственной законной властью в Японии является самодержавие микадо, потомка богов, и единственная истинная религия - синтоизм, и что патриотизм, кроме того, требует восстановления древней политической и социальной организации, существовавшей в империи задолго до внедрения буддизма, феодализма и китайских идей в целом. Если эти теории не заинтересовали народ, то они, безусловно, и очень эффективно, создали разрыв между литературными классами и *самураями*, с одной стороны, и сёгунатом и его сторонниками, которые к этому времени стали не только непопулярны среди производительных классов нации, но даже рассматривались в свете налога, против которого народ очень естественно восстал, не понимая, почему он должен быть призван поддерживать праздную и бесполезную в других отношениях касту.

В 1700 году правительство, оказавшись в затруднительном финансовом положении, было вынуждено сократить количество поборов, налагаемых на него феодальной системой, и увеличить налогообложение, после чего купцы сочли благоразумным скрыть точную сумму своих состояний, а крестьяне, платившие своим господам треть или половину урожая, нередко выкупались *ронинами*. В этих условиях феодальная система не могла больше существовать, поскольку теперь она вступала в контакт с обществом, более богатым и лучше организованным, чем она сама, и поэтому японскому правительству стало невозможно предотвратить проникновение в империю европейских идей, которые проникали через единственный порт, Нагасаки, оставленный частично открытым в интересах голландцев. Начиная с XVIII века в этом порту постоянно можно было встретить молодых *самураев*, которые стремились вступить в контакт с голландцами. Сёгун Цунаёси (1650-1709) делал вид, что не замечает происходящего, хотя его правительство демонстративно старалось пресечь любые контакты между туземцами и иностранцами.

Похоже, что медицина была первой наукой, которая вызвала интерес у молодых японских студентов. Сначала им удалось получить от голландцев несколько книг с анатомическими табличками, которые одновременно заинтересовали и удивили их из-за огромной разницы между фигурами, представленными в этих работах, и фантастическими теориями, придуманными китайскими врачами. С большим риском, поскольку законы по этому вопросу были очень суровыми, они тайно провели эксперимент на трупе, чтобы сравнить результаты с анатомическими зарисовками, которые они получили из Европы. В результате им удалось раздобыть голландский трактат по анатомии, который они с огромным трудом перевели на японский язык, тратя порой целый день на одну фразу. До конца XVIII века было составлено

несколько голландско-японских словарей, и множество европейских работ было переведено и издано в частном порядке, и их читали со всем тем пылом, который вызывает страх перед преследованиями.

Еще до начала нынешнего века эти исследования дали практические результаты, и страна была усеяна печами и ветряными мельницами, построенными по голландским образцам. Это привело также к внедрению нескольких новых отраслей промышленности, которые, очевидно, были вдохновлены каким-то оккультным европейским влиянием. Какими бы слабыми ни были эти начинания, и европейские, и современные японские писатели придают большое значение этому раннему приобщению некоторого числа способных и образованных людей хотя бы к одному из языков и к некоторым наукам Запада. Это подготовило путь для многих ярых сторонников европейской цивилизации, чтобы повлиять на японцев и заставить их принять европейские идеи. Такое впечатление произвел на меня в Токио очень способный господин Фукудзава, редактор самой важной газеты, издаваемой в Токио, "Дзидзи Симпо", или "Таймс", а также основатель и директор одной из крупнейших бесплатных школ в Японии. Он сам изучал голландский язык в 1840-1850 годах, когда был совсем молодым человеком, и показал мне книгу, переведенную с голландского и изданную в Токио в 1770 году. "Дни старого режима в Японии были сочтены, когда в 1854 году американцы заставили мою страну открыть свои порты, и сёгунат, ставший крайне непопулярным, подорванный со всех сторон, рассыпался в прах".

Положение Японии в середине XIX века не отличалось от положения Франции накануне революции; но, к счастью, над медоточивым правительством, обреченным пасть при первой же серьезной вспышке народного недовольства, в Японии существовала императорская династия - власть, пользующаяся всеобщим уважением, тем более что она была полностью освобождена от вмешательства в государственные дела; к ней обращалось каждое сердце в час беды, и замечательные реформы принимались от ее имени как исходящие от государя, правящего по Божественному праву. В 1853 году произошло событие, которое больше, чем какое-либо другое, способствовало свержению сёгуна. Американская эскадра, состоявшая из четырех кораблей под командованием commodora Перри, появилась в заливе Йедо с целью вручить сёгуну письмо от президента Соединенных Штатов с требованием заключить торговый договор и открыть порты. Напрасно бакуфу (правительство Йедо) пыталось убедить commodora отправиться в Нагасаки и прибегнуть к посредничеству голландцев и китайцев. Перри ответил, что для получения требуемого ответа ему потребуется всего несколько месяцев, и пообещал вернуться и забрать его в следующем году. Правительство Йедо было застигнуто врасплох, и, чувствуя невозможность противостоять настойчивым и требовательным чужеземцам, а также будучи встревоженным серьезными последствиями, которые могут возникнуть в результате открытия страны, направило циркуляр даймию, в котором подробно изложило факты и попросило их совета. Некоторые из них предложили открыть только один или два порта на ограниченное время, скажем, на три или четыре года, в качестве эксперимента, но большинство - во главе с принцем Мито, главой дома Токугава, - придерживались противоположного мнения и советовали не делать никаких уступок, а немедленно вооружиться и приготовиться к сопротивлению. Тем не менее, когда Перри вернулся через некоторое время после этого, был подписан договор, разрешающий открытие двух портов - Симода и Хакодате, и, кроме того, дающий разрешение на учреждение американского консульства (1854). Этот чиновник занял свою резиденцию в 1857 году, как раз в то время, когда Франция, Англия и Россия напугали сёгуна военно-морской демонстрацией, предоставив ему привилегии, которые были еще более расширены новой конвенцией, обнародованной в 1858 году.

Длительная изоляция, в которой до сих пор жили феодалы Японии, вселила в них ужас перед всем иностранным, поэтому уступки, сделанные сёгуном, естественно, вызвали необычайное брожение среди военных, которые рассматривали все эти привилегии, дарованные варварам, как многочисленные посягательства на национальное достоинство. Императорский двор был не менее скандален. Когда микадо впервые услышал о прибытии такого количества западных людей на священную землю Японии, он приказал вознести публичные молитвы в Исэ, самом святом храме Японии, и вскоре было достигнуто тайное соглашение между двором Киото и кланами на юго-западе, которые, хотя и были совершенно искренни в своем отвращении к чужакам, тем не менее считали, что этот инцидент дает прекрасный шанс для удовлетворения их наследственной злобы против Токугава и возможность уничтожить их власть. Столкнувшись с этими опасностями, сёгун попытался уклониться от ответственности и обратился к микадо, попросив его подтвердить договоры, которые он сам заключил. Государственный деятель большой энергии и прогрессивных тенденций Ии-Каммон-но Ками решил запугать микадо и любой ценой добиться от него желанной подписи, которая при таких обстоятельствах в другой период была бы простой формальностью. Но этот способный человек был убит в 1860 году *ронинами*, которые, в соответствии с японским обычаем, тут же опубликовали патриотическую декларацию, оправдывающую их преступление. Нет нужды говорить, что сёгун в своей тщетной попытке примирить обе стороны пал на землю, подобно человеку из пословицы, пытавшемуся сесть между двумя табуретами. Дерзость его противников возрастала, а императорский двор и даймио стали без малейших колебаний вмешиваться в государственные дела. В 1862 году, вопреки всем прецедентам, принц Сацума, направляясь в Йедо, проезжал мимо Киото и взялся сопровождать *кугэ*, который вез императорские депеши сёгуну, и пригласил его предстать перед императором. Бакуфу оказалось настолько бессильным, что вынуждено было подчиниться всем требованиям, включая лишения и реинтеграции сановников, а также разрешение даймио покинуть Йедо со своими семьями; так был сделан первый шаг к окончательному разрушению сёгуната, освященного временем.

Впервые за двести тридцать лет в марте 1863 года в Киото прибыл несовершеннолетний сёгун, которого сопровождал регент. Микадо покинул свой дворец и, вопреки светскому этикету, в торжественной обстановке отправился в храм Бога войны, где вручил сёгуну почетный меч как знак верховного командования, с которым тот должен был изгнать варваров. Второй визит сёгуна в Киото в 1864 году, напротив, стал свидетельством его полного унижения: двор больше не принимал его указов и отказывался от дальнейшего контроля над своими финансами. Одним словом, из хозяина он превратился в слугу. Среди тех, кто сразу же окружил императора, было еще немало тех, кто восстал против того, чтобы ему позволили заниматься управлением Империей, и это дало мятежным кланам на юго-западе время на реорганизацию. После непродолжительной попытки восстания они вскоре пришли к выводу, что дальнейшие разногласия только сыграют на руку их врагам, и с 1865 года большинство *самураев* присоединилось к общему заговору, который, как надеялись, приведет к гибели уже рухнувшего сёгуната. Однако крик "Смерть варварам!" не был так легко подавлен, и ненависть к иностранцам еще некоторое время оставалась чрезвычайно острой в народных массах. Однако правящие классы, соприкасавшиеся с Европой, начали понимать, что сопротивляться ее власти бесполезно, особенно после того, как в 1863 году Кагосима, столица Сацумы, подверглась бомбардировке британской эскадрой в наказание за убийство мистера Ричардсона, совершенное эскортом принца. Даймио и их советы больше не закрывали глаза на существующее положение дел и, осознав бесполезность сопротивления державам, вооруженным столь грозными военными орудиями, как по волшебству, изменили свою политику, осыпали иностранцев почестями, открыли для них свои порты и даже начали подготовку к тому, чтобы поставить японскую армию на тот же

режим, что и армии цивилизованных стран. Это поведение не было полностью бескорыстным, поскольку они были достаточно проницательны, чтобы понять коммерческие выгоды, которые в конечном итоге могли бы стать наградой за их либеральность. Двор последовал их примеру, и через два года после приказа "смести чужаков с японской земли", как пыль, император ратифицировал договоры 1865 года по требованию сёгуна, который прибыл в Киото с 70 000 человек, чтобы подавить открытый мятеж принца Чосю.

Эта борьба между Токугава и подчиненным вассалом была их последней и высшей попыткой вернуть себе власть. К несчастью для них, они потерпели поражение в этой попытке, и их военный престиж был навсегда уничтожен. Регент Хитоцубаси, сменивший молодого сёгуна, который умер 19 сентября, не питал иллюзий относительно серьезности своего положения. К этому времени он был твердо убежден в необходимости радикального изменения конституции страны и, чувствуя, что сопротивляться столь мощной и популярной волне прогресса бесполезно, решил присоединиться к новым идеям, надеясь таким образом сохранить хоть какую-то долю бывшего влияния своей семьи. Поэтому он обратился к императору с просьбой созвать совет главных даймио, который собрался в Киото в 1868 году, в результате чего они все вместе посоветовали императору немедленно разрешить централизацию правительства, как абсолютно необходимую для благополучия страны. Принц Тоса, один из вождей юга, обратился к сёгуну с письмом, в котором сообщил о результатах встречи и о том, что они признали верховенство императора. Хитоцубаси, видя, что сопротивление бесполезно, подал прошение об отставке, которое было принято, однако с условием, что он должен продолжать руководить государственными делами до окончания общего собрания всех даймио. Южные кланы, опасаясь, что Токугава еще могут вернуть себе власть, предприняли смелый шаг и попытались захватить личность микадо. 3 января 1868 года была похищена императорская печать и издан указ о передаче опеки над дворцом *самураям* Сацума, Хидзэн и Тоса. На следующий день сёгунат был официально упразднен. Хитоцубаси удалился со своей армией в Осаку, где, дрожа от страха, что может попасть в ловушку, искусно подготовленную его врагами, и отказываясь выслушать любые уговоры, даже предложение занять высокий пост в новом правительстве, он вместе со своими людьми двинулся на Киото; Но теперь к несчастному сёгуну относились как к простому мятежнику, и когда он увидел войска враждебных кланов с вышитым штандартом микадо, он понял, что его предал собственный народ, и бежал по морю в Йедо, где безоговорочно сдался принцу Арисугаве, командующему "Армией наказания", Принцы его семьи первыми сплотились вокруг императора; Другие его партизаны в течение короткого времени боролись с неблагоприятной судьбой, но в конце концов были побеждены, и таким образом революция, которая началась с крика "Долой иностранцев!" и спровоцированная даймио и *самураями*, представителями феодализма, против власти сёгуна, закончилась уничтожением феодализма и окончательным внедрением в Японию западной цивилизации.

Вскоре после этого, когда императорский двор стал лучше понимать нравы и обычаи иностранцев, *кугэ*, более разумные из них, из антагонистов превратились в их верных друзей и сторонников. Вскоре народная масса, следуя примеру своих начальников, с энтузиазмом приняла новую идею о том, что Япония больше не может жить изолированно. Их правители обладали несомненным достоинством, понимая, что для того, чтобы стать равной западным нациям, хотя бы с точки зрения материального прогресса, Японии недостаточно заимствовать их пушки и ружья, или даже их военную подготовку - эксперимент, который в значительной степени провалился с другими восточными державами; но если западная цивилизация должна принести хоть малейшую пользу Японии, то совершенно необходимо принять ее во всех ее отраслях, гражданских, промышленных и торговых, а также военных. Сторонники этого движения, министры и агенты крупных лордов, были заинтересованы в

сохранении феодализма не больше, чем после революции низшее духовенство и сеньоры в правительстве Франции до 1789 года. Первым шагом в подавлении феодализма стала отмена привилегий *самураев*, которые, если бы им позволили их сохранить, могли бы стать источником беспокойства.

В 1876 году было запрещено ношение двух мечей - их прежнего отличительного знака. Жалованье, которое они ранее получали от своих господ и которым владело государство, было капитализировано, а территориальные доходы даймионов, которые вначале компенсировались ежегодными пенсиями, были преобразованы таким же образом. Эти изменения, которые, несомненно, были полезны для основной массы населения, тем не менее принесли много страданий, бросив в унижительное положение ряд людей, которые до сих пор пользовались всеми привилегиями состояния. Больше всего от новой формы правления выиграло крестьянство, которое, не платя ничего, за очень короткое время стало владельцем земли, которую до этого держало только как арендатор, и, кроме того, больше не обязано было платить дань своим феодалам, а лишь небольшой налог центральному правительству. Разумеется, два миллиона человек, которых эти новые законы лишили привилегий, которыми они пользовались на протяжении веков, оказали значительное сопротивление, но оно было легко и быстро подавлено. С 1869 года, чтобы еще больше обозначить разрыв между старым и новым порядком вещей, резиденция императора была перенесена из Киото в Йедо, ныне известный как Токио. В 1872 году между новой столицей и Йокогамой была открыта первая японская железная дорога. Старомодные *самураи* поначалу были страшно возмущены, когда увидели, что император, вопреки всем прецедентам, разъезжает среди низших классов в открытой карете. Но нахлынувшая волна была слишком сильна для сопротивления, и вскоре многие *самураи* по собственной воле, особенно в столице, отказались от обычая носить два меча. Однако еще один отблеск старого духа вновь проявился в 1877 году, когда клан Сацума восстал и попытался противостоять введению стольких новшеств. Это восстание было подавлено маршалом Сайго, который погиб в этом деле, оставив, однако, после себя имя, до сих пор пользующееся всеобщим почитанием в Японии. В 1889 году виконт Мори, японский государственный деятель весьма передовых взглядов, был зарезан фанатиком в день провозглашения новой конституции. В настоящее время никто в Японии, будь то государственный деятель или простой гражданин, если только он не окажется фанатиком, находящимся под влиянием буддийских священников в каком-нибудь заштатном районе, не мечтает нарушить приятные отношения, существующие между местным населением и иностранцами. После подавления восстания в Сацуме новое правительство окончательно укрепилось, и страна полностью вступила на путь полной европеизации. В 1889 году была введена парламентская система, и мы сейчас увидим, с каким успехом. Поэтому не будет лишним утверждать, прежде чем мы продолжим, что замечательная революция, произошедшая в наши дни в Японии, не является эфемерной и что она зашла слишком далеко, чтобы подвергаться какой-либо опасности реакции. Более того, она вполне соответствует предшественникам и интеллектуальному духу этого замечательного народа, а потому может стать не только постоянной, но даже прогрессивной.

ГЛАВА III

СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНИЯ

Япония - страна контрастов - порт и город Нагасаки - навигация по Внутреннему морю - джонки и пароходы - Йокогама - население и торговля - Токио - телефоны и электрические

фонари - дома и улицы - люди и их костюмы - средства передвижения в Токио - джинрикиши и трамваи.

Как только путешественник входит в гавань Нагасаки, он оказывается в окружении самых необычных контрастов. Во-первых, пейзаж совершенно очарователен: горы восхитительного зеленого цвета и густо затянуты листвой, из которой выглядывает множество симпатичных маленьких деревянных домиков, окна которых заменены раздвижными бумажными панелями. Море усеяно скалистыми островами, покрытыми живописными японскими елями, очертания которых столь же разнообразны, сколь и изящны. То тут, то там из воды поднимаются любопытные маленькие рыбацкие домики - предмет восхищения фотографа-любителя, которые значительно дополняют пейзаж, напоминая ожившую картинку с японского экрана. С трудом верится, что все это реально, и уж тем более, что когда-то здесь разыгралась страшная трагедия: а ведь так оно и было, поскольку с одного из соседних островов в 1638 году - Илепт Паппенберг - в море было сброшено несколько сотен христиан. Вскоре мы видим на заднем плане высокую трубу со струящимся облаком дыма, и шум работающих машин, доносящийся до наших ушей, несколько неприятно напоминает нам, что современная цивилизация наконец-то проникла в Японию, и чтобы лучше подчеркнуть этот факт, наш пароход вскоре окружает флот уродливых угольных барж, а внезапный поворот ставит нас лицом к лицу с кораблями и флагами всех наций - британскими, французскими, немецкими, русскими и американскими.

На другой стороне залива, в доках, недавно построенных компанией Mitsubishi, рабочие заняты строительством 5000-тонного судна. Неподалеку, на южном склоне холма, возвышающегося над городом, находится европейский квартал, расположенный посреди восхитительных садов. Элегантный шпиль католической церкви резко возвышается среди сосен и выгодно контрастирует с массивным и очень уродливым зданием - бельмом на глазу, которое неприятно подчеркивает дурной вкус американских миссионеров, а также абсолютную терпимость, которую правительство микадо проявляет ко всем конфессиям в стране, где не так давно исключительность была столь велика, что даже потерпевшие кораблекрушение подвергались жестокой смерти. Глядя на эту очаровательную сцену, я не мог не представить себе, как это выглядело пятьдесят лет назад, когда одинокое голландское судно высадило свой крошечный груз в пользу нескольких иностранных купцов, заключенных на искусственном острове Дешима, единственном месте, где им разрешалось жить, и даже тогда подвергавшихся многим досадным унижениям.

За сорок пять лет Нагасаки стал главным угольным портом на Тихом океане и таким же безопасным для европейцев - возможно, более безопасным, чем многие морские порты в самой Европе. Пароходы не задерживаются надолго в Нагасаки, где они заходят только за углем, но у пассажиров есть время высадиться на несколько часов и осмотреть город. К счастью, жители сохранили свои национальные костюмы, но мужчины, к сожалению, переняли наши очень уродливые головные уборы и щеголяют во всех разновидностях шляп-котелков и яхтенных шляп. В магазинах быстро ощущается движение цивилизации, ведь они полны товаров, привезенных со всех концов света, а также подражаний европейским образцам, усовершенствованных в художественном смысле местными жителями. Здесь можно купить книги всех ведущих авторов почти так же дешево, как в Париже или Лондоне, а также масляные лампы, газовые плиты, фотографии, изображающие недавние сражения японцев с китайцами, зазеркалья (которые еще совсем недавно были совершенно неизвестны в Японии) и маленькие земные глобусы, вид которых напомнил мне анекдот, рассказанный одним миссионером, когда я был в Китае. В начале китайско-японской войны вице-король одной из провинций попросил преподобного отца показать ему, где находится

Япония, и тот с удовольствием указал его превосходительству, впервые в жизни, точное место, откуда пришли воины, с которыми его правительство тогда вело войну. Японцы очень гордятся своей победой над своим колоссальным соседом и разместили некоторые из пушек, которые они отбили у него, в главных синтоистских храмах города.

Через двенадцать часов после выхода из Нагасаки вы попадаете в великое Внутреннее море, или сердце Японии, для входа в которое в 1863 году потребовались объединенные усилия флотов Англии, Франции, Голландии и Соединенных Штатов. Теперь каждый большой пароход, торгующий в Тихом океане, может свободно встать на якорь в этой великолепной гавани, которая, однако, никогда не бывает открыта ночью из-за многочисленных опасностей для судоходства в проливе Симоносеки, ширина которого, кстати, составляет всего одну милю. Когда мы проходили через него, я заметил совсем близко от южного берега не менее шести огромных пароходов, стоящих на якоре у порта Модзи, который быстро становится конкурентом Нагасаки и к которому поезда доставляют уголь из шахт, расположенных в нескольких милях вглубь острова. На вершинах длинной гряды холмов через определенные промежутки установлены огромные пушки, свидетельствующие о том, что берега Японии ни в коем случае не охраняются.

Японское правительство сделало все возможное, чтобы облегчить навигацию в этом довольно опасном Внутреннем море, которое было так герметично закрыто для иностранцев еще полвека назад. В 1895 году в Японии насчитывалось более 149 маяков, построенных государством или местными властями, которые были прекрасно расположены через определенные промежутки вдоль побережья, большинство из которых, конечно же, были возведены вдоль берегов Внутреннего моря, которое, следует помнить, содержит не менее 5 000 островов. Эти маяки тем более необходимы, что, хотя пейзажи этого великолепного водного пространства очень красивы, течения здесь очень сильные и опасные, а мели, к тому же, очень многочисленны. Удивительное количество маленьких японских пароходов от 80 до 200 тонн, а то и меньше, постоянно перевозят пассажиров между различными портами и городами на этих бесчисленных островах. Среди них все еще можно увидеть несколько старых японских джонок, которые, несмотря на свою живописность, не слишком полезны в наши дни и быстро исчезают. Их облик сейчас сохранили лишь несколько рыбацких лодок. По сути, строительство судов по старым японским образцам больше не является законным, за исключением небольших масштабов, таких как рыбацкие или прогулочные лодки. Подобный указ в любой другой стране вызвал бы бурное выражение общественного мнения, но в Японии все было иначе, и люди вполне разумно приняли изменения к лучшему в освященной временем форме их морских судов. Через двадцать четыре часа, из которых один или два прошли в Кобе, мы оставили позади Внутреннее море и почти сразу после этого впервые увидели вершину знаменитого вулкана Фуси-яма, столь прославленного японскими граверами. Через двадцать восемь часов после выхода из Кобе мы вошли в гавань Йокогамы, которая находится в пятидесяти минутах езды от столицы Токио.

До открытия портов Йокогама была маленькой жалкой рыбацкой деревушкой, в которой насчитывалось около сотни домов. Он был открыт для иностранной торговли в 1858 году вместо Симоды, который считался неудачно расположенным. Это город с населением 170 000 человек, выросший по грибной моде, которая до сих пор считалась характерной для Америки, и третий по величине порт на Дальнем Востоке, превосходящий только Гонконг и Шанхай; но его улицы выглядят гораздо менее оживленными, чем улицы последних портов. Бунд, главная улица у моря, всегда кажется довольно пустынной. С другой стороны, на холме, к югу от концессии, находится Европейский квартал, где много восхитительных домов, окруженных прекрасными садами. Здесь поселилось около 1800 иностранцев разных

национальностей, за исключением китайцев, причем большая половина из них - англичане. Порт очень просторный и удобный, и самые большие корабли, когда-либо построенные, могут встать на якорь совсем близко к причалу. Общая стоимость экспорта в 1896 году составила 6 169 600 фунтов стерлингов, импорта - 7 280 400 фунтов, что в сумме составляет 13 450 000 фунтов, или около половины внешней торговли Японии, которая в том же году достигла очень важной цифры в 28 500 000 фунтов.^[16] Но этот совершенно новый город не представляет особого интереса, и путешественнику лучше поспешить в Токио.

Столица Японии - самый большой город в Азии и седьмой в мире. 31 декабря 1895 года в ней проживало 1 268 930 человек, а к настоящему времени, в связи с быстрым ростом населения, должно быть, уже 1 400 000. Он занимает огромную территорию, гораздо большую, чем Париж. Причина такой удивительной протяженности заключается в том, что каждый живет в своем доме, высота которого никогда не превышает одного этажа, и, кроме того, почти у каждого дома есть свой маленький садик. При таких условиях неудивительно, что столь огромное население требует неограниченного пространства для своего размещения. Более того, в Токио очень много открытых пространств, и, как ни странно, большинство из них находится в центре города, по соседству с Императорским дворцом. Эти "строительные площадки", если их можно так назвать, раньше занимали дворцы великих даймио, большинство из которых были окружены бастионами, опирающимися на циклопическую каменную стену, поднимающуюся из глубокого рва. Когда даймио впервые получили разрешение покинуть Токио, за несколько лет до падения старого правительства, они удалились в свои замки в провинциях, а после отмены феодальной системы в 1872 году их земли, как мы уже видели, стали собственностью государства. На месте некоторых из них были возведены огромные общественные здания по европейской моде, среди которых дворцы различных министерств, а также здание парламента; но многие другие широкие, открытые пространства еще ждут своего часа, и, заросшие сорняками и беспорядочные, производят явно тоскливый эффект. Старые валы, засаженные соснами, которые окружали большинство из них, все еще сохранились, а один из них, охватывающий огромный парк Императорского дворца, используется как общественный променад. Когда идешь по ней и смотришь в сторону самого дворца, трудно поверить, что находишься в Японии, настолько все по-европейски, а с другой стороны на пустыре высится идеальный лес телеграфных и телефонных столбов, подтверждающий, и очень убедительно, что наша цивилизация явно обратна живописной.

Телефоны, телеграф, электрическое освещение, газ, нефтяные лампы и т. д. сегодня используются в Токио так же широко, как в любом английском или американском городе. Очень забавно наблюдать, проходя по улицам, когда бумажные ширмы, украшающие фасад большинства домов, сняты, как ремесленники сидят за своими *татами*, работая при свете лампы Эдисона. Когда они не могут позволить себе электричество или газ, японцы используют исключительно нефть, но не без существенного риска для безопасности города, полностью построенного из дерева. Поскольку в японском доме почти нет мебели, а все ценные предметы искусства даже в богатых домах обычно хранятся в железном сейфе и выставляются только по торжественным случаям, пожар не имеет такого значения, как в лондонском особняке или чикагском "небоскребе". Несколько подушек, покрывал и домашней утвари, которые есть в каждом доме, вскоре выставляются за двери, так что жителям почти нечего бояться, ведь их дом всего в один этаж, а весь фасад состоит из бумажных экранов, которые при необходимости задвигаются друг в друга. Единственные, кому действительно стоит опасаться пожара, - это розничные торговцы, чьи магазины, разумеется, хорошо набиты. Пожары случаются постоянно, и люди ничуть не удивляются, когда, проснувшись утром, узнают, что за ночь сгорело несколько сотен домов.

В настоящее время власти используют пожары, чтобы расширить улицы и улучшить их санитарное состояние. Сейчас они, как правило, гораздо прямее и шире, чем в большинстве других восточных городов, и даже, если уж на то пошло, в городах Южной Европы, и, хотя у них нет тротуаров, они гораздо чище, чем те, что вы найдете в Китае или Сибири, или, более того, в большинстве городов Соединенных Штатов. Возможно, из-за огромных размеров города они не так оживлены, как улицы Пекина или Тянь-Цзина, и гораздо менее живописны, чем можно было бы ожидать, поскольку японцы, как мужчины, так и женщины, после достижения десятого или двенадцатого года жизни одеваются очень просто, в нейтральные цвета, преобладают синий, серый и коричневый. Женщины, однако, оживляют сцену своими яркими поясами и огромными бантами. Что касается детей, то, особенно по праздникам, они одеваются в самые яркие цвета. Иногда на их крошечных лицах можно проследить целый пейзаж, а иногда - огромные букеты цветов на фоне алого китайского крапа, украшающего их маленькие фигурки. В младенчестве их головы, как правило, гладко выбриты, но по мере взросления на них появляется та забавная зона жестких черных волос, которая придает комичность облику японской куклы. Еще одна особенность этих малышей заключается в том, что один из них, как правило, так крепко держится за спину другого, что напоминает большую ракушку. Очень забавно наблюдать, как маленькая леди лет пяти-шести буквально с утра до ночи носит на спине своего еще более маленького брата, ничуть не смущаясь тем, что для детей других национальностей было бы очень неудобным положением. Мальчик приспосабливается ко всем движениям, которые может совершить его сестра. Если она кувыркается, он кувыркается, а если она встает, встает и он, и действительно создается впечатление, что младший ребенок является неотъемлемой частью тела старшего. Европейские дети, выросшие в Японии, впадают в эту необычную привычку так же естественно, как и японцы, которые могут заснуть в позе, которая, надо полагать, не дала бы уснуть одному из знаменитых семи спящих в Эфесе.

Европейский костюм, несомненно, проник в Японию, но, к счастью, не в той степени, в которой предполагалось изначально. Японские дамы, которые сначала с энтузиазмом приняли европейскую моду, в настоящее время почти вернулись к восхитительной манере одеваться, придуманной их предками, так что за три месяца, проведенных мною в Японии, я лишь однажды видел японскую даму, одетую *а-ля парижанка*. Европейский костюм теперь можно увидеть только при дворе по торжественным случаям, где, надо заметить, старое японское придворное платье было не только очень уродливым и чрезвычайно тяжелым, но и очень неудобным. Несколько лет назад был отдан приказ, согласно которому все чиновники, как мелкие, так и крупные, должны носить при исполнении служебных обязанностей рясы и прямые брюки, но этот указ больше не действует. Тем не менее у японских чиновников вошло в моду посещать свои кабинеты в европейском костюме, но и здесь уже есть исключения. Английские шляпы всех видов и форм, тирольские, котелки, матросские шляпы и немецкие кепки повсеместно носят мужчины всех сословий. Некоторые молодые джентльмены, претендующие на моду, перенимают одежду, сшитую на заказ на Бонд-стрит и Рю де ла Пэ, и хотя с эстетической точки зрения это вызывает сожаление, следует признать, что наша одежда гораздо лучше приспособлена к требованиям современной жизни, чем свободная одежда с длинными рукавами, которую носят японцы.

Каго, или паланкин, полностью исчез из Токио, и теперь его можно встретить только в горных районах, а его место занял дзинрикиша. Сейчас он так хорошо известен в Европе благодаря японским выставкам, что мне остается только сказать, что это очень маленькая повозка на двух очень высоких колесах, которую тянет за собой бегун. Джинрикиша, как многие думают, не японского происхождения, а заслуга изобретательского гения иностранца, который сделал на своем изобретении целое состояние. Сейчас он используется по всему Дальнему

Востоку, но Япония остается страной его предпочтения, в основном из-за необычайной быстроты и мастерства местных бегунов, которые не имеют себе равных в этом отношении ни в одной другой части Востока. В настоящее время в разных частях империи насчитывается около 200 000 этих причудливых транспортных средств, из которых около 40 000 находятся в Токио. Как правило, в них может поместиться только один человек, но некоторые из них построены для перевозки двух пассажиров, исключительно японцев; ведь дзинрикиши еще не построены, чтобы вместить пару европейцев, даже дам. Самая низкая стоимость проезда - 2½ д., почасовая - 5 д., а за полдня - 1с. 3д. Таковы цены, запрашиваемые с европейцев, но японцы платят значительно меньше.

Помимо дзинрикиши, в Токио есть несколько омнибусов и линия трамваев, соединяющая две станции - Шимбаси, конечную станцию Западной, и Уйено, конечную станцию Северной железной дороги. Крайняя длина этой трамвайной линии составляет девять миль, а стоимость проезда - 1½ д. на всем пути. Трамвайные вагоны управляются лошадьми, количество мест не ограничено, людям разрешается вставать посередине, как в Соединенных Штатах. В 1895 году компания перевезла пятнадцать миллионов с половиной пассажиров, получив прибыль в тридцать пять процентов при капитале около 45 000 фунтов стерлингов. В настоящее время рассматривается вопрос о создании электрического трамвая. В одном улучшении Токио определенно нуждается, и это касается его освещения. То тут, то там можно встретить электрическую лампу; но основное освещение улиц неизменно исходит от больших китайских фонарей, освещаемых нефтяными лампами, которые висят у магазинов, которые, к счастью, остаются открытыми до позднего времени; но когда в большинстве деревянных домов, мимо которых вы проходите, подняты ставни, темнота становится совершенно египетской, если, конечно, это не лунная ночь. Несомненно, через некоторое время Токио будет освещен так же хорошо, как и любой другой высокоцивилизированный город.

ГЛАВА IV ЯПОНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Япония - Великобритания на Дальнем Востоке - Осака, центр японской промышленности - крупные и мелкие предприятия - рост некоторых отраслей промышленности, доселе неизвестных в Японии: стекольные и спичечные мануфактуры, пивоваренные заводы и т.д. - занятость детей - размер заработной платы - продолжительность рабочего дня - хлопкопрядение - крупные предприятия - привлечение рабочих и женщин из сельских районов - автобусы, осуждаемые прессой - рост заработной платы по всей Японии.

Ничто так не радует японцев, как сравнение их империи с Великобританией, и если подумать, то между Архипелагом восходящего солнца на Дальнем Востоке и Британскими островами на Западе есть определенная аналогия; но японцы надеются, что это сходство не ограничится простым географическим сравнением, а распространится на их морское, торговое и промышленное развитие. К их чести, надо сказать, что они действительно очень усердно работают над достижением своего идеала. Достаточно посетить Осаку, Манчестер империи микадо, чтобы понять, какого удивительного прогресса добились японцы за последнюю четверть века. Этот город с населением около полумиллиона душ расположен посередине между Киото и Кобе, удаленными друг от друга примерно на тридцать миль, в которых проживает соответственно 340 000 и 150 000 человек. Примерно в шести с половиной милях находится еще один промышленный центр, Сакаи, с населением 50 000 человек. Этот регион, который постепенно склоняется к Внутреннему морю, можно назвать

сердцем Японии, являясь главным центром ее коммерческой, сельскохозяйственной и промышленной деятельности, а также главным чайным рынком империи. До 1869 года Киото был также и политическим центром, поскольку с конца восьмого века Киото был столицей Микадо, которые перенесли сюда свой двор из Нары, где они проживали до этого в течение нескольких столетий.

Крупномасштабная промышленность появилась в Японии совсем недавно, среди самых ранних - хлопкопрядильная, основанная в Осаке в 1882 году. До прибытия европейцев и вплоть до 1880 года почти вся мелкая торговля страны была разделена на множество небольших мастерских, разбросанных по всей стране. Несколько крупных шелковых мануфактур существовало, однако, в более важных городах, а в Киото было несколько довольно важных бумажных фабрик и винокурен *сакэ* (вино из риса); но они были немногочисленны, и в них было занято всего несколько человек. Официальная статистика за 1894 год сообщает о существовании 4 732 семей, производящих различные керамические изделия, которыми славится Япония, на которых занято около 23 726 человек; 4 407 семей, дающих работу 14 092 ремесленникам, занимающимся производством лаковой посуды; 81 652 фабрики по производству циновки и соломы; и, наконец, 600 444 семей, работающих на 820 585 ткацких станках. Из этого видно, что в стране очень широко представлены так называемые мелкие отрасли промышленности. В этих маленьких и независимых мастерских производятся все те многочисленные японские изделия, которые пользуются в Европе популярностью, которую они вряд ли потеряют в течение очень долгого времени; Япония обладает монополией на производство бесконечного количества игрушек, предметов мебели, бумажных вееров, зонтиков, коробок, ширм и безделушек всех видов; И очень удачно, что это так, из-за плотности сельского населения и чрезмерной малочисленности ферм, которые легко обрабатываются, оставляя их владельцам много свободного времени, которое они разумно используют для изготовления тех бесчисленных милых вещиц, которые в Европе носят название "японских галантерейных товаров". В этих небольших мастерских сегодня сосредоточена почти вся художественная промышленность страны, но ни один японский город не обходится без высоких дымовых труб, возвышающихся в пригородах так же заметно и не живописно, как и в Европе.

К северу от циклопических каменных валов старого замка Осаки возвышается огромный Монетный двор, одно из лучших заведений подобного рода в мире, к востоку от которого находится Арсенал, где японцы делают все пушки и орудия, необходимые для использования их армией. По ночам горизонт окрашивается в пунцовый цвет от румяного сияния хлопковых фабрик и других многочисленных заводов. Большинство из этих производств появилось в стране совсем недавно, и отцы многих из тех, кто ими занимается, даже не подозревали об их существовании. Например, японцы до недавнего времени не имели ни малейшего представления об искусстве выдувания стекла. Сегодня в Осаке есть несколько очень важных стекольных заводов, которые занимаются первоклассной торговлей, поскольку стекло сейчас очень нужно из-за преобладающего использования нефтяных ламп, и многие люди начинают использовать стекло вместо бумажных экранов, которые до сих пор служили японцам в качестве окон. Пивоварни были открыты в разных частях страны, и главная из них в Осаке производит восхитительное пиво, которое в значительной степени экспортируется даже во Владивосток и Сингапур. Кисти всех видов также производятся в Японии и в огромных количествах экспортируются в Соединенные Штаты. Я имел удовольствие осмотреть одну из таких мануфактур в Осаке, на которой работало 300 мужчин, женщин и детей, а еще 900 - в различных филиалах в пригородах. Поначалу я столкнулся с небольшими трудностями при получении допуска из-за своей национальности, и мне даже пришлось дать клятву, что я не разглашу ни одного из секретов профессии. Эта мера предосторожности

была вызвана некоторым опасением, что я могу внедрить их экономическую систему во Франции и тем самым причинить им значительный вред в плане конкуренции. Любопытный факт, связанный с этим ремеслом изготовления щеток, заключается в том, что необходимые свиные щетина и кость должны быть импортированы по той прекрасной причине, что животное, любимое святым Антонием, практически отсутствует в любой части империи, так что японцы ограничиваются вырезанием ручек для бесконечного числа щеток, которые они производят, и вставкой щетины в различные предметы, которые требуют ее. Кроме того, в Осаке находится множество железоделательных заводов и верфей, на которых строятся почти все небольшие пароходы, курсирующие между островами. К сожалению, гавань в Осаке очень плохая, ее можно назвать несуществующей: вход в реку очень песчаный, а выход в море безнадежно узкий и подвержен восточным ветрам. По этой причине большая часть товаров, производимых в Осаке, экспортируется в Кобе, куда заходят почти все большие английские и американские пароходы, и который является восхитительным портом. Строительство большой гавани в Осаке было начато в 1899 году и обошлось примерно в 2 000 000 фунтов стерлингов, что было обеспечено займом в 1 700 000 фунтов стерлингов, выданным городом, в дополнение к значительной субсидии от государства. Недавно в Осаке была открыта новая отрасль промышленности - производство джутовых ковров, которая, вероятно, станет очень важной: огромное количество очень дешевых и очень красивых ковров уже экспортируется в Соединенные Штаты и совсем недавно в Англию, где благодаря своим превосходным рисункам, долговечности и чрезвычайной дешевизне они внезапно стали чрезвычайно популярными. Нынешняя выставка в Париже, несомненно, введет их во Францию.

Японская медная и оловянная промышленность возникла совсем недавно, и в настоящее время в ней занято не более восьмидесяти человек. Шелковая промышленность полностью сосредоточена в Киото. Циновки и другие соломенные изделия, составляющие очень важную статью японского экспорта, производятся исключительно в том же городе и его окрестностях. Несомненно, две наиболее важные из современных японских отраслей промышленности - хлопкопрядильная и спичечная. В 1889 году было произведено 10 165 000 спичек брутто стоимостью 184 000 фунтов стерлингов. В 1894 году эта цифра составила 18 721 000 штук брутто стоимостью 406 800 фунтов стерлингов, и с тех пор эта отрасль продолжает расти семимильными шагами. Спички, как можно себе представить, очень дешевы по всей стране, и вы можете купить две коробки, содержащие около шестидесяти штук, за пять ренонов, или полсены, *то есть* полфартинга.

Ничто не может быть более интересным, чем посещение одной из этих больших спичечных фабрик, на которых работают исключительно женщины и дети, причем последним иногда не исполнилось и шести лет. Заработная плата, по сравнению с европейской, очень мизерная, в среднем 15 сен, или около $3\frac{3}{4}$ д., в день. Некоторые девочки получают немного больше за наклеивание этикеток, что требует немалого мастерства, а женщинам, укладывающим спички в коробки, платят $4\frac{1}{2}$ д. Очень умным работницам, которые по тонкости своего осязания могут определить по спичкам, не пересчитывая их, сколько их в коробке, платят 7д. Некоторые возражают против использования такого количества младенцев, но их матери, похоже, не возражают, потому что, во-первых, дети добавляют фартинг или около того в общий фонд, а во-вторых, они могут держать их при себе, что, несомненно, избавляет их от многих забот. На спичечных мануфактурах занято очень мало людей. Спичечные коробки почти все делаются рабочими дома в свободное от работы время, а также в определенных мастерских, отведенных для их производства. Японские спички в огромных количествах экспортируются в Гонконг, Китай и Индию.

Хлопчатобумажные ткацкие станки расположены в каменных зданиях, построенных по манчестерским образцам, и на них заняты многие тысячи рабочих. Приведенные ниже статистические данные Таможенного управления дадут прекрасное представление о прогрессе этой отрасли:

	Импорт хлопка-сырца в Японию.	Пряденый хлопок.	
	<i>Тонны.</i>	Экспорт из Японии.	Импорт в Японию.
	<i>Тонны.</i>	<i>Тонны.</i>	<i>Тонны.</i>
1894	64,071	2,067	9,350
1895	84,739	2,362	8,661
1896	99,108	7,677	11,810
1897 (10 месяцев)	117,710	20,274	7,185

Из вышесказанного следует, что за сравнительно короткое время Япония, которая была почти исключительно импортером хлопковых товаров, теперь экспортирует их на внешние рынки, причем с хорошими результатами. В 1898 году таможня задекларировала хлопка на 1 109 600 фунтов стерлингов, или 20 269 тонн экспорта, и 734 400 фунтов стерлингов, или 7 185 тонн импорта. Статистика Японского союза хлопкопрядильщиков фиксирует следующие цифры:

	Миллс.	Количество станков.	Рабочие.	Рабочие женщины.	Производство пряденого хлопка. <i>Тонны.</i>
31 декабря 1890 г.	30	227,895	4,089	10,330	18,798
31 декабря 1895 г.	47	580,945	9,650	31,140	68,106
31 декабря 1897 г.	61	839,387	13,447	43,367	97,435
31 октября 1898 г.	61	1,233,661	13,447	43,367	97,829

Почти половина хлопка производится в Осаке, остальная часть - в Кобе и Окиае, на Внутреннем море, на западе, и в Йоккаити, Нагое и Токио, на востоке. Завершение последней китайской войны дало большой толчок развитию хлопчатобумажной промышленности в Японии и потребовало строительства новых и гораздо более крупных предприятий, а также расширения уже существующих, так что, по расчетам, в скором времени в разных частях страны будет работать более полутора миллионов ткацких станков. Следует помнить, что эти очень важные отрасли промышленности не субсидируются иностранным капиталом и не находятся под руководством иностранцев; они являются чисто и абсолютно японскими; однако до сих пор почти все оборудование было импортировано из Англии и Америки.

До 1897 года работодатели испытывали большие трудности с поиском рабочих рук. Горожане, занятые во множестве мелких производств, не хотели бросать их ради работы, которая, скорее всего, не будет столь же доходной, как их собственная; в результате

пришлось искать рабочие руки в сельских районах, и почти все девушки, занятые на фабриках Осаки, - дочери мелких фермеров. Различные компании размещают их в зданиях, построенных специально для этой цели, и вычитают из их зарплаты определенный процент на содержание. В 1897 году ведущая местная газета, издающаяся на английском языке, но принадлежащая и редактируемая японцами, обратила на это внимание в серии статей, яростно нападая на рабочую организацию хлопкоочистительных заводов Осаки. Жилища работниц, как утверждалось, были крайне антисанитарными, а что касается нравов работниц, то чем меньше о них говорят, тем лучше. Кроме того, агентов, нанимавших этих молодых женщин, обвиняли в том, что они делали это под ложными обещаниями и, как утверждалось, даже перехватывали их переписку с домом. Кроме того, редактор в самых резких выражениях осуждал использование совсем маленьких детей.

Эти статьи привлекли большое внимание и, несомненно, содержали определенную долю правды, однако не обошлось и без значительного преувеличения. Следует отметить, что японские работодатели, в конце концов, находятся в том же положении, в котором были наши пятьдесят или шестьдесят лет назад. Что касается морального состояния работниц, то оно, несомненно, не лучше и не хуже, чем в крупных промышленных центрах Европы и Америки. В Москве один фабрикант сообщил мне, что нравы его работниц очень плохи, а в Шанхае другой джентльмен рассказал мне о том же, что лучше не публиковать. Продолжительность рабочего дня в Японии не больше, чем в Европе тридцать или сорок лет назад. Они никогда не превышают двенадцати часов в день, из которых полчаса нужно вычесть на полуденный прием пищи. Тем не менее, это чрезмерно, особенно если вспомнить, что недельная работа делится на две части: одна половина рабочих рук трудится всю ночь, а другая - весь день, так что ткацкие станки никогда не отдыхают. Кроме того, у них всего два выходных дня в месяце - первого и пятнадцатого числа; а в году всего четыре особых праздника - три первых дня Нового года и день рождения императора. Даже первое и пятнадцатое число не соблюдаются, если на работе много работы. Если эти часы кажутся слишком длинными, не следует забывать, что японский рабочий, как и его брат-рабочий на юге Европы, не трудится с той интенсивностью, которая отличает англичанина или американца. Что касается занятости женщин, то они заняты только на спичечных фабриках, и их работа самая легкая.

Тем не менее, в Японии уделяется внимание этим двум очень важным вопросам, которые, несомненно, рано или поздно получат должное внимание и будут изменены. Заработная плата уже растет, поскольку рабочие начинают понимать свою ценность и свои интересы, а также знают, как их защитить. Опасность, которой подвергается японская промышленность, несомненно, связана с уменьшением капитала, что является результатом перепроизводства после окончания войны, которое привело к тому же этапу, что и в коммерческой истории Германии после франко-германской войны. Однако финансовый кризис 1898 года и конкуренция, недавно возникшая в Шанхае, вызвали определенную тревогу относительно ближайшего будущего японской промышленности; но, с другой стороны, нельзя забывать о великолепных результатах, достигнутых за столь удивительно короткий срок, и о мужественной манере, в которой этот трудолюбивый народ преодолел многочисленные трудности, преследовавшие его на ранних этапах его карьеры.

ГЛАВА V

СЕЛЬСКАЯ ЯПОНИЯ

Преобладание сельского хозяйства в экономическом существовании Японии - Плотность деревенского населения на равнинах и в долинах - Значение японского рыболовства для обеспечения населения продовольствием - Основные сельскохозяйственные культуры: рис, чай и тутовые деревья-отсутствие домашних животных-возрождение японского сельского хозяйства-мелкие хозяйства-японские крестьяне, их вегетарианская или ихтиофагическая диета-их жилища-расположение женщин-их чрезвычайная чистоплотность, вежливость и добродушие-стоимость жизни-улучшение крестьянской жизни в Японии после Реставрации-распространение среди них западной цивилизации и обучения.

Несмотря на стремительное развитие промышленности в Японии, большая часть населения по-прежнему остается сельской и получает если не все, то, по крайней мере, большую часть средств к существованию от земли. Мелкая промышленность, однако, существует в изобилии и оказывает материальную помощь этому трудолюбивому народу в пополнении его весьма скромных доходов. Вдоль изрезанных берегов островов и на берегах Внутреннего моря можно найти бесчисленное множество маленьких деревень, чье существование полностью зависит от рыболовства, но, несмотря на его важность, Японию можно назвать по сути сельскохозяйственной страной. Именно возделывание почвы служит сырьем для производства шелка, который по-прежнему является одной из основных экспортных отраслей, а также для другой очень важной статьи экспорта - чая. При общем объеме экспорта японских товаров в 1896 году в размере 11 650 000 фунтов стерлингов, чай составил 637 200 фунтов стерлингов, рис - 795 100 фунтов стерлингов, шелк-сырец и шелковая нить - 3 166 600 фунтов стерлингов. Если мы добавим к этим цифрам около 4 700 000 фунтов стерлингов, или 14 процентов, и добавим также около 1 200 000 фунтов стерлингов, или 4 процента, сырых или неподготовленных продуктов, мы обнаружим, что совокупная стоимость сельскохозяйственной продукции всех видов достигает respectable цифры в 5 950 000 фунтов стерлингов, что составляет более половины от общего экспорта. Несмотря на их важность, площадь, отведенная под выращивание чайного растения и тутового дерева, относительно невелика по сравнению с площадью, отведенной под выращивание риса, который является основным продуктом питания на всем Дальнем Востоке. Обширная культура последнего объясняет ту особенность японских пейзажей, которую часто замечают: здесь никогда не встретишь пологих склонов холмов, столь привычных для Франции. Холмы круто поднимаются из застойных вод и, кажется, изрезаны тремя или четырьмя широкими ступенчатыми террасами, что, возможно, является результатом действия воды, заливающей рисовые поля. Когда я был в Японии осенью, сбор урожая риса только что закончился, и страна выглядела бы очень уныло из-за унылого цвета грязной почвы, разделенной, как шахматная доска, на правильные квадраты, с которых рис был недавно срезан, а теперь покрыт тонким слоем сухих сорняков, если бы не особые элегантные формы окружающих высот, которые затенены восхитительными елями, так хорошо знакомыми нам по старым японским гравюрам. Кружевные занавеси бамбука, сгрудившиеся тут и там, также добавляли разнообразия и очарования этой сцене, которую еще больше усиливали многочисленные криптомерии, чья великолепная листва ярко контрастировала с коричневыми и красными кленами, неизменно посаженными вокруг очаровательных маленьких храмов, разбросанных во всех направлениях. В холмистых районах красота деревьев нарушает монотонность рисовых полей и мелиорированных пустырей, но на равнинах и в долинах не встретишь ни одного дерева, каждый дюйм земли тщательно обрабатывается.

Сельское население Японии отличается удивительной плотностью, несравненно большей, чем в любой части Европы. На площади, немногим превышающей площадь Великобритании и Ирландии, в Японии проживает 42 270 620 человек, то есть 284 души на квадратную милю, включая большой южный остров Езо, который очень малонаселен. Не принимая во внимание этот обширный остров, можно с уверенностью сказать, что население Японии в два раза плотнее, чем во Франции, и уступает только населению Бельгии, абсолютно промышленной страны, в то время как не менее 80 процентов японцев живут в деревне. Некоторые провинции, например, Сико и Ситама, расположенные к северо-востоку от Токио, могут похвастаться показателями 604 и 709 на квадратную милю, хотя в столицах этих двух провинций проживает соответственно только 26 000 и 20 000 человек. С другой стороны, на острове Сикоку и в провинции Кагава, где есть только один крупный город Такамацу с 34 000 жителей, численность населения достигает феноменальной цифры - 998 душ на каждую квадратную милю. Только в тридцати шести из сорока шести японских провинций, за исключением Езо, на квадратную милю приходится менее 250 жителей, и только в четырех, три из которых находятся на крайнем севере, а одна - на юге, население менее плотное, чем в большинстве районов Франции. Следующая статистическая таблица показывает численность населения и его относительную плотность:

	Квадратные мили.	Население.	Плотность на квадратную милю.
Ниппон, Северный	30,556	6,455,287	191
Ниппон, Центральный	37,028	16,368,995	442
Ниппон, Вестерн	20,922	9,523,168	453
Остров Сикоку	7,113	2,929,639	412
Остров Киу-Сиу	17,037	6,524,024	384
Хоккайдо, или Едзо	36,734	469,507	13
	149,390	42,270,620	316
Формоза	8,995	2,041,809	228
	158,385	44,312,429	272

Еще более удивительным, чем численность населения, является небольшая площадь обрабатываемых земель, необходимых для содержания такого огромного количества людей. Япония - чрезвычайно гористая страна, и хотя равнины и долины, особенно на востоке и юге, прекрасно возделаны, а рисовые поля иногда покрывают холмы, которые склоняются так близко к морю, что не позволяют существовать даже небольшой кайме возделываемой земли, горные хребты во внутренних районах все еще покрыты лесами, и даже северная часть большого острова, где земля превосходна, совершенно не возделывается. Согласно последним статистическим данным, примерно пятая часть всей поверхности страны была мелиорирована и разделена на огромное количество мелких ферм и поместий. Лесные угодья, с другой стороны, занимают 88 632 квадратных мили, из которых 28 544 квадратных мили принадлежат частным владельцам, 51 834 квадратных мили - государству или различным провинциям, а 8 254 квадратных мили являются землями Короны. Остальная часть острова занята болотами, необработанными участками земли, чрезвычайно обширными в Йезо, где леса имеют огромные размеры, и где только 1 269 квадратных миль земли используются для возделывания. Если оставить в стороне северный остров и принять во внимание только землю, занимаемую 99 процентами японского населения, то окажется, что из 67 571 квадратной мили лесных угодий только 21 234 квадратных мили обеспечивают продовольствием 42 000 000 человек, тогда как во Франции только под зерновые отведено около 56 917 квадратных миль, а если добавить картофель, виноградники и другие

съедобные культуры, то получится 75 889 квадратных миль для населения, значительно уступающего японскому; кроме того, Франция в значительной степени импортирует провизию из других стран.

В Англии и Франции, как и в большинстве других европейских стран, очень обширные и превосходные пастбища отведены под корм для домашних животных, предназначенных в пищу. В Японии ничего подобного нет. На больших дорогах вы встретите крестьян, которые тащат свои телеги и повозки, а если вы путешествуете каким-либо другим способом, кроме железной дороги, то только в дзинрикише, которую торопят бегуны-люди, или в паланкине, который несут на плечах мужчины, редко, если вообще когда-либо, в карете или верхом. Овцы и козы совершенно неизвестны в империи, но, как меня уверяют, есть несколько свиней, хотя я их никогда не видел. Один европеец, проживший много лет в Японии, уверял меня, что проехал двенадцать часов по железной дороге и не увидел ни одного быка или коровы; впрочем, на западе я и сам часто встречал крупный рогатый скот. Нехватка животных - одна из особенностей Японии, которая больше всего удивляет путешественника. Статистические данные подтверждают это впечатление, так как в стране насчитывается всего 1 097 000 голов крупного рогатого скота и 1 477 000 лошадей.

Несомненно, эта особенность объясняется преобладанием буддийской религии, которая запрещает есть плоть, но, несмотря на это, японцы не прочь полакомиться птицей, хотя домашняя птица не столь многочисленна, как в наших деревнях. Огромное количество потребляемой рыбы, несомненно, объясняет то, что это огромное население может существовать в такой гористой стране на столь воздержанной диете. В 1894 году различные рыболовные предприятия произвели продукции на сумму 2 740 000 фунтов стерлингов. Мы уже упоминали о бесчисленных рыбацких поселках, которые отправляют на промысел не менее 600 000 изящных однопарусных джонок, которые иногда серьезно мешают продвижению многочисленных пароходов во Внутреннем море. На второстепенном и очень скалистом острове Авадзю нет ни одного города, но, тем не менее, он может похвастаться населением в 198 000 человек, проживающих на площади всего 220 квадратных миль и живущих исключительно за счет рыбной промышленности.

Важность рыболовства не мешает японскому сельскому хозяйству занимать ведущее место, и следует признать, что земледелие должно было достичь высокой степени совершенства, если на ограниченном пространстве, отведенном для него, можно содержать такое плотное население; этот факт тем более примечателен, если вспомнить, что Япония импортирует очень мало продуктов питания. Правда, во многих местах собирают два урожая в год, хотя рис дает только два урожая на южном острове Сёкоку; во многих других местах в ноябре, как только он собран, землю снова удобряют и засевают ячменем или *дайконом*, разновидностью чудовищной репы. Приведенные ниже статистические данные за 1895 год, в которых указаны площадь обрабатываемых земель и характер различных продуктов, послужат иллюстрацией того, насколько они относительно велики по сравнению с площадью обрабатываемых земель.

	Площадь в акрах.	Производить.	
Рис	6,821,694	195,612,321	бшлс.
Ячмень	1,600,632	33,830,173	„
Рожь	1,649,390	34,377,074	„
Пшеница	1,096,257	19,470,855	„
Горох и азуки	1,318,779	17,701,808	„

Просо	848,282	18,633,157	„
Гречка	422,928	5,891,613	„
Сладкий картофель	586,478	1,865,709	цвц.
Картофель	56,727	18,598,076	„
Colza	374,072	4,932,246	бшлс.
Хлопок	148,649	471,978	цвц.
Конопля	51,431	102,967	„
Индиго	114,999	579,298	„
Табак	88,185	279,870	„
Тутовые деревья	675,972	279,870	„
Чай	123,404	635,979	„

Отсутствие домашних животных заставляет японцев прибегать к новым методам удобрения земли. Рисовые поля усыпаны зеленой травой, свежескошенной в лесах и на склонах гор, которая, будучи залитой грязной водой, быстро разлагается; к ней иногда добавляют известь. Всевозможные экскременты также широко используются на всех полях, кроме тех, что отведены под выращивание риса, а вдоль побережья широко применяется рыбий навоз.

Везде, за исключением Едзо, преобладает выращивание риса, особенно в северной части главного острова, главным образом потому, что климат в других местах слишком холодный, чтобы можно было сеять какую-либо другую культуру в течение зимы и весны. Ячмень и пшеница выращиваются в основном в центре большого острова Ниппон, рожь - в западной части того же острова, а также на двух южных островах - Сикоку и Киу-Сиу, на последнем из которых в изобилии выращивают сладкий картофель. Первоначально он был завезен с Явы в Сацуму и до сих пор называется *сацума-имо*, или сацумский картофель. Табак, который был завезен португальцами в XVI веке и который повсеместно используется на всех островах, будучи одним из немногих обычаев, сохранившихся у японцев после первого контакта с европейцами, культивируется повсеместно, за исключением, пожалуй, северных районов. Тутовое дерево растет исключительно в горных районах центра, и только в очень небольших количествах на севере. Чай, напротив, можно встретить только на равнинах и у подножия невысоких холмов. Из окон поезда, следующего из Токио в Киото, и в основном в окрестностях этого города, а также Осаки и Нары, можно увидеть обширные чайные плантации, поднимающие свою глубокую зеленую листву с рисовых полей.

Как можно догадаться, из-за тесноты своего жилища японский крестьянин отнюдь не богат и вынужден жить на очень скудные средства. На равнинах он питается в основном рисом, сваренным в воде, точно так же, как и рабочие в городах. Немного рыбы, приправленной *соевым*, или японским, соусом, дополняет это очень простое меню, в которое также входит несколько яиц, иногда курица, немного дичи или дикая утка. В горах, где люди очень бедны, а рис считается роскошью, его иногда заменяют ячменем и просом. Рыбаки заменяют эту почти исключительно вегетарианскую диету продуктами своего труда. Даже среди зажиточных людей в городах основное блюдо на ужин состоит из вареного риса. Во время трапезы принято пить горячее саке, которое гости подают друг другу в маленьких чашечках с изрядной долей вежливости. Этот очень слабый вид бренди дистиллируется из риса, и в год его потребляется около 150 000 000 галлонов. Другой великий японский напиток - зеленый чай.

Японские крестьяне обычно живут в небольших деревнях, отделенных друг от друга всего несколькими сотнями ярдов. Иногда, правда, их дома строятся небольшими группами по четыре-пять штук, но крайне редко можно встретить крестьянскую хижину в полном одиночестве. Ничто не может превзойти простоту конструкции этих жилищ, которые отличаются от домов горожан только высокими и тяжелыми соломенными крышами, на которых обычно располагается зернохранилище и которые поддерживаются очень крепкими деревянными столбами, поднимающимися из кучи камней, положенных на голую землю, без всякой попытки заложить фундамент. Только те стены, которые поддерживают фронтоны, построены из глины, скрепленной бамбуковой решеткой. Два главных фасада отстоят от столбов примерно на ярд и состоят из бумажных экранов, которые сдвигаются назад и вперед. Ночью или в штормовую погоду эти ширмы заменяются деревянными ставнями. В хорошую погоду или в лучах солнца фасад распахивается настежь, чтобы прохожие могли полностью рассмотреть интерьер. Именно эта любопытная манера жить на виду у всех больше всего поражает путешественника, прибывшего в Японию из Китая, где даже не видно, что происходит во внешнем дворе, и является одной из главных особенностей, отличающих японцев от всех других восточных народов. Еще одна поразительная черта - скрупулезная чистота, царящая в этих жилищах, единственной мебелью которых являются *татами*, или толстые соломенные циновки, покрывающие пол во всем доме, за исключением места прямо напротив двери, где посетители должны оставлять свои ботинки и тапочки.

Полное отсутствие мебели, дополненное таким же отсутствием отопительных приборов и средств защиты от холода и сквозняков, поначалу создает впечатление крайнего дискомфорта, но не стоит забывать, что, перенимая китайскую цивилизацию, японцы отказались от трех вещей: стульев, покрывал и печей. В императорских дворцах в Киото один из самых скромных коттеджей, с точки зрения мебели, показался бы весьма роскошным. В Хирасиме, городе со 100 000 жителей, главный отель содержит японца, и хотя он освещен электричеством и имеет телефон, гости должны сидеть на полу и только греть кончики пальцев у двух или трех маленьких клочков горящих углей в *хибачи*, а утром, хотя может быть морозно, они должны совершать свой туалет на открытом дворе. Когда я был в этом городе, я посетил дом, занимаемый императором во время китайской войны, и мне показали его кабинет, в котором было только кресло, несколько других стульев, а из печей - только *хибачи*, изысканной работы, это настоящий черный лак, покрытый золотом.

Пустота в доме японского крестьянина, таким образом, не является признаком крайней бедности, и хотя мы можем назвать его бедным, поскольку его капитал крайне мал, нет оснований называть его нищим. Летом он одет как можно легче, а зимой как можно теплее, всегда в темно-синюю одежду, в отличие от светло-голубой, которой пользуются китайцы. Мужчины носят пару брюк или, скорее, облегающих кальсон, доходящих до щиколоток, и просторный жилет с рукавами пагодой. Женщины, напротив, носят одну или две юбки, доходящие до половины ноги, и гетры или чулки без ступней, все из хлопка или темно-синего льна и соединяются с *таби*, или маленькой туфлей, которая поднимается выше лодыжки.

Японские женщины пользуются большей свободой, чем любые другие женщины за пределами Европы. Они могут приходить и уходить куда угодно и когда угодно, болтать с кем захотят. Если в Китае вы никогда не увидите женщину в таверне, то в Японии вы очень часто встречаете только женщин. В трактире вас всегда принимает жена хозяина и целый отряд молодых девушек, которые обслуживают вас и составляют вам компанию. Женщины, покончив с домашними обязанностями, которые весьма незначительны, вместе с мужчинами трудятся в поле; помню, как в окрестностях Киото я видел женщину с ребенком

на спине, помогавшую мужу тащить повозку. Поражаешься тому, с каким упорным добродушием эти маленькие, но очень выносливые люди выполняют свою тяжелую работу. Среди тяжелого труда на рисовых полях, с ногами, затекшими от холодной грязи во время сбора урожая, который собирают в ноябре, они неизменно веселы и счастливы.

Несомненно, больше всего их жизнерадостности способствует тот факт, что в вопросах художественного инстинкта они намного опережают представителей соответствующего класса в любой другой стране. Среди них очень мало тех, кто не хранит какую-нибудь диковинку из бронзы или лака, переданную предками, и которая, из всех скудных реликвий, является единственной, наиболее ценной. Кроме того, они страстно любят природу.

В каждое время года есть свои цветы, дикие или культурные, от сливовых деревьев в феврале до краснолистных кленов в ноябре, и в каждом районе есть особое место, прославленное красотой и обилием тех или иных цветов. Все окрестности собираются в шумные толпы, чтобы насладиться и полюбоваться ими. В то время года, когда у них меньше дел, крестьяне, неутомимые ходоки, под предлогом паломничества преодолевают невероятные расстояния, чтобы посетить какое-нибудь красивое место или знаменитый храм, обычно окруженный великолепными деревьями. Кроме того, домашнее производство обеспечивает их большим количеством легкой работы, что делает их существование менее монотонным, чем оно могло бы быть в противном случае. Чтобы дать моим читателям представление о стоимости жизни в Японии, я скопировал из "Джапан Таймс" следующую таблицу расходов семьи школьного учителя в провинции Рикудзен, на севере главного острова.

Расходы на трех человек - мужа, жену и младенца в возрасте от шести до семи лет.

	£	s.	d.
3 - (1 = 4 галлона) риса 3-го сорта	0	9	2
Овощи и рыба	0	3	0
Постельное белье	0	3	0
Аренда дома	0	1	7½
Освещение и отопление	0	1	6
3 сё (1 сё = ⅔ галлона) соевого соуса второго сорта	0	0	10½
Чай	0	0	7
Письменные принадлежности	0	0	7
Воспитание ребенка	0	0	5
Ванны каждые три дня	0	0	5
Налоги	0	0	3½
Обувь	0	0	3½
Доп. информация	0	0	11

Или, другими словами, около £1 3s. за месяц. К этому следует добавить £1 10s. в год на одежду, что в сумме составляет £15 2s. за год. Эти данные были составлены в 1897 году, когда цены на провизию значительно выросли. Однако следует отметить, что они превышают зарплату несчастного учителя, которая не была повышена и составляет всего 1 фунт стерлингов в месяц.

Крестьянство, безусловно, выиграло от отмены старой формы правления, и западная цивилизация даже сейчас начинает проникать в его среду. Они освещают свои жилища бензином, и, хотя их представления о ценности времени очень просты, почти все они имеют часы или часы. Большинство приняло европейские кепки или шляпы, и никто из мужчин не бреет голову, как в старые времена; кроме того, они никогда не выражают ни малейшего несогласия с посягательствами современной цивилизации, а, напротив, неизменно проявляют любопытство и огромное желание попробовать эксперименты. Государственное образование теоретически обязательно, и около 80 процентов мальчиков и 40 процентов девочек посещают школы, где их учат читать и писать около 100 китайских иероглифов, а также два слоговых японских алфавита, в дополнение к еще одному или двум общим предметам. Школьные учителя, набранные слишком поспешно, возможно, получили слишком много образования по старомодным китайским образцам, но, тем не менее, современные идеи продвигаются вперед и со временем, несомненно, приведут к успеху.

Японский народ, даже в деревне, определенно движется по пути прогресса. Было бы неразумно менять все с вечера до утра, как по мановению волшебной палочки, но, несомненно, первый импульс был дан, и он не встретил сопротивления. С точки зрения сельского хозяйства, несомненно, японцам предстоит многому научиться, причем не столько в отношении тех продуктов, которые они уже выращивают, сколько в отношении введения других, помимо широко распространенного риса. Провести эти реформы будет очень трудно по той очевидной причине, что мелкие фермеры воспринимают изменения с большой осторожностью; но со временем их придется ввести, особенно если учесть, что население Японии увеличивается на 300 000 душ в год, а площадь мелиорированной и обрабатываемой территории так мала по сравнению с плотностью населения.

ГЛАВА VI

РАЗВИТИЕ ЯПОНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Прогресс японской торговли за последние пятнадцать лет - заметное увеличение экспорта и импорта сырья - ввоз капитала в виде машин для местных мануфактур - страны, заинтересованные в японской торговле - японские купцы обвиняются в том, что иногда производят некачественные товары и не выполняют свои контракты - причины превышения импорта над экспортом в 1894-98 годах.

Ничто не может лучше проиллюстрировать стремительный прогресс японской торговли за последние тридцать лет, чем развитие ее импортной и экспортной торговли, которое регулярно фиксируется в брошюре, издаваемой министром финансов Японии на японском и английском языках под названием "Ежемесячный отчет о внешней торговле Японской империи", где приводится самая полная информация о коммерческих операциях за месяц, а также резюме того, что происходило за последнее время. Каждую весну выходит полный том, в котором приводятся дополнительные подробности и таблица, отражающая состояние

торговли за предыдущий год. Согласно цифрам, приведенным в этом документе, которые являются чрезвычайно точными, экспорт в 1898 году достиг необычайно высокой цифры в 16 570 000 фунтов стерлингов, а импорт - 27 700 000 фунтов стерлингов, что в общей сложности составляет 44 270 000 фунтов стерлингов. Следующая таблица наглядно демонстрирует огромный прогресс, достигнутый в японской торговле за тридцать лет, включая период с 1868 по 1898 год.

Цифры в оригинале документа, разумеется, приведены в японской валюте, но для удобства английских читателей они переведены в эквивалент в английских деньгах, а иена принята за два шиллинга - по курсу, которого она придерживается уже долгое время.

Японская внешняя торговля.

	Импорт.	Экспорт.
1868	£1,070,000	£1,550,000
1879	3,300,000	2,820,000
1884	3,220,000	3,400,000
1889	6,620,000	7,020,000
1894	12,170,000	11,330,000
1895	13,870,000	13,620,000
1896	17,170,000	11,780,000
1897	21,930,000	16,310,000
1898	27,700,000	16,570,000

Изучив статистику, опубликованную в этой официальной брошюре, мы обнаружим, что из 3 581 200 фунтов стерлингов, экспортированных из Японии в 1883 году, 2 713 900 фунтов стерлингов были чисто сельскохозяйственного характера, и только 242 200 фунтов стерлингов представляли собой изделия, произведенные в стране. Последняя категория состояла только из различных изделий, включенных в древние художественные отрасли Японии: керамика и гончарные изделия на сумму £54 400, лак на сумму £54 300, бумажные веера, зонтики, галантерейные изделия на сумму £26 100 и т.д. Шелковая промышленность не достигла даже сравнительно низкой цифры в 9 000 фунтов стерлингов. Пять лет спустя, в 1888 году, ситуация полностью изменилась. Экспорт местных товаров превысил £6,489,100, из которых только 68-6% вместо 76-4% составляла сельскохозяйственная продукция, 3% вместо 3-4% - лесная, 5-2% вместо 6-7% - рыбная; с другой стороны, различные минералы выросли с 6-7% до 11-2%, а промышленные товары - с 6-8% до 11-8%. Япония также экспортировала меди на 350 000 фунтов стерлингов и угля на 300 000 фунтов стерлингов. Шелковые мануфактуры экспортировали шелковые изделия на сумму 168 000 фунтов стерлингов, а все художественные отрасли, за исключением лаковой, которая оставалась неподвижной, очень значительно выросли в цене. К этим цифрам следует добавить доходы от некоторых других коммерческих товаров, совершенно неизвестных в Японии четверть века назад, - например, спичек, которых было экспортировано на 74 000 фунтов стерлингов.

Взглянув на приведенные ниже цифры, можно понять, из чего состояла японская экспортная торговля в течение последних трех лет и каков был характер товаров.

Основной экспорт из Японии в 1895, 1896, 1897 и 1898 годах.

	1895.	1896.	1897.	1898.
Шелк-сырец и коконы	£4,800,000	£2,880,000	£5,560,000	£4,200,000
Шелк "Равель"	290,000	280,000	300,000	270,000
Чай	820,000	640,000	780,000	820,000
Рис	720,000	790,000	610,000	590,000
Камфора	150,000	110,000	130,000	120,000
Каракатица	100,000	110,000	140,000	?
Уголь	760,000	890,000	1,150,000	1,520,000
Медь	520,000	550,000	580,000	730,000
Салфетки и шелковые носовые платки	1,530,000	1,200,000	1,320,000	1,600,000
Хлопок для шитья	100,000	400,000	1,350,000	2,010,000
Пряденый хлопок	240,000	230,000	260,000	260,000
Спички	470,000	500,000	560,000	630,000
Маты и соломенные изделия	480,000	530,000	640,000	630,000
Вентиляторы и экраны	80,000	100,000	120,000	?
Гончарные изделия	200,000	200,000	180,000	200,000

В общей сложности основные промышленные товары, экспортируемые в 1895 году, оценивались в 4 000 000 фунтов стерлингов; три года спустя их стоимость возросла до 6 300 000 фунтов стерлингов.

В настоящее время товары, которые были совершенно неизвестны в Японии в 1850 году, экспортируются из этой страны по всему Востоку от Кореи до Сингапура; а японские хлопчатобумажные изделия, сырье для которых приходится импортировать из Индии, конкурируют с китайскими материалами того же класса, сырье для которых получают из той же страны. Нет нужды говорить, что японские шелка и циновки можно купить во всех частях света, а их уголь, хотя и уступает валлийскому, будучи жирным, выделяя большое количество дыма и быстро сгорая, очень дешев и поставляется на все пароходы, заходящие в порты Дальнего Востока от Кореи до Малаккского пролива. Между тем, те отрасли промышленности, которыми всегда славилась Япония, не уменьшились в своем значении. Однако следует признать, что эта отрасль промышленности снизилась как по качеству, так и по красоте, что, несомненно, является результатом поспешного и чисто коммерческого производства. Однако, если очень тонкая работа не производится так часто, как раньше, то дешевые японские художественные изделия, керамические и другие, наводняют рынки цивилизованного мира. Любопытный факт, связанный с фактическим состоянием японской экспортной торговли, - это заметное расширение и увеличение стоимости того, что можно назвать новыми отраслями промышленности, из которых наиболее важными являются те, что связаны с хлопком.

Между тем, импортная торговля в последнее время претерпела значительные изменения. Пятнадцать лет назад Япония импортировала только сахар и нефть. В 1897 году было ввезено хлопка-сырца на сумму 4 300 000 фунтов стерлингов. Если добавить к этому шерсть на 100 000 фунтов стерлингов, чугун на 93 400 фунтов стерлингов, сталь на 47 700 фунтов стерлингов и еще пару незначительных товаров, то прибыль составит 5 900 000 фунтов стерлингов, или 23 процента от всего импорта; импорт продовольствия за тот же год также составил 23

процента. Увеличение стоимости последних в 1897 году, которая составила £5,900,000 против £3,400,000 в предыдущем году, объясняется неурожаем риса, что потребовало ввоза 3,800,000 фунтов риса, оцененного в £2,180,000. Определенное количество риса, стоимостью от 400 до 800 тысяч фунтов стерлингов, приходится ежегодно импортировать из Кореи и Индо-Китая, чтобы уравновесить количество японского риса первого качества, экспортируемого в Европу и Соединенные Штаты. Кроме риса, импорт сахара достиг высокой цифры в 1 980 000 фунтов стерлингов, а нефти, которой в 1897 году было импортировано 61 000 000 галлонов, - 766 700 фунтов стерлингов.

Импортные промышленные товары можно разделить на два разных класса: в первый входят предметы домашнего обихода или потребления, а во второй - те, которые способствуют развитию различных отраслей промышленности страны и в определенном смысле представляют собой определенную долю капитала. В первую категорию можно отнести прядильные изделия, как хлопчатобумажные, так и шерстяные, и часы; во вторую - машины, кованое железо и сталь, подвижной состав и другие материалы для железных дорог.

Шерстяная промышленность не существовала в Японии до недавнего времени по той простой причине, что овец начали разводить только после открытия портов для европейцев. В 1897 году шерстяные изделия были импортированы на сумму 133 700 фунтов стерлингов, а текстильные ткани - на 1 020 000 фунтов стерлингов; часы, которые не встречались в Японии до 1850 года, теперь широко используются, и в 1897 году было импортировано 305 894 этих необходимых предметов, которые продавались в розницу в среднем по 12 с. за штуку.

Второй класс промышленных изделий, импортированных в Империю в 1897 году, включает в себя кованое железо на сумму £830 000, машины и котлы на сумму £1 360 000, локомотивы, железнодорожные вагоны и грузовики на сумму £510 000, рельсы на сумму £330 000 и прочее железнодорожное имущество на сумму £200 000, т.е. 15 процентов от общего объема импорта. Такое быстрое развитие, которое очень выгодно отличается от двух предыдущих лет, 1896 и 1895, в основном объясняется возросшей активностью в строительстве железных дорог после Китайской войны, а также быстрым развитием торговли по всей Империи.

В следующей таблице показано, как японская внешняя торговля распределялась между различными странами в 1896 году:

	Экспорт из Японии.	Импорт в Японию.	Всего.
Великобритания	£900,000	£5,920,000	£6,820,000
Соединенные Штаты	3,150,000	1,640,000	4,780,000
Китай	1,380,000	2,130,000	3,510,000
Гонконг	2,000,000	910,000	2,970,000
Британская Индия	450,000	2,250,000	2,700,000
Франция	1,900,000	770,000	2,670,000
Германия	300,000	1,720,000	2,020,000
Корея	340,000	510,000	850,000

Япония также ведет очень обширную торговлю с другими странами, помимо вышеперечисленных, среди которых Швейцария, Азиатская Россия, Италия, Австралия, Филиппины, Китайский Кочин, Канада и т.д., но ни в одном случае она не превышает 400 000 фунтов стерлингов в год. Относительно высокие показатели бизнеса, осуществляемого между Японией и Гонконгом, объясняются тем, что этот порт является центром, откуда

товары отправляются в другие страны. Одна из поразительных особенностей приведенной выше таблицы - преобладание торговли между Японией и Англией, из которой она получает весь свой хлопок и льняные товары, а также девять десятых своих машин и кованого железа (за исключением гвоздей), более половины своей шерсти - словом, подавляющее большинство всех промышленных товаров, импортируемых в страну. Германия отправляет машины, ткани, почти все железные гвозди, спирт, сахар и бумагу; Бельгия и Россия экспортируют промышленные товары в Японию, но почти ничего не берут из нее. Главный французский импорт - это мусселин де лайн стоимостью 570 000 фунтов стерлингов, который является почти французской монополией. Примерно пятая часть товаров, импортируемых из Америки, состоит из машин и кованых металлов; остальное - нефть, хлопок-сырец, мука и кожа. Соединенные Штаты, Франция и, наконец, Италия являются основными покупателями шелка-сырца, а также легких прядильных шелков. Пять шестых чая, выращенного в Японии, отправляется в Америку, а остальное - в Англию. Китай, Корея и Индия забирают почти все японские спички, а уголь распределяется по всему азиатскому побережью Тихого океана. Медь идет в Гонконг, Германию и Англию, а рис, камфара, циновки, солома и художественные товары распространяются по всей Европе и США.

Эта блестящая картина японского коммерческого процветания, к сожалению, имеет и свою теневую сторону. Многие жалуются на то, что изделия, произведенные в Японии, не отвечают требованиям качества и отделки. Как это обычно бывает с восточными людьми, они начинают хорошо и делают первую партию товаров великолепно, но качество вскоре падает, что, вероятно, является результатом не столько небрежности, сколько чрезмерно усердного производства, вызванного конкуренцией. Несомненно, эти и другие жалобы небезосновательны, и многие умные японцы первыми признают их и выражают сожаление. В качестве примера можно привести то, что спички уже не делаются так хорошо, как раньше. Много жалоб было также на растущую некачественность определенного класса шелковых изделий, известных как *хабутаё*, и шелковых карманных платков, которых экспортируется огромное количество, в результате чего экспорт этих последних необходимых предметов упал с 1 855 000 дюжин в 1895 году до 1 157 000 в 1897 году. С другой стороны, наблюдается явный рост экспорта *хабутаи*. Тем не менее, многие вдумчивые люди с некоторой тревогой наблюдают за ухудшением качества новых японских производств, и не мало производителей, обративших на это внимание, уже исправили свои ошибки. Те же самые претензии можно было бы предъявить и к товарам, производимым в некоторых частях Европы, в частности в Германии, где дешевые и показушные изделия производятся в избытке, но Японии не мешало бы поддерживать свою репутацию как можно выше как производителя всего лучшего на рынке.

Еще более серьезным является обвинение японских купцов в том, что они время от времени отступают от высоких стандартов чести и пользуются малейшим предлогом, чтобы не выполнять условия своих контрактов, в чем они невыгодно отличаются от более высокого класса китайских купцов, чья репутация честных и строго соблюдающих не только письменные, но и устные обещания, хорошо известна, возможно, с некоторой долей преувеличения. В этой связи нелишне напомнить, что японцы до недавнего времени были феодальным и военным народом, который презирал торговлю во всех ее проявлениях, а те, кто занимался ею, считались не лучше, если были честными. В Китае, напротив, всегда было иначе: купцы, после литераторов, считались самым почетным сословием в империи, в то время как военные неизменно презирались, набираясь из самых низких слоев общества. Конечно, за последние тридцать лет идеи в Японии значительно изменились; тем не менее, большинство купцов принадлежат к тому же классу, что и их предшественники, если они не являются их прямыми потомками; поэтому не стоит удивляться, если они сохраняют

некоторые из своих традиций, лучше бы их не было. Одним словом, после Реставрации 1868 года японцы сделали все возможное, чтобы избавиться от предрассудков феодальных времен, но хотя они быстро исчезают, некоторые из их последствий все еще остаются.

Восточным людям всегда было очень трудно понять ценность времени, и в этом отношении японцы не уступают своим соседям. Иностранные купцы с огромным трудом убеждают своих японских корреспондентов в том, что задержка в несколько дней, а то и часов в ведении дел и отправке товаров часто приводит не только к большим неудобствам, но и к абсолютным потерям.

Одним из главных желаний японцев в настоящее время является переход их экспортной торговли из рук иностранцев, владеющих ею, в их собственные руки; но они могут быть уверены, что до тех пор, пока они не улучшат свои деловые привычки, им не удастся реализовать свою цель в этом направлении.

Замечено, что в течение трех лет - 1896, 1897 и 1898 - японский импорт значительно превышал экспорт. Вероятно, это объясняется необходимостью закупать оборудование в огромных количествах для немедленного развития множества новых отраслей промышленности, возникших по всей стране за столь короткий срок. В финансовом отношении это, несомненно, привело к явным потерям для нации. Репарации за Китайскую войну принесли стране много золота, но большая его часть была потрачена на усиление военного флота и закупку военных материалов. К счастью, торговля по всей Японии в 1899 году явно процветала, в основном благодаря обильным урожаям предыдущего года, а также благодаря сдерживанию чрезмерной промышленной активности, благодаря чему, как уже говорилось, импорт превышал экспорт, и опасность кризиса в этом направлении была предотвращена. Это необычайное коммерческое развитие за столь удивительно короткий период отражает величайшую заслугу японского народа, но мы не должны ожидать, что оно будет продолжаться без периодических сдержек, и есть не мало вдумчивых людей, которые предвидят, что японским фабрикам вскоре придется очень серьезно конкурировать с теми, которые были недавно построены в свободных портах Китая. В этой связи можно отметить, что зарплаты в Шанхае, а также в Осаке и Токио выросли. Приобретение острова Формоза, вероятно, вскоре позволит японцам выращивать хлопок и другие тропические продукты на своей территории, что, конечно же, станет для них большим преимуществом.

ГЛАВА VII

ФИНАНСЫ ЯПОНИИ

Процветающее состояние японских финансов накануне войны с Китаем-Настоящая японская финансовая проблема - результат важных военных, морских и общественных работ, предпринятых правительством по окончании войны-Огромные расходы на эту программу, потребовавшие займа в 24 000 000 фунтов стерлингов-Традиционный метод погашения этого долга девятью частями-Невозможность размещения займа на внутреннем рынке, Весь японский капитал заперт в различных вновь созданных отраслях промышленности - Долги, понесенные в связи с программой расширения, в результате чего обычный бюджет был удвоен - Прогрессивная шкала налогообложения с настоящего времени до 1905 года - Абсолютная необходимость увеличения некоторых налогов - Предполагаемое введение повышенного налогообложения, особенно на землю и на пиво, вина и спиртные напитки - Налогообложение в сравнении с населением Японии и других стран - Перспективы японских финансов.

До войны с Китаем японские финансы находились в самом блестящем состоянии, а финансовый год с 1 апреля 1893 года по 31 марта 1894 года, конец которого предшествовал военным действиям всего на несколько месяцев и который является последним, по которому были опубликованы точные отчеты, Поступления составили £8 588 300 обычных и £315 913 чрезвычайных доходов, что в общей сложности составило £8 904 213, против £8 458 187 расходов, а профицит составил £446 026, что при бюджете в £10 400 000 является весьма достойным, но ни в коем случае не исключительным результатом. На самом деле, дефицит был только один раз - в 1891-92 годах, в результате исключительных расходов, понесенных нацией из-за катастрофических последствий землетрясения 1891 года, одного из самых ужасных за всю историю даже в Японии, где такие ужасные визиты случаются очень часто. Вся финансовая тенденция предыдущих лет выражается в том, что в начале 1896-97 годов в распоряжении Казначейства находилось 3 900 000 фунтов стерлингов, полученных от накопленных излишков, , хотя 2 300 000 фунтов стерлингов уже были изъяты из этого резервного фонда для покрытия расходов на войну.

С другой стороны, национальный долг в этот период не превышал 28 350 000 фунтов стерлингов, из которых 1 570 000 фунтов составляли бумажные деньги в обращении. Таким образом, с 1890-91 гг. он уменьшился на 2 300 000 фунтов стерлингов, из которых 1 450 000 фунтов стерлингов были вызваны изъятием бумажных денег. Эти банкноты были выпущены в тот период, когда новый режим еще не утвердился, восстание в Сацуме еще не было подавлено, и правительство не могло получить наличные деньги даже под очень высокий процент. В 1881 году премия на серебро, стандартную валюту, выросла до 70 процентов, благодаря энергии графа Мацукаты, очень способного министра финансов. К 1884 году она упала до 9 процентов; в 1886 году был достигнут номинал. Бумажные деньги государства и национальных банков были постепенно изъяты из обращения и заменены банкнотами Банка Японии, подлежащими оплате по предъявлению. Короче говоря, если сравнить цифры долга и бюджета с численностью населения в 41 500 000 человек, то можно только позавидовать финансовому положению Японии накануне войны.

Хотя расходы на китайско-японскую войну, частично покрытые за счет репараций, полученных от Китая, а частично за счет государственного займа, несомненно, сдерживали прогрессирующее процветание страны, они не имеют ничего общего с нынешней финансовой проблемой, возникшей в связи с масштабами военных, морских, промышленных и торговых предприятий, предпринятых японским правительством после окончания войны. В период между 1895 и 1896 годами правительство решило удвоить численность армии, увеличив количество дивизий с шести до двенадцати (за исключением Императорской гвардии), и теперь она будет насчитывать 150 000 человек против 70 000-75 000 в мирное время и 500 000 человек вместо 270 000-280 000 в военное время. Флот должен быть увеличен с 43 кораблей водоизмещением 78 000 тонн, *плюс* 26 торпедных катеров, без единого крейсера, до 67 военных кораблей, из которых 7 первоклассных линкоров, водоизмещением 258 000 тонн, кроме того, 11 торпедных эсминцев и 115 торпедных катеров. Создание многочисленных арсеналов и укреплений в конечном итоге завершит программу, но помимо этих расходов Военного министерства, очень значительные суммы были потрачены на строительство железных дорог, продление телеграфных линий, создание новых портов, субсидии торговому флоту, а также на создание второго университета в Киото. План расширения железных дорог, который был принят в 1893 году на заседании парламента, должен быть завершен в соответствии с контрактом в 1910 году. Другие меры по увеличению армии и флота были включены в программу кабинета Ито, которую палаты приняли сразу после подписания мира. Эти дополнительные расходы должны были быть выплачены десятью частями с 1896 по 1906 год, и некоторые дальнейшие изменения и

дополнения были сделаны во время парламентской сессии 1896-97 годов. Расходы, связанные с этими обширными планами, а также с железными дорогами, представлены в таблице ниже: -

Военно-морской флот и арсеналы	£22,650,000
Армия	8,220,000
Укрепления	940,000
Прочие военные расходы	680,000
Строительство железных дорог	7,980,000
Увеличение и улучшение линий	2,650,000
Телефоны	1,280,000
Строительство портов	790,000
Защита от наводнений	1,970,000
Субсидии банкам	2,060,000
Создание табачной монополии	820,000
Субсидии на различные отрасли промышленности, торговли, сельского хозяйства и другие общественные работы	1,460,000

Всего	£51,500,000
-------	-------------

Из этой суммы 32 495 670 фунтов стерлингов предназначались для расходов Военного министерства, а 19 005 406 фунтов стерлингов - для весьма обширных коммерческих предприятий.

В 1893 году было принято решение о предоставлении займа, который должен был быть выдан по мере необходимости, чтобы полностью покрыть расходы на строительство новых железнодорожных линий. Сумма репараций составляла 30 000 000 фунтов стерлингов, *плюс* 4 100 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации за ретроцессию Ляо-Тунского полуострова, навязанную Японии российским, французским и германским правительствами. Эта последняя сумма, а также первый взнос в размере 7 500 000 фунтов стерлингов в качестве компенсации были должным образом внесены в японскую казну 8 ноября 1895 года; оставшаяся сумма должна была выплачиваться регулярными платежами 8 мая каждого года до 1902 года. Китай, однако, воспользовался пунктом, позволявшим ему выплатить долг сразу и таким образом избежать начисления процентов, что он и сделал 8 мая 1898 года. Японские государственные деятели предвидели этот поступок китайского правительства и не рассчитывали на более чем 34 100 000 фунтов стерлингов. Из этой суммы 8 000 000 фунтов стерлингов были списаны на военный счет, а остаток составил 26 100 000 фунтов стерлингов. В дополнение к этим суммам в казначействе хранились накопленные излишки, которые на 1 апреля 1896 года достигли 3 900 000 фунтов стерлингов, к которым необходимо добавить 500 000 фунтов стерлингов в качестве профицита бюджета 1896-97 годов. Разница между суммой этих поступлений и предполагаемыми расходами должна была быть сбалансирована за счет займа, известного как "займ для государственных предприятий". В следующей таблице представлены активы для этой программы расширения:

Китайское возмещение ^[17]	£26,100,000
--------------------------------------	-------------

Профицит предыдущих бюджетов	4,400,000
Железнодорожный кредит, £7,980,000	21,480,000
Кредит для государственных предприятий, £13,500,000	
Всего	£51,980,000

При расходах в 51 500 000 фунтов стерлингов, благодаря благоприятному результату 1896-97 финансового года, останется профицит в размере почти 500 000 фунтов стерлингов.

Однако, помимо этой финансовой схемы, существовали еще и не предусмотренные военными расходы. Поначалу считалось, что остров Формоза будет самообеспечиваемым, но эта иллюзия вскоре развеялась, и правительству пришлось предоставить этому новому приобретению на несколько лет субсидию из императорского казначейства в размере около 600 000 фунтов стерлингов, для получения которой необходимо было использовать различные поступления, официально названные чрезвычайными, такие как добровольные взносы и реституции, продажа государственных земель и проценты по фондам водолазов. Эти поступления в целом составили в среднем 200 000 фунтов стерлингов, и к 1905-6 году, т.е. к моменту завершения программы расширения, на эти цели будет выделено от 1 500 000 до 1 800 000 фунтов стерлингов; для получения оставшейся суммы необходимо будет прибегнуть к займу, и если предположить, что в течение этого периода дотация Японского бюджета Формозе, которая неизбежно должна уменьшаться год от года, возрастет примерно до 4 000 000 фунтов стерлингов, то необходимо будет привлечь еще один заем в размере от 2 000 000 до 2 500 000 фунтов стерлингов. Таким образом, Японии пришлось бы занять около 24 000 000 фунтов стерлингов в 1896-97 годах, чтобы покрыть чрезвычайные расходы, которые она взяла на себя. С другой стороны, когда они будут удовлетворены, ее обычный бюджет все равно останется значительно увеличенным из-за необходимости содержать армию и флот в два раза больше, чем до войны.

В связи с этим возникли два важных вопроса. Во-первых, можно ли без труда привлечь заем в размере 24 000 000 фунтов стерлингов и откуда он должен быть получен? Во-вторых, достаточно ли богата страна после осуществления плана, чтобы поддерживать эти возросшие расходы, и какими средствами она сможет получить свежие ресурсы для оплаты текущих расходов? В первом вопросе заключалась главная трудность. Мало того, что Японии нужно было занять 24 000 000 фунтов стерлингов, так еще и большую часть этой суммы она должна была занять без потери времени. Естественно, администрация решила с наименьшими задержками выполнить основные части уже определенной программы, особенно связанные с национальной обороной, и поэтому бюджеты 1896, 1897 и 1898 годов были в наибольшей степени связаны с чрезвычайными расходами. Чрезвычайный бюджет первого года достиг 10 300 000 фунтов стерлингов, второго - 14 200 000 фунтов стерлингов, третьего - 6 000 000 фунтов стерлингов. Однако ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы излишки предыдущих бюджетов и уже выплаченная часть репараций (составлявшая 20 600 000 фунтов стерлингов, из которых 8 000 000 фунтов стерлингов были переданы Военному министерству) обеспечили такие большие суммы. Поэтому в 1896-97 годах пришлось занять 1 830 000 фунтов стерлингов, в 1897-98 годах - 6 880 000 фунтов стерлингов, а в 1898-99 годах - еще 4 500 000 фунтов стерлингов. Серьезная ситуация сложилась следующим образом: эмиссии 1896-97 годов были охотно раскуплены публикой, но в 1897-98

годах удалось получить лишь треть необходимой суммы, поскольку условия рынка были слишком неблагоприятными, а располагаемого капитала не хватало. Если летом 1897 года 4 000 000 фунтов стерлингов под 5 процентов. Японский заем был размещен на лондонском рынке по номиналу, правительство предложило японскому народу облигации с таким же процентом по цене 94, но они не были размещены без особых проблем.

Весь капитал в Японии заперт либо в ранее заключенных государственных займах, либо в бесчисленных коммерческих предприятиях, которые появились в стране за последние несколько лет. Если вспомнить, что девять десятых из 40 000 000 фунтов стерлингов, составлявших национальный долг после войны, находятся в руках японцев, и что именно на их собственные деньги они строят железные дороги и создают новые отрасли промышленности, нет оснований удивляться отсутствию готового капитала. Однако, учитывая очевидную невозможность размещения внутреннего займа на требуемую сумму, оставалось две альтернативы: иностранный заем или сокращение программы расширения до более скромных пропорций.

Результат обращения к иностранным капиталистам, несомненно, был бы успешным, если бы предлагались привлекательные проценты от 5 до 5¼ процента. Япония предлагает отличные гарантии. Ее финансы до сих пор управлялись превосходно, и ее обязательства не превышают возможностей ее народа. Тем не менее, проект иностранного займа, по-видимому, встретил серьезное сопротивление со стороны многих видных деятелей Японии, которое было вызвано двумя причинами: во-первых, страхом поставить под угрозу независимость страны, предоставив иностранцам предлог для вмешательства во внутренние дела империи, если возникнут трудности с выполнением обязательств; и, во-вторых, национальной гордостью, которая считала унижительным для Японии оказаться в долгу перед Европой. Последний мотив, несомненно, был самым сильным, но он основывался на совершенно преувеличенном представлении о национальном достоинстве. То, что сделали все великие державы мира, за исключением, пожалуй, Франции и Англии, Япония могла сделать без ущерба для своего достоинства. Японское правительство после долгих колебаний, в ходе которых оно, возможно, упустило самую благоприятную возможность, решило в июне 1899 года выпустить 4-процентный заем на лондонском рынке по курсу 90 франков. Высокая ставка эмиссии не очень прельстила публику, но та часть займа, которая не была подписана, будет постепенно выпущена и авансирована банками, взявшими на себя обязательства по эмиссии, и таким образом японское казначейство окажется в распоряжении достаточных средств, чтобы продолжать свою программу до тех пор, пока деньги не станут более изобильными на родине. Тем временем, что касается честных намерений японцев выполнить свои обязательства, мы можем смело положиться на их естественное высокое чувство чести и быть уверенными, что они сделают все возможное, чтобы выполнить свои обязательства. Более того, ресурсы Японии, которые я кратко анализирую, представляются достаточными для того, чтобы страна могла без особых проблем выплачивать проценты по займам, а также покрывать постоянные расходы, обусловленные ее большим национальным значением.

Для начала рассмотрим основные статьи доходов, приведенные в Бюджете 1897-98 гг:

Земельный налог	£3,870,000
Налог на прибыль	190,000
Налог на напитки	2,990,000
Налог на табак	310,000

Регистрация	750,000
Налог с продаж, контрактов и т.д.	590,000
Таможня	660,000
Различные обязанности	490,000
Почта и телеграф	1,210,000
Прибыль государственных железных дорог	540,000
Продукция из земель короны	290,000
Другие предметы	250,000
Поступления из Формозы	810,000
Всего	£12,950,000

Этот бюджет в полтора раза выше бюджета 1893-94 годов, итоги которого мы уже приводили, а обычные поступления не достигли 8 600 000 фунтов стерлингов. Это увеличение обусловлено четырьмя причинами: (1) более высокие доходы от государственных служб - железных дорог и почты; (2) небольшое увеличение поступлений от налогов, ставки которых не изменились, а также от земель Короны; (3) введение двух новых налогов на регистрацию и продажу, контракты и другие коммерческие сделки, совокупная стоимость которых увеличила поступления примерно на 1 200 000 фунтов стерлингов; (4) реорганизация налога на напитки, увеличенного на 1 150 000 фунтов стерлингов, и налога на табак, в связи с тем, что этот продукт был превращен в монополию, последствия которой, однако, не были ощутимы в 1897-98 годах, поскольку она вступила в силу только в январе 1898 года. К этому следует добавить поступления из Формозы, которые, к сожалению, не являются чистыми поступлениями. Общий доход за 1897-98 финансовый год составил 12 950 000 фунтов стерлингов и превысил обычные расходы на 600 000 фунтов стерлингов; но эти цифры, несомненно, значительно увеличатся, когда программа расширения будет завершена. Подсчитано, что к 1904-5 году обычные расходы составят 17 300 000 фунтов стерлингов, для покрытия которых необходимо будет собрать еще 4 400 000 фунтов стерлингов за счет увеличения налогов.

Налогообложение в Японии имеет естественную тенденцию к росту. В 1887-94 годах ежегодный рост составлял от 1¼ до 1½ процента, и это в то время, когда не было никаких необычных волнений. Это было до войны. Если предположить, что он будет расти только на ¾ процента, то ожидается, что к 1904-5 годам увеличение добавит 500 000 фунтов стерлингов к 9 800 000 фунтов стерлингов 1897-98 годов. С другой стороны, таможенный тариф, который был чрезвычайно низким благодаря договорам с иностранными державами, вырос в результате пересмотра этих договоров, и, как надеются, даст прирост в 600 000 фунтов стерлингов. Предполагается, что табачная монополия также будет приносить 800 000 фунтов стерлингов в год, что на 500 000 фунтов стерлингов больше существующих доходов. Таким образом, остается найти 2 800 000 фунтов стерлингов, которые, несомненно, будут получены за счет увеличения поступлений от почты, телеграфа и телефонов, а также за счет расширения государственных железных дорог, существующих в настоящее время, и эксплуатации тех, которые находятся в процессе строительства.

В последнее время чрезмерная активность в коммерческих кругах сдерживается, что не очень удивительно после такого форсированного марша. Тем временем существует

определенный риск того, что доходы почтовых и железных дорог не будут расти так быстро, как ожидают более оптимистично настроенные люди, поскольку новые железные дороги, вероятно, окажутся не такими прибыльными, как уже существующие, которые проходят через более богатые регионы. За период 1892-96 годов чистый доход от железных дорог в штате, без учета значительного увеличения протяженности линий, удвоился. К 1904 году, по расчетам, будет проложено 1250 миль железных дорог вместо 600 в 1897 году, что, по оценкам, даст прирост в 550 000 фунтов стерлингов по сравнению с нынешними доходами. Что касается почт, телеграфа и телефонов, чьи необработанные доходы были увеличены примерно на 80 процентов за последние четыре года, есть все основания полагать, что в 1904-5 годах они будут на 850 000 фунтов стерлингов выше, чем в настоящее время. Таким образом, к необходимым 2 800 000 фунтов стерлингов добавится 1 400 000 фунтов стерлингов. Оставшиеся 1 400 000 фунтов придется взять из различных других источников налогообложения. Теперь возникает вопрос: Выдержит ли страна дальнейшее налогообложение без протеста? Ответ кажется мне обнадеживающим. Земельный налог до Реставрации и даже до конца XVII века, как можно убедиться на основании многих важных исторических документов, был в семь раз более обременительным, чем сейчас, и выплачивался натурой - рисом или другими родственными продуктами - и приносил даймио и центральному правительству 147 000 000 бушелей риса в год. По цене риса, полученной в 1897 году, когда урожай был получен на уровне среднего, земельный налог теперь должен составлять примерно шестую часть этой суммы, а общий бюджет в размере 17 300 000 фунтов стерлингов, предусмотренный на 1894-95 годы, требовал только 93 100 000 бушелей. Если мы добавим к ним все провинциальные и общинные бюджеты, то получим не более 127 400 000 бушелей риса. Поэтому неправда, что японцы сегодня живут не лучше, чем при старом режиме. С момента введения нынешних финансовых условий и отмены феодальной системы цены выросли в огромной степени. С 1887 по 1897 год, согласно ежемесячным отчетам, публикуемым Банком Японии, стоимость около сорока основных товаров империи выросла не менее чем на 73 процента. Заработная плата выросла еще больше, а население увеличилось на 4 000 000 человек, так что добавление 45 процентов к налогам оставляет налогоплательщика менее обремененным, чем раньше. Самый важный из всех этих налогов может показаться нам явно тяжелым, но мы не должны забывать, что в прежние времена он был единственной формой налогообложения. В те старые добрые времена девять десятых населения проживало в стране, которая была поделена между даймионами, а крестьянство было их арендаторами; но после отмены феодальной системы крестьяне, согласно новому закону, стали собственниками, не платя ни доли ни своим прежним хозяевам, ни правительству.

В 1896 году сельскохозяйственная продукция Японии оценивалась в 62 600 000 фунтов стерлингов, не считая продукции болот, которая, однако, очень важна. Поэтому земельные налоги, составляющие 3 800 000 фунтов стерлингов, составляют всего 5-6 процентов, а местный земельный налог - 2-8 процентов от этой суммы. Все это не является чрезмерным.

Наконец, земельный налог включает 352 500 фунтов стерлингов, полученных от налога на городские строительные земли, которые платят 1 12 с. фунтов стерлингов за акр, что всего в четыре раза больше, чем рисовые поля, и должны легко приносить от 200 000 до 300 000 фунтов стерлингов больше. Что касается общей суммы земельного налога, то в 1877 году она была уменьшена на одну шестую часть; эквивалентное увеличение принесет доход примерно на 600 000 фунтов стерлингов больше, и это может быть осуществлено без особых неудобств, благодаря общему повышению стоимости имущества. Налог на *саке*, главный напиток страны, был повышен в 1897 году примерно наполовину. Его можно было бы увеличить, так как в настоящее время за галлон напитка, который стоит 1 шиллинг, платят 5

д. 3 д. за галлон. В целом японские финансисты предпочитают повышать существующие налоги, а не устанавливать новые. Если рассматривать этот вопрос с другой точки зрения и выяснить, как лучше увеличить японские налоги, то давайте рассмотрим бюджет, каким он будет через пять лет, после того как к нему будут добавлены необходимые налоги, о которых уже говорилось. Из 17 300 000 фунтов стерлингов доходов 3 400 000 фунтов стерлингов будут получены от земель Короны, железных дорог и постов, 850 000 фунтов стерлингов - от Формозы, а 13 000 000 фунтов стерлингов - от монополий и налогов, выплачиваемых самой Японией. Население, увеличивающееся на 350-400 тыс. душ в год, достигнет 45 500 000 человек и будет приносить государству 13 000 000 фунтов стерлингов, или около 5s. 9d. на голову, что не кажется нам чрезмерным по сравнению с тем, что платят жители других стран. Француз, например, платит 3 фунта, итальянец - 1 фунт 12 шиллингов, русский - 12 шиллингов. 9d., египтянин - 16s. 9d., а индус - 3s. 9d. Я выбрал эти национальности не бессистемно, а потому, что каждая из них имеет какие-то общие черты с Японией, особенно Египет, по сути, сельскохозяйственная страна. Я не думаю, что кто-то может утверждать, что итальянец, как правило, в пять или шесть раз богаче японца, египтянин - в три раза, или что 130 000 000 русских, 20 000 000 из которых - азиаты, имеют доходы, вдвое превышающие средние, которые можно найти в Японии, и, несомненно, существует огромная обратная разница между индусом и японцем. Принимая во внимание эти факты, можно с уверенностью заключить, что сумма, которую японец заплатит в свою казну, значительно меньше той, которую получают почти все народы Старого Света. Что касается национального долга, пять шестых которого принадлежит туземцам, то в настоящее время он не превышает 40 000 000 фунтов стерлингов, но достигнет своего максимума в 1901 году, когда составит 49 930 000 фунтов стерлингов. В настоящее время ежегодные выплаты составляют 720 000 фунтов стерлингов, но в 1903 году они возрастут до 1 000 000 фунтов стерлингов и будут продолжать увеличиваться, так что к 1938 году, если не возникнет новых обязательств, помимо тех, о которых уже идет речь, Япония будет свободна от долгов.

Поэтому финансовые трудности, с которыми сталкивается Япония в настоящее время, не столь грозны, как кажется. В 1899 году Палата увеличила земельный налог, от чего ранее очень упорно отказывалась. В то же время она повысила налог на *сакэ* и на посты. Таким образом, бюджет обычных поступлений был увеличен до 19 000 000 фунтов стерлингов. Эта цифра может показаться чрезмерной, но она показывает излишек в 4 000 000 фунтов стерлингов по сравнению с фактическими расходами, что свидетельствует о намерении правительства как можно скорее погасить чрезвычайные расходы по программе Ито, а это значит, что эти повышенные налоги следует рассматривать лишь как временные. Возможно, на первых порах они будут препятствовать торговле, чему, к сожалению, нельзя помочь, но, во всяком случае, в будущем это принесет значительную пользу. Финансы Японии, к счастью, всегда управлялись в высшей степени удовлетворительно и осмотрительно, и если Империя будет выполнять нынешний план расширения и не будет прибегать к каким-либо новым схемам, предполагающим дополнительные расходы, Япония, похоже, найдет четкий выход из преходящих трудностей, которые в свое время тяготили ее финансы.

ГЛАВА VIII

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ПАРЛАМЕНТ ЯПОНИИ

Современная социальная организация - дворяне, или *квадзоку*; *сидзоку*, или древние *самураи*; и *хеймин* - Равные гражданские права для всех граждан - Преобладание *самураев* в политике после Реставрации - Сохранение духа клана - Япония, управляемая в течение

последних тридцати лет кланами Чошиу и Сацума - Создание в 1889 году конституции по образцу прусской - Парламентская борьба против кабинетов, управляемых южными кланами - Частые кризисы и роспуски - Министерский кризис в Японии - Попытки палаты ввести ответственность министров и заменить правительство кланов правительством партий - Признаки улучшения работы представительной системы - Ее перспективы в Японии.

Теперь нам предстоит изучить наименее похвальный из многочисленных институтов, заимствованных современной Японией у Европы, - тот, что касается внутренней политики страны, которая очень неустойчива. С 1889 года, когда микадо, выполняя обещание, данное своему народу при Реставрации, впервые принял конституцию, аналогичную прусской, палаты распускались не менее пяти раз. Между представителями народа и различными кабинетами, сменявшими друг друга, существовал постоянный антагонизм; и если исключить время Китайской войны, когда патриотизм японцев был настолько силен, что поглощал даже партийные чувства, то окажется, что ни один кабинет не смог добиться значительного большинства. Чтобы понять такое положение дел, мы должны вспомнить, как проходила Реставрация, учитывая реальную социальную организацию Японии, а также тот факт, что клановый инстинкт пережил и сословные предрассудки, и феодальные привилегии, которые были подавлены без малейшего сопротивления или сожаления.

С момента отмены старого режима прошло уже двадцать пять лет, и за это время феодальная система была заменена, в первую очередь, централизованной и абсолютной монархией, а теперь и парламентским представительством по европейскому образцу. Восемьдесят исторических провинций превратились в сорок пять департаментов, каждый из которых управляется префектом. Однако народ по-прежнему делится на три отдельных класса: аристократия, или *квадзоку*, образовавшаяся в результате слияния древних даймио с *кугэ*, или придворными дворянами, и *синквадзоку*, или новообразованными лицами (всего 644 семьи, насчитывающие около 4 162 человек); *сидзоку*, или древних *самураев* (насчитывающих 432 458 семейств, или 2 049 144 человека); и, наконец, *хейминов*, или простолюдинов; но, кроме преобладания дворянства в составе Палаты пэров^[18], ни им, ни *сидзоку* не дано никаких привилегий: их обязанности точно такие же, как и у всех остальных членов. С социальной точки зрения мы, однако, очень скоро обнаружим, что в этой стране, где феодализм был в полной силе всего тридцать лет назад, существует гораздо меньше исключительности, чем во многих странах Европы, где его отмена в некоторых случаях датируется несколькими столетиями. Один японский джентльмен недавно сказал мне: "В Японии нам не приходит в голову спрашивать человека при первой встрече, к какому сословию он принадлежит". Осмелюсь предположить, что некоторые освященные временем привилегии все еще сохраняются в их внутреннем кругу и что несколько старомодных дворян действительно считают себя выше *хеймина*, но они очень стараются не показывать этого чувства. Представителей японской аристократии можно встретить на каждом общественном курорте и в любом увеселительном заведении, и они без малейших колебаний смешиваются с остальной публикой. Помню, как однажды в Токио я присутствовал на матче по борьбе, очень любимом японцами виде спорта. Кто-то указал мне на принца К², президента палаты пэров, сидевшего среди толпы на одной из ступенек ринга. Присутствовали также маркиз Х², потомок великого рода даймио, и маркиз Токукава, ярый поклонник этого вида спорта, принадлежащий к роду сегунов, один только взгляд на представителя которого поколение или около того назад стоил бы жизни человеку из народа. Эти джентльмены, судя по всему, получали огромное удовольствие от развлечения и, очевидно, мало или совсем не думали о своей былой исключительности.

Хотя высшие посты в правительстве открыты для всех, до сих пор они всегда оставались в руках *самураев*. Как и сразу после Реставрации, так и сегодня страной управляют представители этого очень многочисленного и интеллигентного дворянства. Все сменявшие друг друга министры, большинство из которых были благодетельствованы и даже стали *квадзоку*, происходили из его рядов. То же самое можно сказать обо всех высших чиновниках и, за редким исключением, о большинстве мелких служащих правительства, вплоть до полицейских агентов и подавляющего большинства военных и морских офицеров. Это неудивительно, если вспомнить, что до Реставрации *самураи* составляли не только военное, но и студенческое и литературное сословие. Даже сейчас большая часть студентов университета набирается из их числа, и в доказательство того, что к ним по-прежнему испытывают особое уважение, они составляют большинство членов нижней палаты парламента, хотя обладают лишь одной двадцатой частью избирательного права страны. Основная масса японского народа, можно сказать, мало интересуется государственными делами; и, в конце концов, возможно, это и хорошо, что политические и административные дела такой новой страны должны находиться в руках отдельного и культурного класса. Однако это всего лишь временное положение дел, а не привилегия. Уже замечено, что доля *хаймина* на всех государственных должностях, даже в армии, имеет тенденцию к быстрому увеличению.

Единственная отличительная черта прежнего режима, которая все еще сохранилась после многочисленных социальных изменений, произошедших в Японии в последнее время, - это дух клана, который сегодня силен как никогда. Узы, объединявшие между собой последователей бывшего феодального князя, все еще живы, хотя сам князь, возможно, опустился почти до уровня своих сородичей. Люди, которые до сих пор управляли современной Японией, всегда принадлежали к южным кланам, особенно к кланам Чосю и Сацума; два других, Хидзэн и Тоса, менее сплочены, и хотя среди них есть важные политические деятели, им пришлось пробиваться на фронт скорее благодаря упорному труду, чем влиянию клана. Влиятельное объединение, сформированное первыми названными кланами и известное как Сат-Чо, держит в своих руках бразды правления, управляет армией и еще сильнее влияет на флот. Однако их политика не совсем идентична. Сацума, например, обычно считается более консервативной и авторитетной, чем остальные, и именно из ее рядов рекрутируется большинство военной партии. Мужчины Чошиу, напротив, более прогрессивны и утонченны, но их также обвиняют в излишней любви к деньгам. Вожди этих кланов, похоже, достаточно хорошо понимают друг друга, чтобы установить своего рода баланс сил между собой, иногда сотрудничая в кабинете министров, а иногда сменяя друг друга в качестве отдельных министерств. В рядовом составе существует значительное соперничество, должности и почести более либерально распределяются между последователями тех, кто находится у власти. Во время моего визита в Японию, при последнем премьер-министре, графе Мацуката, клан Сацума был на подъеме, и чтобы дать некоторое представление о его влиянии, мне достаточно сказать, что министр финансов, председатель Совета, министр иностранных дел, министр внутренних дел, военный и морской министр - короче говоря, пять самых важных министров из восьми - были из их числа, а шестой был видным членом Чошиу, их союзного клана. Сейчас в провинциях Ямагути и Кагосима, где проживают эти два клана, проживает лишь один из сорока двух миллионов жителей всей Империи. Поэтому неудивительно, что жители других частей страны жалуются на столь малую долю в правительстве. Представьте себе Францию, которой в течение тридцати лет управляли исключительно провансальцы! Вполне естественно, что такое положение дел должно вызывать большое недовольство во всей Республике.

Пока Япония оставалась абсолютной монархией, в которой законодательная власть была сосредоточена в узком кругу, министерства Чошиу и Сацума сменяли друг друга без шумной оппозиции; но когда в 1890 году было создано парламентское правительство, немедленно произошло столкновение между нижней палатой, состоящей из представителей всех частей страны,^[19] и кабинетом министров, котором доминирует комбинация Сат-Чо. Хотя по конституции, аналогичной прусской, министры ответственны не перед палатами, а только перед императором, и хотя бюджет текущего года, если финансовый законопроект не был проголосован вовремя, по закону становится бюджетом и следующего года, непримиримая оппозиция, проявившаяся с самого начала, сильно смутила первое министерство Мацуката в 1891 и 1892 годах и сменившее его министерство Ито. Последнее, чьи планы по расширению военно-морского флота были упорно отвергнуты палатой, дважды распускало ее: в декабре 1893 года и в мае 1894 года. После войны патриотические чувства были настолько высоки, что люди мало заботились о правительстве и его мерах, и проектируемые законы принимались без малейшего сопротивления; но когда дела начали улаживаться, все стало иначе. В 1897 и 1898 годах произошло два роспуска, а в последний год у власти находилось девятое министерство с декабря 1885 года и седьмое с момента установления парламентской системы. Это дает в среднем около двух лет для каждого кабинета, и еще меньше для палаты, ни один из которых еще не достиг своего законного срока.

Причина этого постоянного конфликта кроется, во-первых, в том, что народное собрание враждебно относится к правительству кланов, а во-вторых, в том, что оно недоволено тем, что министры не несут перед ним ответственности. Проявляя глубочайшее уважение к императору, Палата считает, что для сохранения власти правительство должно обладать парламентским большинством. Кроме того, она жалуется на недостаток уважения, на то, что министры редко беспокоятся о том, чтобы предстать перед ней, и что к ней редко, если вообще когда-либо, обращаются кто-либо, кроме высокопоставленных чиновников, назначенных правительственными комиссарами по вопросам, относящимся к их нескольким департаментам. Одним словом, в народном собрании существуют значительные трения против такого положения дел, которое сводит его к положению простого дискуссионного общества.

Все последующие кабинеты решительно отказывались рассматривать нижнюю палату в каком-либо ином свете, что привело к некоторым любопытным инцидентам во время министерского и парламентского кризиса в декабре 1897 года и январе 1898 года, свидетелем которых мне посчастливилось быть. Кабинет министров, убежденный в том, что большинство настроено враждебно по отношению к нему, решил избежать даже видимости зависимости от палаты и поэтому не стал дожидаться вынесения вотума недоверия, а распустил палату и предложил свою собственную отставку императору, перед которым только и считал себя ответственным.

Поэтому 24 декабря император, согласно обычаю, лично прибыл, чтобы зачитать тронную речь двум объединенным палатам, которые тут же проголосовали за обычный ответ. Эти два документа были очень короткими, и второй, содержащий лишь протесты уважения и лояльности, был принят единогласно. На следующий день, едва был зачитан порядок дня и представлены некоторые финансовые проекты правительства, как председатель палаты, мистер Судзуки, попросил разрешения выступить и предложил поправку, позволяющую палате обсудить вопрос о вынесении порицания. Эта поправка, не ставшая неожиданностью, была единогласно принята, тот же джентльмен немедленно вернулся на трибуну и зачитал следующую резолюцию: "Палата депутатов заявляет, что не доверяет нынешнему министерству", после чего кто-то подал сложенную бумагу президенту, который

заставил оратора замолчать, объявив, что только что получил императорский рескрипт, суть которого, как он сообщил палате, сводилась к следующему: "В силу статьи 3 Императорской Конституции, Мы постановляем, что Палата депутатов должна быть немедленно распущена". Палата встала, просуществовав всего семь минут, и одновременно была объявлена прерогатива Верхней палаты. Через два дня, 27-го числа, император получил заявление об отставке графа Мацукаты и его коллег. Вечером того же дня во дворец был вызван маркиз Ито, который уже дважды был премьер-министром - в 1886-88 и в 1892-96 годах - и который, безусловно, является самым известным из ныне живущих японских государственных деятелей. Сначала он колебался, соглашаться ли возглавить правительство в столь сложных обстоятельствах, особенно в том, что касается внешних дел: в Японии в то время остро стоял китайский вопрос, а внутренние дела были затруднены рядом экономических и финансовых препятствий очень серьезного характера, но, тем не менее, маркиз все-таки согласился. После десяти дней бесплодных переговоров он был вынужден отказаться от своей трудной задачи; однако ему удалось к 12 января составить другой кабинет, содержащий несколько прекрасных имен, но это было клановое министерство, включавшее четырех чошиу и двух сацума. В июне он был вынужден распустить парламент, и кабинету Ито пришлось уступить место другому, сформированному под председательством графа Окумы, государственного деятеля весьма прогрессивных взглядов, который можно назвать единственным подлинно парламентским кабинетом, который Япония еще знала. Новый кабинет состоял не из одной партии, а из коалиции двух уже существовавших и был объединен против кланов. Он просуществовал недолго, и к концу 1898 года партии Сацума и Чосю вернулись к власти под руководством маршала Ямагаты.

Как и в случае с кланами, партии формируются из групп лиц и интересов. У них нет определенных программ, они постоянно меняют свои взгляды и являются всего лишь кликами, окружающими одного или двух влиятельных политиков, которые стремятся сменить клан на посту просто ради преимуществ, которые можно получить, и возможности распределять посты между своими родственниками и друзьями. В парламенте, который был распущен в 1897 году графом Мацуката, самой важной из этих групп были "Прогрессисты", насчитывавшие от 90 до 95 членов из 300; затем шли "Либералы", насчитывавшие около 80 приверженцев; затем "Национальные унионисты", от 25 до 30; и, наконец, около двадцати других подразделений, помимо "Независимых". Прогрессисты более последовательны, возможно, потому, что они существуют только с 1896 года. Либералы, хотя и являются самой старой группой, за последние два-три года почти полностью утратили свое влияние и сплоченность.

Если спросить японца о программах этих разных партий, он даст очень расплывчатые ответы, и, если уж на то пошло, их едва ли можно отличить одну от другой. Требования, предъявленные прогрессистами графу Мацуката осенью 1897 года, были сформулированы в самых туманных выражениях и сводились к общим словам, таким как реформы в администрации, великодушная система правления и т. д. Национальные унионисты несколько консервативны в своих тенденциях, но их программа также крайне туманна. В одном, однако, все, кажется, согласны, и это ужас перед любой попыткой увеличить налогообложение, и даже самые соблазнительные проекты не заставят Палату сдвинуться ни на дюйм в этом направлении - экономическая последовательность, которая является несомненным достоинством, учитывая молодость и неопытность японской Палаты представителей.

Влиятельные политики не составляют часть Палаты, почти все они были благодетельствованы, и, более того, за одним исключением, они не являются явными

лидерами какой-либо партии. Если граф Итагаки, старый радикал, является официальным лидером либералов, то граф Окума, безусловно, самый оригинальный государственный деятель империи, не исповедует себя лидером прогрессистов, хотя и поддерживает с ними тесные отношения. Маршал Ямагата также открыто не заявляет о своем влиянии на национал-юнионистов. Такие действия со стороны тех, кто в любой другой стране был бы известен как лидеры различных партий, несомненно, ослабляют влияние нескольких групп в японском парламенте. Что касается представителей двух кланов, находящихся у власти в Палате представителей, то, разумеется, чувство клановости заслоняет собой все, даже партийные интересы. Три депутата от Сацумы, принадлежащие к Прогрессивной партии, немедленно вышли из состава парламента, когда эта партия на предварительном заседании заявила о своей оппозиции министерству Мацукаты.

Люди из южных кланов управляют Японией уже более тридцати лет, и управляют хорошо. Способных и энергичных государственных деятелей первых дней Реставрации сменили другие, не менее способные и той же школы. Их окружает бюрократия, существовавшая в Японии еще во времена последних сёгунов и очень напоминающая прусскую, которая, хотя и высокомерна, но высокообразованна и прогрессивна. Их поддерживает мощная и хорошо дисциплинированная армия, флот, офицеры которого в большинстве своем принадлежат к тем же кланам, что и министры, и руководители гражданской службы. Эти люди счастливо провели свою страну через ряд беспрецедентных изменений, превратив ее из феодального в современное государство, управляемое на передовых принципах. Они поставили ее в прекрасное финансовое положение, покрыли ее военной славой и обеспечили ей период необычайного процветания и экономического развития. Эти наблюдения наталкивают на мысль беспристрастного зрителя, который посещает Японию с целью изучения замечательного прогресса, достигнутого ею за столь удивительно короткий срок.

Невозможно не испытывать некоторую тревогу, чтобы дела не вырвались из рук таких опытных государственных деятелей, как представители кланов Сацума и Чосю, и не оказались разбросанными между группами, на которые в настоящее время разделена Палата. Однако это не заставляет нас отчаиваться в успехе парламентского правления в Японии. Не стоит забывать, что британский парламент был сформирован не за один день, и что во всех странах, где была принята эта форма правления, должно было пройти много лет, прежде чем она достигла чего-то, приближающегося к совершенству, и вполне естественно, что Япония должна пройти через тот же опыт. Однако, справедливости ради, следует отметить, что в последнее время был достигнут значительный прогресс в правильном направлении. Партии, обладающие хоть какой-то приверженностью, время от времени принимали более или менее непосредственное участие в работе правительства. Маркиз Ито привел графа Итагаки в кабинет министров в 1895 году, а в конце своего министерства сам был поддержан в палате либералами. Затем, опять же в 1896 году, граф Мацуката пришел к власти в компании с графом Окумой, которому благоволили прогрессисты. В течение всей сессии 1896-97 годов, благодаря их поддержке и поддержке второстепенных групп, правительство имело решающее большинство, что делало честь политическим способностям министров и мудрости членов. К сожалению, осенью 1897 года прогрессисты устали от кабинета, который не выполнял своих обещаний, и ушли, унеся с собой графа Окуму; но эта попытка показала, с одной стороны, что правительство признало важность взаимопонимания с партией, а с другой - что такое взаимопонимание обладает определенной силой. С октября 1898 года министерству Ямагаты пришлось иметь дело с весьма благоразумным парламентом, который без колебаний принял те законы, которые были необходимы, чтобы вывести страну из финансовых затруднений, а также меры, вызванные недавно заключенными договорами с европейскими державами. Все это

свидетельствует о том, что при определенных серьезных обстоятельствах японский парламент вполне способен выйти из положения и обладает, как я уже однажды говорил, таким замечательным качеством, как дух экономии, часто, к сожалению, отсутствующий в более опытных парламентах Европы. Если японский парламент когда-нибудь вернется к своим прежним бурным и буйным нравам и будет настаивать на управлении, а не на контроле, а его непримиримая оппозиция пойдет на риск ущемления интересов страны, то не исключено, что Конституция может серьезно пострадать в результате целого ряда кризисов, но в настоящее время вероятность того, что исключительные меры приведут к каким-либо серьезным неприятностям, невелика. Если японские избиратели склонны проявлять излишнее воодушевление на выборах, то это объясняется главным образом тем, что они новички в своем деле, и, кроме того, они составляют лишь очень небольшую часть населения. Массы абсолютно равнодушны к политической агитации. Газеты, которые читают в городах, почти не касаются политики, а в основном наполнены сплетнями, романами и анекдотами, в то время как для подавляющего большинства людей император все еще остается полубогом, и последнее, что одобрили бы коммерческие классы, - это ряд буйных сцен в палате.

ГЛАВА IX

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ И ЕЕ ВОЕННАЯ МОЩЬ

Военные силы Японии - роль, которую они могут сыграть на Дальнем Востоке - японская армия и флот - отличные качества и хорошее обучение войск - выдающаяся сила организации, проявленная во время войны с Китаем - важность японского союза для держав, заинтересованных в Китае - отношение Японии к иностранным государствам - ее консервативная политика в Китае после войны - ее политика, враждебная России и благоприятная Англии - корейский вопрос - мотивы, которые могут ослабить ее чувство враждебности к России - Япония как защитница целостности Поднебесной империи.

Японский парламент проголосовал за выделение средств, необходимых для осуществления программы военного, военно-морского и экономического расширения, сформулированной правительством после китайско-японской войны, и империя, как мы уже видели, не говоря о новых железных дорогах и других общественных работах, будет иметь армию в 150 000 человек на мирной основе, вместо 70 000-75 000, и сможет отправить на поле боя 500 000 человек, вместо 270 000-280 000. Ее флот будет увеличен до 67 военных кораблей водоизмещением 258 000 тонн, 11 торпедных эсминцев и 115 торпедных катеров, вместо 33 судов водоизмещением 63 000 тонн и 26 торпедных катеров, которыми она располагала до войны с Китаем.

Ожидается, что завершение этой программы обороны произойдет не ранее 1905 года в отношении флота и 1903 года в отношении армии. Однако на данный момент более половины работы уже завершено. Из 21 300 000 фунтов стерлингов, утвержденных для покрытия расходов на увеличение военно-морского флота, включающего арсеналы, доки и т.д., было предусмотрено, что 13 300 000 фунтов стерлингов должны быть выделены до 1 апреля 1899 года, а еще 3 400 000 фунтов стерлингов - между этой датой и 1 апреля 1900 года. Длительное противодействие, оказанное парламентом в отношении повышения налогов и иностранных займов, возможно, несколько замедлило работы, особенно те, которые были выполнены в Японии; но иностранные заказы были выполнены, и флот микадо теперь имеет

почти все новые суда, предусмотренные контрактом. Завершение строительства по крайней мере трех из пяти арсеналов также продвинулось далеко вперед. То же самое можно сказать и об армии. Из 7 900 000 фунтов стерлингов, необходимых для ее увеличения, 4 200 000 фунтов стерлингов были потрачены до апреля 1896 года, а 1 000 000 фунтов стерлингов - между этой датой и апрелем 1900 года. Не лишним будет напомнить моим читателям, что когда все будет завершено, армия будет состоять из двенадцати дивизий вместо шести, не считая Императорской гвардии. Три из этих новых дивизий были завершены, когда я был в Японии в 1898 году.

Огромное значение японского фактора на Дальнем Востоке, а следовательно, и во всем мире - вопрос о доминировании Дальнего Востока над всеми остальными - заключается в том, что ее военные и морские силы находятся на месте. Японский флот был бы достойным уважения при любых обстоятельствах, так как он равен флоту Италии или Германии; но следует помнить, что западные страны не могут оставить без защиты свои берега и свои колонии, и, следовательно, могут послать в китайские воды только второстепенную часть своих морских сил, которые в противном случае разбросаны по всему миру. Отсюда следует, что ни одна европейская держава, за исключением, возможно, Англии, не сможет в случае войны ввести в эти воды флот, хоть в какой-то мере сравнимый с флотом микадо.^[20]

То, что уже было сказано о военно-морской мощи, можно повторить с еще большим акцентом в отношении военной. Нет нужды напоминать о трудностях, которые необходимо преодолеть, чтобы перевезти, несмотря на огромные размеры используемых в настоящее время судов, даже один армейский корпус на Дальний Восток, о длительных и ежеминутных приготовлениях, необходимых для такого предприятия, или об опасностях, которые могут встретиться, если только отправляющая держава не является абсолютной владычицей моря. Япония, благодаря своим железным дорогам и внутреннему морю, может теперь в несколько дней сосредоточить всю свою армию там, где ни одно неприятельское судно не посмеет ее преследовать, на острове Киу-Сиу, в 125 милях от берегов Кореи, едва ли в 500 милях от устья Ян-цзе-Кианга, на расстоянии, равном расстоянию между Марселем и Алжиром, и в 625 милях от залива Пе-чи-ли, и 940 милях от входа в Пей-хо, реку, которая течет в Пекин. Поэтому она могла бы через несколько дней после объявления войны высадить в Китае и особенно в Корее такие силы, которые ни одна европейская держава, за исключением России, после завершения строительства Транссибирской магистрали, не смогла бы ввести в столь короткий срок.^[21] Поскольку ее флот может легко защитить ее собственную территорию, ей нужно держать дома только часть своих резервов.

Мы уже видели, что в борьбе с Китаем Япония, используя свои военно-морские силы, легко одолела этого довольно презренного врага. Очевидно, что в этой кампании японцы проявили замечательные организаторские способности, и вся работа тонкого механизма транспортов, санитарных машин, комиссариата и т. д. была организована великолепно. Это большой плюс в их пользу, особенно если вспомнить, что подобный комплимент не мог быть сделан многим европейским экспедициям, отправленным против врагов, менее сомнительных, чем китайцы. Даже англичане, наблюдая за маневрами японской эскадры во время китайско-японской войны, не стеснялись хвалить их превосходство; а военные атташе, следившие за корейской и маньчжурской кампаниями, выражали одинаковое впечатление от японской армии.

Мужество японцев не подлежит сомнению. Они доказали это в своих долгих и кровопролитных феодальных войнах и, опять же, всего двадцать лет назад, во время восстания в Сацуме. Их патриотизм столь же искренен, ведь они - единственные восточные люди, среди которых существует это чувство, и у них оно легко доходит до фанатизма.

Выносливость их войск необычайна. Подданные микадо, несомненно, лучшие пешеходы в мире; и не нужно напрягать воображение, чтобы понять, каково должно быть превосходство пехоты страны, крестьяне которой не используют скот, чтобы тащить свои повозки, и проводят зимние месяцы в паломничестве к отдаленным святыням в своей и соседних провинциях.

В Японии два человека не задумываются о том, чтобы протащить джинрикишу шестьдесят миль за двенадцать часов, сделав лишь два перерыва на отдых, и возобновить путь на следующий день совершенно свежими. Известны случаи, когда японский батальон проходил за день от двадцати пяти до тридцати миль с ранцем на спине, не оставляя позади ни одного отставшего. Обучение солдат - за исключением, пожалуй, кавалерии - превосходно, и они учатся очень быстро. Я наблюдал за маневрами некоторых новобранцев, которые прослужили в полку всего шесть недель, и, хотя они никогда в жизни не носили европейской одежды, они носили свою форму гораздо легче, чем многие наши молодые солдаты. Кроме того, японцы - отличные стрелки.

Таким образом, сырьевая база японской армии чрезвычайно хороша. Она оснащена первоклассными ружьями и пушками, а поскольку флот состоит из кораблей, построенных лучшими строителями Европы и Америки по последним образцам, само собой разумеется, что артиллерия достойна кораблей, которые ее несут. Возможно, личный состав и не достигает такого же высокого уровня, как рядовой состав, но об этом трудно судить, поскольку данных недостаточно, чтобы составить правильное мнение. Тем не менее, кажется, что его обвиняют в недостатке решительности, а также в том, что он слишком сильно подвержен влиянию академических и технических теорий, не уделяя достаточного внимания требованиям современной войны.

Как бы то ни было, весьма вероятно, что в случае вступления Японии в войну в качестве союзника европейской державы, эти недостатки были бы значительно изменены, если бы они прислушались к советам своих друзей. В дополнение к вышесказанному не следует забывать, что Япония - единственная страна Дальнего Востока, где работают важные угольные шахты, и что две из главных из них расположены на острове Киу-Сиу, совсем недалеко от той части побережья, которая ближе всего к Корее и Китаю, и что, кроме того, в настоящее время она является хозяйкой Пескадоров, стратегического пункта, который Курбе ценил очень высоко, расположенного в середине Китайского моря. Таким образом, легко оценить, насколько ценным будет сотрудничество этой нации для держав, заинтересованных в Срединном Королевстве.

Поэтому необходимо знать, что чувствует Япония по отношению к пекинскому больному, а также к различным врачам, собравшимся вокруг его постели и думающим не столько о выздоровлении пациента, сколько о том, как в конечном итоге разделить его наследство. Что касается Китая, то Япония, несомненно, настроена к нему благосклонно, и со времен войны у нее не было более теплого и, можно сказать, более искреннего друга, чем ее покойный враг. Если бы Японии была предоставлена свобода действий, она, несомненно, реорганизовала бы Китай в своих интересах, но, возможно, Европа, препятствуя этому, проявила немалую проницательность, так как в долгосрочной перспективе это могло бы оказаться опасным. Япония хотела бы не только иметь возможность реформировать Китай самостоятельно, но и поставить его в положение, позволяющее сохранить автономию, чтобы не стать жертвой европейских держав.

Министры микадо, естественно, несколько встревожены мыслью о том, что их страна вскоре может оказаться единственной в мире, населенной неевропейской расой, сохранившей

свою независимость, и не могут не задаваться вопросом, как долго эта независимость может продлиться, тем более что Япония находится в непосредственном контакте с самым могущественным в численном отношении государством мира - колоссальной Российской империей, граничащей с Китаем. Не может ли Япония при таких обстоятельствах постоянно подвергаться угрозе со стороны столь грозного соседа? Несомненно, она сможет противостоять вторжению, но ценой огромных жертв - ведь чтобы завоевать Японию, придется истребить многие миллионы японцев. В любом случае внешнему влиянию Японии будет положен конец, особенно в Корее, которую она уже несколько раз завоевывала и на которую все еще лелеет претензии, насчитывающие более 2 000 лет. Даже с чисто экономической точки зрения она сильно пострадает; ведь ее главный торговый путь, Китай, может быть закрыт для нее навсегда.

Таковы основные причины, которые обязывают японцев оставаться преданными друзьями Китайской империи и в то же время противниками России, которая, по их мнению, желает поглотить Китай и таким образом господствовать если не над всем, то хотя бы над северной частью Азиатского континента, и которые вынуждают их бросить свой жребий Англии. Эта последняя держава не стремится к политической аннексии Китая; она лишь хочет получить дополнительные возможности для своей торговли и концессии на общественные работы, и поэтому у нее нет намерений окружать Поднебесную грозным кольцом таможен. Безусловно, у Японии были веские причины искать союза с Англией, и нас не должно удивлять ее недоверие к России, которая, лишив ее плодов континентальных завоеваний в 1895 году, спустя три года сама их аннексировала. Что касается Англии, то ее интерес в получении сотрудничества с Японией настолько очевиден, что требует лишь краткого упоминания. Благодаря дружбе с Японией она могла бы получить то, что ей нужно, не только на Дальнем Востоке, но и в других местах, - большую и хорошо организованную армию, которую, благодаря неоспоримому превосходству на море, являющемуся результатом объединения двух грозных флотов, можно было бы легко и безопасно переправить на соседний континент.

Не могут ли, однако, существовать и другие причины, которые в конечном итоге побудят не столько Великобританию разорвать японский союз, сколько Японию разорвать свою часть договора и в конечном итоге протянуть руку России? Есть основания полагать, что такое предложение существует, поскольку в Токио есть русофилы, а в Петербурге - японофилы. Кроме того, не слишком ли неосмотрительно противостоять прогрессу, который царская империя делает на континенте? В конце концов, это непреодолимая сила, вытекающая из самой природы вещей, и поэтому, возможно, было бы мудрее быть скорее с Россией, чем против нее. Кроме того, следует помнить, что Россия проявила свою добрую волю по отношению к Японии, оставив ей свободу действий в Корее, правда, только после того, как она захватила Порт-Артур. Правда, положение, созданное в Корее апрельским договором 1898 года, было шатким; и, возможно, когда ее положение на Дальнем Востоке упрочится благодаря завершению строительства Транссибирской магистрали, царское правительство может отменить подписанную им концессию и оккупировать полуостров. Но даже если допустить, что такое развитие событий возможно, - а ни в коем случае нельзя быть абсолютно уверенным в том, что Россия реализует подобный проект, - Япония все равно может надеяться на компенсацию в центре или на юге Китая, вокруг провинции Фу-Киен, где она уже почувствовала свое влияние, а также на Борнео. Россия также может дать определенные тарифные гарантии, и разве не в ее интересах, возможно, менее настоятельно, чем в случае с Англией, обеспечить сотрудничество с Японией в случае конфликта? И, наконец, является ли Великобритания очень надежным союзником? Не будет ли она просто использовать Японию в своих целях, подталкивая ее вперед, чтобы, возможно, бросить ее, когда она уже будет готова? Окажет ли она помощь коммерческому конкуренту?

Эти аргументы не лишены влияния в Токио, где в полной мере осознают трудность создания прочного и долговечного барьера против посягательств России на континенте и где, безусловно, существует чувство недоверия не только к англичанам, но и ко всем другим европейцам. Политическое и военное вмешательство в континентальные дела никогда не приводило к иному результату, чем ослабление островной державы, и как бы ни хотели подданные микадо получить Корею, не следует забывать, что, как бы ни были велики интересы Японии в этом направлении, она может легко отказаться от своих притязаний на земле, если ей будет предложена какая-то материальная и осязаемая компенсация в другом месте. Говорят, что Япония с тоской смотрела на Филиппины, и некоторые признаки заставляли многих думать, что в свое время она играла с повстанцами на этих островах примерно ту же роль, которую Соединенные Штаты играли на Кубе; но теперь Америка захватила эти острова, а также аннексировала Гавайи, еще одно место, желанное для Японии. К сожалению, Япония слишком поздно пришла в мир, чтобы иметь колонии, и поэтому вынуждена довольствоваться одинокой Формозой, которую, однако, ни в коем случае нельзя презирать.

Но даже сейчас Япония не теряет надежды со временем закрепиться на континенте; при этом, если другие не будут обращаться с Китаем слишком грубо, она не намерена вмешиваться в дела своего соседа и уж тем более угрожать его целостности. Она хочет лишь укрепить ее, одновременно увеличив собственное влияние, и не стала бы вмешиваться, даже если бы считала, что Поднебесной грозит опасность. С точки зрения международной политики Япония, безусловно, является консервативным элементом, но в день борьбы, если она когда-нибудь произойдет, ей суждено очень сильно перевесить чашу весов не только в решении вопроса о Дальнем Востоке, но и в проблеме, которая встает за ним, - проблеме господства в Тихом океане, которая однажды будет разыграна не между китом и слоном, а между слонами Старого и Нового Света, то есть между Россией и Соединенными Штатами. Но какими бы ни были события, которые в конечном итоге произойдут, Япония, очевидно, не желает ускорять борьбу, при условии, что сохранение *статус-кво* не будет угрожать другим.

ГЛАВА X

БУДУЩЕЕ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЯПОНИИ - ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯПОНЦАМИ И ИНОСТРАНЦАМИ

Вопросы, которые поднимает недавняя эволюция в Японии - Могут ли японцы усвоить цивилизацию народов другой расы - Прецеденты и аналогии - До какого момента Япония хочет походить на Европу? - Характер и степень изменений, произошедших в Японии с социальной, политической и экономической точек зрения - Адаптация западных институтов в Японии - Отношение японцев к иностранцам - Пересмотр договоров с иностранными державами - Абсолютная необходимость для Японии вступить в близкие отношения с остальным миром, если она хочет сохранить свою недавно приобретенную цивилизацию.

Перед тем, кто изучал Японию на месте, встает очень серьезный вопрос, имеющий огромное значение не только для жителей этой островной империи, но и для всего человечества: окажется ли эволюция, которой подверглась эта страна, постоянной и не рухнет ли она в один прекрасный момент, принеся с собой гибель государства? Одним словом, вопрос заключается в том, может ли народ так внезапно усвоить старую, устоявшуюся и развитую цивилизацию другой расы. Для начала давайте вспомним, что японцы уже имели прецеденты, доказывающие, что они обладают способностью к ассимиляции в редкой степени. С третьего по шестой век нашей эры они привнесли китайскую цивилизацию в свои

владения, и с этнографической точки зрения, независимо от того, принадлежат ли японцы к монгольской или малайской семье, они не так далеки от китайцев, как белые; тем не менее они отличаются от них так же, как арийцы от семитов и как французы или немцы от арабов. Пример России, возможно, менее показателен, потому что более близкое родство объединяет славян с западными расами, и все же русские - наименее славяне из всех славян, будучи в действительности по большей части финнами, подчинившимися славянскому влиянию. Финны родственны монголам, а Московия, кроме того, в течение трех столетий находилась под татарским игом, которое оставило очень глубокий след на расе. Поэтому предприятие Петра Великого было нелегким. Однако главное возражение, которое можно выдвинуть против примера России, заключается в том, что ее эволюция так и не была завершена и не оказала достаточного влияния на низшие слои общества, чтобы оно стало полностью европеизированным. Венгрия предлагает лучшее поле для исследования в этом направлении, поскольку народы, которые первоначально вторглись в нее, были явно восточными, но теперь эта страна стала абсолютно европейской, что, вероятно, является результатом тесной связи между ее жителями и их соседями. Но помимо этих фактов, есть один момент, который мы не должны упускать из виду. Наша собственная цивилизация не является монополией одной расы, а была построена совместными усилиями многих людей. Она напрямую проистекает из римской и греческой цивилизации, а через них - из финикийской и египетской. Египтяне, нет нужды говорить, были ветвью хамитов, наиболее деградировавшей белой расы нашего времени; финикийцы, с другой стороны, были семитами, и именно другая семитская раса, арабская, в средние века держала свет цивилизации и передала нам наследие древности, широко распространив его научное применение. Вся история нашей цивилизации, таким образом, свидетельствует против того, чтобы она когда-либо была монополизирована арийской ветвью белой расы.

Современная этнография, основанная на последних лингвистических и антропологических открытиях, до основания потрясла те представления о белых расах, которые были общепризнанными в прошлые времена. Мы больше не считаем, что именно с высокогорных плато Азии пришли племена, которые в конечном итоге заселили Европу, но что они вышли из центра самой Европы. Арийцы, если этот термин еще сохраняет свое значение, не составляют большинства жителей континента, а являются лишь одним из его элементов. Они смешались повсюду в разных количествах среди различных орд финских и других рас, захвативших наш континент. Различное формирование черепов, которое наблюдается у разных жителей одной страны, соответствует преобладанию того или иного из этих исходных элементов, в результате чего единство расы, которое до сих пор считалось существующим среди всех западных народов, теперь доказано как химерическое.

Какую бы истину ни содержали эти теории, они все же подвержены частым изменениям, но при нынешних фактах кажется невозможным утверждать *à priori*, что одна раса не может ассимилировать цивилизацию другой. Несомненно, японцы отличаются от европейцев Запада больше, чем русские, или даже арабы, или чем они сами отличаются от китайцев; но как только признается единство человеческой расы, это становится просто вопросом степени родства. Должны ли мы, таким образом, провести границу между народами, за которой передача цивилизации одного из них не может проникнуть в другой, подобно тому, как французский закон устанавливает предел передачи наследства? Ничто, кроме опыта, не может решить этот вопрос. На самом деле это явление постоянно происходит на наших глазах, и если есть народ, который может попытаться сделать это с надеждой на успех, то это, несомненно, японцы, которые к исключительному интеллекту и замечательным способностям к ассимиляции добавляют великий дух предприимчивости и необыкновенную энергию.

Японию нельзя ни на минуту сравнивать с Китаем; ведь будучи намного моложе своей небесной соседки - поскольку она получила свою цивилизацию из ее рук в период, совпадающий с падением Римской империи, когда летописи Китая уходили в глубь веков так же далеко, как летописи Египта, - она не успела окаменеть в бесплодном восхищении прошлым и никогда не принимала мандаринат, который Китай считает одной из своих главных слав, но который в действительности медленно разрушает ее. Прежде всего, как и Европа в Средние века, она подчинилась вирильному влиянию феодальной системы, и, следовательно, нет никаких причин *à priori*, почему бы ей не преуспеть в своем предприятии. Хочет ли Япония превратить себя по всем пунктам в абсолютно европеизированную нацию, да еще и западноевропейскую, - это другой вопрос, требующий пристального внимания. Возможно, будет преувеличением сказать, что инициаторы замечательной серии реформ, которые были проведены в Японии в последнее время, когда-либо стремились к такому полному преобразованию. Первая реформа, которая привлекла их внимание, несомненно, заключалась в том, чтобы поставить свою страну, которая так внезапно преодолела древнюю традицию изоляции, на военную, военно-морскую и экономическую основу, которая позволила бы ей на равных общаться с любой из других наций мира. Японцы - единственный восточный народ, который понял, какие условия необходимы для достижения этой цели. Япония поняла, что, приняв военное и экономическое положение, равное положению любой европейской страны, она также должна была претерпеть огромные изменения во всех сферах своего национального существования, и она бесстрашно встретила свое новое положение, решив совершить всевозможные преобразования, чтобы поставить себя на прочную основу.

Мне кажется, что Япония решила сложный вопрос о том, какие изменения она должна претерпеть. Тот факт, что она приняла всю программу европейской цивилизации, за исключением нескольких бытовых обычаев, некоторых традиций семейного быта и религии, говорит сам за себя. Религиозный вопрос - один из самых интересных и любопытных этапов японского опыта. Вплоть до сегодняшнего дня история всегда демонстрировала, что первым действием народа, который желал подражать другому, было принятие его религии, а в самой Японии полторы тысячи лет назад буддизм проложил путь к появлению китайской цивилизации. В шестнадцатом веке, когда она впервые вступила в контакт с европейцами, христианство сыграло важную роль и вскоре сделало много прозелитов. Сегодня все обстоит иначе. Микадо, правда, не препятствует своим подданным принимать христианство, но и не поощряет их к этому. Скорее всего, это результат того, что религия перестала быть главным фактором западной цивилизации, ее несколько заслонили важные научные открытия и материальные усовершенствования, и, справедливо или нет, нельзя сомневаться, что дух века претендует на решение политических и социальных проблем вне сферы религии.

Японцы, очевидно, пришли к выводу, что нет необходимости вносить изменения в порядок идей, который сами европейцы, по-видимому, считают постыдным. Если в один прекрасный день они поймут, что ошиблись, им, вероятно, не потребуется много времени, чтобы изменить свое мнение; но в настоящее время они предпочли сплотиться вокруг популярной идеи, нейтралитета государства в вопросах религии и свободы совести для всех, и это позволяет им сохранить буддизм и синтоизм в качестве религии огромного большинства народа.

С другой стороны, с гражданской точки зрения они внедрили множество европейских реформ. Японское общество раньше во многом напоминало древнеримское, особенно в том, что касалось устройства семьи. Новый гражданский кодекс, который был введен в действие, более соответствует современным представлениям и изменяет чрезмерную привычку усыновления, уменьшает власть главы семьи над его женатыми детьми и младшими братьями, а также несколько повышает положение женщин, которые и так были более свободны в Японии, чем в любой другой восточной стране. Но в соответствии с японскими традициями она также допускает весьма незначительные различия между законными и незаконными детьми, и в этом вопросе, как и в вопросе развода - к добру это или нет, я не считаю себя призванным судить - она формируется в значительной степени по тем же принципам, что и современное законодательство в других странах. Таким образом, личный статус японца во многом совпадает со статусом европейца, а законы, касающиеся собственности, долгое время были идентичны нашим. Что касается уголовного кодекса, то он является одним из самых умеренных в мире, а смертный приговор выносится только в случае преступления против императора.

В политическом плане японцы пошли еще дальше и создали себе конституцию, аналогичную, как уже говорилось, прусской. Можно задаться вопросом, мудро ли они поступили, приняв полностью нашу представительную систему; но, несомненно, за последние восемь лет парламентская жизнь в Японии быстро продвинулась вперед, и, по сути, она не лучше и не хуже, чем во многих европейских странах. Партии не приходят надолго, а их программы очень запутаны. Отношения между кланами и провинциями играют очень заметную роль в существовании парламента; но, если уж на то пошло, то и в Италии, и в других странах. Даже если это был довольно преждевременный опыт, тем не менее, парламентское правительство в Японии, похоже, сохранится. Многочисленные провинциальные и общинные ассамблеи выполняют свою работу достаточно хорошо, хотя, конечно, есть шепот о небольшой коррупции - но где же иначе? Одна из самых счастливых черт японской эволюции заключается в том, что маловероятно, что она закончится, как великие русские преобразования при Петре Великом, созданием двух различных классов, разделенных непреодолимым барьером. Здесь нет крепостного права или чего-либо, что могло бы удержать японское крестьянство в том же положении неполноценности, что и русского мужика, и масса народа безоговорочно следует примеру своих вождей.

Усовершенствованные двенадцатью-пятнадцатью веками цивилизации, подданные микадо гораздо лучше образованы, чем подданные Петра Великого, и потому могут с гораздо большей уверенностью шагать по пути прогресса. Хотя небольшие размеры страны и плотность населения, сосредоточенного в основном на побережье, также способствуют быстрому проникновению новых идей, чему еще больше способствует хорошо организованная система начального обучения и военная служба, однако наиболее разительные и быстрые перемены произошли именно с материальной точки зрения.

Не возвращаясь к вопросу о необычайно быстром росте промышленности, я не могу не остановиться на одной связанной с ней теме, а именно на чрезмерной способности, с которой японцам удалось организовать некоторые общественные услуги, привнесенные с Запада, таким образом, чтобы они были доступны даже самым бедным. Во многих европейских колониях высокие тарифы на железнодорожные и почтовые услуги удерживают местных жителей от их использования, но в Японии все обстоит иначе. Там за проезд по железной дороге платят $\frac{3}{4}$ д. за милю первым классом, $\frac{1}{2}$ д. вторым и $\frac{1}{4}$ д. третьим; последним пользуется большинство населения, и общая прибыль за 2 290 миль японских железных дорог, несмотря на эти низкие тарифы, достигла в 1895 году 1 878 600 фунтов

стерлингов (из них 1 179 600 фунтов стерлингов заплатили путешественники) против 766 300 фунтов стерлингов расходов; прибыль составила 1 112 300 фунтов стерлингов, или около 10 процентов по отношению к затраченному капиталу, который составлял 11 649 200 фунтов стерлингов. Почта в Японии также чрезвычайно дешева: за письма взимается $\frac{1}{2}$ д., а за открытки - $\frac{1}{4}$ д. В 1896-97 гг. через почтовое отделение прошло 503 000 000 предметов, из которых 263 000 000 были открытками, 122 000 000 письмами и 87 000 000 газетами. Преобладающее количество почтовых открыток, превосходящее количество писем, разительно отличается от того, что можно наблюдать в любой другой стране, и является доказательством экономных привычек жителей и их признательности за этот дешевый способ переписки. Энтузиазм, с которым население пользуется всеми новшествами, привнесенными с Запада, является убедительным доказательством того, что насаждение нашей цивилизации встречает очень слабое сопротивление. Еще одним благоприятным признаком является исключительное количество студентов в новых университетах и государственных школах всех направлений. Практические науки, право и медицина привлекают большинство студентов, и многие из них уже достигли заметных успехов в своей карьере. В качестве примера можно привести тот факт, что именно японец открыл микроб бубонной чумы. Японцев иногда, и, возможно, с некоторой долей правды, обвиняют в отсутствии изобретательских способностей; но те народы, которые со многих точек зрения стоят во главе цивилизации в настоящее время, англичане и американцы, не являются теми, среди кого способность к изобретениям является исключительно выдающейся. Именно во Франции или Германии были найдены принципы почти всех современных открытий, но именно в Англии и Соединенных Штатах их применение было доведено до совершенства. Однако никто не может отказать японцам в этом последнем даре, и они, несомненно, обладают почти чрезмерной способностью уделять внимание мельчайшим деталям. Возможно, до сих пор они не оказали существенной помощи в развитии науки, и, конечно, выносить суждение по этому вопросу несколько преждевременно; но при наличии хороших технических учителей - а все указывает на то, что они у них будут - они, несомненно, смогут вскоре акклиматизировать европейскую цивилизацию в своей стране, точно так же, как в былые времена это сделал Китай, но только при условии, что они будут поддерживать хорошие контакты с Европой.

Однако главная их опасность, как мне кажется, заключается в том, что они пытаются слишком изолироваться и считают, что научились всему, чему их можно научить, и, следовательно, больше не могут быть полезны своим хозяевам. Возможно, в некоторых случаях они слишком быстро избавились от услуг иностранных чиновников и советников. На протяжении всего восемнадцатого века Россия, так сказать, лепила себя по немецкому плану, и Японии также не мешало бы поспешно забыть советы западных учителей. Уже сейчас заметна некоторая доля небрежности в почтовом ведомстве и на железных дорогах, системы которых время от времени нарушаются из-за многочисленных нарушений, а также из-за некоторой небрежности, которую обычно приписывают избытку работы или поломке машин, но которая, скорее всего, объясняется неопытностью государственных служащих всей иерархии. Дело в том, что Япония в настоящее время не ценит наиболее характерную черту современной цивилизации - пунктуальность; но, справедливости ради, если учесть ленивые привычки азиатов в целом, удивляться этому не стоит, скорее наоборот. Тем не менее, было бы неплохо, чтобы японцы, пока они не приучат себя к пониманию ценности времени, держали чиновников, которые будут напоминать им о его важности.

Можно также добавить, что в коммерческом развитии проявилась значительная неопытность и чрезмерное рвение в каждой отрасли, промышленной, финансовой и торговой: например, в слишком быстром увеличении количества банков и компаний всех видов, в

бесхозяйственном управлении новыми обществами и в злоупотреблении кредитом, которое часто имело место. Все эти вещи являются новыми для Японии, и иногда к ним относились не так, как следовало бы. Мы так высоко оценили экономическое развитие страны, что, конечно, можем позволить себе заметить, что многое было сделано слишком быстро. Но так было во всех новых странах, в обеих Америках, а также в Австралии, и поэтому нельзя быть слишком строгим к Японии в этом отношении, но и не стоит удивляться, если иногда это приводит к параличу бизнеса и даже к кризису. Как это часто бывает, рост зарплат сопровождал промышленную экспансию и оказался очень неудобным для экспортных отраслей, тем более что они по большей части являются номинальными, а цены выросли почти сразу. За последние два года произошло обратное движение, и мы должны отдать должное японцам, сказав, что, увидев опасность, они проявили значительную проницательность, и как правительство, так и общественность выразили желание ограничить стремление к экспансии. Если в 1897-98 годах в Японии и были серьезные экономические трудности, то теперь они, похоже, миновали; они были лишь результатом чрезмерной активности, и нынешние перспективы во владениях микадо, хотя и не такие блестящие, как сразу после войны, снова стали нормальными.

Преходящие беды Империи восходящего солнца, на наш взгляд, не станут очень серьезными, если японцы хорошо поймут, что в их интересах скорее расширять контакты с иностранцами, чем ограничивать их. С 1889 года в Японии существовало реакционное движение против чужаков, которое, очевидно, достигло своей кульминации в 1896 году, а теперь, похоже, постепенно идет на убыль. Искренне хочется надеяться, что это чувство подозрительности полностью исчезнет. Одной из многочисленных причин, способствовавших возникновению определенной враждебности к европейцам, было их отношение к возобновлению договоров. Этот важный вопрос, который так тесно затрагивал отношения между японцами и иностранцами, теперь решен, и если японские государственные деятели хорошо воодушевлены, то решение, к которому они пришли, должно значительно укрепить истинные интересы их страны.

Почти сразу после Реставрации правительство микадо выразило желание пересмотреть договоры, заключенные между ним и иностранными державами в последние годы старого режима. Больше всего оно хотело отменить экстерриториальные привилегии, предоставленные чужеземцам, и сделать их ответственными перед местными трибуналами. Она также надеялась вернуть себе право изменять таможенный тариф, который был очень низким, но не с целью защиты, а для увеличения доходов. В обмен на эти уступки Япония предложила открыть страну для европейцев, разрешить им проживать и создавать свои предприятия в любом месте за пределами пяти портов, в которых они до сих пор находились. Совместные переговоры с семнадцатью державами, подписавшими договоры, велись неоднократно, но без благоприятных результатов, а проверка, полученная в 1897 году, сильно раздражила общественное мнение Японии. Тогда правительство решило вести переговоры отдельно, при посредничестве своих представителей в Европе. Первый успех был достигнут с Англией по договору, заключенному в 1894 году; другие страны последовали этому примеру, и 17 июля 1899 года новые договоры были приведены в исполнение.

Однако за несколько лет в общественном мнении Японии произошли изменения, и многие люди начали думать, что полностью открывать страну для иностранцев так же опасно, как и предоставлять им привилегии на владение. "Они намного богаче нас, - говорили они, - они скупают все наши земли и лишают нас наших ресурсов, так что со временем мы перестанем быть хозяевами в собственном доме". С другой стороны, европейцы стали возмущаться тем, что им придется подчиниться японской юрисдикции, которая, хотя и основана на

европейской системе, может быть неправильно применена желтыми людьми, которые все еще были варварами, и которые могут использовать ее, чтобы сделать существование иностранцев в Японии непереносимым. Оба взгляда на дело были преувеличены, что сделало задачу различных дипломатов чрезвычайно сложной. Дипломатия, однако, победила, не пожертвовав предложенным абсолютным равенством прав между японцами и иностранцами.

Новые договоры приняли японское требование о прекращении деятельности консульских трибуналов и европейских муниципалитетов, но иностранцы, в свою очередь, должны были отказаться от прав собственности. Английский договор, таким образом, суммирует основные предоставленные уступки: "Все члены главных договаривающихся сторон могут вести любую оптовую или розничную торговлю любыми продуктами, изделиями и товарами, лично или через своих представителей, индивидуально или через ассоциацию, как с другими иностранцами, так и с туземцами; и они имеют право владеть, сдавать или занимать дома, магазины, мануфактуры и другие помещения, какие сочтут нужными, или нанимать земли, жить в них или заниматься в них бизнесом, подчиняясь законам, полиции и таможенным правилам страны, как если бы они были ее туземцами." Это вызвало значительные споры. Оно подтверждало право иностранцев иметь, сдавать в аренду или занимать дома и различные коммерческие предприятия, но, с другой стороны, позволяло им арендовать только землю, которая, согласно японским законам, может быть взята в краткосрочную аренду на срок от тридцати до пятидесяти лет, в зависимости от обстоятельств, что, конечно, является большим препятствием для создания любой важной промышленности.

Это кажущееся противоречие стало предметом оживленной полемики, которую вели английские газеты, печатавшиеся в различных портах, с легкомысленной язвительностью указывая, что новый договор был задуман лишь как слепое орудие для лишения иностранцев их экстерриториальных свобод. Они забывали, что помимо собственности и системы аренды в японском кодексе есть еще один способ владения, называемый "правом поверхности", согласно которому покупатель участка земли имеет право на все, что находится на его поверхности (за исключением посевов), то есть сажать или вырубать деревья и строить на нем. В соответствии с японским законодательством можно приобрести поверхность земли на сколь угодно долгий срок, хоть на тысячу лет, либо с рассрочкой платежа, либо с полной покупкой. Для любого предприятия, не являющегося чисто сельскохозяйственным, такая покупка эквивалентна абсолютному владению землей.

Таким образом, иностранцы могут создавать в Японии промышленные предприятия, и поэтому в интересах японцев поощрять их к этому. Частные лица, равно как и правительство, должны делать все возможное для привлечения иностранного капитала, но в случае с промышленными предприятиями это можно сделать, только позволив иностранцам взять на себя руководство делами. Меня спрашивали, нельзя ли побудить иностранных капиталистов ссужать японским компаниям свои деньги на паритетных условиях, как это делается с американскими железными дорогами, не принимая никакого участия в управлении, но я боюсь, что японцам лучше не питать таких надежд. Будь то предрассудки или что-то другое, совершенно точно, что европейцы ничего подобного не сделают, и японцы, похоже, знают об этом, и несколько железнодорожных компаний изменили свои уставы, чтобы принять положение, по которому иностранцы могут стать акционерами; но поскольку японцы владеют всей землей, по которой проходят линии, а также станциями, я не думаю, что это предложение может быть законным. Поэтому приходится сожалеть, что общественное мнение не настояло на уступке права собственности иностранцам.

Однако не исключено, что в скором времени законодательный орган преодолет эту трудность, постановив, что в компаниях, созданных по японским законам и зарегистрированных в Японии, члены, хотя они и иностранцы, становятся японскими гражданами и могут быть абсолютными землевладельцами. Однако по всем пунктам японское правительство, поддерживаемое парламентом и общественным мнением, приняло необходимые меры предосторожности, чтобы применять новые договоры наиболее либеральным образом. Если за короткое время существования японских трибуналов и были вынесены некоторые неблагоприятные вердикты, то они, как правило, были пересмотрены в апелляционном порядке. Большой опыт, приобретенный в результате контактов между японцами и европейцами, и желание видеть иностранный капитал, сотрудничающий в разработке ресурсов страны, несомненно, постепенно предложат новые меры, рассчитанные на сглаживание любого чувства раздражения между местным и иностранным населением. Если среди отдельных фанатиков все еще существует чувство ненависти к иностранцам, определенная недоброжелательность в низших и более невежественных слоях народа, некоторые злоупотребления властью среди низших чиновников, правительство микадо слишком благоразумно, чтобы позволить какой-либо вопиющей причине раздражать европейских жителей, что вскоре вызовет возмущение их соответствующих правительств и даже может привести к рассеиванию плодов тридцатилетних прогрессивных усилий.

Япония уже многого добилась, но особенно потому, что она сделала это за столь короткий срок, и потому, что огромное большинство ее жителей тридцать лет назад не имело ни малейшего представления о европейских делах, а значит, не имело возможности сравнивать, они склонны преувеличивать свой прогресс, каким бы чудесным он ни был, и, следовательно, они не в состоянии заметить, что некоторые европейские импортные товары поступают к ним слегка ухудшенными. Иностранцы выступают в роли критиков, и даже если их критика иногда бывает суровой, она все равно полезна. Функционеры и молодые люди, которых отправляют в зарубежные миссии, также выполняют ту же роль критиков, и это дополнительная причина, по которой правительство так мудро поступает, сохраняя эти миссии. Если, действительно, время от времени не освежать новую цивилизацию, привнесенную в Японию, у ее первоисточника, она вскоре рискует потерять силу, и, если уж на то пошло, любой народ, даже европейский, который слишком обособляется и погружается в самолюбование, неизбежно деградирует. Не стоит принижать необычайный прогресс, столь быстро достигнутый Империей восходящего солнца, говоря, что он может быть доведен до совершенства только в том случае, если жители этой удивительной страны будут поддерживать контакты с жителями Европы и Америки.

ЧАСТЬ III.-КИТАЙ

ГЛАВА I

КИТАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Фактическое положение дальневосточного вопроса - Большой человек Пекина - Богатство его наследия - Огромные ресурсы почвы и недр Китая, последние из которых еще девственны - Результаты, которых можно ожидать от открытия Китая - Изменение отношения держав к Поднебесной империи после того, как японские победы выявили ее слабость - Истоки дальневосточной проблемы.

Решающая победа, которую Япония одержала над Китаем пять лет назад, открыла цивилизованному миру существование на востоке Азии еще одного больного, еще более сильного инвалида и бесконечно богатого, чем более известный пациент в Константинополе. Китай в четыре раза больше и в двенадцать или пятнадцать раз гуще населен, чем Османская империя, в нем гораздо меньше пустынь, его ресурсы больше и гораздо разнообразнее, а его жители не только более трудолюбивы, но и более миролюбивы, и, очевидно, ими гораздо легче управлять. Поэтому в конце XIX века, когда материальное богатство страны имеет гораздо большее значение, чем ее исторические воспоминания, а люди с большей охотой открывают для себя новые возможности для предпринимательства, новые земли для возделывания или рудники для разработки, чем реликвии для сохранения или народы для освобождения, Европа оставляет постель Великого Турка, чтобы заняться своими шансами унаследовать гораздо большие богатства от Сына Неба. Больной на берегах Босфора может страдать от ужасных конвульсий или кризиса в своей болезни, но народы делают вид, что не замечают его искажений, и радостно приветствуют любое свидетельство даже слабого возвращения к здоровью; словом, они стремятся лишь продлить его существование. Если сохранение мира в Европе имеет свою долю в таком отношении, то желание не быть потревоженной в работе, которую она ведет в Китае, также имеет свою долю в позиции, которую Россия и более чем одна другая держава заняли по отношению к Китайской империи.

Дело в том, что нации пообещали себе в Поднебесной столь же ценную добычу, сколь и легкодоступную. Китай с этой точки зрения стоит гораздо больше, чем Турция или даже Африка, которую Европа так стремилась поделить. Хотя Китай менее обширен, чем Темный континент, он гораздо гуще заселен, климат здесь менее вредный, доступ легче, реки более судоходны, а почва гораздо плодороднее. Терпеливые и трудолюбивые китайцы в конце концов облегчат эксплуатацию богатств своей огромной территории, чего нельзя ожидать от варварских, невежественных и ленивых народов Африки.

Ресурсы Китая превосходят ресурсы Африки, и многие из них до сих пор абсолютно не освоены. Кроме того, китайские крестьяне - одни из лучших земледельцев в мире. В подтверждение этого утверждения следует напомнить, что благодаря совершенству своего метода возделывания они извлекают из почвы своих равнин столько, что позволяет их сельскому населению размножаться таким образом, который неизвестен в западном мире. Некоторые провинции в долине Ян-цзе - Кианг-Шан-тунг, Ху-пе, Кианг-су и другие - несмотря на то, что они являются чисто сельскохозяйственными, заселены так же густо, как Бельгия, и мы можем также заметить, что, как и на всем Дальнем Востоке, везде, где преобладает рис, горные районы почти не заселены. Если почва прекрасно обработана, то недра, напротив, абсолютно запущены, и лишь незначительное количество угля добывается из огромных угольных пластов, которые покрывают более 40 000 квадратных миль на берегах Желтой реки, на равнинах Ху-нань и под террасами Шан-си, которые, вместе с такими же важными в бассейне Шан-тун, были так высоко оценены знаменитым путешественником Рихтгофеном. Угольные пласты в Центральном Китае, по-видимому, еще более обширны, а каменноугольный бассейн Се-чуань, где также есть нефть, занимает площадь, равную половине Франции. Угольные пласты Ху-нань также очень значительны, а полезных ископаемых здесь не меньше. Медные рудники в Юньнани настолько богаты, что стали одним из главных стимулов, привлечших французов в Тонкин. Известно, что рудники с драгоценной рудой существуют и во многих других местах, но, несмотря на очень древнюю цивилизацию, китайцы почти не прикоснулись к богатствам, лежащим у них под ногами. В этом отношении они оказались ниже классических наций древности и оставили свои богатства на растерзание иностранцам.

Мы можем составить некоторое представление о развитии, которому подвержен Китай, рассмотрев пример двух других азиатских наций, находящихся в практически таких же условиях, - Британской Индии и Японии. Индия со всеми ее зависимыми территориями примерно на одну шестую часть больше самого Китая, но содержит лишь около трех четвертей его жителей; и хотя ее недра гораздо менее богаты, а население гораздо более изнеженное, чем китайское, она ведет вдвое большую торговлю с Европой, чем Китайская империя. Япония, в девять раз меньше и в девять раз менее населенная, чем Китай, но реформированная просвещенным правительством и внедрением европейских методов, за тридцать лет увеличила свою торговлю с 5 000 000 фунтов стерлингов до 44 000 000 фунтов стерлингов, что более чем на три четверти выше, чем у ее огромного, но неподвижного соседа.

К сожалению, имбецильное правительство, столь же коррумпированное, сколь и абсурдно исключительное, препятствует прогрессу Китая с гораздо большим упорством, чем предрассудки его народа. Пока длилась иллюзия относительно могущества этой громоздкой империи, никто не решался вырвать у нее силой то, что, как считалось, можно было получить уговорами, и народы смирились с тем, что огромные ресурсы внутренних районов останутся нетронутыми, довольствуясь лишь открытием нескольких портов для торговли. Но в 1894 году блестящие победы японцев открыли изумленному миру слабость колосса, его разложение и полную неспособность к самовосстановлению; именно поэтому Китайско-японскую войну можно по праву считать одним из величайших событий современной истории. С нее началось изменение отношения иностранных держав к Поднебесной. Теперь они командуют там, где раньше просили, и набрались смелости, чтобы заставить Сына Неба назначить цену за сокровища его империи или позволить им сделать это вместо него. Если они еще не поделили его территорию, то закладывают части его провинций, получают горные, железнодорожные и другие концессии. В глазах держав Китай больше не является страной, с которой можно считаться как с вероятным союзником, а всего лишь страной, которую они могут в один прекрасный день обратить в вассальную зависимость.

В 1895 году, после окончания войны, Россия начала новую политику в отношении Китая. В то время она была единственной европейской страной, которая, казалось, имела представление о слабости Китая и уже готовилась, благодаря строительству Транссибирской магистрали, сыграть важную роль на Дальнем Востоке. Германия, Франция и Англия в 1897 году получили "аренду" различных стратегических пунктов на побережье и признание того, что они с удовольствием называли "сферами влияния". Теперь в игру вернулась Россия, и Япония также приняла участие в борьбе. С середины 1898 года наступило затишье, которое, однако, последние события нарушили и доказали, что дальневосточная проблема далека от разрешения. Людей, живших в начале этого умирающего века, наверняка удивило бы, если бы им сказали, что он закончится раньше, чем Великий Турок будет изгнан из Европы, а между тем судьбы Восточной Азии и сейчас далеки от решения. Проблемы, которые встанут вокруг будущего Поднебесной империи, сейчас не менее серьезны и не менее сложны, чем когда-либо. Хотя Китай бесконечно менее неоднороден, чем Турция, он подвергается тем же опасностям, связанным с внутренними беспорядками; ведь им управляет иностранная династия, и он кишит тайными обществами. Центральное правительство слабое и не сплоченное. С другой стороны, соперничество, существующее между европейскими державами, к которым следует добавить Соединенные Штаты и Японию, не менее активно на Востоке, чем на Западе Азии. Единственный, но все еще огромный результат, который был более или менее определенно достигнут в результате событий последних пяти лет - конец изоляции от Европы, в которой Китай существовал до сих пор, и приведение его впервые с начала его истории в контакт с цивилизацией, которая развивалась совершенно независимо

от его собственной, - создает ситуацию, представляющую самый большой интерес. Если отсутствие военных качеств у китайцев и недостаточная численность японцев делает "Желтую опасность", сравнительно говоря, малоопасной с военной стороны вопроса, то многие люди, и среди них наиболее предприимчивые представители европейской цивилизации, американцы и австралийцы, сильно озабочены вопросом с экономической точки зрения. Было бы, однако, самонадеянно пытаться предсказать, каковы будут последствия распада Китайской империи из-за внутренних беспорядков, или ее раздела между державами в результате международного договора, или после войны, которая непременно станет всеобщей, или даже возрождения этого древнейшего государства в мире путем внедрения западных идей и методов, или, наконец, борьбы между белой и желтой расами; Но теперь, когда вопрос впервые встает перед нами, сравнительно легко определить его многочисленные элементы, изучить относительное положение разнообразных факторов, ближайшую перспективу их действия и положение больного, вокруг больничной койки которого с нетерпением снуют многочисленные врачи и наследники такого богатого инвалида, как Китай.

ГЛАВА II

СТОЛИЦА КИТАЯ

Побережье Пе-чи-ли, устье Пэй-хо-та-ку и Тянь-цин - от Тянь-цина до Пекина по железной дороге - Пекин: Запретный, Императорский, Татарский и Китайский города; стены, улицы, дома, магазины и памятники - поведение туземцев по отношению к иностранцам - упадок столицы и всей империи.

Если попасть в Китай из Восточной Сибири через залив Пе-чи-ли после долгого плавания вокруг Корейского полуострова, то первое впечатление от Поднебесной будет явно непривлекательным. Контраст между мелководьем, где судно бросает якорь в нескольких милях от устья Пэй-хо, и благородным портом Владивостока или чарующей бухтой Нагасаки с ее зеленеющими берегами и голубыми водами, оживляемыми живописными парусами рыбацких судов, мягко говоря, крайне удручающий.

Почти все порты Поднебесной образованы таким образом, и войти в них можно лишь в течение нескольких часов дня. Даже устье великой Голубой реки загромождено мелями, а ее знаменитая соперница, Желтая река, в нижнем бассейне разделена на такое множество каналов, которые блуждают по болотистым землям, что прерывают всякое прямое судоходство с моря. Залив Пе-чи-ли, который можно назвать портом Пекина, хотя и расположен ближе к экватору, чем Неаполитанский залив или устье Тежу, кажется, с его захламленными устьями, избитыми штормами берегами, туманами и ледяной шубой зимой, полностью типичен для Китая с его традиционным негостеприимством и готовностью скорее оттолкнуть, чем пригласить чужака в свои ворота. С якорной стоянки за пределами бара трудно различить низменный берег; и первые объекты, которые привлекают внимание, - это глинобитные форты, глинобитные дома в глинобитных деревнях и грязевые кучи, отмечающие могилы на кладбищах. Это непривлекательное место - Та-ку, за которым, чуть выше, в Тан-ку, Пэй-хо перестает быть судоходным для судов любого тоннажа. При высадке на берег вас ждет сюрприз - железная дорога. Начатая Ли Хун-чаном для транспортировки угля из шахт в Кайпине, расположенном в нескольких милях к северо-востоку, она пополнилась ответвлениями, и с лета 1897 года по ней можно добраться до Пекина через Тянь-Цинь. Через полтора часа после выезда из Тан-ку я сошел на берег в бывшем городе среди толпы шумных кули, которые набросились на меня и мой багаж. Мы переправились

через Пэй-хо на сампанге, а не на обычном пароме, который перевозит Небожителей, упакованных вместе, как сардины в коробке, и застывших, казалось, неподвижно, в самых необычных позах. От места высадки нас провезли в дзинрикише, запряженной китайцем, по Рю де Франс, вверх по Виктория-роуд к Астор-хаусу, американской гостинице, которую содержит немец; напротив нее разбит сад, над которым белый флаг с малиновым кругом в центре, эмблемой Восходящего солнца, объявляет, что сад и дом принадлежат японскому консулу. Так я впервые познакомился с космополитизмом иностранной концессии на Дальнем Востоке.

Тянь-Цзинь - крупнейший открытый порт Северного Китая и третий по активности и коммерции во всей Поднебесной. Кроме того, это огромный китайский город с почти миллионным населением, но его европейская концессия сильно уступает Шанхаю, да и как родной город он малоинтересен по сравнению с Пекином, Кантоном и многими другими городами. Именно отсюда в прежние времена путешественники начинали неприятный путь в столицу либо на лошадях, либо на джонках по реке Пэйхо. Речной путь обычно проходил частично под парусом, частично на веслах, но иногда лодку приходилось буксировать людям. На подъем по извилистому руслу реки у джонок уходило два-три дня. Однако иногда, когда ветер был северным, а мели многочисленными, путешествие занимало от четырех до пяти дней, прежде чем удавалось достичь Пекина. Сейчас ежедневный экспресс, который мчится со скоростью двадцать миль в час, преодолевает расстояние, отделяющее Тянь-Цзинь от станции в Пекине, за три часа и пятьдесят три минуты.

Страна, через которую она проходит, очень ровная, и только перед самым ее окончанием на северо-востоке появляются голубые очертания довольно высоких холмов. В сентябре, когда дожди заканчиваются и сменяются засухой, которая длится до конца зимы, окрестности Тянь-цзиня, включая кладбище, оказываются полностью под водой, и, глядя из окна поезда, мы видели плавающий гроб и еще один такой же жуткий предмет, застрявший на насыпи линии, что навело нас на мысль, что, хотя китайцы так суетятся вокруг своих предков, они, очевидно, очень мало заботятся об их могилах. Сначала затопление простиралось до самого горизонта. Вскоре земля начала проглядывать. Если вы ожидаете найти почву, с которой только что сошли воды, необработанной, это будет лишь очевидным доказательством того, что вы мало знаете о неутомимом труде китайского земледельца, а также о том, с какой тщательностью и мастерством он подходит к своей работе. Все, что появляется на свет, уже тщательно засеяно, вплоть до самой кромки воды, и уже в нескольких шагах от границ затопления начинает проступать будущий урожай, проросший под жарким сентябрьским солнцем из влажной, но богатой почвы. Глинобитные деревни быстро сменяют друг друга, и вскоре путешественник попадает в восхитительно возделанную страну, где ни один дюйм почвы не пропадает зря, а пшеничные и сорговые поля чередуются с огородами и фруктовыми садами.

Временная станция в Пекине, построенная из досок и оцинкованного железа, стоит посреди этого пейзажа. Очень мало видно высоких стен города, которые почти полностью скрыты деревьями и небольшим подъемом земли. Ничто не указывает на то, что ворота столицы самой древней империи в мире находятся так близко. Чтобы преодолеть милю, отделяющую станцию от въезда в Пекин, необходимо сменить самый совершенный вид человеческого транспорта на самый варварский. Китайцы не желают, чтобы чужестранец, чтобы попасть в их священную столицу, обошелся без основательной тряски в их национальной повозке, с которой сибирский тарантас можно сравнить как с самым роскошным транспортным средством. Два огромных колеса, покрытых железом и украшенных тройным рядом гвоздей, поддерживают эту бесформенную повозку, защищенную синим тентом, и тащат ее два мула,

запряженных один за другим. В то время как водитель сидит впереди под тентом, незадачливому путешественнику приходится устраиваться на полу, вытянув перед собой ноги. Теперь начинается пытка, ведь человека буквально трясет о деревянные борта повозки, как таблетку в коробке. То колесо проедет по огромному камню, то провалится в глубокую яму, то застрянет в колее. Тем временем дьявольская повозка ведет себя самым отвратительным образом, к неимоверным мучениям ее несчастного обитателя, который живет в ужасе, что его либо сбросят в грязь, либо вышибут мозги в результате обрушения всей конструкции. Вероятность последней катастрофы невелика, ведь единственное качество, которым может похвастаться это ужасающее транспортное средство, - прочность: ничто не может его сломать. Примерно через двадцать минут после выхода со станции вы попадаете на высокую крепостную стену, окруженную заполненным грязью рвом. Далее вы проезжаете по мосту, за которым находятся ворота, ведущие в полумесяц, окруженный стенами, за которыми еще одни ворота, ведущие в сам город, где после еще одного часа тряски несчастный путешественник высаживается в гостинице на улице Легации, которую содержит француз.

Хотя Пекин и не самый древний город Поднебесной, он является олицетворением всего остального Китая, как его древней цивилизации, так и нынешнего застоя и упадка. Он совершенно не похож на города Европы и даже мусульманского мира, а вид его огромной стены и последовательных ограждений, которые делят его на четыре отдельные части, напоминает Ниневию или Вавилон. В центре находится "Запретный" или "Пурпурный город", длиной около лиги с севера на юг и четвертью лиги в ширину, где расположены дворцы императора и вдовствующей императрицы, сады и резиденции целого роя паразитов, насчитывающего, как говорят, от шести до восьми тысяч человек, включая охранников, наложниц, евнухов, чиновников, садовников и других служителей императорского гарема. Единственные европейцы, которым разрешено переступить священный порог Пурпурного города, - это члены дипломатического корпуса, которым император дает аудиенцию в Новый год, а с недавних пор и по случаю их приезда или отъезда. Вокруг Пурпурного города простирается Императорский город, стены которого окрашены в розовый цвет, который в свою очередь окружен Татарским городом, представляющим собой прямоугольник длиной 4 мили, шириной 3 мили, стороны которого обращены к кардинальным точкам. Его колоссальные стены имеют высоту 50 футов, а на вершине - ширину 50 футов. Их внешние фасады состоят из двух мощных кирпичных стен, возвышающихся над каменной подконструкцией. Внутреннее пространство засыпано землей, а вершина, покрытая камнем, образует проход, окаймленный каменными парапетами. Бастионы выступают наружу, а огромные павильоны, построенные из кирпича, пронизанные множеством балистрад и покрытые цветной плиткой, украшают четыре угла и ворота. Он возвышается над землей всего на 99 футов, и выше этой высоты никогда не разрешается строить, чтобы не мешать полету добрых духов. Этот великолепный вал, который на северо-востоке и на западе круто поднимается из глубины страны, поскольку Пекин не имеет пригородов, представляет собой весьма внушительный вид; и он не менее впечатляющ, если смотреть на него с любого из полумесяцев, которые очень обширны и построены перед различными воротами, но которые, благодаря высоте крепостных стен, окружающих их со всех сторон, над каждой из которых возвышается массивный кирпичный павильон, выглядят как колодцы.

К югу от Татарского города находится группа менее внушительных стен, окружающих вытянутый прямоугольник, в который входит Китайский город, торговая часть Пекина. Широкая улица, пересекающая его с севера на юг и делящая его на две равные части, особенно вблизи ворот Циенг-Мен, через которые вы попадаете в Татарский город, является самой оживленной артерией города. На центральной аллее, вымощенной великолепными

камнями, ни один из которых не находится сейчас на своем месте и, по-видимому, служит только камнем преткновения для пешеходов, а летом покрыт грязью глубиной в фут, а зимой - ядовитой пылью, в величайшем беспорядке циркулируют постоянно присутствующие повозки, уже описанные выше, паланкины, седалища, цвет которых зависит от достоинства владельца, кресла, запряженные мулами, люди верхом на маленьких маньчжурских пони, неутомимые ослы, которые являются лучшим средством передвижения в этом месте, огромные одноколесные телеги, кули, с трудом удерживающие огромные корзины, наполненные фруктами, овощами и другими продуктами, закрепленные на конце очень длинного шеста, перекинутого через плечо, - весь этот оживленный мир суетится, наполняя воздух криками и возгласами всех видов, от кваканья носильщиков до заунывных криков возчиков. Время от времени длинная вереница огромных двугорбых верблюдов, с веревкой, идущей от ноздрей одного животного к хвосту другого, во главе с монгольским уркой, добавляет невероятной суматохи. Вся эта толпа, вместе с животными и транспортными средствами, вынуждена довольствоваться тем, что при обычных обстоятельствах было бы очень широкой проезжей частью, если бы по крайней мере треть ее не была загромождена чем-то вроде постоянной ярмарки под открытым небом, проводимой в рядах будок, одни из которых используются как рестораны, другие - как магазины всех видов. Эти будки стоят спиной к середине улицы и таким образом скрывают за собой ряд магазинов, из которых с середины дороги видны только огромные и бесчисленные вывески, свисающие с целого леса раскрашенных в яркие цвета столбов.

За воротами Тсиенг-Мен находится Мост нищих, на котором всегда толпятся группы несчастных, просящих милостыню и демонстративно показывающих самые ужасные увечья, а к их жалким страданиям добавляются всевозможные отвратительные болезни, чтобы вызвать сострадание. Узкие тротуары, окаймленные с одной стороны киосками, а с другой - большими магазинами, заполнены пестрой толпой мелких лавочников, каждый из которых занимается своим делом под открытым небом - парикмахерами, цирюльниками и гадалками, среди которых толпа с трудом пробирается. Здесь вы увидите мужчин в светло-голубых блузках, с длинными косичками; китайнок с волосами, забранными назад по моде сорочьего хвоста, которые мучительно балансируют на своих маленьких деформированных ножках; татарок, чьи волосы уложены по обе стороны лица, и которые, как и их китайские сестры, затыкают за уши большой цветок. Не будучи калеками со связанными ногами, как их менее удачливые китайские сестры, эти женщины шагают так твердо, как только позволяют их сабо на высоких каблуках. Их лица намазаны рисовой мукой, а щеки окрашены в тревожный ярко-красный цвет. По улицам бегают дети с выбритыми наголо головами, усеянными маленькими локонами, которые имеют очень забавный вид, будучи подстриженными по вкусу или капризу родителей. Среди хорошо одетых детей, принадлежащих к более высокому классу, есть и такие, как они, голые, похожие на маленьких оживших бронзовых человечков, настолько смуглая и теплого цвета их полированная кожа. Чтобы избежать толпы, иногда приходится искать убежище в магазине, который обычно выходит на улицу и не имеет окон. В задней части магазина хозяева мирно сидят за прилавками и курят длинные трубки, выставляя свой товар и слушая, как торгуются их покупатели. В таких магазинах всегда очень чисто, а товары разложены с большим порядком и даже с большим вкусом. Миска с золотыми рыбками или клетка, полная птиц, придают очарование и умиротворенность, что особенно освежает после шума и грязи улиц.

Все великие артерии Пекина одинаково грязны и похожи друг на друга, за исключением того, что ни одна из них не может сравниться ни по размерам магазинов, ни по богатству их содержимого со знаменитой Высокой улицей, ведущей к воротам Тсиенг-Мен. Летом, после дождей, дорога и тротуар покрываются слоем грязи глубиной около двух с половиной футов,

которая при высыхании превращается в густые клубы пыли. На обочинах, которые всегда ниже центральной дороги, обычно образуются лужи зеленой воды, откуда исходит ужасающая вонь от разлагающихся овощей и гниющих туш животных, в дополнение к скопившимся отбросам соседних домов. Удивительно, что все население Пекина до сих пор не выкосила какая-нибудь ужасающая эпидемия.

Если оставить в стороне несколько широких улиц, то часто можно встретить огромные открытые пространства, центр которых, как правило, занимают огромные нарзаны. Узкие улочки, разбегающиеся во все стороны, можно разделить на два класса: те, что примыкают к трем-четырем главным торговым магистралям, которые, как и они, усыпаны магазинами, но едва ли достаточно широки для проезда одной телеги, хотя с утра до вечера их заполняет шумная толпа; и тихие и смертельно скучные частные улочки, где находятся жилые дома. По обеим сторонам тянется серая стена, однообразие которой нарушает ряд маленьких обшарпанных дверей. Если какая-нибудь из них окажется открытой, то с улицы можно увидеть лишь небольшой дворик в несколько футов квадратных и еще одну мертвую стену, за которой находится внутренний двор, закрытый от всякого наблюдения, и на который выходят все окна этих необычных жилищ, ни одно из которых не превышает одного этажа в высоту и всегда защищено серой двухскатной крышей, обычно украшенной по четырем углам каким-нибудь гротескным каменным зверем, но никогда не закрученной на концах, как это неизменно бывает у храмов и памятников. На этих улицах нет никакого движения. Несколько детей играют перед дверями, на дороге бродит собака, да время от времени пронзительным криком нарушает тишину кули или странствующий торговец с двумя корзинами, подвешенными на шесте за плечами; иногда проезжает осел или телега, но это не оживляет мертвую тишину улицы, которая настолько неподвижна и однообразна, что можно представить себя в деревне, а не в одном из самых густонаселенных городов мира.

Сцена полностью меняется, когда видишь Пекин с высоты стен, которые образуют единственную приятную набережную в столице, на вершины которой не поднимается ни грязь, ни зловоние этого самого грязного из городов. Глаз приятно блуждает по лесу прекрасных деревьев, ведь во дворе каждого дома растут одно или два, а на улицах не видно почти ничего: только серые крыши маленьких домиков, и поэтому Пекин во всем мире выглядит как огромный парк, из середины которого возвышаются желтые крыши Императорского дворца, а на северной оконечности города - лесистая гора Угольная, над которой возвышается пагода.

Что касается памятников, то в Пекине очень мало достойных внимания, и в них никогда не пускают иностранцев. Двадцать пять или тридцать лет назад посетителей пускали во многие храмы: Небесный, который сейчас восстанавливается, и куда император ежегодно отправляется для совершения жертвоприношения, храмы Солнца, Луны и земледелия, и даже разрешалось заглянуть в императорские сады; но со времени вступления англо-французских войск в Пекин в 1860 году китайцы стали очень сдержанными в отношении своих памятников, несомненно, вследствие полученного ими тогда полезного урока, который они достаточно философичны, чтобы постараться забыть, как все мудрые люди должны делать вещи, которые ранят их гордость. Сегодня люди склонны верить официальной истории, придуманной по этому случаю для сохранения видимости, в которой говорится, что император Хиен-фэн, вместо того чтобы бежать перед союзниками, просто отправился на охоту в свой парк в Джохоле в Монголии. Их обычная бесцеремонность по отношению к иностранцам полностью вернулась, но изменилась, как только они услышали об успехах японцев, и их охватил абсолютный ужас при виде армии микадо, марширующей через их ворота.

Когда я был в Пекине осенью 1897 года, европейцев очень редко оскорбляли на улицах. До войны было иначе, и я сам, как и многие другие, не избежал наглости китайцев в Кантоне. Тем не менее, они позаботились о том, чтобы закрыть свои памятники для осмотра "иностранными дьяволами", и единственный храм, который сейчас открыт для нашего осмотра, - это храм Конфуция, огромный, но довольно заурядный зал с крутой крышей, опирающийся на колонны, выкрашенные в яркий красный цвет. Иностранцам также разрешено посещать место, где литераторы проходят экзамены. Он состоит из тысячи маленьких камер, расположенных вдоль нескольких длинных открытых коридоров, где несчастные кандидаты на право и медицину закрываются на несколько дней, пока отвечают на поставленные перед ними вопросы. Затем находится старая обсерватория, в которой есть две серии весьма полезных инструментов. Первая относится ко времени правления монгольской династии в тринадцатом веке и лежит разбросанной, наполовину погребенной среди сорняков в глубине двора; вторая серия менее древняя, она была сделана под руководством иезуита Вербиста, который был астрономом императора Китая в начале семнадцатого века. Они представлены на стенах. Ознакомившись с этими современными астрономическими инструментами, можно сказать, что посетил все, что можно увидеть в императорском городе Пекине.

Однако следует признать, что прогулки по улицам, у подножия или на вершине огромных стен гораздо интереснее и поучительнее, чем посещение храмов и дворцов. На каждом шагу наблюдателя поражает активность и энергия китайского народа в противовес систематическому застою его правящих классов, и вскоре он приходит к выводу, что Китай находится в состоянии упадка, сильно напоминающем во многих деталях Римскую империю времен нашествия варваров. Эта некогда величественная столица сегодня является лишь тенью себя прежней. Число ее жителей, 700-800 тысяч, постепенно уменьшается, а многие дома уже лежат в руинах. Некоторые из лучших улиц, которые, должно быть, когда-то были великолепно вымощены, теперь почти непроходимы - результат небрежного отношения; стоки, которые когда-то были засыпаны, теперь проходят открыто по улицам и забиты безымянными отложениями, которые никогда не удаляются, и даже огромным блокам знаменитых стен время от времени позволяют разрушаться до основания. Время от времени предпринимаются попытки отремонтировать их, но, поскольку половина денег, предназначенных для этих работ, обычно остается в руках чиновников и подрядчиков, они никогда не делаются хорошо, и все стараются не делать ремонт основательно, боясь предотвратить новую катастрофу и потерять шанс сделать все заново. С другой стороны, в редких случаях, когда император отправляется со своим двором в какую-нибудь летнюю резиденцию или совершает жертвоприношение в одном из храмов, все немного прихорашивается, чтобы заставить его поверить, что за его столицей хорошо ухаживают. Колеи и грязевые кучи на улицах, по которым проходит процессия, скрыты под толстым слоем песка, а все, что может оскорбить взор Сына Неба, засыпано; даже жалкие будки, которыми заставлены улицы, убраны, а полумесяцы в крепостной стене выкрашены в белый цвет, но только настолько, чтобы императорские глаза могли поднять их, когда Его Небесное Величество проезжает мимо, расслабленно откинувшись назад в своем великолепном паланкине.

ГЛАВА III

СТРАНА В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЕКИНА - МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПРИЗНАКИ УПАДКА ИМПЕРИИ

От Пекина до гробниц Мин и Великой китайской стены - храмы на холмах - поразительное пренебрежение к памятникам и общественным работам - остатки древних и хорошо вымощенных дорог, которые теперь заменены жалкими, и которые лишь временно ремонтируются, когда проезжает император или вдовствующая императрица - как в Китае пренебрегают полезными работами, и ее сокровища пропадают зря.

Экскурсия по окрестностям Пекина, к Великой стене и некоторым храмам, построенным на холмах к западу от города, подтверждает плохие впечатления, полученные в городе. Эта экскурсия занимает от трех до четырех дней и может быть проведена с относительным комфортом, а в обычное время - без малейшей опасности. Мальчик, то есть домашний слуга, сочетающий в себе обязанности гида, переводчика, камердинера и повара, который, кстати, часто является очень опытным учеником Вателя, осел и ослик, повозка, запряженная двумя мулами, и возница - вот все, что необходимо для этого путешествия, которое обычно совершается частично пешком, а частично на ослиной спине. Этот набор можно считать довольно многочисленным, но ни один человек, кроме своего хозяина, не заставит китайского осла сдвинуться с места, то же самое можно сказать и о мулах. Что касается "мальчика", то он - незаменимый помощник, которому вы должны полностью довериться, вплоть до передачи своего кошелька, чтобы он мог оплатить ваши счета в различных трактирах и выдать ожидаемое вознаграждение слугам или гидам и бонзам в храмах. Нет нужды говорить, что он прекрасно понимает, как позаботиться о себе в вопросе резервирования "сквиза", как говорят на голубином английском. Все европейцы, путешествующие по Дальнему Востоку, обязаны иметь свиту, что повышает их значимость, и в которой каждый выполняет свою особую функцию и не берет на себя ни малейшей доли работы своих сослуживцев.

Выехав из Пекина через Северные ворота, вы пересекаете песчаное и бесплодное пространство, занятое в XIII веке частью города, который теперь исчез. Далее следуют несколько отдаленных городов, населенных в основном купцами, а затем восхитительно возделанная равнина, простирающаяся от севера Пекина до подножия холмов. К югу она более бесплодна, и деревья растут только вблизи деревень, которые неизменно окружены группами плакучих ив. В этом регионе почва и климат слишком сухие, чтобы выращивать рис, но урожай озимой пшеницы можно получить, и я видел, как она сеялась и даже появлялась над землей в октябре. Она не замерзает в очень сухой земле, хотя термометр опускается на двадцать градусов, а снег никогда не бывает очень глубоким. Урожай пшеницы собирают в мае. Вскоре вы увидите поля сорго, проса, основного продукта питания жителей этих мест, а также гречихи. Со всех сторон крестьяне усердно работают, обычно рядом с крепкими повозками, лучше, чем у сибирских муджиков, запряженными либо двумя мулами, либо двумя лошадьми, а иногда и тремя маленькими осликами. В деревнях иногда можно увидеть, как молотят зерно или связывают в снопы длинные листья сорго, из которых после сушки делают циновки и ширмы. Женщины помогают в последней работе, которая неизменно происходит рядом с их дверями, поскольку их никогда не видно в поле. Дороги, как правило, очень плохие, но так было не всегда. Многие мосты до сих пор находятся в прекрасном состоянии, хотя изящные камни, которыми они вымощены, приходят в негодность. Другие же пришли в полную негодность, а реки, через которые они когда-то перекинулись, приходится переходить вброд. Все указывает на то, что мы проезжаем по некогда великолепной дороге, которая, по сути, ведет к гробницам Минов, что объясняет,

почему она была построена в таком роскошном виде этой династией, а также то состояние запустения, в которое она пришла с тех пор, как перешла в руки маньчжуров, свергнувших Минов в 1644 году.

Немногие места, которые я когда-либо посещал, произвели на меня большее впечатление величия, чем амфитеатр, образованный высокими холмами, на последних склонах которых стоят гробницы тринадцати императоров династии Мин. Каждый из этих памятников состоит из множества зданий, затененных великолепными деревьями, которые представляют собой поразительный контраст с обычной серой бесплодностью китайских холмов. Широкая дорога, ведущая к ним, когда-то мощеная, но теперь разрушенная, проходит под великолепной триумфальной аркой в тихую долину, которая кажется пустынной, хотя на самом деле она очень возделана; маленькие деревушки, сгрудившиеся у подножия высот, тоже, как правило, трудно различимы. Пройдя через многочисленные изящные ворота, поддерживаемые крылатыми колоннами, мы, наконец, попадаем на гигантскую аллею колоссальных монолитов, изображающих фигуры животных и чудовищ, попеременно сидящих и скрюченных, а также статуи знаменитых законодателей и воинов. Дороги расходятся к каждой из гробниц, из которых я посетил только гробницу первого императора династии Мин, правившего в Пекине.

Пройдя через высокую стену у крыльца с тремя плохо сохранившимися воротами, мы пересекли просторный двор, засаженный деревьями, и попали в большой зал. Перед фасадом во всю его длину тянутся несколько пролетов мраморных ступеней с изысканными скульптурными балюстрадами. Сам зал не менее 200 футов в длину, около 80 футов в ширину и 40 футов в высоту. Он почти пуст, и поначалу можно разглядеть лишь сорок гигантских деревянных колонн, каждая из которых сделана из ствола дерева, поддерживающих крышу, и которые не могут обхватить два человека. Считается, что эти колонны были привезены из Индо-Китая. Посреди них, наполовину скрытый от глаз, находится небольшой алтарь, украшенный несколькими обычными фарфоровыми вазами, которые разлетелись на куски и полны пыли. За алтарем, заключенная в некое подобие скинии, находится табличка, на которой тремя китайскими иероглифами написано имя покойного императора. Его тело лежит дальше, в конце галереи длиной в милю, которая проникает прямо в сердце холма, но обнесена стеной на небольшом расстоянии от входа, куда можно попасть через два двора, разделенных портиком. С высокой башни, возвышающейся над этим входом, стены которого, кстати, украшены именами, которые многочисленные китайцы и несколько европейцев были достаточно вульгарны, чтобы нацарапать на стенах остриями своих ножей, открывается вид на весь полукруг холмов, а также на все Гробницы, которые, в силу самой простоты своего дизайна, производят впечатление чрезвычайно величественных. Их возведение, должно быть, стоило не меньше труда, чем тот, который египтяне тратили на усыпальницы своих фараонов.

Великая Китайская стена - еще одно колоссальное сооружение, для достижения которого нужно свернуть на дорогу в Монголию, проходящую через ворота Па-та-лин на оконечности перевала Нан-коу. Эта дорога, по которой на протяжении веков ежедневно проходили длинные караваны верблюдов, совершавшие перевозки между Монголией, Сибирью и Китаем, раньше была вымощена гранитными блоками, от которых теперь не осталось и следа ни на этом участке дороги в городке Нан-коу, ни на трудном горном перевале, и путешественник может сделать вывод, что они либо были использованы для строительства домов, либо смыты каким-то потоком. Нан-коу - город, обнесенный стеной, как и почти все города в окрестностях Пекина, включая любопытный старый пригород Чао-юн-кван, над одной из дверей которого сохранилась надпись на шести языках, один из которых еще не

расшифрован. Повсюду на склонах гор возвышаются башни и живописные руины укреплений, свидетельствующие о том, как велик был страх китайцев перед татарами и монголами, для защиты от которых и была построена Великая стена. Она делится на две части - внутреннюю и внешнюю, первая из которых протянулась почти на 1560 миль от Шань-хай-квань на берегу залива Пе-чи-ли до провинции Кань-су в верховьях Желтой реки. Построенная за двести лет до нашей эры, она, разумеется, часто ремонтировалась и перестраивалась. Вблизи моря она построена из камня, но на внутренних участках использован кирпич. Толщина его варьируется от 16 до 20 футов, высота примерно такая же, но на западе он совсем не такой высокий.

Внутренняя стена, датируемая шестым веком, была почти полностью реконструирована мингцами в шестнадцатом веке, и ее длина составляет 500 миль. Именно эту стену можно увидеть из Па-та-линга, перевалив через холм, а затем, двигаясь вправо и влево, зигзагообразно поднимаясь к самой вершине гор. Она построена по образцу стен Пекина, на каменном фундаменте, с двумя рядами кирпичных бойниц. Верхняя часть вымощена и образует проезжую часть шириной 11 футов. Высота стены варьируется, в зависимости от неровности участка, от 12 до 20 футов, а примерно через каждые 300 футов находятся башни, вдвое превышающие высоту стены, также окруженные бастиянами и бойницами. Хотя Великая китайская стена менее внушительна, чем Пекинская, она не заслуживает тех легкомысленных замечаний, которые о ней были сделаны. Против врага, не оснащенного артиллерией и всадниками, как монголы и татары, она должна была представлять собой очень серьезное препятствие, и если иногда им удавалось преодолеть ее, то в целом она противостояла любой попытке вторжения. Хотя при нынешней династии, которая имеет татарское происхождение, крепость не использовалась, она осталась, благодаря бережному отношению к ней в прежние времена, одним из наиболее хорошо сохранившихся памятников в Китае.

Иначе обстоит дело с большим количеством храмов, разбросанных по холмам, которые стоят среди групп великолепных деревьев, чья зеленая листва так приятно контрастирует с серыми, бесплодными холмами, которые китайцы, как и все другие народы Дальнего Востока, никогда не возделывают. В храмах близ Пекина, некоторые из которых используются в качестве летних резиденций европейскими дипломатами, уставшими от затворничества в городе, чьи язвенные миазмы иногда проникают даже в их дома, хотя они окружены парками, посетителей принимают с удовольствием. Некоторые из них представляют собой лишь деревянные строения с жилищами для бонз, окружающими внутренние дворы, на которые выходят различные святилища. Использование дерева в строительстве на Дальнем Востоке не мешает определенному проявлению великолепия и искусства, и японские храмы в Никко и многих других местах являются чудесами богатства и красоты, хотя они полностью построены из дерева. К сожалению, если за ними не ухаживать очень тщательно, они, естественно, разрушаются гораздо быстрее, чем каменные здания. Нет нужды говорить, что китайские храмы находятся в очень запущенном состоянии. Не могу сказать, что меня впечатлила удивительная коллекция Будд, одни в натуральную величину, другие колоссальные, одни позолоченные, другие раскрашенные, причем, как говорят, нет двух совершенно одинаковых; или толпа ужасных чудовищ со свирепыми лицами и отвратительными жестами, которые охраняют входы в эти храмы. Все они вызвали у меня скорее отвращение, чем малейшее чувство благоговения. Этот вырождающийся буддизм сильно отличается от того, который существует на Цейлоне и среди некоторых японских сект. Единственные следы первоначального характера этой религии или, во всяком случае, той земли, откуда она возникла, можно найти в прекрасной каменной пагоде Пи-Юен-Ссе, стиль которой чисто индуистский и содержит несколько изысканных барельефов, изображающих

сцены из жизни Сакьямуни и его святых, или, опять же, в еще более прекрасной скульптуре, которой можно любоваться в храме Желтой башни.

Летний дворец, который, кстати, не был настоящим китайским зданием, а был возведен под руководством иезуитов в XVIII веке в стиле Версаля, не восстанавливался с момента его разрушения союзниками в 1860 году, а доступ к его руинам был запрещен. Неподалеку находится летняя резиденция вдовствующей императрицы, окруженная великолепными садами. Дорога, ведущая к ней, хорошо ухожена. К слову сказать, когда я проезжал мимо, императрица собиралась совершить паломничество к соседней святыне, все дороги были приведены в порядок к ее приезду. Сотни кули работали под руководством мандаринов второго или низшего ранга, с белой или золотой пуговицей, которые мчались на лошадях туда и сюда, отдавая приказы и вообще надзирая, так что все неровности быстро исчезали под телегами с песком. Однако эти дорогостоящие ремонты были лишь эфемерными.

Китайское правительство не стесняется тратить деньги на пустяки. Однажды, когда река нарушила порядок в одном из императорских садов, ее с огромными затратами вывели из русла и позволили затопить и разорить сотни ферм, принадлежащих несчастным крестьянам. В другой раз, чтобы достойно отпраздновать шестидесятилетие вдовствующей императрицы, деньги, предназначенные для реорганизации армии в Пе-чи-ли, были растрачены на шествия, иллюминацию и фейерверки. Когда деньги нужны на что-либо, кроме удовлетворения жадности и тщеславия придворных чиновников, они никогда не поступают; и каждый путешественник, побывавший в Китае, подтвердит мои слова, касающиеся не только окрестностей Пекина, но и Кантона и Шанхая. Автомобильные дороги практически перестали существовать, а мосты быстро разрушаются. Императорский канал, одно из самых великолепных произведений прошлых поколений, который проходит от Ханг-Чоу до Тянь-Цинь, расстояние более 940 миль, и соединяет Голубую, Желтую и Пэй-Хо реки, а также столицы средних провинций, откуда поступает лучшая провизия, теперь во многих местах забит песком и камнями, а в других глубина составляет всего несколько дюймов, и может использоваться только для местного сообщения. Современный Китай - лишь тень того, чем он был раньше, ведь единственная цель его существования - обман, а администрация прогнила до основания. Этот упадок длится уже много веков, но его кульминация наступила пять лет назад, когда империя с населением в 400 000 000 человек была вынуждена смириться с нацией, в десять раз уступающей ей по численности населения и ресурсам.

ГЛАВА IV

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛАСС И КЛАСС МАНДАРИНОВ - ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ УПАДКА ИМПЕРИИ

Литераторы или правящий класс - как он набирается из народных масс посредством экзаменов - бакалавры, магистры искусств и доктора - огромное количество кандидатов - чиновники, выбранные исключительно из литераторов - большинство должностей продано - синдикат для эксплуатации государственных должностей - самый серьезный недостаток системы - экзамены, выбранные предметы - просто упражнения в риторике и запоминании огромного количества бессмыслицы, поставляемой китайскими классиками и древними летописями - нетерпеливые попытки ввести небольшие дозы западной науки в эти экзамены - суеверия литераторов - эта глупая система экзаменов - главная причина китайской изоляции - полное исчезновение военного духа в результате той же роковой причины -

ненависть и презрение, испытываемое литераторами ко всему европейскому прогрессу - трудность подавления или реформирования мандариата.

Проклятие Китая и главная причина, по которой его замечательный народ, когда-то заслуживавший сравнения с древними римлянами, опустился до того деградирующего состояния, в котором мы находим его сейчас, - это мандариат, который он имеет несчастье считать одной из своих главных слав. Именно эта порочная и древняя система разрушает Поднебесную. Часто говорят, что народы обычно имеют то правительство, которое они заслуживают, и это, несомненно, правда, что управление Китаем в определенной степени является логическим результатом его географического положения и необычной истории, к которым можно добавить особый характер его народа. С другой стороны, несомненно, что худшие черты национального характера подчеркиваются в классе мандаринов, который управляет страной и истощает ее активность и энергию.

Теоретически китайское правительство основано на отеческих принципах, на деле же оно полностью находится в руках класса, известного как "литераторы", из числа которых набираются все государственные чиновники, или мандарины; И если мы хотим понять первопричины неправильного управления Поднебесной, мы должны досконально ознакомиться с происхождением и нравами мандаринов, которые не наследуются, а набираются из народных масс самым демократичным в мире способом - посредством публичных конкурсных экзаменов. На этих экзаменах присваиваются три почетные степени, которые можно сравнить с теми, что присуждаются в наших университетах: Бакалавры, Магистры искусств и Доктора. За степень бакалавра соревнуются в каждом округе (на каждую провинцию приходится шестьдесят округов), за степень магистра искусств - в восемнадцати столицах провинций; степень доктора, напротив, можно получить только в Пекине. Можно представить себе, каким уважением пользуются эти степени в народе, если упомянуть, что в 1897 году, когда я был в Шанхае, в Нанкине на экзамен явилось не менее 14 000 кандидатов, среди которых было распределено всего 150 почетных званий. Для семьи считается большой честью иметь среди своих членов грамотного человека, и получение им диплома празднуется во всей провинции, которая имеет честь быть местом его рождения. Если же ему посчастливилось стать лауреатом в Пекине, то по возвращении в родной город его встречают как настоящего героя-завоевателя. Правда, чтобы сдать экзамен, ему приходится пройти через такое количество физических страданий и терпения, которое отвадило бы от этой попытки любого, кроме китайца. Каждого кандидата на целых три дня запирают в похожей на коробку камере площадью четыре фута, в которой он не может даже лечь, и у него нет других спутников, кроме кисти, бумаги и палочки китайской туши; и едва ли проходит экзамен без того, чтобы какой-нибудь студент не был найден мертвым в своей камере. По народным слухам, говорят, что всепроникающая коррупция проникает даже в эти камеры, и что не так уж мало кандидатов преуспевают не столько благодаря своим заслугам, сколько через золотые ворота; было даже замечено, что сыновья и ближайшие родственники существующих высокопоставленных чиновников почти наверняка проходят; но, как правило, заслуга обычно получает свою награду. Однако именно после экзаменов начинаются настоящие трудности для тех, кто не богат и не имеет влиятельных друзей. Естественно было бы ожидать, что после того, как закончились хлопоты, усталость и расходы, связанные с экзаменами, обязательно появится какая-нибудь должность, чтобы вознаградить усилия кандидата; но правило обратное, и многие люди вынуждены ждать всю жизнь, прежде чем получить награду, к которой они так упорно стремились. Тем не менее студенты, обладающие исключительными способностями, обычно продвигаются вперед следующим образом: создается синдикат, который выделяет средства, необходимые для того, чтобы помочь претенденту взойти на первую ступеньку лестницы славы, и помогает ему

дальше, пока он не будет в состоянии вернуть взятые деньги наличными или натурой, с очень хорошими процентами. Идея использовать государственные должности в качестве своего рода коммерческого предприятия, по меньшей мере, гениальна, и, более того, кажется, что иногда она приносит огромные доходы. С другой стороны, расходы и интриги, которые неизбежно влечет за собой такая пагубная система, можно лучше представить, чем описать. В качестве примера меня заверили, что должность тао-тая или губернатора Шанхая, за которую в течение трех лет полагалось жалование в 6000 таэлей или 900 фунтов стерлингов в год, недавно была куплена более чем за 30 000 фунтов стерлингов.

Еще хуже, чем покупка государственных должностей и фаворитизм, проявляемый на экзаменах, - это предметы, выбранные для конкурса, которые отбираются исключительно из китайской классической и схоластической литературы. Труды Конфуция, его учеников, Менция и других философов, просветивших мир две тысячи лет назад, а также масса причудливых преданий, почерпнутых из древних китайских хроник, составляют предмет этих необычных экзаменов, и студенты должны выучить около сотни томов как можно лучше наизусть - память является единственным, что наиболее высоко ценится экзаменационной комиссией. От студента ожидают, что он будет слово в слово цитировать определенные отрывки из книг, и, кроме того, его экзаменационные работы должны быть украшены большим количеством цитат - чем больше, тем лучше. Изящный стиль достигается только через знакомство с как можно большим количеством из 60 000 китайских иероглифов, из которых студент должен сделать соответствующий выбор, а поскольку каждый знак означает слово, и не так уж мало из них почти неизвестны и могут быть найдены только в каком-нибудь потайном уголке древнего тома, потеря времени просто ужасает. Поэтому подготовительные занятия сводятся к тому, чтобы впихнуть в несчастного кандидата знание как можно большего количества знаков или символов, а также цитат из классики Поднебесной. Одна из самых любопытных особенностей китайцев заключается в том, что, хотя все умеют немного читать и писать, никто не может сделать это в совершенстве, по той простой причине, что ни один китаец никогда не был известен полностью овладевшим объемным алфавитом своей страны. Самый невежественный овладевает десятком или дюжиной иероглифов, относящихся к его ремеслу и достаточных для его целей. Когда человек овладевает 6 000 или 8 000, он считается ученым, и, если подумать, должно быть очень мало идей, которые нельзя выразить столькими тысячами слов. Многим из высших литераторов удается овладеть даже 20 000 слов, и состояние ума такого человека можно смело оставить на усмотрение читателя, особенно если учесть, что вся его юность прошла в заучивании тысяч знаков, отличающихся друг от друга лишь мельчайшими штрихами, и в приобретении огромного количества устаревших знаний из классических книг и летописей, авторы которых жили в далекой древности. В последние годы в программу были внесены небольшие изменения в виде определенных уступок тому, что официально называется "новой западной культурой". К обычным вопросам, выбранным из работ Конфуция и других философов, теперь добавилась идентификация имен, упоминаемых в современной географии, а после китайско-японской войны экзаменаторы в Нанкине задают своим кандидатам очень серьезные и информативные вопросы по астрономии, такие как: "Каков видимый диаметр Солнца, если смотреть с Земли, и каков диаметр Земли, если смотреть с Солнца или с какой-либо другой планеты?". Следующий мудрый вопрос типичен для интеллектуального состояния как экзаменатора, так и экзаменуемого: "Почему иероглиф, изображающий луну, закрыт снизу, а тот, что изображает солнце, оставлен открытым?"

В столице провинции, расположенной недалеко от Шанхая, ученые экзаменаторы хотели поощрить изучение математики, поэтому были предложены призы за участие в конкурсе и разослан торжественный циркуляр, призывающий молодых людей принять участие в

экзамене. Некоторые молодые люди, получившие образование в миссионерских школах, решили большинство предложенных задач довольно хорошо и в соответствии с правилами современного начального образования. Другие же, которые были лучше знакомы с Четырехкнижием и Пятью великими классиками, чем с западной геометрией, сделали удивительное открытие, что задачи объясняются в старом труде, написанном много веков назад, в результате чего они просто скопировали слово в слово сформулированные в нем фантастические решения и, конечно же, унесли призы. В следующем году один из профессоров иностранного миссионерского колледжа попросил включить в состав экзаменационной комиссии компетентного европейского преподавателя, который помогал бы в подготовке работ и выносил вердикт по присланным ответам. Разумеется, просьба была отклонена, и вопросы были разосланы без малейшей попытки убедиться в том, что на них будут даны верные ответы. Среди вопросов, заданных на конкурсном научном экзамене в Чекиане в 1898 году, были следующие: "Как изготавливаются иностранные свечи и в чем заключается их преимущество перед китайскими?" "Назовите главные порты, в которых останавливаются пароходы, курсирующие между Японией и Средиземноморьем". "Какой из новых наук и методов, которые люди пытаются внедрить, следует придавать наибольшее значение?" "Напишите эссе о международном праве". Комментарии излишни.

Эти глупые нововведения, конечно, не меняют фундаментального схоластического и риторического характера китайских экзаменов, и обычные темы для сочинений остаются неизменными. Вот два примера, приведенные мистером Генри Норманом: "Конфуций сказал: "С каким величием Чунь и Юй правили империей, как будто империя была для них ничем!". Конфуций говорит: "Яо был поистине великим государем. Как славен он был! Одно лишь Небо величественно, и только Яо достоин войти в него. Как возвышенна была его добродетель! Люди не могли найти слов, чтобы описать ее".^[22] Это была тема, которую пришлось развивать многим цветам риторики. Только благодаря изучению этих книг, написанных двадцать веков назад и обремененных притчами и аффектированными сентенциями, а также древних летописей, наполненных фантастическими легендами, в которые верят как в абсолютные факты, отбираются представители того класса, который должен управлять Китаем!

Результат такого метода воспитания был наглядно продемонстрирован в 1897 году, через два года после войны, в результате которой Поднебесная оказалась на волосок от гибели, когда цензор, один из высших чиновников империи, обратился к императору с документом, в котором протестовал против уступок, сделанных изобретениям западных варваров, которые он без колебаний квалифицировал как рассчитанные на нарушение покоя мертвых. Вместо строительства железных дорог, серьезно настаивал он, было бы разумнее предложить хорошее вознаграждение тому, кто откроет секрет создания летающих колесниц, запряженных финиксами, которые, несомненно, существовали в старые добрые времена. Некоторое время назад один из членов Цун-ли-Ямэнь возвысил голос, протестуя против различных железнодорожных насыпей и гвоздей, которыми были утыканы линии, что, по его мнению, могло причинить неудобства и ранить священных драконов, защищающих города Империи и обитающих под землей. Странные суеверия геомантии *фэн-шуй*, связанные с циркуляцией в воздухе добрых и злых духов, с предписанной высотой, на которую можно возводить здания, с точным расположением дверей и другими подобными серьезными вопросами, которые, кажется, если на них не обратить должного внимания, могут расстроить и оскорбить летающих духов в их перемещении в пространстве, оказывают большую власть над умами китайских чиновников, занимающих самые высокие посты, чем вопросы, которые мы должны считать самыми важными.

Тот факт, что мандаринат набирается из демократии, делает его еще более пагубным, чем если бы он представлял собой наследственную аристократию, поскольку в его нынешнем виде никто не заинтересован в его свержении. В нее стремятся попасть самые умные люди, и она привлекает всех самых одаренных людей империи, но только для того, чтобы развратить их. Литературное сословие пользуется огромным авторитетом, и самый бедный человек живет надеждой увидеть своего сына одним из его ученых членов. Поэтому оно не вызывает той ненависти, которую обычно вызывают кастовые привилегии, и, следовательно, не подвергается ни малейшей опасности быть расстроеным. С другой стороны, то состояние, до которого она довела Поднебесную, является осуждением системы экзаменов на государственные должности, и многим западным государствам не мешало бы изучить этот вопрос и принять его урок к сердцу. То, что в Китае ее последствия проявились сильнее, чем в других странах, не вызывает сомнений, поскольку является результатом различных исторических и этнографических обстоятельств, свойственных этой нации. Китайцы достигли высокого уровня цивилизации задолго до нашей эры, и, будучи более многочисленными и умными, чем их соседи, как только они объединились в одну компактную национальность, они приступили к покорению Индо-Китая и Кореи; и так получилось, что у Китая не было опасных врагов, чтобы беспокоить ее, Япония была изолирована в своей островной империи, и она была отделена от Индии грозным горным барьером, а от Запада - огромными пустынями. С тех пор китайцев ничто не беспокоило, и им оставалось только жить в спокойном восхищении трудами своих предков, которые были авторами совершенного мира, которым они наслаждались, и так постепенно они приучили себя смотреть на них как на высших существ и как на образцы совершенства. Будучи более развитыми, чем кто-либо из их подданных, и не опасаясь конкуренции, они погрязли в самолюбовании или, скорее, в восхищении теми, кто сделал их страну такой, какой она была, и в конце концов решили, что дальнейший прогресс не нужен и невозможен, и теперь абсолютно не прогрессируют.

Изоляция и отсутствие подражания, в которых Китай существовал на протяжении стольких веков, уничтожили всю энергию и инициативу, которыми он мог бы обладать в противном случае. Следует, однако, отметить, что Римская империя находилась в очень похожем состоянии и по той же причине во время вторжения варваров, и что вне моральной революции, произведенной христианством, которое, кстати, получило свое полное развитие только после свержения империи, никакого дальнейшего прогресса не происходило. Бесплодное восхищение ушедшим величием, таким образом, является основой доктрины Конфуция. Китайский народ, который по своей сути практичен и позитивен и, пожалуй, меньше, чем любой другой в мире, склонен к изучению общих вопросов и возвышенных идеалов, вскоре деградировал под влиянием столь регрессивной системы и в конце концов потерял всякое представление о происхождении многих из своих важнейших институтов. Религия и мораль были сведены к простым обрядам и церемониям, которые лишь скрывают пустоту китайской цивилизации, и таким образом нация пришла к выводу, что единственное, что стоит делать в этом мире, - это сохранять видимость и скрывать коррупцию под хрупкой маской.

Изоляция Китая и его превосходство над соседями привели к еще одному очень серьезному последствию - разрушению воинского духа, который уничтожил всякое представление о долге и самопожертвовании. Военные мандарины презираются своими гражданскими коллегами, а их испытания состоят почти исключительно из физических упражнений, таких как стрельба из лука и поднятие тяжестей. "Из хорошего железа не сделаешь гвоздей, а из хорошего человека не сделаешь солдата", - гласит китайская пословица, и поэтому китайская армия набирается из орды чернокожих и рабов, единственными

хорошими качествами которых являются презрение к жизни и физическая выносливость, что при правильном управлении могло бы превратить это сырье в отличную армию.

Поднебесная настолько же неспособна противостоять наступлению современной цивилизации, насколько и ассимилировать ее. От литераторов, управляющих страной, ничего не стоит ожидать, ведь они ничему не научатся и ничего не забудут. Их предрассудки настолько сильны, что не позволяют им принять любое большое движение реформ, даже если бы оно отвечало их интересам, а в том застойном положении, в котором Китай находится сейчас, чему способствует отсутствие связи между провинциями, мандарины делают все, что им заблагорассудится. Официальная газета "Пекинский вестник" совсем недавно в самых радужных тонах описывала подавление восстания, одновременно рассказывая о понесенных расходах и наградах, предложенных тем, кто помог в его подавлении. На самом же деле все дело в том, что никакой революции в упомянутом районе не было, а единственным необычным событием стала погоня трех солдат за сбежавшим вором. Такой случай не мог произойти в хорошо управляемом государстве, и, естественно, люди, нажившиеся на лжи, не очень-то захотят менять столь выгодную систему. "Кто больше всего отчаивается в Китае, тот лучше всех его знает", - сказал мне однажды один миссионер; и его слова подтвердил почти каждый путешественник по Дальнему Востоку, с которым я разговаривал на эту тему. Никаких реформ в стране изнутри ожидать не приходится, и доказательство этому можно найти в истории дворцовой революции 9 сентября 1898 года. Поэтому встает вопрос, можно ли оказать внешнее давление на Китай с целью реформирования его правительства, не приводя к развалу империи.

ГЛАВА V

КИТАЙСКИЙ НАРОД И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Великая древность национального существования Китая - Стагнация его организации, а также его социальных, религиозных и административных институтов - Единство китайской цивилизации, несмотря на различное окружение, различия в языке и расовом происхождении, Некоторые из основных характеристик китайцев - любовь к ложной видимости - пропасть, разделяющая теоретическое и практическое во всех вопросах китайской администрации - коррумпированность китайского правительства и его стремление препятствовать прогрессу - легкость налогов - масса людей, очевидно, счастливых в тяжелых обстоятельствах - добродушие и живость жителей Поднебесной - жалость, как говорят, абсолютно исключена из китайского характера - почему из китайцев получаются плохие солдаты - организация семьи и положение женщин - пороки китайцев: любовь к азартным играм, опиуму, грязные привычки и суеверия - их лучшие качества - сам народ не находится в состоянии упадка - первичные последствия контакта с западной цивилизацией.

Китайцы - одновременно и самая многочисленная, и самая долгоживущая нация в мире. Летопись Поднебесной уходит корнями в Египет, а двадцать веков назад, когда государства, правящие сейчас на Земле, находились в процессе становления, Китай, претерпев несколько эволюций, уже был сформирован в том виде, в котором он существует сегодня. Китайцы никогда не подвергались ни одному из тех заметных и повторяющихся изменений, которые за последние две тысячи лет так сильно изменили социальную организацию, нравы и обычаи других стран; и даже введение новой религии не произвело на Востоке ничего

сравнимого с революцией, которая примерно в то же время произошла на Западе благодаря распространению христианства. Не буддизм изменил китайский народ, а китайский народ изменил буддизм по своему образу и подобию, не позволив, однако, доктринам Сакьямуни оказать ни малейшего влияния на свой характер и ни на йоту не изменив своих представлений о жизни и морали, которые были определены Конфуцием и другими мудрецами Небес, будучи в действительности получены не столько из размышлений философов или вдохновения пророков, сколько из интуитивного инстинкта расы. Китайские институты не изменили ментальных привычек и образа жизни, на которые они опираются, в большей степени, чем теоретический принцип существования семьи изменил императорское правительство; ведь китайцы и сейчас часто называют своих высокопоставленных чиновников ласковыми эпитетами "отец" и "мать". Политические революции не произвели на окаменевшую организацию китайского правительства более глубокого впечатления, чем религия на характер и манеры людей. Различные династии, сменявшие друг друга, ничего не изменили, хотя некоторые из них были иностранного происхождения: монгольская в XIII веке и маньчжурская в наше время; но они не внесли никаких изменений в систему управления, а лишь поставили определенных функционеров следить за мандаринами, точно так же, как татарским маршалам поручено шпионить за чиновниками в наши дни.

Китай всегда управлялся китайскими методами, и хотя время от времени его завоевывали иностранцы, он неизменно впитывал их в свою собственную цивилизацию и заставлял соблюдать свои традиции. Китайцы мало заботятся о будущем, величии или независимости своей страны, но они с необычайным упорством держатся за свои старые нравы и обычаи и тем самым являют собой разительный контраст со своими соседями - японцами, которые, несмотря на свой глубокий патриотизм, готовы принести любую жертву, даже религиозные принципы и самые заветные традиции, если им покажется, что таким образом они могут принести пользу своей империи. Японцы имеют почти такое же представление о патриотизме, как и европейцы, но не китайцы, для которых эта добродетель - всего лишь расовая принадлежность, которая в час опасности неизменно оказывается малоэффективной или вовсе бесполезной, особенно против противников такого рода, с которыми они никогда ранее не сталкивались.

Существует ли, помимо этой глубокой любви к старым обычаям и неизменной цивилизации, какая-либо связь между тремя или четырьмя сотнями миллионов человеческих существ, составляющих население Китая?^[23] На первый взгляд ни один народ не может показаться более однородным, чем китайцы; но не нужно долго находиться среди них, чтобы понять, что даже с физической точки зрения существуют определенные расовые различия, которые поначалу затрудняют заметить несходство, отделяющее их расу от нашей собственной. Еще более поразительны разнообразные диалекты, на которых говорят в Империи, причем некоторые из них - не просто патуа, а отдельные языки, что делает невозможным для уроженца Кантона или Фучоу добиться понимания в Пекине; и во многих провинциях эти идиоматические особенности очень интересны. В Фо-Киене говорят не менее чем на трех патои - амойском, сватоу и фучоу, которые совершенно не похожи друг на друга. Между городами Пекин и Тянь-Цинь, расположенными всего в тридцати лигах друг от друга, уже заметна разница в диалектах. Примечателен и тот факт, что между китайцами из разных провинций очень мало симпатии, они держатся на расстоянии друг от друга даже тогда, когда обстоятельства вынуждают их жить в одном городе. Очень заметны также различия в характерах и темпераментах жителей севера и юга: первые гораздо энергичнее и

предприимчивее, но в то же время более враждебны к иностранцам. Центральное правительство почти неизвестно жителям за пределами Пекина, и собрать армию в одной части Китая для борьбы с жителями другой было бы сравнительно легкой задачей.

Теперь можно задаться вопросом, является ли Китай, занимающий площадь, равную площади Европы, и еще более густонаселенный, менее однородным, чем наш собственный континент. Существуют ли между различными китайскими провинциями те же различия, что и между нациями, которые в совокупности образуют Европу? С географической и климатической точки зрения очевидно, что разница не очень велика, хотя Китай обладает очень высокими горами только на своей западной границе, а его равнины гораздо более обширны и непрерывны. Но с этнической точки зрения было бы преувеличением утверждать, что между Китаем и Европой есть много аналогий, поскольку первый, безусловно, гораздо более однороден. Различные страны нашего континента населены народами, имеющими лишь отдаленное родство друг с другом и объединенными лишь узами общей цивилизации, тогда как среди подданных Сына Неба эти узы гораздо крепче, а физическое сходство более заметно. Разумеется, я говорю только о жителях собственно Китая - восемнадцати провинций, к которым можно добавить девятнадцатую, Чинг-Кинг, или Южную Маньчжурию, находящуюся сейчас в процессе колонизации китайцами. Различные народы-притоки Поднебесной, такие как монголы, тибетцы и тюрки в Восточном Туркестане, абсолютно отличны друг от друга и от господствующей расы; но, несмотря на то, что охватываемые ими зависимости составляют две трети поверхности всей империи, они составляют лишь двадцатую часть всего населения и не участвуют в ее управлении.

Следует отметить, что отсутствие какой-либо симпатии между жителями различных китайских провинций еще совсем недавно могло бы служить примером в Европе, причем не только между нацией и нацией, но и между провинцией и провинцией в одной и той же стране, и что языковые различия все еще заметны даже в самых однородных странах. История полна примеров кишечных расстройств, которые существовали почти у каждого европейского народа, а ведь прошло всего тридцать лет с тех пор, как немцы воевали друг с другом.

Мне часто приходилось слышать рассказ о злоключениях двух Небожителей, уроженцев разных провинций, которые, путешествуя по Европе, однажды встретились и обнаружили, что единственный способ добиться понимания - это говорить по-английски. Но не напоминает ли эта история недавний съезд славян в Австрии, дебаты на котором пришлось вести на немецком языке, чтобы за ними могли следить все делегаты? Существование патуа и диалектов объясняется тем, что у жителей некоторых районов нет ни времени, ни денег, чтобы выйти за пределы своей деревни дальше ближайшего рыночного городка. Кроме того, образование в Китае не стремится, как в Европе, к единству языка, поскольку его письменность совершенно не зависит от произношения, а бесчисленные буквы его алфавита представляют собой не звуки, а идеи. Отсутствие какого-либо духа патриотизма можно в значительной степени объяснить этим состоянием абсолютной изоляции, к которому можно добавить общее и очень глубокое невежество. Но патриотизм в нашем понимании - это, в конце концов, вопрос современных чувств, поэтому его не стоит искать в такой древней нации, как китайцы.

Не имеет большого значения, есть ли общее происхождение или нет, поскольку наши понятия о расе очень трудно определить, а современные антропологические и этнографические открытия все больше склоняются к принятию теории существования отдельных рас. Если патои десяти самых северных провинций являются всего лишь диалектами маньчжурских языков, то южные, особенно фо-киенские и кантонские,

совершенно иные, и, очевидно, подтверждают теорию о том, что китайские захватчики, пришедшие с северо-востока, нашли землю, уже населенную народом, который они ассимилировали, точно так же, как это происходит в наше время в Маньчжурии и как это делали римляне в древней Галлии.

Все население Китая, за исключением нескольких малоизвестных горных племен, а также, возможно, автохтонов Юга, независимо от их происхождения, на протяжении веков формировало свою цивилизацию, которая гораздо глубже проникает в детали повседневной жизни, чем любая из известных в Европе. Результатом этого является большее единообразие среди людей, принявших ее, чем среди тех, кто следует менее жесткому кодексу, допускающему большую свободу действий и предоставляющему более широкие возможности для проявления индивидуальности. Многие особенности китайского характера поначалу кажутся противоречивыми даже тем, кто долго жил в этой стране и утверждает, что ни один европеец никогда не сможет досконально понять китайца, потому что его ум устроен совсем по-другому.

Самой яркой чертой китайцев, пишет мистер Артур Х. Смит, американский миссионер, проживший двадцать два года в Китае, в своей замечательной книге "Китайские черты", является их удивительная манера "смотреть в лицо" тому или иному явлению. Сохранить видимость или "встретить" трудность хитро, а не смело - вот к чему стремятся жители Царства Сына Неба, и, кроме того, это ключ к множеству других вопросов, которые в противном случае могут показаться непонятными. Каждый китаец считает себя актером, чьи публичные слова, действия и поступки не имеют ничего общего с реальностью. Самый похвальный и даже самый невинный поступок, если он не выполнен определенным образом, лишь покроет его автора позором и насмешками. Если совершается проступок, от виновного ожидается, что он будет с предельным упорством отрицать его, несмотря на убедительные доказательства, и ни в коем случае не признает себя виновным, даже если ему придется возмещать нанесенный ущерб. Китайцы, от самых высоких до самых низких чинов, питают глубокое уважение к притворству. Мальчик, пойманный на краже, засунет вожделенную вещь в рукав, опустится и сделает вид, что поднимает ее, и с ангельской улыбкой подаст ее хозяину, говоря: "Вот то, что ты потерял". Чуть более ста лет назад мандарины, сопровождавшие английского посла Макартни в присутствии Сына Неба, воспользовались незнанием его языка, чтобы поместить над его каретой надпись о том, что в ней находится "посол, приносящий дань от Королевства Англии", и таким образом поддерживали фикцию о всеобщем суверенитете своего господина и повелителя.

Несомненно, соблюдение определенного этикета полезно и похвально, и так считают все цивилизованные народы; но китайский этикет - самый пунктуальный и сложный из всех, какие только можно себе представить, и им ни в коем случае нельзя пренебрегать ни на одно мгновение. Это чрезмерное внимание к внешним формам, которые, если их соблюдать, могут скрыть любое беззаконие, объясняет тот факт, что в Китае существует более глубокая пропасть между теорией и практикой, чем в любой другой стране мира. Можно сомневаться, что так было всегда, но в настоящее время мораль Конфуция давно потеряна в кодексе этикета, который определяет добродетель как соблюдение трехсот правил церемонии и трех тысяч правил поведения, не обращая ни малейшего внимания на дух, в котором они были первоначально сформулированы.

Именно в системе государственного управления в Китае контраст между заповедями и практикой становится наиболее очевидным. Как с едва ли преувеличенной суровостью замечает мистер Генри Норман, "каждый китайский чиновник, за исключением одного из тысячи, - лжец, вор и тиран!". Примеров, подтверждающих это утверждение, очень много, и

даже знаменитый Ли Хунчжан не может быть включен в список тех чиновников, которые отличаются честностью, поскольку ему пришлось отдать большую часть огромного состояния, которое он накопил - двадцать миллионов, как говорят, чтобы спасти свою голову во время китайско-японской войны, когда ему пришлось покупать добрую волю многих придворных сановников, евнухов и других, несмотря на это, денежные вопросы по-прежнему занимают большую часть его внимания. Во время пребывания в Пекине я имел честь обедать во французском посольстве в обществе этой высокопоставленной особы по случаю визита адмирала, командующего французским флотом на Дальнем Востоке, и нескольких офицеров его штаба. Ли общался при посредничестве переводчика по имени Ма, с которым он говорил на фо-киен, своем родном диалекте; похоже, он очень плохо знает маньчжурский язык. Он задал каждому из гостей несколько вежливых вопросов, обычных для восточных людей, поинтересовался их чином, возрастом и неизменно завершал свои вежливые расспросы вопросом: "Ну, а каково ваше жалованье?". Для нас доход чиновника - вопрос малозначительный, но для знаменитого мандарина он был главным.

На протяжении веков администрация Китая была столь же коррумпирована, как и сегодня, но при всем этом она никогда не доводила народ до восстания. Правда, время от времени возникают локальные волнения, вожди которых доходят до того, что набрасываются на обиженных представителей власти и везут их в столицу округа или провинции, чтобы потребовать их разжалования, которое чаще всего не происходит - факт, вдохновивший одну английскую газету в Шанхае на рассуждения о "демократическом способе участия китайцев в управлении страной". Угнетение, сменяемое восстанием, - вот правило, которое преобладает в Поднебесной, но нет опасений, что всеобщая революция против столь вырождающейся системы. Однако эта административная машина, которая кажется нам столь отвратительной, лишь тормозит прогресс, но не влияет на население, привыкшее к рутине, которой сотни лет, и не имеющее ни малейшего представления о необходимости или возможности реформ. Когда предприимчивый человек хочет внедрить даже самую незначительную из современных профессий, он неизменно привлекает внимание мандаринов, к которым он вынужден обращаться за разрешением на свою новинку, и получает его только после долгих подкупов и обещания платить такой огромный процент с прибыли, что доход от его предприятия становится слишком незначительным, чтобы стоило его продолжать. Но для неприхотливых и непрогрессивных людей, которые не имеют никакого отношения к административным делам, жизнь в Китае течет легко и спокойно. Налоги очень легкие, особенно для крестьянства, живущего тем, что они собирают на своих полях, или для рабочих, чьи потребности очень малы. Однако они сильно влияют на коммерческие операции и перевозку товаров, являются большим препятствием для торговли, и хотя они никогда не затрагивают их напрямую, поскольку их бедность слишком велика, чтобы позволить им покупать что-либо, они косвенно способствуют тому, чтобы держать низшие классы в состоянии крайней бедности. Согласно исследованиям герра фон Брандта, бывшего немецкого министра в Пекине и человека, глубоко изучившего Китай, земельный налог в Китае достигает 5 250 000 фунтов стерлингов, составляя около 3 с. за акр на севере, и максимум 13 с. на юге. Это не так уж много, если учесть интенсивную деятельность китайского сельского хозяйства, которое почти повсеместно извлекает из почвы по два урожая в год. Общая сумма бюджета, по данным того же авторитета, достигает 100 000 000 таэлей, или 15 000 000 фунтов стерлингов. Другие власти оценивают его в 24 000 000 фунтов стерлингов, но даже это не является чрезмерным. Далее фон Брандт рассказывает о различных источниках доходов Китайской империи:

Налоговое управление	£5,250,000
Таможенный договор порта (получен	3,450,000

Международной таможенной службой)

Право на транзит внутри страны (<i>likin</i>)	1,800,000
Таможня и налог на опиум для туземцев	1,500,000
Налог на соль	1,500,000
Продажа титулов и почетных знаков	750,000
Дань рисом	450,000
Лицензии и т.д.	300,000

Всего	£15,000,000
-------	-------------

Государственные доходы, собираемые провинциальными казначействами, отправляются в Пекин после вычета суммы, необходимой для нужд округа. Утверждается, что только треть этих поступлений направляется на нужды центрального правительства.

Поэтому китайский народ в массе своей без особого недовольства терпит правительство, которое в обычное время тяготит его, мало вмешивается в дела его деревень или коммун, всегда очень сильно сформированных на Дальнем Востоке, и, самое главное, никогда не нарушает его древних обычаев. Крайне бедный, живущий только за счет тяжелого труда, ведущий жесточайшую борьбу за жизнь, народ не имеет времени на философские размышления и, более того, не имеет эталона сравнения, который помог бы ему судить о тяжести своей судьбы. Кроме того, не стоит забывать, что китайцы от природы наделены чрезмерным духом консерватизма, терпением и настойчивостью выше всяких похвал, к которым следует добавить веселое добродушие, позволяющее им переносить существование, которое для жителей любой другой страны показалось бы невыносимым. И крестьяне, и рабочие не имеют никакой надежды на улучшение своего скромного положения, и их будущее существование - это абсолютное однообразие, когда все время уходит на сев и жатву, на переноску тяжелых нош, на вращение ткацких станков или на работу на земле, не имея, за исключением нескольких праздничных дней, ни минуты отдыха, кроме того, что абсолютно необходимо для еды и сна. Тем не менее, они всегда кажутся очень счастливыми, мало жалуются, наслаждаются своими немногочисленными удовольствиями и, кажется, совершенно не обращают внимания на свои проблемы.

Этот счастливый дух покорности объясняет, почему китайцы, несмотря на свою бедность, являются одним из самых довольных народов в мире, а значит, и одним из самых счастливых. Но, к сожалению, время от времени они подвергаются страшным бедствиям: наводнению, эпидемии или неурожаю, которые несут неизбежные страдания и голод всему населению, оставшемуся без средств к существованию, поскольку их труд не приносит достаточного дохода, чтобы они могли отложить что-нибудь на черный день. Не проходит и года без того, чтобы где-нибудь в необъятной Поднебесной не случилось страшное бедствие, уносящее жизни сотен тысяч людей, так что, несмотря на поразительное количество рождающихся детей, население, казалось бы, не увеличивается. Здесь мы имеем поразительное применение доктрин Мальтуса: в этом обществе, в которое не проникает ни один луч прогресса, люди размножаются быстрее, чем хватает средств к существованию, но природные катаклизмы восстанавливают баланс, ежегодно уничтожая огромное количество мужчин, женщин и детей.

Преувеличенное чувство консерватизма и импровизация администрации отчасти ответственны за возникновение этих тяжелых бедствий, которые обычно сопровождаются рецидивом хронического пиратства и разбойничества, свойственных Китаю и являющихся единственным средством добыть средства к существованию, оставшимся у многих разоренных несчастных. Иногда, однако, агенты правительства, не сделав ничего ни для предотвращения катастрофы, ни для смягчения ее последствий, усиливают ее во время голода своей жадностью в захвате риса и тем самым провоцируют восстание, как это случилось в 1898 году в различных частях Ян-цзе-Кианга. Но помимо этих случаев, в которых власти несомненно виновны, китайский народ с величайшей покорностью подчиняется бедствиям, которые он предвидит и считает естественными, и которые, когда случаются, едва ли нарушают его привычное спокойствие. Смерть для такого народа не может иметь тех ужасов, которые она имеет для нас.

Из всех цивилизованных народов Земли европейцы больше всего жалуются на жизнь, но при этом больше всего дорожат ею. Народы Дальнего Востока, как китайцы, так и японцы, напротив, меньше всего задумываются о ней. Безразличие к смерти кажется им почти физическим свойством, результатом необыкновенной нечувствительности их нервной системы. Что касается последнего, то у нас есть множество доказательств. Врачи европейских больниц, где лечатся туземцы, с изумлением рассказывают, как их пациенты переносят самые болезненные операции без ропота и необходимости прибегать к анестетикам. В повседневной жизни также наблюдается та же любопытная апатия, которая проявляется в необычайной легкости, с которой они засыпают, когда захотят, даже посреди самого ужасного шума и грохота, и, более того, могут часами оставаться в одном положении, не делая ни малейшего движения. Обратной стороной медали является то, что, хотя они так равнодушны к собственным страданиям, они не испытывают ни малейшего чувства к страданиям других людей и могут наблюдать за корчащимися в агонии человеческими существами, не выражая ни малейшего ужаса или сочувствия. Ужасный обычай связывать ноги женщин таким образом, что пятка выдвигается вперед, а пальцы удваиваются под подошвой стопы, вызывая незаживающую рану, - лишь один из многих примеров китайской жестокости. Разнообразные и ужасные пытки, которым подвергаются судебные трибуналы, - еще одна иллюстрация того же ужасного инстинкта. Идея торговаться с человеком, находящимся под угрозой смерти, или с человеком, упавшим в воду, прежде чем пытаться спасти его от утопления, - это вещи, которые никогда бы не пришли в голову европейцу, но для китайцев они естественны.

О том, как мало ценится человеческая жизнь на Дальнем Востоке, свидетельствует частота самоубийств, совершаемых лишь для того, чтобы отстоять честь, которая во многих частях Европы была бы решена острием меча. *Харакири* не ограничивается Японией или высшими слоями китайского общества. Китаец, даже самого низкого сословия, совершит самоубийство из мести, злобы или даже по соображениям чести. Жертвоприношение жизнью распространено даже среди женщин, если верить следующему рассказу, взятому из китайской газеты:

Однажды свиноматка, принадлежащая некой мадам Фэн, нанесла небольшое повреждение двери некой мадам Ванг, та немедленно потребовала компенсацию с процентами, в чем ей было отказано, после чего мадам Ванг объявила о своем намерении совершить самоубийство. Эта страшная угроза оказалась слишком сильной для мадам Фэн, и тогда она решила победить своего врага его же оружием, бросившись в ближайший канал.^{'([24])} Самоубийства отнюдь не редкость среди высших слоев литераторов, а совсем недавно один цензор, высокопоставленный чиновник, обладающий привилегией обращаться с петициями

к государю, дождался проезда императорского кортежа и затем покончил с собой в качестве политической демонстрации, чтобы придать вес представленному им меморандуму о невыполненном обещании правительства. Бесчисленные публичные казни дополняют столь же многочисленные случаи самоубийств.

Читатель может быть несколько удивлен, что из народа, так мало боящегося смерти, получаются такие плохие солдаты; но, в конце концов, как бы легко человек ни относился к своей жизни, никто не жертвует ею, если это не ради какого-то идеала или чего-то еще. Если Небожители так мало заботятся о существовании, то еще меньше они заботятся о величии своей страны - патриотическое чувство совершенно отсутствует в их натуре. Во время французской кампании на Формозе нередко можно было видеть, как пленные китайцы отказывались выполнять задания, которые они считали ниже своего достоинства и к которым их можно было склонить только после того, как они видели головы нескольких своих товарищей, павших под мечом. Эти люди, которые предпочитают смерть, а не унижение своего достоинства, - те же самые, кого часто видели бросающими оружие на поле боя. Справедливости ради следует добавить, что именно военные мандарины или офицеры обычно дают сигнал к бегству. Возможно, если бы китайцами командовали другие офицеры, они, обладая удивительной способностью переносить лишения и безжалостно относиться к смерти, в конце концов сформировали бы замечательную армию, которая, даже если она не сможет защитить Китай от иностранных держав, несомненно, окажется ценным союзником для одной или другой из них.^[25]

Практика детоубийства, особенно младенцев женского пола, - еще один пример того, как по-разному китайцы и европейцы относятся к жизни и семейным узам. У нас любовь родителей к детям часто больше, чем любовь детей к родителям, но в Китае все наоборот. По мнению Конфуция, сыновняя почтительность была самой благородной из добродетелей, поистине первоосновой всех добродетелей, и именно ее его соотечественники до сих пор усерднее всего практикуют. Среди низших сословий, однако, эта добродетель ограничивается поддержкой родителей, но этим долгом никогда не пренебрегают. Среди двадцати четырех известных примеров сыновней почтительности упоминается случай с человеком, который в тот самый момент, когда он собирался заживо похоронить свою маленькую трехлетнюю девочку, потому что не мог позволить себе содержать ее так же хорошо, как свою старую мать, спас своего младенца благодаря неожиданной находке сокровища, специально положенного в предназначенную для этого могилу добрым джином, который был готов вознаградить столь прекрасный пример сыновней почтительности. Еще большим грехом против этой добродетели является отсутствие потомства мужского пола; ведь тогда семья вымирает, а предки лишаются тех жертв, на которые они имеют право и которые каждый здравомыслящий человек обязан приносить им через регулярные промежутки времени. Браки заключаются очень рано, и для получения развода не нужно более веских доказательств против жены, чем то, что у нее не было сына. Доктрина сыновней почтительности, как ее понимают китайцы, и поклонение предкам, которое является ее высшим проявлением, имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Она является главной опорой той бесполезной системы преклонения перед безвозвратным прошлым, в котором, как предполагается, все было лучше, чем может быть сегодня, и которая по необходимости отвращает жителей Поднебесной от всякого стремления к прогрессу, потому что это было бы оскорблением предков, чью мудрость никогда нельзя превзойти.

Если эта вера и приводит к печальным социальным последствиям, то в то же время служит укреплению семейных уз; но в любом случае она губительна, особенно в том, что касается

положения женщин. Участь китайских женщин, безусловно, нельзя назвать счастливой. Живя, а не проживая с мужем под крышей его родителей, молодая жена никогда не имеет права видеть свою собственную семью, за исключением определенных периодов, заранее установленных обычаем. В первые годы жизни замужние женщины в Китае подвергаются капризам и упрекам сварливой свекрови, которая является тираном в семье, и от которой невестки ожидают покорности. При всем этом они пользуются определенной свободой, так как не находятся ни в монастыре, ни в завесе; но они очень редко покидают свой дом, и это состояние полузатворничества не мешает их нравам быть зачастую весьма безразличными. "В округе, близком к моему, - заверил меня американский миссионер в Фо-Киен, - очень мало мужей, которых не обманывают их жены; и в том, который находится под моим руководством, состояние морали, или, скорее, безнравственности, почти такое же". Теоретически прелюбодеяние китайской женщины считается очень тяжким преступлением. Что касается мужа, то от него не ожидают верности. Средний китаец наслаждается непристойностями, веселится от неприличных историй и шуток, а когда у него есть немного денег, он тратит их очень свободно в самой разнузданной компании. Те увеселительные заведения, где царит Венера, не расположены, как в Японии, в самом лучшем и ярко освещенном квартале города, так как те из моих читателей, кто побывал в Кантоне, возможно, помнят, что им показывали "цветочные лодки" - плавучие сооружения высотой в два этажа, внутреннее убранство которых является самым великолепным.

Однако национальный порок китайцев - азартные игры, и мало кто из них может устоять перед ним. В своей интересной монографии о Пекине магистр Фавье рассказывает, как нищие в лохмотьях ставят на кон свой последний клочок одежды. Некоторые фанатики ставят на кон своих жен и детей, а мужчины, как известно, ставят на кон свои суставы пальцев. Один молодой христианин, который был заядлым игроком, однажды поставил и проиграл свою жену, которой было всего двадцать лет, на крупную сумму в 15 фунтов стерлингов. Миссионер выплатил долг и вернул молодую женщину ее матери. Через несколько месяцев после этого она снова вернулась к мужу, и, добавляет автор, опираясь на тридцать восемь лет своей миссионерской жизни в Китае, "по всей вероятности, он снова поставил и проиграл ее".

С другой стороны, невоздержанность встречается крайне редко; но те, кто в Европе были бы пьяницами, уверял меня магистр Фавье, когда я был в Пекине, в Китае курят опиум, и, по его оценкам, около пятой части населения городов предаются этой ужасной практике. В сельских районах эта цифра гораздо меньше, а другой миссионер, живущий в Фо-Киен в Южном Китае, оценивает ее не более чем в пять процентов. Привычка курить опиум очень широко распространена среди высших классов и литераторов; но ее последствия не так заметны среди богатых, как среди бедных, которые, в силу плохого питания, менее подготовлены к ее воздействию, тем более что они обычно предаются этому пороку в часы досуга в самых ужасных притонах, и, кроме того, курят опиум очень низкого качества. Молодой человек, который начинает предаваться этой пагубной привычке на двадцатом году жизни, обычно сходит с этого смертного одра до двадцати двух лет. Пороки китайцев не особенно шокируют иностранцев, живущих среди них, поскольку они не обязаны их видеть; но иначе обстоит дело с их всеобщими и отталкивающе грязными привычками и большой любовью к всевозможным ужасным звукам, которым они предаются по любому поводу, будь то печаль или веселье, свадьба или похороны, праздники или пожары. Однако больше всего европейца раздражают вульгарные суеверия, которые заменяют у небожителей дух религии, полностью отсутствующий у них, и являются еще одним препятствием на пути прогресса. Их странные представления о *фэн-шуй*, или геомантии, зачастую сводят на нет малейшие попытки внедрить какие-либо улучшения даже в европейских концессиях или в таких

городах, как Гонконг и Сингапур. Кроме того, склонность китайского ума не допускает общих или абстрактных идей, отвергает всякое чувство идеала и, одним словом, стерилизуется таким абсолютным материализмом, который шокирует даже самых циничных европейцев. Поэтому, принимая их в целом, Небожителей можно назвать не особенно соблазнительным или симпатичным народом, тем более что их уродливая внешность не компенсируется очарованием манер, которое делает японцев такими приятными и позволяет им позолотить даже свои пороки.

Китайцы, однако, обладают некоторыми замечательными качествами, которые не совсем приятны, несмотря на их чрезвычайную вежливость, которая является скорее вопросом церемонии, чем искренности. Эти качества носят серьезный характер: терпение, настойчивость, трудолюбие, величайшая склонность к коммерческим занятиям, промышленность, экономия, необыкновенная сила сопротивления, уважение к родителям и старости, к чему можно добавить удивительно довольный образ жизни. Поэтому, даже если китайское правительство демонстрирует все признаки упадка, было бы несправедливо говорить то же самое о его энергичных и трудолюбивых подданных. Безусловно, правительство - не единственное, что нуждается в реформировании в Китае. Существует светская привычка всегда обращаться к прошлому за образцом совершенства, что приводит к определенной атрофии китайского интеллекта, лишая его эластичности, оригинальности и изобретательности, делая его способным только на подневольное подражание, лишенное даже проницательности - факт, который прекрасно иллюстрирует известная история о портном, которому европейец прислал старую пару бриджей, чтобы тот скопировал их. Он сделал это настолько добросовестно, что прорезал дырку именно в том месте, где она была в доверенной ему изношенной паре. В том же порядке идей находится пример, предоставленный мне отцами-иезуитами из Сикавея, недалеко от Шанхая, которые показали мне несколько рисунков, выполненных молодыми китайскими студентами, предназначенных для пластинок, которые должны были войти в публикацию о фауне Дальнего Востока. Среди них было несколько рисунков скелетов животных, которые, однако, были обезображены, несмотря на уговоры отцов, случайными пятнами и помарками, появившимися на моделях. Невозможно побудить китайцев усвоить новые привычки, но почти невозможно побудить их исправить те, что были завещаны им предками. Можно научить их работать на современном оборудовании, но никакая сила, человеческая или божественная, не сможет научить китайского плотника работать иначе, чем его научили. В приюте в Сикавее, находящемся под руководством иезуитов, мне показали столярный цех, и я был удивлен, обнаружив, что за каждой скамьей сидит только один рабочий. Отец, который показывал мне школу, сообщил, что совершенно невозможно заставить двух рабочих занять одну скамью. Младшие сироты увидели, как старшие дети и взрослые, оставшиеся на службе в миссии, работают таким образом, и настояли на том, чтобы сделать то же самое.

Пробуждение чувства оригинальности и изобретательства в сознании этого народа, который утратил эти качества по той простой причине, что его систематически учили смотреть назад, а не вперед, будет делом столетий и произойдет только в результате длительного контакта с народами и идеями Запада, а этот контакт только сейчас начинается. Прежде чем он произведет полное воздействие на расу, он, несомненно, сделает это на земле самого Китая, если только будет получено разрешение на использование огромных природных богатств, которые лежат нетронутыми под почвой этой огромной империи и, таким образом, потеряны для человечества. Если работа по освоению экономических ресурсов Китая будет проводиться в духе эгоистического интереса, она, тем не менее, значительно улучшит положение китайского народа, хотя бы за счет расширения сферы его деятельности, которая сейчас ограничивается сельским хозяйством и мелкой промышленностью. Это позволит им,

например, осваивать недра, которые в Поднебесной настолько же запущены, насколько сама почва усовершенствована искусным земледелием. Если, как мы считаем, великие отрасли промышленности, ставшие результатом современных научных открытий, действительно способствовали улучшению положения жителей Европы, то, несомненно, их внедрение в Китай должно быть максимально полезным для жителей этой огромной империи.

ГЛАВА VI

ИНОСТРАНЦЫ В КИТАЕ - ОТНОШЕНИЕ КИТАЙЦЕВ К ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Уступки, последовательно сделанные Китаем иностранцам после войн 1842, 1858-60 и 1895-98 годов- Усиление напряженности между китайцами и европейцами в результате стремления последних расширить свои действия- Отказ европейцев подчиниться китайским обычаям- Частые нарушения ими правил и традиционных обычаев китайцев- Презрение, с которым китайцы относятся к западной цивилизации, несмотря на признание ее могущества и материальных достижений- Этот враждебный дух более заметен среди литераторов, которые направляют общественное мнение, чем среди народа.

Положение иностранцев в Поднебесной было определено различными официальными соглашениями, первым из которых был Нанкинский договор, подписанный между Англией и Китаем после войны 1842 года, известной в истории как Опиумная война. За ним в 1844 году последовали другие договоры на ту же тему с Францией и США, а еще позже - с другими странами; в 1858 году Тянь-цзинские договоры, заключенные с Францией и Англией после короткой войны, но не ратифицированные до 1860 года, после гораздо более серьезной кампании и вступления союзных войск в Пекин, значительно улучшили положение иностранцев в Поднебесной. Наконец, в 1895 году договор Шимоносаки, навязанный Китаю победившей Японией, предоставил новые возможности для иностранной торговли. Однако характерно, что ни одна серьезная уступка не была получена от Китая только после разрушительной войны, причем правительство Пекина никогда не поддавалось на уговоры, а только на силу.

С XVI века европейцы могли, как до них арабы и малайцы, вести торговлю с Кантоном, не подвергаясь притеснениям, просто потому, что те не выказывали намерения расширять свою торговлю дальше. Но во второй четверти нынешнего века они стали более многочисленными и требовательными, и напряжение начало проявляться. Гордость западников, более чем когда-либо убежденных в превосходстве своей цивилизации, чей прогресс на родине шел гигантскими шагами, горела желанием навязать свои идеи всему миру и тем самым уязвить не менее великую гордость китайцев, упорно придерживавшихся тех самых древних обычаев, которые так надменно презирали варвары, как они с удовольствием называли нас. Кантонский порт, освященный традицией как обменный пункт между иностранцами и туземцами, больше не удовлетворял европейские амбиции, и поднялся шум, чтобы избавиться от двенадцати купцов, или *хонгов*, которым китайское правительство уступило монополию на торговлю с внешним миром. Иностранцы, кроме того, требовали права иметь дело с кем угодно и отказывались подчиняться произвольному налогообложению и обращению, которому их до сих пор подвергали местные власти. Эти и другие подобные требования, которые кажутся нам совершенно разумными, китайцы сочли непомерными. На наши непрекращающиеся протесты они отвечали точно так же, как и двадцать, а то и пятьдесят лет назад, что мы хотим заставить их поступать в их собственной стране именно так, как мы хотим, тогда как, учитывая, что мы их гости, все должно быть

наоборот, и что мы должны подчиняться их способам, какими бы предосудительными они нам ни казались и даже противоречили интересам и развитию нашей торговли. Именно это Европа сегодня, как и тогда, отказывается признать, если китайцы не исправятся в значительной степени, считая, что столь огромная страна не имеет права отказываться от того, чтобы ее богатства использовались на благо человечества, и что если она не может, либо по доброй воле, либо из-за отсутствия необходимых средств, обратить их в свою пользу, она должна позволить другим, обладающим совершенными для этой цели орудиями, использовать их. Короче говоря, Европа требует права не только торговать, но и эксплуатировать, и она намерена получить его, каковы бы ни были последствия.

В этом радикальном различии взглядов на одни и те же вещи кроется причина всех сложностей, существующих между державами и Поднебесной. Народы Запада, как только убедятся, что то или иное дело отвечает их интересам, настаивают на его реализации независимо от того, нравится это китайцам или нет, и их мало волнует, оскорбляют ли они предрассудки или даже святость китайских традиций. Иностранцы ведут себя подобным образом не только в вопросах коммерческих сделок, но и в вопросах религии. Мы испытываем глубочайшее восхищение и уважение к тем людям, которые, рискуя жизнью, несут Евангелие тем, кто его не знает, и жертвуют всем в надежде спасти души, и мы глубоко убеждены в огромном превосходстве учения Иисуса Христа над учением Конфуция. Христианство, однако, нарушает не только традиции, но и основы китайского общества. Ни одно правительство Европы не потерпит религию, пропагандирующую многоженство, а правительство Соединенных Штатов решительно выступает против распространения мормонизма. Поэтому мы не должны удивляться, что китайцы не смотрят дружелюбно на религию, которая противоречит их великой доктрине культа предков, и считают ее не чем иным, как святотатством, рассчитанным на ниспровержение морали и закона, и бесконечно худшим с их точки зрения, чем полигамия с нашей. Наем женщин-миссионеров некоторыми протестантскими сектами - еще один скандал, а вид молодых женщин, живущих под одной крышей с мужчинами, которые не являются их мужьями, порождает в их умах мысли, обратные назидательным. Неважно, что поклонение предкам - лишь внешняя форма, а жизнь миссионеров не вызывает никаких нареканий: древние традиции и обычаи нарушаются, а за них средний китаец держится куда более упорно, чем за истины, которые они скрывают.

Полное пренебрежение европейцев даже к самым заветным обычаям китайцев, огромная разница, существующая между двумя цивилизациями, а также чувство превосходства, которое оба народа с полным основанием считают своим, несомненно, лежат в основе того горького чувства презрения, которое заставляет каждого китайца не только презирать, но и ненавидеть вторженцев. Они смотрят на них как на варваров, хотя статья 51 Тянь-Цзиньского договора официально запрещает описывать иностранцев этим неприятным словом. Наши самые сложные и замечательные научные инструменты не рассматриваются китайцами как критерий нашего превосходства, и они признают нас искусными мастерами и ловкими жонглерами, но в остальном лишь вульгарными и малообразованными людьми, а наше незнание с их древними преданиями и литературой вызывает улыбку жалости и презрения на их безвкусных лицах. Они практически не придают значения нашим изобретениям". "Я прекрасно понимаю, - сказал принц Конг иностранному послу, который только что объяснил ему теорию и практику железнодорожного транспорта, - что в Европе для перевозки из одного конца страны в другой нужно использовать железные рельсы. Здесь мы добиваемся того же эффекта с помощью наших повозок. Возможно, мы не так быстро передвигаемся, но зато мы никогда не торопимся". Это причудливое наблюдение было

произнесено двадцать пять лет назад, но его легко можно было бы сделать и сегодня: состояние ума, вдохновившее его, идентично и неизменно.

Китайцы могут преклоняться перед нашей мощью, но она не внушает им ни малейшего благоговения. Они испытывают к нам примерно те же приятные чувства, что и путешественник к лакею, который внезапно приставил к его голове пистолет и требует денег или жизни. И как тот же злосчастный путешественник, чтобы избежать повторения нападения, если ему придется пройти этим путем, приобретает то же оружие, что и его обидчик, так и китайцы время от времени перенимают некоторые из наших средств защиты, не умея ими пользоваться; но, тем не менее, они остаются глубоко убежденными в превосходстве своей цивилизации. Можно не сомневаться, что если бы они были предоставлены сами себе, а европейское влияние и давление внезапно прекратилось, китайцы быстро выдернули бы телеграфные столбы и несколько миль железных дорог, которые с бесконечным терпением и трудом были проложены, закрыли бы свои порты и стерли бы все следы отвратительных нововведений "варваров".

Естественно, это будет действие правительства. Что касается людей, то они будут продолжать использовать удобства, введенные западной цивилизацией. Лодки, курсирующие вдоль побережья и вверх по Ян-Цзе-Киангу, переполнены местными пассажирами, которые, очевидно, наслаждаются поездкой и получают большую долю прибыли от различных пароходных компаний, а поезда между Тянь-Цзинем и Пекином всегда переполнены. Китайцы также прекрасно умеют ценить европейскую администрацию, и триста тысяч китайцев живут на французских, английских и американских концессиях в Шанхае, двести тысяч - в Гонконге, который до английской оккупации был заселен лишь несколькими рыбаками, и все крупные города, принадлежащие европейским колониям в окрестностях Китая - Владивосток, Манила, Сайгон, Сингапур, Батавия - практически китайские города. Они любят, чтобы их собственность и коммерческие интересы были защищены, и категорически возражают против того, чтобы их эксплуатировали и притесняли, как это происходит при их собственном правительстве. Во время оккупации Маньчжурии войсками микадо один английский миссионер, долгое время проживавший в этой стране, уверял меня, что китайцы были очень рады избавиться от системы "squeeze" и от многих неприятностей, которым они подвергались со стороны мандаринов, и были поражены тем, что японцы платят за все, что им нужно.

Поэтому китайцы не могут не ценить нашу цивилизацию, и, поскольку мы причиняем им страдания своим присутствием, они считают разумным извлекать выгоду из материальных преимуществ, которые мы им предоставили; но, за редким исключением, они, несомненно, предпочли бы потерю этих преимуществ нашему обществу, и они никогда не перестают презирать нас. С того момента, как они научились читать, они обращаются к своим старым книгам, как к источнику, из которого они пьют пьянящие струи гордости и тщеславия, а также глубокого презрения ко всему, что не относится к мудрости Конфуция.

В конце концов, прогрессивные идеи постепенно проникают в страну и реформируют ее не через невежественные классы, а благодаря инициативе нескольких мыслителей. К несчастью, в Китайской империи из-за несовершенной системы образования именно тот класс, который должен приносить пользу своим собратьям, - литераторы - является самым упрямым регрессивным.

Грубые суеверия, с которыми сталкиваются жители внутренних районов Китая в отношении иностранцев, являются еще одним препятствием для продвижения вперед. То, что низшие классы верят, будто миссионеры вырывают глаза маленьким детям и используют их кишки в

качестве ингредиентов для inferнальных и магических снадобий, или что наши врачи распространяют вредителей, когда мы хотим войны, не вызывает особого удивления, поскольку то же самое повторялось в Астрахани и в некоторых российских провинциях всякий раз, когда появлялся слух об эпидемии. Но что действительно очень серьезно, так это то, что литераторы, столь могущественные в Китае, поощряют эти суеверия и даже распространяют их среди народа, чтобы тем лучше поддерживать чувство ненависти, которое они должны ослаблять. В основе всех выступлений против миссионеров лежат мандарины и литераторы. Огромное влияние, которое эти люди оказывают на народ, и их отвращение к западной цивилизации - вот истинная причина того, почему в Китайской империи до сих пор не было достигнуто никакого прогресса.

ГЛАВА VII

ПОЛОЖЕНИЕ И РАБОТА ИНОСТРАНЦЕВ В КИТАЕ

Привилегии иностранцев в Китае - открытые порты и концессии - значительное расширение привилегий, предоставленных иностранцам договором Шимоносаки (1895 г.) - открытие новых портов - возможности, предоставленные торговле, и право создавать фабрики в договорных портах - быстрое действие этих концессий - шелковая промышленность - китайские рабочие: Повышение заработной платы - Перспективы китайской промышленности - Новые концессии, предоставленные в 1898 г. - Открытие водных путей - Железные дороги и шахты - Большие ожидания от этих дополнительных договоров - *Ликины*, или туземные таможи - Их деспотичные поборы - Медленное развитие иностранной торговли в Китае - Необходимость для европейцев проникнуть в глубь страны и взять свои дела в собственные руки - Китайское сопротивление этому предложению.

Иностранцы, живущие в Китае, за исключением миссионеров, в настоящее время заключены в двадцать шесть открытых портов, к которым можно добавить еще шесть городов или рынков, расположенных на границах Индо-Китая, приравненных к свободным портам, но ведущих очень ограниченную торговлю. В каждом из этих так называемых открытых портов^[26] места были сданы в долгосрочную аренду или даже проданы иностранным державам - Англии, Франции, Соединенным Штатам, а в последние годы даже Германии, которая получила концессию в Тянь-цине, где, кстати, есть и Япония. Хотя эти концессии находятся на китайской территории, они рассматриваются как множество маленьких республик, независимых от местных властей и управляемых европейцами, которые проживают там под защитой своих консулов, обладающих как судебной, так и исполнительной властью. В этих портах, защищенных европейскими законами, сосредоточена вся внешняя торговля Китая.

Внешний вид этих договорных портов варьируется в зависимости от их значимости: от нескольких домов, окруженных садами, построенных на песках Пахуи, до процветающего космополитического порта Шанхай, чей облик как нельзя лучше рассчитан на то, чтобы польстить тщеславию европейцев. После того как бар Усунг пройден, после нескольких часов пути вниз по Голубой реке, берега которой покрыты однообразными рисовыми и хлопковыми полями, путешественник может легко представить, что он находится в Ланкашире, настолько велико количество фабричных труб, попадающих в поле зрения. Посадочная площадка, или Бунд, - главная улица города, идущая вдоль набережной, - с одной стороны засажена деревьями, а с другой - великолепными домами, построенными по

европейской моде, в которых расположены офисы главных банков, пароходных компаний и т. д. Остальные улицы, заселенные европейцами, хотя и не очень прямые и широкие, идут либо параллельно Бунду, либо пересекаются с ним в той или иной точке. Дальше вглубь города находится китайский квартал (в пределах концессии), с его открытыми магазинами, чудовищными и безвкусными вывесками и хрупкими бумажными фонарями, довольно ухоженный, однако, благодаря европейскому надзору и составляющий в этом отношении заметный контраст с другим туземным кварталом за пределами концессии, который абсолютно грязен. Оказавшись за пределами города, мы пересекаем крикетное поле, ипподром, теннисный корт и выходим на Баблинг-Уэлл-роуд и другие широкие проспекты, окаймленные красивыми виллами, окруженными садами, принадлежащими богатым европейским жителям.

До китайско-японской войны иностранцы имели право вести коммерческую деятельность только в открытых портах, а для передвижения по внутренним районам им требовался паспорт. Максимально изолированные от коренного населения, они могли торговать с китайцами только при условии, что не пытались изменить ни один из местных методов производства, не вводили никаких европейских инноваций и не пытались эксплуатировать ни один из бесчисленных природных ресурсов страны.

С другой стороны, ничего нельзя было ожидать ни от частной инициативы, ни от правительства, которое, несомненно, наложило бы вето на любые улучшения и лишь неохотно разрешило, исходя из политической значимости, создание телеграфной линии, соединяющей Пекин с окраинами империи. В 1877 году европейцы были вынуждены фактически убрать рельсы, проложенные по короткой линии между Шанхаем и Усунгом, и хотя китайцы с 1889 года делали вид, что рассматривают возможность строительства линии от Ханькоу до Пекина, это делалось только для того, чтобы ввести европейцев в заблуждение. При таких неблагоприятных условиях в Китае невозможен никакой прогресс, а древние методы туземцев по-прежнему препятствуют любому коммерческому и финансовому процветанию.

Договор Шимоносаки, подписанный в 1895 году по окончании войны между Китаем и Японией, произвел некоторые важные изменения в этом отношении и в силу положения о наибольшем благоприятствовании, включенного в договоры с державами, открыл лучшие перспективы для иностранцев всех национальностей, которые таким образом могли воспользоваться преимуществами, предоставленными японцам. Статья 6 этого важного документа предусматривала открытие нескольких новых портов и разрешала паровое судоходство вдоль побережья и по рекам и каналам, ведущим к ним. Далее в ней говорится, что иностранцы могут посещать внутренние районы страны для покупки или продажи товаров, а японские подданные могут создавать склады для них в любом месте без уплаты каких-либо дополнительных налогов, возводить в открытых китайских городах и портах фабрики любого рода и ввозить в Китай все виды машин по фиксированному тарифу. Товары, производимые японскими подданными на китайской территории, должны быть поставлены на ту же основу в отношении внутренних и транзитных пошлин и других налогов, сборов, а также условий для складирования и т.д. во внутренних районах страны, что и товары, ввозимые в Китай другими иностранцами, и пользоваться теми же привилегиями.

Это положение имеет очень большое значение, поскольку позволяет сочетать высокотехнологичные европейские машины и дешевую китайскую рабочую силу в производстве изделий, сырье для которых, особенно шелк и хлопок, можно получить в непосредственной близости от свободных портов. Процитированный выше пункт может показаться на первый взгляд несколько необычным, и в любой другой стране, кроме Китая,

было бы излишним оговаривать, что товары, произведенные в самой стране, не должны рассматриваться с меньшим вниманием, чем аналогичные товары, импортированные. Но японские переговорщики понимали своих людей и прекрасно осознавали, что если бы они не включили эти специальные пункты, то полученные преимущества были бы аннулированы китайскими властями с помощью системы произвольного налогообложения и других неприятных мер.

Прошло совсем немного времени, прежде чем преимущества статьи 6 договора Шимоносаки стали очевидны. Через три года весь район Шанхая был занят не менее чем девятью крупными хлопчатобумажными фабриками, работающими на 290 000 веретен, которые в 1898 году были увеличены до 390 000, а рядом с ними в настоящее время выросло около тридцати шелковых фабрик, которые со временем будут значительно увеличены как по количеству, так и по значению. В других портах этот промышленный импульс пока не ощущается, за исключением Тьен-Цина, где недавно была открыта шерстяная фабрика. В этом великом центре промышленности, Шанхае, наблюдался некоторый спад в этой чрезвычайной резвости, вызванный перепроизводством, а также вполне законным желанием понаблюдать за результатами уже существующих производств, прежде чем приступить к дальнейшим спекуляциям. Кроме того, существовало опасение, что зарплаты могут в скором времени вырасти до чрезмерных размеров.

Рынок труда в Китае, несомненно, огромен, но предложение не так быстро реагирует на спрос, как в Европе, потому что расстояния велики, а средства связи, соответственно, немногочисленны и затруднены. Однако рабочие, живущие на берегах Ян-цзы, которых называют "водяными птицами", постоянно стекаются в Шанхай в поисках работы. Они принадлежат к тому классу бедняков, которые заполнили большие китайские города, и чьим единственным домом является их сампанг, в котором целая семья размещается на площади, едва достаточной для одного европейца. Их плавучие хижины можно увидеть пришвартованными вдоль *арроев*, бороздящих пригороды Шанхая. Как только они начинают немного зарабатывать, они строят хижину на берегу, используя материал своего старого эллинга, пока не смогут возвести что-то лучшее в качестве жилья. Заработная плата в Шанхае заметно растет, и когда я был там в 1898 году, на фабриках шла борьба за рабочих и женщин, которых там большинство, из-за того, что некоторые предприимчивые, но недобросовестные менеджеры конкурирующих фирм интриговали, предлагая более высокую зарплату, чтобы побудить наиболее квалифицированных покинуть своих работодателей и перейти к ним. Качество труда в Шанхае кажется удовлетворительным, по крайней мере, так говорят различные менеджеры, а на мануфактурах, которые я посетил, я заметил, что все было скрупулезно чисто и упорядоченно, так же, как на любой средней европейской или американской фабрике того же класса. Работницы не живут, как в России и Японии, да и вообще, как раньше в Англии и других странах-производителях, в здании рядом с местом работы, отведенном для этой цели и за счет фирмы, а живут дома со своими семьями. Многие из них - замужние женщины, и многие, вместо того чтобы оставить своих маленьких девочек старше десяти лет дома, просят, чтобы их взяли на работу, чтобы они оставались под их присмотром. Обычно они заняты на очень легкой работе, например, перекладывают коконы в кипящую воду для ткачей. На шелковых фабриках, которые я посетил, им ежедневно отводилось полчаса на так называемую "школу", во время которой старшая работница - мать или старшая сестра - обучала их основам работы. Эта система превосходна, и управляющие заявляют, что очень довольны ею, так как она, скорее всего, подготовит хороших работников.

Рабочее время на шелковых фабриках в Шанхае обычно длится с шести утра до шести вечера, включая полтора часа на еду. На шелковых мануфактурах маленькие девочки сначала зарабатывают 1¼ д. в день, которая через некоторое время увеличивается до 2½ д. Умная работница получает около 9 д. В 1891-92 годах заработная плата на той же фабрике, которая тогда была очень маленькой и работала под китайским названием, была примерно на 30 процентов меньше. На более крупных фабриках дети получали 2½ д. в день, а женщины от 6 д. до 7 д. В первые несколько месяцев после подписания Симоносакского договора зарплата составляла в среднем около 5 д. Поскольку обменные курсы с тех пор практически не менялись, рост очень значителен. Женщины и дети, работающие на лучших фабриках, - пишет британский консул в Шанхае в своем отчете за 1897 год, - могут зарабатывать от 10 до 30 сотен в месяц, что является огромным состоянием для людей, которые на местных фабриках редко зарабатывают больше 4 сотен в месяц, хотя работают не покладая рук весь день! В том же отчете отмечается, что в некоторых отраслях промышленности китайские работницы зарабатывают больше, чем представители того же класса в Италии. Управляющий, который водил меня по одной из шанхайских фабрик, перуанец по рождению и, как я полагаю, цветной по происхождению, судя по его вьющимся волосам и высоким скулам, сказал мне, что в детстве в Перу он зарабатывал 2½ д. в день на одном и том же предприятии, что и платят детям-рабочим в Шанхае.

Поэтому было бы явной ошибкой полагать, что Китаю суждено остаться страной низких зарплат. Возможно, пройдет немало времени, прежде чем зарплаты достигнут высоких показателей в Европе, но есть все шансы, что со временем произойдет их значительный рост, особенно по мере совершенствования промышленности и увеличения спроса на квалифицированный труд. Небожители наверняка позаботятся о своих интересах в этом вопросе, создав профессиональные союзы. Забастовки не редкость ни в Китае, ни в Японии.

Эти факты, как мне кажется, если не полностью, то, во всяком случае, частично рассеивают иллюзии относительно знаменитой "желтой опасности", которая так сильно беспокоит некоторых достойных людей. Эта "опасность" представляется мне весьма отдаленной, поскольку, даже если бы жители Дальнего Востока преуспели в производстве почти всех товаров, которые они сейчас импортируют из Европы, из этого обязательно следовало бы, что торговля ими, будучи бесконечно большей, чем сейчас, увеличила бы их прибыль также очень значительно. Столь же несомненно, что первый эффект от внедрения в Китай европейской промышленности должен привести, как это уже произошло, к улучшению состояния китайского рабочего класса, как за счет увеличения заработной платы, так и за счет улучшения образа жизни. Поэтому, если европейская экспортная торговля может пострадать от производства товаров, которые до сих пор импортировались китайцами, таких как хлопок, например, то в конечном итоге ситуация выровняется по той простой причине, что чем богаче будут становиться китайцы, тем больше они будут покупать. Япония уже показала, как внедрение машин создало новую отрасль импорта, имеющую большую ценность.

Для того чтобы реализовать эти блестящие перспективы, необходимо несколько кардинальных изменений в нынешнем положении дел. Разрешение на европейское судоходство по внутренним водам Китая, выданное по просьбе Великобритании в 1898 году, а также концессии на строительство железных дорог и разработку шахт могут впоследствии привести к весьма значительным результатам, но до сих пор они не были полностью успешными. Промышленная деятельность по-прежнему ограничивается свободными портами и их ближайшими окрестностями. Причины такого положения дел стоит изучить, тем более что они иллюстрируют решительное противодействие китайских властей всем

мерам реформ, а также указывают на многие моменты, на которые европейцам стоит пожаловаться.

Китайские таможенные пошлины были определены в соответствии с договорами как максимально возможные 5 процентов *адвалорных*. Поэтому их можно смело назвать сравнительно легкими, и они с большой регулярностью собираются для императорского правительства по европейской системе персоналом, прекрасно организованным сэром Робертом Хартом.

Нежелание подвергать иностранных купцов произволу и коррупции со стороны китайских таможенников привело к созданию международного штата сотрудников, который работает безупречно и приносит всеобщее удовлетворение. С другой стороны, крупные туземные фирмы отличаются скрупулезной честностью во всех своих сделках, на собственном опыте убедившись, что "честность - лучшая политика", и европейские купцы могут только похвалить их способ ведения дел. Таким образом, трудности возникают не при въезде в Китай и не при выезде из него, будь то импорт или экспорт. Проблемы возникают при транспортировке между открытыми портами и местами отправки или экспедиции; основное недовольство вызывает система *likin*, или внутренней таможи, в соответствии с которой произвольная и переменная шкала налогов взимается с товаров, проходящих через города или границы различных провинций, или даже в определенных местах на магистралях и реках. Эта пагубная система является большим препятствием для расширения европейской торговли и порождает бесконечные хлопоты и расходы.

"Предположим, - сказал один джентльмен, хорошо знакомый с торговлей на Дальнем Востоке, на заседании Лондонской торговой палаты в 1898 году, - что поезд, идущий из Лондона в Ньюкасл, приходится останавливать три или четыре раза по пути, чтобы товары могли быть отремонтированы и осмотрены чиновниками, главная цель которых - выжать как можно больше в своих собственных интересах, и которые оценивают товары произвольно на глаз. Представьте себе, например, партию шкур, поврежденных дождем из-за небрежной упаковки, а при взвешивании оказавшихся тяжелее, чем заявлено в счете: в результате незадачливому владельцу предъявляется счет не в соответствии с возросшим весом, а *штраф* в соответствии с его личной собственностью, скажем, 50 или 100 фунтов на 1000 фунтов! Или, наконец, что стало бы с британской торговлей, если бы нам пришлось мириться с чиновниками *типа likin*, один из которых проверяет товары раз в три дня, а другой объявляет о своем намерении делать это только после прибытия десяти поездов?

Существует средство от системы *likin* - это "транзитный пропуск"; но чаще всего, как и в большинстве случаев в Китае, это лишь теоретическое улучшение. При уплате суммы, равной половине первоначальной въездной пошлины, все импортируемые товары должны считаться свободными от внутренних пошлин. Но это правило не работает, и никто им не пользуется, поскольку китайцы очень ловко умудряются обходить его, взимая "пошлину по прибытии в пункт назначения", что сводится к тому же самому.

Поэтому неудивительно, что при всех этих недостатках, в дополнение к очень примитивной денежной системе, китайская торговля достигает лишь 50 000 000 фунтов стерлингов, из которых 27 200 000 фунтов составляют импорт, что очень мало, если принять во внимание огромные размеры страны и ее огромное богатство. Половина этой торговли распределяется между четырьмя статьями: 8 000 000 фунтов хлопка и 4 800 000 фунтов опиума (импорт), а также 8 000 000 фунтов шелка и 5 000 000 фунтов чая (экспорт). Последние цифры уступают тем, что были раньше: индийский чай значительно уступает китайскому в том, что касается Англии. Его приготовление все еще происходит по старой системе, а по качеству он заметно

уступает цейлонскому и другим чаям, выращенным в Индии. Это еще один пример того, как важно внедрять в Китае более совершенные и научные методы.

Экспортная торговля Китая неизбежно будет оставаться весьма ограниченной до тех пор, пока иностранцам не позволят проникнуть в страну и направить эксплуатацию ее ресурсов. Пока речь шла лишь об открытии нескольких портов, китайское правительство не оказывало серьезного сопротивления, но только осознание своей неспособности противостоять давлению побудило его разрешить внедрение в Поднебесную иностранного капитала, машин и промышленных методов. Спрашивается, может ли пекинский больной выдержать такое жестокое обращение? Не поддастся ли он сильнодействующим средствам, которые ему назначают, и не исполнит ли тем самым тайные желания тех, кто жаждет его наследства?

ГЛАВА VIII

КИТАЙ И ДЕРЖАВЫ

Вопрос о Дальнем Востоке, неожиданно поставленный поражением Китая - Заблуждение иностранцев относительно китайской мощи, и удивление европейской дипломатии его крахом - новое положение дел, созданное японскими победами - цели различных держав на Дальнем Востоке и их политика - Англия ищет союзника против России - внезапное изменение ее политики в 1895 г. - она отказывается от Китая в пользу Японии - Россия жаждет всего Северного Китая - желание Японии завоевать Поднебесную - договор Симоносаки - оппозиция России к японской политике - Россия становится заинтересованной защитницей Китая - конвенция между тремя державами, Францией, Германией и Россией - попытка примирения между Китаем и Японией - замена мощного влияния России влиянием Англии.

Китайский вопрос представляет много трудностей не только потому, что его детали чрезвычайно сложны, а соперничающие претензии, которые он породил, трудно примирить, но и из-за того, что он неожиданно привлек внимание Европы в то время, когда у дипломатии не было готового средства для его решения.

Нынешнее положение на Дальнем Востоке - это не результат постепенной цепи событий, а абсолютный сюрприз, вызванный неожиданными результатами китайско-японской войны. Несомненно, крах Китая в 1894 году был лишь последним актом в долгой драме упадка, но он открыл изумленной Европе полную неспособность Китая ни к реформам, ни к самозащите, к чему мы оказались совершенно не готовы. Только Япония знала правду и извлекала выгоду из знания о почти невероятной слабости своего колоссального соседа. Россия подозревала об этом, но не была достаточно убеждена, чтобы решиться привести свои убеждения в исполнение. Благодаря проницательности китайцев и их удивительной способности ко всем искусствам обмана, а также эффекту, создаваемому непомерной многочисленностью населения - от трех до четырехсот миллионов душ, - Китай систематически одурачивал и правительства, и публику, которые разделяли одну и ту же иллюзию относительно его могущества. Некоторые события, надо признать, способствовали поддержанию этой иллюзии, в частности, смелое сопротивление, которое французская армия встретила в Тонкинге, при, несомненно, своеобразных обстоятельствах, но, тем не менее, таких, которые заставили людей забыть, по крайней мере на время, о легкомысленных победах союзников в 1860 году. Некоторые дальновидные писатели - мистер Генри Норман и мистер Керзон, последний из которых был одним из самых блестящих молодых государственных деятелей Соединенного Королевства, - действительно понимали, что под гладкой

поверхностью в Китае скрывается удивительная слабость и коррупция. Но они проповедовали в пустыне. Война только началась, когда один из наиболее информированных органов английской прессы, газета *Spectator*, заявила: "Мы думаем, что весомое мнение принадлежит тем, кто, как и мы, считает, что в случае необходимости Китай может организовать самую грозную армию". Такова была иллюзия, распространенная в Европе, и, как ни странно, разделяемая большинством иностранцев, живущих на Дальнем Востоке.

Развевая эти иллюзии и показав миру правду о дряхлости Китая, японские победы произвели почти эффект землетрясения. Европейская дипломатия предвидела, что война может привести к неприятностям, и лорд Розбери даже предложил державам в начале конфликта прийти к взаимопониманию с целью прекращения военных действий; но если премьер-министр королевы опасался, что осложнения в Корее могут привести к вмешательству России, то другие державы были не менее неблагоприятно настроены увидеть военно-морскую демонстрацию в китайских водах, в которой Англия должна играть ведущую роль. Поэтому было решено, что европейская дипломатия должна бездействовать и наблюдать за ходом событий, полагая, что Япония вскоре будет изгнана из Кореи, а японский и китайский флоты, ослабленные в одном или двух морских сражениях, потерпят полный крах из-за отсутствия бойцов. Однако когда осенью 1894 года китайские войска были уничтожены, Европа была поражена, настолько велико было ее удивление, не говоря уже об испуге. К весне 1895 года державы оправились от полученного шока, но их политика должна была измениться по отношению к державе, которую они считали грозной, но слабость которой теперь обнаружилась.

Англия, возможно, с излишней откровенностью, отвернулась от своего старого союзника Китая. В начале конференции она выступала в роли защитника Поднебесной, а газеты в это время рассказывали о любопытном инциденте, произошедшем перед Вэйхай-вэем, который собиралась атаковать японская эскадра. Британский флот нарушил их план, отсалютовав адмиралу Ито, вопреки всем прецедентам, до восхода солнца, благодаря чему спящие китайцы были предупреждены об опасности. Не раз англичане без колебаний угрожали японцам, особенно после того, как последние обстреляли британское торговое судно, перевозившее китайские войска.^[27] Нельзя было ошибиться в императивном тоне Англии, когда она дала понять японцам, что не желает, чтобы война распространилась на Шанхай и район Ян-цзы.

Но битва на Ялу и взятие Порт-Артура в одно утро войсками микадо открыли глаза кабинету Сент-Джеймса. Британия хотела получить на Дальнем Востоке, с одной стороны, политическую и даже военную опору, если потребуется, против царской империи - "засов, чтобы запереть дверь против амбиций русской экспансии", по меткому выражению герра фон Брандта, а с другой - широкий простор для ее торговли и капитала. Убедившись, что Япония, прочно обосновавшаяся в Корее и на северном побережье залива Пе-чи-ли, станет гораздо более эффективным "засовом", чем Китай, Англия стала благоволить японцам и в то же время советовать китайскому правительству оставить Пекин и утвердиться ближе к центру империи. Если Поднебесная перестала быть полезным союзником, она все еще могла стать великолепной добычей, полем необычайной экономической активности, так что перенос столицы в какой-нибудь пункт на берегах Ян-цзы, доступный по морю, например, в Нанкин, отдал бы Китай на милость верховной владычицы морей. Кроме того, англичане намеревались заставить Китай открыть свои порты, а их торговое превосходство и влияние, которое они уже установили на народы Дальнего Востока, вскоре позволили бы им извлечь значительную выгоду из этой революции.

Однако если в Лондоне осознали последствия китайского поражения, то в Петербурге они были не менее ощутимы, и последующие события доказали, что российская дипломатия оказалась на высоте. Правительство царя смотрело на войну с не меньшим неудовольствием, чем Англия, и предпочло бы, чтобы дальневосточный вопрос оставался в подвешенном состоянии до окончания строительства Транссибирской магистрали. Следует помнить, что цель, преследуемая Россией на Дальнем Востоке, абсолютно противоположна цели Англии и сосредоточена на одном вопросе - обеспечении открытого моря. Огромная царская империя не имеет ни одного порта в Европе, где "ключи от дома" находятся, так сказать, в руках других держав, а Англия пятнадцать или двадцать лет назад преградила ей путь на юг в Афганистан и Белуджистан. На Дальнем Востоке где-то в середине века Россия сумела спуститься с Охотского моря и продвинуться за счет Китая до Владивостока; но этот порт остается закрытым в течение двух месяцев из-за льдов, и Россия всегда рассматривала свои провинции на Амуре и в Литорали только в свете временных станций, откуда она намеревалась в будущем при благоприятном случае продвинуться дальше на юг. Между 1880 и 1886 годами сообщалось, что она собирается получить концессию где-нибудь в Корейском заливе или даже на острове Квельпарт, который находится в проливе, отделяющем эту страну от Японии. Чуть позже она, похоже, возжелала Порт-Артур или Талиен-ван, которые свободны ото льда и расположены на оконечности Ляо-тунского полуострова, что обеспечило бы ей выход в открытое море с тыльной стороны Кореи и другие преимущества. У узкого входа в залив Пе-чи-ли и всего в 50 милях от противоположного побережья Шань-тун находятся порты, которые дают большие преимущества как военно-морские станции, откуда быстрый транспортный флот мог бы легко доставить войска за двадцать четыре часа в Та-ку, а оттуда за четыре дня марша в китайскую столицу. Утвердившись в Порт-Артуре и имея достаточно места для локтя в Пе-чи-ли, Россия могла бы оказывать на китайское правительство в его нынешней столице даже более неодолимое давление, чем это могла бы сделать Англия, если бы ей удалось склонить императорский двор к переезду на берега Ян-цзы.

Несомненно, мечты России стали гораздо более амбициозными с тех пор, как она обнаружила, насколько слаб пекинский больной человек. Она больше не стремится к открытому порту на Тихом океане, но, по-видимому, негласно преследует цель полного господства над Срединным царством, особенно над его обширными зависимыми территориями в Туркестане, Монголии, Маньчжурии - словом, над всем Северным Китаем. А так как нрав москвичей всегда мечтателен, то кто знает, что на берегах Невы наследник Петра Великого уже не представляет себя на троне Солнца Небесного, повелевающим множеством подданных последнего, которые привыкли подчиняться чужеземному игу, и могли бы повиноваться царю так же беспрекословно, как и Чингисхану, даже как сегодня они платят дань вырождающемуся маньчжуру, и как они действительно поступили бы с микадо, если бы Европа не остановила дальнейшее продвижение японцев? Микадо, которого втянули в войну постоянные дерзости китайцев, а также оправданное желание защитить свои торговые интересы в Корее, тоже мог, опьяненный своими удивительными успехами, думать о том, что в один прекрасный день он сможет аннексировать Китай. Если бы эта война произошла пятьдесят или даже двадцать пять лет назад, когда Европа уделяла меньше внимания иностранным делам, вполне вероятно, что на смену маньчжурской династии пришла бы японская. Возможно, тогда "Желтая опасность" - военная "Желтая опасность", - которая сегодня является лишь химерой, могла бы стать вполне очевидной реальностью. Японцы, тщательно реорганизовав и дисциплинировав китайскую армию, могли бы в определенный момент выпустить свои бесчисленные полчища на западный мир; но если в 1895 году они позволили себе на мгновение помечтать о том, чтобы посадить своего императора на трон Пекина, то японцам не позволили долго предаваться этим приятным

мечтам и вскоре заставили почувствовать, как пристально и ревностно следит за их передвижениями европейская дипломатия.

По Симоносакскому договору, подписанному 2 апреля 1895 года, Поднебесная удовлетворила все требования своих завоевателей, признав при этом независимость Кореи и предоставив свободу действий Японии, чьи войска по-прежнему занимали эту страну. Если бы этот договор был ратифицирован в первоначальном виде, России пришлось бы надолго отказаться от надежд на выход в открытое море и, несомненно, увидеть, как ее влияние заменяет соперника в Пекине, который реорганизует Китай, возможно, во враждебном духе. Она не могла этого допустить, но и не смела проявлять инициативу сама, опасаясь, что внезапно окажется лицом к лицу с Англией и Японией. Поэтому еще до подписания мирного договора она вступила в сношения с Францией и Германией и постаралась дать понять этим державам, что водворение Японии на побережье так же вредно для их интересов, как и для ее собственных. Ей удалось склонить их к своему образу мыслей, и 22 апреля три державы направили микадо ноту, составленную в самых учтивых выражениях, умоляя его величество отказаться от своих притязаний на Ляо-тунский полуостров, поскольку установление его власти в этой стране может создать постоянную опасность для мира не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире. Поначалу микадо, судя по всему, был полон решимости сопротивляться любой ценой и отказываться от уступок. Его правительство бросило взгляд на Англию, чтобы узнать, можно ли рассчитывать на ее поддержку; но в то время кабинет Сент-Джеймса еще не решил, будет ли он открыто поддерживать Японию или нет. Возможно, на это повлияли абсолютно антияпонские чувства, испытываемые подавляющим большинством английских подданных, живущих на Дальнем Востоке, а также не исключено, что она не хотела помогать державе, которая со временем может стать опасным соперником ее собственного торгового господства. Поняв, наконец, что Англия не присоединится к трем великим державам и не поддержит микадо в его притязаниях, правительство Токио очень мудро согласилось, в то время питая сильную неприязнь к Англии, которая теперь оказалась изолированной на Дальнем Востоке. Тем не менее, недовольство Россией было настолько сильным, а чувство тревоги, испытываемое двумя островными державами при виде успехов, достигнутых Россией, настолько велико, что в короткое время между ними было достигнуто примирение.

Вмешательство того, что на Дальнем Востоке известно как Новый Тройственный союз, привело к последствиям, столь же серьезным и длительным, как и сама война. Его непосредственные последствия доминировали в дальневосточной политике до конца 1897 года, да и сейчас продолжают доминировать. Существенными чертами новой ситуации стали замена в Китае влияния России, ставшей теперь всесильной, влиянием Англии, антагонизм, возникший между Россией и Японией, и дружеские чувства, существующие теперь между этой последней державой и Англией. Мандарины и пекинский двор, ни на йоту не уступая своей гордости и твердой уверенности в превосходстве своей цивилизации, тем не менее, вынуждены были признать непоправимую слабость военной мощи Поднебесной. Если большинство не слишком заботилось о Китае как о своей стране, то все до единого считали его своей добычей, а значит, нуждались в защитнике от японцев, и они ходили из легации в легацию в поисках такового; поскольку их положение было отчаянным, они были вынуждены брать то, что могли получить, и, поскольку Россия была сговорчивой, они приняли ее дружеское предложение, даже несмотря на то что их новый союзник мог со временем стать властным хозяином. Это давало им время, и они рассчитывали своей хитростью, когда представится благоприятная возможность, поставить державы на уши. Вероятно, в глубине души они питают к московитской империи меньшую неприязнь, чем к любой другой европейской стране, и, более того, Китай имеет меньше трений с русскими,

чем с любой другой национальностью. Россия может попасть в Поднебесную через свою сухопутную границу через страны, очень малонаселенные жителями не китайской расы, которые не враждебны к чужакам, в то время как другие европейцы, прибывающие морем, сразу же сталкиваются с буйной толпой морских портовых городов, где малейший неосторожный поступок может привести к серьезным инцидентам. Кроме того, подданные царя проявляют большую терпимость, чем народы Запада. Они не испытывают того врожденного презрения к людям с другим цветом кожи, они более податливы к привычкам стран, в которых они обосновались, и не так бурно протестуют против мелких досадных неприятностей. Православная церковь также тщательно воздерживается от всякой пропаганды в Китае, и поэтому русское представительство избавлено от тех деликатных вопросов о правах и неправых миссионеров, которые так раздражают китайцев. Все это способствует замене русского влияния на английское.

Однако мы должны искать причины, побудившие Францию и Германию вступить под эгидой России в неожиданный союз вне связи с вопросом о Дальнем Востоке. Гармония, существующая между этими двумя державами, объясняется их желанием снискать благосклонность царя. Соперники в стремлении угодить ему, они обе благосклонно отвечали на все предложения, поступающие из Петербурга. Германия не имела политических интересов на востоке Азии, а Франция - лишь второстепенных, связанных с Индо-Китаем, и поэтому эти страны, не колеблясь, регулировали свою линию поведения на Дальнем Востоке в соответствии со своими политическими устремлениями в Европе и, чтобы угодить России, сразу же изменили свое прежнее несколько враждебное отношение. Во время войны обе державы были более или менее благосклонны к Японии.

Это изменение поведения было связано с большими жертвами, особенно в случае Франции, и означало разрыв ее старой дружбы с Японией, чья армия была сформирована французской военной миссией, а линкоры и арсеналы были в значительной степени построены и организованы французами, заслуги которых японцы признали вскоре после победы на Ялу, прислав выдающемуся военно-морскому инженеру М. Бертену большой кордон ордена Восходящего солнца. Франция не получила больших преимуществ от этой дружбы, но если она этого не сделала, то в большей или меньшей степени потому, что не желала этого, ибо несомненно, что союз микадо был предложен ей в 1884 году при условии, что она доставит к берегам Пе-чи-ли японский армейский корпус, предназначенный для похода на Пекин. Франция также имела право рассчитывать после войны на некоторые коммерческие преимущества, в частности, на важные коммерческие заказы своим крупным промышленным фирмам для обновления флота, сильно пострадавшего в результате войны. Поставив себя на сторону Китая, дружба с которым могла бы быть полезной, тем более что он был соседом, хотя и постоянно враждовал с ней, Франция отказалась от союза с единственной страной на Дальнем Востоке, которая олицетворяет собой прогресс и имеет будущее, и, более того, она буквально толкнула ее в объятия Англии, которая в один прекрасный день может использовать ее против французов.

Жертвы, принесенные Германией, были менее важны, поскольку она не могла рассчитывать на значительные преимущества на Дальнем Востоке. Начнем с того, что она воспользовалась возможностью сыграть политическую роль на сцене, где она никогда прежде не появлялась, но, будучи гораздо более коммерческой, чем Франция, она больше выигрывала от уступок, на которые был вынужден пойти Китай, и могла таким образом включить этот обширный рынок в сферу своей промышленной деятельности и коммерческого предпринимательства. Вмешиваясь в дела Дальнего Востока, молодая

Германская империя лишь повиновалась инстинкту внешней экспансии, который обязывает ее следить за своими политическими и торговыми интересами во всех частях света.

С другой стороны, действия трех континентальных держав представляли значительную опасность, усугубляемую воинственными намерениями командующих русским флотом. В 1896 году на Дальнем Востоке, несомненно, ходили слухи, подтвержденные мне самыми надежными свидетелями, что между 25 апреля, когда была представлена нота трех держав, и 5 мая, когда представители Японии объявили о своей согласии, Адмирал Тыртов, командовавший русским флотом и ставший впоследствии морским министром, предложил адмиралу де ла Бонниньеру де Бомону отправиться с ним навстречу японскому флоту, рискуя вызвать столкновение, в котором последний неминуемо потерпел бы поражение. Проявив благоразумие, французский адмирал, который уклонился от приглашения, заявив, что не получал никаких инструкций от своего правительства, и поэтому оттягивал решение вопроса как можно дольше, предотвратил агрессию, которая могла привести к ужасным последствиям, к резне в самой Японии русских и французских жителей и, кроме того, могла повлечь за собой крайне серьезные международные осложнения. Кто знает, может быть, общественное мнение в Англии было бы оскорблено таким поступком, и на следующий день после легкой победы над японцами союзники могли бы оказаться лицом к лицу с британским флотом?

Несомненно, что, встав на сторону России в вопросе, имевшем для нее лишь второстепенное значение, Франция подвергала себя серьезному риску войны не только с Японией, но и с Англией, войны, в которой она была заинтересована гораздо больше, чем Россия или Германия, и последствия которой ей пришлось бы переживать в одиночку. К счастью, благоразумие адмирала де Бомона сгладило гневные чувства русских военачальников, которые, однако, вновь проявились 8 мая 1895 года, в день, когда должен был состояться обмен ратификациями мирного договора между Китаем и Японией. В этот день русский флот стоял на рейде китайского порта Чефу, у входа в залив Пе-чи-ли, напротив Порт-Артура, где должен был состояться обмен ратификациями, готовый к бою в случае отказа Японии от принятия договора; в этом случае адмиралы договорились выступить против японцев у Та-ку, в устье реки Пей-хо, близ Вэй-хай-вэя, где их флот стоял на якоре. Вместе с русским флотом шли два германских крейсера, представлявшие германский флот на Дальнем Востоке; но адмирал де Бомон отплыл, оставив у Вэйхай-Вэя только *"Форфайт"*, тем самым ясно показав, что он не намерен участвовать в излишней демонстрации, которая привела бы только к усилению раздражения Японии против трех держав.

Эти воинственные демонстрации представляли собой необычайный контраст с чрезвычайно учтивым тоном нот, представленных Японии русским, французским и немецким министрами. Они убедили Японию в том, что в будущем ей придется считаться с постоянной враждебностью царя и что тайное желание петербургского правительства состоит не только в том, чтобы помешать ей утвердиться на азиатском континенте, но и в том, чтобы в конечном итоге полностью ее уничтожить. Любопытным образом Япония повернулась лицом к Китаю, который благосклонно принял ее приглашения. Дело в том, что в Пекине притязания России вызывали большую тревогу, и Ли Хун-чжан открыл свое сердце японскому консулу в Тянь-цине и умолял кабинет министров Токио дать примирительный ответ по вопросу о Ляо-туне, решить его дружественным образом и тем самым избежать увеличения ответственности, которая легла на его плечи. Китайское правительство, добавил он, находится в полной зависимости от русских и может быть спасено только Японией.

Было ли это замаскированным предложением услуг со стороны старого дипломата? Невозможно сказать. Ясно только одно: Цун-ли-Ямен предложил японскому министру М.

Хаяси вести прямые переговоры и предложить в качестве компенсации за Ляо-тун не репарации, а союз с Китаем и концессию на строительство железной дороги между Тянь-цинем и Пекином. Правительство микадо было склонно принять это решение, но три континентальные державы, то есть Россия, не рассматривали этот вопрос положительно. Для большей безопасности они желали, чтобы Япония не была связана только с Китаем, чтобы ретроцессия Ляо-туна не была обставлена оговорками, рассчитанными на затягивание дела, и, прежде всего, чтобы прекратилась дальнейшая японская оккупация Кореи. Поэтому они настаивали на том, что вопрос должен быть решен немедленно путем выплаты дополнительной компенсации в размере 30 000 000 таэлей, или 4 500 000 фунтов стерлингов, подлежащей выплате 18 ноября 1895 года, причем эвакуация Японии должна произойти в течение трех месяцев.

Япония была вынуждена принять эти предложения в результате обмена нотами, подписанными 19 октября, и, кроме того, согласилась немедленно вывести свои войска из Кореи. Попытка примирения и союза с Поднебесной провалилась, но с тех пор язык японской прессы и многих ее государственных деятелей доказывает, что в Токио не отказались от этой идеи, и если им не удалось конфисковать Китай в пользу микадо, то японцы желают видеть ее в положении, позволяющем противостоять давлению других держав и существовать за счет собственных ресурсов. После выплаты репараций Япония попыталась получить от Китая официальное обещание, что он никогда не уступит другой державе территории, которые она была обязана восстановить. Но влияние России было уже слишком прочным, и обещание было отвергнуто. Новая политическая линия поведения, которой европейские державы и те, кто поначалу пришел ей на помощь, собирались придерживаться в отношении Китая, теперь была открыто разработана. Если у Заходящего солнца теперь больше поклонников, чем у Восходящего, то это, конечно, не результат рыцарского бескорыстия - скорее наоборот.

ГЛАВА IX

РОССИЯ, ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1895-97 ГОДАХ

Ближайшие результаты войны - Получение важного китайского займа - Россия становится гарантом для Китая, взамен получает право на строительство Маньчжурской железной дороги - Возможности русской дипломатии в Корее - Ошибки и злоупотребления японцев в этой стране - Революция в корейском дворце в Сеуле - Король Кореи под защитой России - Преобладание влияния москвичей на Дальнем Востоке в начале 1897 года - Важные преимущества, полученные союзниками царя - Очевидное бескорыстие Германии - Договор с Францией, подписанный 20 июня, 1895 г. - Энергия французского министра - Французский протекторат над католиками Востока - Попытки Англии в 1896 г. восстановить свое влияние в Пекине - Англо-китайская конвенция, 4 февраля 1897 г. - Открытие реки Вест для европейского судоходства - Несколько новых уступок, предоставленных Франции в 1897 г.

В событиях, произошедших на Дальнем Востоке после войны и приведших к нынешней ситуации, можно выделить две различные фазы, характеризующие жестокую агрессию Киао-чау. Первый длится с весны 1895 года по осень 1897 года, и на нем державы, придя на помощь Китаю, добились от него уступок в обмен на свои добрые услуги, при этом притворяясь умеренными в своих требованиях.

В целом, самым важным последствием войны стало образование большого внешнего долга. До сих пор Китай брал в Европе лишь незначительные займы в несколько миллионов

франков. Во время военных действий ее внешняя задолженность выросла до 7 000 000 фунтов стерлингов, что было сущим пустяком, к тому же кредиторы имели прекрасное обеспечение; но военная компенсация и другие неотложные расходы, необходимые для восстановления страны, достигли 48 000 000 фунтов стерлингов, так что теперь проценты по этому долгу, при ставке в 5 %, поглотили бы 2 400 000 фунтов стерлингов, а если добавить к ним задолженность по уже существующим займам, то эта цифра достигла бы примерно 2 800 000 фунтов стерлингов, что эквивалентно почти всему таможенному доходу. Таможенные пошлины выплачиваются в серебре, но при размещении значительного займа на европейском рынке было бы совершенно необходимо оговорить, что проценты должны выплачиваться в золоте. Таким образом, возникает естественный вопрос, могут ли, учитывая столь малую маржу, колебания стоимости серебра, которые уже привели к падению *хай-кванского* таэля с 6s. 7d., его стоимости четверть века назад, до 2s. 10 d., среднего курса с 1897 года, не приведет ли рано или поздно к тому, что таможенные поступления окажутся недостаточными для выплаты недоимок. Никто в здравом уме не станет ссужать Китаю деньги под залог его общих ресурсов, и, следовательно, он будет вынужден предоставить своим кредиторам новые ценные бумаги и передать в их руки управление новыми отраслями доходов. С другой стороны, лишившись около 2 800 000 фунтов стерлингов из общего дохода, который, по самым оптимистичным оценкам, составляет 24 000 000 фунтов стерлингов, она должна была бы искать новые каналы для пополнения своих доходов либо путем увеличения налогов, либо разрешив иностранцам эксплуатировать ресурсы страны, предоставив им железнодорожные и горнодобывающие концессии на основе аренды или совместного получения прибыли. Первое предложение рисковало оказаться непопулярным; второе было более заманчивым, но оно означало внедрение в страну той самой западной цивилизации, которой китайское правительство всеми силами противостояло на протяжении последних пятидесяти лет.

Денежные трудности Поднебесной привели к возобновлению вмешательства европейцев в ее дела, хотя бы в части сбора налогов, а также к своеобразному финансовому эмбарго, опасность которого в достаточной мере проявилась в таких странах, как Египет. Правительство Пекина прекрасно понимало это, поэтому не жалело усилий, чтобы добиться снижения суммы военной компенсации в 34 500 000 фунтов стерлингов, и даже пыталось договориться с Японией о ретроцессии Ляо-туна без дополнительных выплат.

Огромное значение этого денежного вопроса нигде не понимали лучше, чем в Петербурге, и нельзя не восхищаться смелостью и умением политики, проводимой Россией. То, что такие страны, как Франция и Англия, буквально переполненные деньгами, решились обеспечить себе перевес в Китае с помощью финансовых маневров, не вызывает удивления; но то, что Россия, уже имевшая большой государственный внешний долг в размере более 240 000 000 фунтов стерлингов, оказалась достаточно проницательной, чтобы подчинить Китай своего рода вассалитету с помощью денежных услуг, которые она ей оказывала, было действительно виртуозным достижением.

Царский министр финансов М. де Витте, разработавший эту удивительную схему и доведший ее до триумфального завершения через голову министра иностранных дел, проявил редчайшие политические способности и прозорливость в сочетании с деловой хваткой. Россия не могла одолжить Китаю денег, но она была готова стать его гарантом, что позволило Поднебесной при поддержке главных банков Парижа, где российские средства были на пике популярности, разместить заем в размере 16 000 000 фунтов стерлингов под 4 процента, выпущенный по цене девяносто четыре, то есть по той же эмиссионной цене, по которой до предоставления этого обеспечения французские и немецкие финансовые дома

предлагали привлечь заем под 5 процентов. Таким образом, годовой процент, который должен был выплачивать Китай, благодаря вмешательству России, был снижен на пятую часть, а Поднебесная, хотя и получила выгодную сделку, в то же время совершила серьезную политическую ошибку.

Приняв в качестве гаранта иностранную державу, китайское правительство поставило себя в зависимость только от нее и подвергло свою финансовую и, главное, политическую независимость гораздо большей опасности, чем могло бы, если бы вело переговоры напрямую с отдельными капиталистами разных национальностей, давление которых в случае неуплаты было бы значительно ослаблено неизбежными разногласиями, существовавшими между их правительствами. Эту опасность, по-видимому, хорошо понимали в Пекине, где необходимые документы не были подписаны до истечения последнего дня отсрочки, предоставленной Россией, и то лишь под сильным давлением, поскольку китайское правительство, очевидно, не смогло найти помощи в других местах.

Правительство Санкт-Петербурга, довольное этим успехом, продолжило укреплять свою политику в Китае дальнейшими финансовыми операциями и при содействии Банка России создало Русско-Китайский банк, парижские финансисты предоставили большую часть капитала, но оставили управление делами почти исключительно в русских руках. Comptoir d'Escompte передал свои агентства в Китае России, а новый банк в то же время основал филиалы в Пекине, Тянь-Цзине, Шанхае и Ханькоу. С тех пор этот банк продолжает оставаться главным агентом российского влияния в Китае, и, несомненно, именно при его посредничестве Россия сначала почти полностью договорилась о концессии Восточно-Китайской железной дороги, что позволило ей продолжить Транссибирскую магистраль на юг через Маньчжурию, сократив таким образом первоначальную линию на несколько сотен миль и дав ей возможность пройти в 350 милях от залива Пе-чи-ли. Кроме того, Россия, , получила разрешение на защиту этих сооружений своими войсками, что позволило ей стать хозяйкой Маньчжурии, откуда она могла господствовать над Пекином до тех пор, пока события не позволят ей занять Ляо-тун.

В то время как Китай исправно платил ей за ее услуги, Россия не менее активно действовала в Корею. Японцы, оккупировавшие эту страну, совершали ошибку за ошибкой. Они попытались навязать корейцам самые разнообразные и радикальные реформы. Многие из них, возможно, были достаточно полезны, но их следовало вводить с осторожностью; другие были излишни и сильно раздражали народ, нанося урон его самым заветным обычаям и традициям. Корейцы, хотя и не отличаются особой чистоплотностью в своих привычках, неизменно одеты в белое, к тому же прирастились курить очень длинные трубки и закручивать волосы в огромный шиньон, который они дополняют огромной широкополой шляпой, макушка которой настолько мала, что они вынуждены прикреплять ее к голове длинной веревкой. Микадо издал закон, запрещающий длинные трубки, шиньоны и широкополые шляпы, и, кроме того, распорядился, чтобы традиционный белый халат отныне был заменен на темно-синий, который обычно носят японцы. Говорят, что этот прискорбный инцидент стал результатом убеждения, что корейцы, вынужденные держать трубку одной рукой, а другой балансировать на огромных шляпах, никогда не смогут стать трудолюбивыми. Как бы то ни было, японские часовые у ворот Сеула сделали жизнь несчастных корейцев невыносимой. Вооруженные большими ножницами, они набрасывались на несчастных крестьян, когда те входили в город по пути на рынок, и обрезали не только веревки их монументальных шляп, но и отрезали их любимые шиньоны, укорачивали по крайней мере на три четверти длины ножки их трубок - произвольные меры, рассчитанные на то, чтобы разбить их сердца от унижения и досады. Не стоит удивляться,

что такое невежливое поведение, дополненное периодическими актами насилия, вскоре вызвало негодование и ненависть туземцев, в остальном очень мягких и миролюбивых людей. 7 октября 1895 года корейская королева была убита в своем дворце наемными убийцами, находящимися на службе у японцев и при пособничестве легации. Король Ли Хси, в лучшем случае очень жалкое существо, чье правление было сплошной тканью придворных интриг и дворцовых революций, после убийства королевы впал в оцепенение, полностью отрекся от своей царской власти и настолько деградировал, что даже согласился подписать указ, оскорбляющий память покойной королевы и обвиняющий ее в позорных преступлениях. Невинные люди были казнены в Сеуле как виновные в убийстве, в то время как настоящие убийцы были оправданы самозванным японским трибуналом.

Тем временем Россия очень ловко воспользовалась всеобщим недовольством и скрытно предложила свои услуги робкому королю, который ужасно боялся не только японцев, но и своего отца, Тай-вен-куна, свирепого старика, чьи амбиции уже более двадцати лет будоражили Корею, и которого туземцы возвели во власть. Его Величество, казалось, был склонен принять русское предложение, но не осмелился покинуть свой дворец, в котором его держали как узника. Последовал бунт, стихийный или спровоцированный, так и не выяснено, который в ночь на 11 февраля 1896 года предоставил ему шанс на побег. Тай-вэнь-кун был убит, а Ли-Си укрылся в российском легате, который в то время охранялся отрядом моряков, только что высадившихся в Чемульпо, порту Сеула, без каких-либо попыток со стороны японцев помешать им. Ли Си, оказавшись в безопасности в доме русского министра, где нашли убежище все члены корейского правительства, повел себя как король в комической опере и стал игрушкой России, точно такой же, какой он недавно был у Японии. Он немедленно отменил все подписанные им ранее реформаторские указы и аннулировал указ, унижающий память несчастной королевы, суд над убийцами которой проходил в Высоком суде под председательством судей, отобранных из представителей различных европейских национальностей, в результате чего ответственность за ее убийство была возложена на японцев.

Реакционное движение теперь стало жестоким, и многие полезные реформы были вынуждены исчезнуть. Для изучения реформ был назначен комитет, состоявший из высших туземных чиновников, британского таможенного контролера и нескольких американцев, но они собирались всего два-три раза, и ничего не вышло, так что через несколько месяцев все старые злоупотребления появились вновь. Тем не менее, благодаря своему мудрому поведению, Россия сумела склонить на свою сторону иностранных представителей в Корее, и Япония, чтобы сохранить остатки своего влияния в стране, торговля которой находилась в основном в ее руках, и где проживало не менее 10 000 ее подданных, была вынуждена пойти на соглашение с Россией. Сеульская конвенция, подписанная 14 мая 1896 года представителями двух держав, дополненная конвенцией от 29 июля, заключенной в Москве во время коронации Николая II и составленной принцем Лобановым и маршалом Ямагатой, предоставляла Японии лишь право держать в Корее 1000 солдат для охраны японских телеграфных проводов между Фусаном и Сеулом и ее подданных, поселенных в столице и в открытых портах Фусан и Генсан. Россия получила те же права и, кроме того, концессию на строительство телеграфной линии от Сеула до сибирской границы.

Обе державы согласились также оказать корейскому правительству поддержку в реорганизации его финансов и в создании достаточной полиции для поддержания порядка, а также разрешить, как можно скорее, вывод своих гарнизонов. Внешне это был своего рода русско-японский *кондоминиум*, который был установлен в Корее; но русское влияние, теперь уже всемогущее при короле, не встретило больше препятствий после восстановления

государя в его дворце в феврале 1897 года. Также был издан указ, предписывающий, чтобы все железные дороги, которые будут построены в Корее, имели ту же ширину, что и Транссибирская магистраль, и чтобы долг в 300 000 фунтов стерлингов, заключенный Кореей с Японией, был погашен, и, кроме того, чтобы никто, кроме русских инструкторов, не был привлечен к реорганизации корейской армии, что Япония считала явным нарушением Московского договора.

Таким образом, в начале 1897 года влияние России было абсолютно преобладающим как в Корее, так и в Китае. В обеих странах царское правительство с необычайным умением играло роль защитника завоеванных от злоупотреблений завоевателя, а также роль исправителя несправедливостей, чем снискало всеобщее одобрение на всем Дальнем Востоке. Японские победы теперь казались только выгодными для России, которая повсюду заменила Японию, как в Маньчжурии, так и в Корее, и таким образом получила значительную выгоду от войны, не понеся никаких расходов. Если при ее окончании Россия имела благоразумие, чтобы понять преимущества, которые она могла извлечь из вмешательства, и если она действовала энергично и решительно, то она знала также, как обуздать стремительность своих адмиралов, которые стремились совершить те самые ошибки, в которые впала Япония, что, несомненно, привело бы к очень серьезным европейским осложнениям. Поэтому она сначала воздержалась от аннексии Ляо-тунского полуострова и важных станций Порт-Артур и Талиен-ван, которые она вынудила японцев эвакуировать, и официально не делала никаких аннексий в Корее; Но, обладая правом построить железную дорогу через Центральную Маньчжурию и защищать ее сооружения своими войсками, будучи в то же время хозяйкой положения в Сеуле, Россия могла в нужный момент аннексировать либо Корею, либо Ляотун, и вывести Транссиб в открытое море через один или другой из этих двух полуостровов. Она колебалась, что выбрать: первый был ближе к Пекину, второй выводил ее непосредственно к Тихому океану, откуда она могла одновременно угрожать устью Ян-цзы и юго-востоку Японии. В Петербурге, однако, казалось, что правительство ждет завершения строительства Транссибирской магистрали, которое велось с большой поспешностью и, как ожидалось, достигнет Амура в первые месяцы 1900 года, прежде чем наступит психологический момент для нанесения решающего удара.

На фоне огромных преимуществ, приобретенных Россией, те, что получили ее союзники, казались незначительными. Германия не проявляла себя требовательной; все, что она просила, - это несколько акров земли в Тянь-Цзине и других морских портах, где она могла бы создать независимые концессии, призванные удовлетворить ее чувство собственного достоинства. Отсутствие особых концессий до сих пор не мешало Германии добиваться необычайного коммерческого успеха в Китае, но будущее докажет, что Германская империя вынашивает на Дальнем Востоке великие замыслы, осуществление которых лишь откладывается.

Что касается Франции, то она получила в обмен на свои услуги две конвенции, подписанные в Пекине ее министром М. Жераром 20 июня 1895 года. Первый из этих документов предоставляет разнообразные возможности для расширения ее торговли на границе между Китаем и Индо-Китаем; второй ратифицирует, в ее пользу, пограничные границы. К городам Монг-Цзе и Лунг-Чау, открытым для франко-аннамской торговли в 1887 году, добавился новый рынок - Семао, в Юньнани. Таможенные пошлины на товары, ввозимые или вывозимые с этих рынков и проходящие через Тонгкинг, уже сниженные до трех четвертей тарифа морской таможни 1887 года, были вновь снижены примерно до двух пятых общего тарифа, если речь шла о товарах, экспортируемых из любого другого китайского порта или предназначенных для обратного ввоза в любой из этих портов. В статье 5 этой Конвенции

есть следующий отрывок: "Условлено, что Китай, при эксплуатации рудников, находящихся в провинциях Юньнань, Куан-си и Куан-тунг, может обращаться, прежде всего, к французским купцам и инженерам, причем эксплуатация будет подчиняться правилам, установленным Императорским правительством во всем, что касается национальной промышленности. Согласовано, что железные дороги, которые уже существуют или будут построены в Аннаме, могут быть, по взаимному согласию, продолжены на китайскую территорию". Наконец, было также оговорено, что французские и китайские телеграфные линии должны быть объединены. Конвенция о границе определенно расширила французские владения до восточного берега верхнего Меконга, тем самым передав Франции территорию, расположенную на границе Шанского государства Сиенг-Хонг. Англия в 1894 году признала право сюзеренитета Китая над этим маленьким княжеством, а также над одним или двумя другими, создав тем самым своего рода нейтральную зону между своей Индийской империей и французским Индо-Китаем.

Во Франции много говорили об этой конвенции и о том, как энергично французскому министру в Пекине удалось добиться этих уступок под самым носом у своего английского коллеги, сэра Николаса О'Коннора. Переговоры были завершены, и в день, назначенный для обмена подписями, М. Жерар отправился в Цун-ли-Ямэнь, где, однако, из двух китайских полномочных представителей присутствовал только один. Этот человек принес глубокие извинения за неявку своего коллеги. Ничто не должно было помешать ему быть здесь, - ответил французский дипломат. Молю вас, найдите его немедленно и скажите ему об этом". Через несколько мгновений после этого второй Небожитель появился в одиночестве и выглядел очень смущенным. А ваш коллега, он вернется?" - спросил М. Жерар. Нет; Я боюсь, что его задержали, и он не сможет вернуться. Мне пойти за ним?" "Прошу прощения, - проникательно ответил М. Жерар, - я задержу вас здесь, а сам отправлюсь на поиски вашего друга". Через час или около того оба небожителя были наконец собраны вместе и, когда их попросили объяснить свое медлительное поведение, заявили, что в соседней комнате находится британский министр, который угрожает, если они осмелятся подписать договор, немедленно спустить свой флаг. Месье Жерар вскоре смог убедить уполномоченных Поднебесной, что им нечего бояться, но они должны немедленно поставить свои подписи под документом. Сэр Николас О'Коннор, заверил он их, убедившись в тщетности своих запугиваний, вскоре переключит свое внимание на другие дела. Этот анекдот, хотя и свидетельствует об энергии французского министра и демонстрирует его знание китайского характера, подчеркивает ослабление влияния Англии в Китае в 1895 и 1896 годах, а также раздражение, которое эта держава испытала в связи с ратификацией французской границы и ее расширением в сторону Меконга. Подтвердив ее, Китай, правда, нарушил обязательства, взятые на себя, когда Англия признала ее положение в Сиенг-Хонге, но это не касалось Франции, поскольку государство, о котором идет речь, было таким же вассалом Аннама или Сиама, как и Бирмы или Китая.

Какова реальная стоимость торговых уступок, предоставленных Франции Китаем, и о которых так много писала ее пресса? Снижение пошлин на все товары, проходящие через Тонгкинг, имело бы большое значение, если бы соседняя китайская провинция была богатой, но, к сожалению, все обстоит совсем наоборот. Теперь настало время взглянуть на регион, который можно снабжать и эксплуатировать через Тонгкинг. Он включает в себя большую часть Юньнани и Кван-си, южную половину Квей-чау и небольшую часть Кван-тунга, той длинной и узкой полосы территории, которую эта провинция проецирует на границу Тонгкинга между морем и Куан-си. Юньнань, Кванси и Квейчау - три самые бедные провинции Китая, они занимают пятую часть его территории, но при этом имеют едва ли пятнадцатую часть населения, или, другими словами, около 24 000 000 человек из 380 000

000. К сожалению, они были опустошены великим восстанием тайпинов и магометанскими восстаниями, особенно Юньнань; страна представляет собой лишь конгломерат гор и плато, некоторые из них высотой 6 500 футов, и, того, коммуникации очень скудны, а их улучшение обошлось бы в огромную сумму. В отчете Лионской миссии, исследовавшей эту часть Китая в 1895-97 годах, часто упоминаются большие транспортные трудности и крутизна подъемов, таких, например, как знаменитая Императорская дорога Десяти тысяч ступеней, по которой вы поднимаетесь с берега Красной реки на плато Юньнань, между Маньхао и Монг-цзе, и которая на расстоянии всего 30 миль поднимается с 485 до более чем 6500 футов. В нем также упоминается о скудости населения, в отличие от его избытка, в бассейне Ян-Цзе-Кианг и в прибрежных провинциях. На Дальнем Востоке горы почти всегда бесплодны, даже если на равнине под ними очень мало пригодной для обработки земли. Говорят, что Юньнань чрезвычайно богата минеральными рудами, но, как однажды заметил один острый наблюдатель, недавно посетивший почти весь Китай, когда исследователи не находят ничего достойного внимания на поверхности страны, они обычно приходят к выводу, что под землей должно быть что-то, что стоит искать. Несомненно, в Юньнани уже много лет разрабатываются медь и олово, но пока реальное богатство этих рудников неизвестно, и утверждать, стоит ли их разрабатывать или нет, или стоит ли строить железную дорогу длиной в 300 миль для перевозки руды, было бы лишь предположением, поскольку эти китайские провинции на границе с Тонкингом не производят ни шелка, ни чая, ни других ценных экспортных продуктов Китая, и в настоящее время не представляют собой особенно блестящих перспектив. Что касается статьи 5, касающейся рудников, то если воспринимать ее в буквальном смысле, то это просто афоризм, но если в ней обнаружить замаскированное обязательство и прочитать "должен" вместо "может", то это нарушение пункта о предоставлении наибольшего благоприятствования, включенного во все китайские договоры с европейскими державами. Франция вскоре должна была признать его тщетность 15 января 1896 года, во время подписания англо-французского договора, касающегося дел Сиамы, по которому, правда, она мало выиграла от трудных обстоятельств, в которых тогда оказалась Великобритания, и два правительства Парижа и Лондона согласились, что все права и привилегии, приобретенные или подлежащие приобретению либо в Юньнани, либо севернее, в Се-чуане, должны быть разделены поровну.

Таким образом, выгода, которую Франция могла бы извлечь из конвенции 20 июня 1895 года, была сведена к минимуму или к нулю. В течение следующего года переговоры, которые настойчиво велись в Пекине, привели к другим результатам. Право на реконструкцию арсенала в Фучжоу, созданного французами в 1866 году и разрушенного ими в 1884 году при адмирале Курбе, было им вновь возвращено. В настоящее время там работают несколько морских инженеров, а французские литейные заводы поставляют материалы. Такова была доля Франции в концессиях, сделанных Китаем, для получения которых нации делали такие лестные авансы Ли Хун-чану, когда этот проницательный старый джентльмен совершал свое недавнее знаменитое турне по Европе и Америке. Это, конечно, в какой-то мере компенсировало потерю обычаев Японии, которая в свое время часто давала заказы на французские фабрики, но теперь закупает корабли и пушки, необходимые для ее значительно увеличившегося флота, исключительно в Англии и Америке.

Тем временем французский министр в Пекине приложил немало усилий на благо католических миссионеров. Он добился отмены постановлений, запрещавших миссионерам приобретать поместья во внутренних районах Китая, и получил обещание, что следующее издание "*Та-цин-лу-лие*", сборника законов, изданного династией Цин, не будет содержать списка наказаний миссионеров, содержащегося в издании 1892 года. Наконец, он добился

разрешения для лазаристов восстановить на том же месте собор в Тьен-цине, сожженный во время резни миссионеров и монахинь во время восстания в июне 1870 года.

Безусловно, именно как защитница католицизма Франция в последние годы наиболее достойно играет свою роль на Дальнем Востоке. Возможно, она не знала, как обратить в свою материальную пользу то влияние, которое должно было быть получено в Китае благодаря ее религиозной позиции, и, несомненно, французской политике в Поднебесной не хватало предприимчивости. Она определенно не получила от интервенции в пользу Китая выгоды, пропорциональной понесенным рискам, и получила от него не только меньше, чем ее союзница Россия, но даже чем Англия, и, бесполезно противодействуя требованиям этой последней державы, рисковала без всякой пользы вызвать раздражение, которое разделяет эти две великие западные нации.

После периода бездействия в течение года, последовавшего за войной, британское правительство, если и не завоевало свое прежнее влияние, то, по крайней мере, вновь обрело слух в Пекине. Хотя Китай трепетал перед Россией, присутствие в его водах британского флота не преминуло внушить ей чувство глубокого уважения; но, как только первый момент тревоги прошел, она снова решила как можно скорее начать прежнюю игру в маятник между различными державами. Медленная работа британской дипломатии в течение 1896 года увенчалась подписанием англо-китайской конвенции от 4 февраля 1897 года, по которой Китай уступил Великобритании некоторые важные изменения на бирманской границе; вернул ей часть Шанских штатов; признал ее право на учреждение консула где-нибудь в Западной Юньнани, Маньвэнь или Чаннинг-фу; обязался открыть дороги, ведущие к этим местам, а также к другим; и, наконец, разрешил объединить железные дороги, которые будут построены в Юньнани, с бирманскими. Наконец - и это самый важный момент - отдельная статья предписывала, что река Си-Кианг, или Западная река, протекающая через Кантон, должна быть открыта для европейского судоходства вплоть до Вучоу, на границе Кванг-Си и Кванг-Тунга, в 125 милях от Кантона. Два речных порта - Самшуй и Вучоу - стали договорными портами, и там были созданы европейские концессии.

Для Англии это была некоторая компенсация за те неудобства, которые она испытала двадцатью месяцами ранее, во время заключения Жерарской конвенции. Таким образом, если в Юньнани, несмотря на равенство прав Великобритании и Франции, преимущество было на стороне последней, в силу природных условий, делающих доступ из Тонкинга менее трудным, чем из Бирмы, то открытие Западной реки стало проверкой для французской политики, которая энергично противилась этому. По этому водному пути европейские суда, то есть почти исключительно британские пароходы из Гонконга, могли, прежде всего, торговать с богатой долиной нижнего Си-Кианга, которая пересекает Кванг-Тунг и возвращается к границе Кванг-Тунга, где они встречаются с джонками, которые доставляют сюда по небольшой цене разнообразные продукты этой провинции, и, кроме того, доставляют товары из Гонконга в крайние судоходные пункты Западной реки и ее притоков. Эти пункты расположены на большом расстоянии в глубине страны, почти на границе Юньнани и Тонкинга, а в Лунг-чау, в тридцати милях от Ланг-сона, во время прилива можно увидеть джонки из Кантона. Таким образом, вся торговля Квангси, о которой так мечтала Франция, должна была осуществляться через этот новый канал.

Французская дипломатия постаралась исправить неблагоприятное впечатление, произведенное этим англо-китайским договором, который уничтожил большую часть преимуществ, уступленных ей на границе Тонкинга, и в июне 1897г, В июне 1897 года в Париже было заявлено, что Китай уступил Франции право построить железную дорогу от

Лао-Кай, на Красной реке, между Тункингом и Юньнань-Хсиеном, столицей Юньнани, и продлить ее до Наньнин-Фу и даже на север, за линию, проложенную до Ланг-Сона и Лунг-Чау. Эта последняя концессия должна сохранить за Францией весь трафик западного Кванси, при условии, что для его получения действительно стоит построить железную дорогу; ведь, несомненно, судоходные реки имеют явное преимущество перед железными дорогами в столь гористой и бедной стране. Как только первые будут открыты, по ним можно будет плавать, тогда как для строительства железных дорог, которые, к тому же, очень дороги, потребуется время. В феврале 1898 года я смог лично убедиться, что Си-кианг уже пересекается пароходами, в то время как железная дорога от Ланг-сона до Лунг-чау, концессия на строительство которой была выдана в 1896 году, даже не была начата из-за многочисленных трудностей, возникших с местными властями. Открытие в 1899 году Наннинга для иностранной торговли вполне рассчитано на то, что Франция лишится даже этого небольшого трафика, который вернется в Кантон.

ГЛАВА X

КИТАЙ И ДЕРЖАВЫ, 1897-99 - "СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ" И "ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ"

Политическое спокойствие на Дальнем Востоке в течение лета 1897 г. - Постановочное регулирование вопросов, разделявших державы, и сохранение старых китайских методов - Высадка немцев в Киао-чау в Шань-туне в 1897 г. - Гнев Англии по поводу этого акта и ее усилия предотвратить возможные действия России в Пе-чи-ли - Англо-китайская конвенция в феврале, 1898 г. - Открытие всех водных путей для европейского судоходства - Политика "открытых дверей" - В марте 1898 г. Китай признает оккупацию Киао-чау и уступку железной дороги, предоставленную Германии в Шань-туне - Уступка России в аренду Порт-Артура, и немедленную оккупацию этого порта - Франко-китайская конвенция, апрель 1898 года - Различные конвенции, предоставленные в южных провинциях и сессия залива Кван-чау-ван - Ирритация Великобритании, которая получает новые и важные преимущества в июне 1898 года - Владение Вэй-хай-вэй на входе в провинцию Пе-чи-ли, и Коулун, напротив Гонконга - Новые англо-русские трудности в ноябре 1898 года - Железные дороги и другие концессии, предоставленные иностранцам по всей Поднебесной.

После дипломатических разборок, последовавших за войной, летом 1897 года на Дальнем Востоке наступило затишье. Каждая из европейских держав, заинтересованных в Китае, - Россия, Франция и Англия - получила свою долю трофеев. Доля Германии, как правило, считалась скромной, но полагали, что она не имеет политических интересов в Поднебесной и вполне довольствуется развитием своей торговли. Тем временем Россия и Япония уладили свою ссору в Корее. Несомненно, их договоренности не носили определенного характера, а взаимные амбиции скорее дремали, чем удовлетворялись; но уже полученные преимущества и приготовления, которые обеим странам предстояло сделать, чтобы быть готовыми, когда они захотят вернуться к игре, казалось, обещали передышку на несколько лет вперед. Россия строила свою железную дорогу, которая, несмотря на все старания, приложенные к ее завершению, должна была достигнуть Амура не раньше конца 1899 года, а Тихого океана - не раньше 1903 или 1904 года. Япония, готовясь к тяжелой работе по реорганизации Формозы, вооружалась до зубов, чтобы быть готовой к неприятностям с Россией, которые, как она опасалась, были неизбежны. Она удвоила свою армию и приказала построить в Европе и Америке первоклассный флот, который должен был обеспечить ее морское господство у берегов Китая, но который не мог быть готов до 1904 или

1905 года. Франция, окончательно умиротворив Тонкин, была занята изучением маршрутов различных железнодорожных линий, которые были ей уступлены. Англия ускоряла строительство своих железных дорог в Бирме и отправляла свои пароходы на Западную реку, в то время как ее капитал, объединенный с капиталами Германии и Америки, имел большую долю в промышленном движении, которое возникло в Шанхае и, казалось, могло распространиться на другие порты, особенно после заключения договора в Симоносаки.

Сам Китай, воспользовавшись этим затишьем, вернулся к своим старым сонным привычкам: он ничему не научился и ничего не забыл. Когда в 1896 году ее главный государственный деятель Ли Хунчжан был отправлен в Европу и Америку, это произошло не только потому, что он, благодаря своему долговременному общению с иностранцами, был лучше других подготовлен к переговорам с ними, но главным образом потому, что он находился в опале. Эта миссия была предложена принцу Кунгу и даже принцу Чингу, дядям императора. "Что мы сделали, - вероятно, воскликнули эти выдающиеся личности, - чтобы нас подвергли такому унижению и отправили с миссией к варварам? Поэтому турне Ли Хун-чжана было суровым наказанием, дополненным потерей павлиньего пера и желтой куртки. Если наблюдения, которые ему приписывают в отношении прогресса, верны, его влияние, несомненно, уменьшилось, возможно, из-за превратностей, которым он подвергся после возвращения в Китай. Как бы то ни было, ясно одно: до сих пор ему не удалось преодолеть ни придворные предрассудки, ни предрассудки подавляющего большинства литераторов.

Единственный прогресс, которого удалось добиться, - это разрешение на строительство под руководством английских и американских инженеров линии от Тянь-цзиня до Пекина, небольшое продление за пределы Великой стены той, что начинается от Тянь-цзиня и устья Пей-хо и поднимается на север вдоль побережья Пе-чи-ли, и разрешение на реконструкцию небольшой линии от Шанхая до его глубоководного порта У-сун. Эти работы, организованные в тех частях империи, которые наиболее часто посещают европейцы, в большом открытом порту Шанхая, где проживает половина иностранного населения Китая, и в столице, резиденции дипломатического корпуса, были рассчитаны на создание иллюзорного эффекта. Возможно, англичане также хотели соединить Пекин с морем, над которым они господствовали как на Дальнем Востоке, так и в других местах, чтобы досадить России за то, что она обосновалась в Маньчжурии. Более длинная железная дорога от Пекина до Ханькоу, проходящая через 650 миль сердца Китая, проектировалась с 1889 года, и китайскому директору железной дороги по имени Шэн было приказано сотрудничать в вопросах ее строительства с Ли Хун-чаном и его соперником, знаменитым Чан-Чи-Тунгом, вице-королем Ханькоу. Шэн, по всей вероятности, более прогрессивный, чем Ли Хунчжан, действительно желал построить эту линию; но он настаивал на том, что материал должен быть произведен в Китае, и для этого он построил в Ханьяне, недалеко от Ханькоу, и своей столице У-Чанг, трех городах, которые в действительности образуют один огромный город, огромный литейный завод, который, во всяком случае, в течение многих лет, вряд ли сможет обеспечить необходимый материал. После войны объединенными усилиями министров Франции и Бельгии было получено разрешение франко-бельгийского финансового синдиката на строительство линии для китайского правительства, а затем и на ее эксплуатацию. Однако на этом пути возникли препятствия, и хотя китайцы приступили к работам на пекинской стороне, осенью 1897 года они были остановлены из-за трудностей, возникших в связи с толкованием некоторых пунктов контракта. Это была старая история китайского неповоротливого усердия, и ни одна из предложенных реформ, ни гражданская, ни военная, так ни к чему и не привела.

Мгновенно удовлетворившись вновь приобретенными привилегиями, иностранцы на время перестали требовать новых милостей. В Пекине все было спокойно, и никто, казалось, не предвидел, что на Дальнем Востоке, во всяком случае, до окончания Транссибирской магистрали, произойдет какое-либо серьезное событие, которое даст России возможность сделать шаг вперед, как вдруг, в ноябре 1897 года, Европа с удивлением узнала, что Германия высадила моряков в заливе Киао-чау, на Шань-Тунгском полуострове. Мотивом для этого неожиданного движения, как нас заверили, было желание оказать давление на правительство в Пекине, чтобы оно завершило некоторые давние переговоры, связанные с убийством двух немецких миссионеров, которые, как обычно в Китае, бесечно затягивались. Поначалу важность этого дела не произвела того впечатления, которого можно было ожидать. Многие даже считали, что это всего лишь хитроумная уловка германского императора, чтобы продемонстрировать пользу военного флота и заставить рейхстаг проголосовать за необходимый кредит для увеличения флота. Но когда Вильгельм II отправил на Дальний Восток своего брата принца Генриха во главе эскадры, попросив его во время отъезда дать почувствовать вес своего "почтового кулака", если возникнет необходимость, теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что оккупация Киаочау была окончательной и что Германия платила себе, с запозданием, правда, но с меньшими церемониями, чем ее союзники, за услуги, которые она оказала Китаю в 1895 году. Она, несомненно, долго думала об этом, поскольку колебалась, какое место выбрать для военно-морской станции, которую она хотела создать на Дальнем Востоке.

Если высадка в Киао-Чау была тщательно продумана, то, тем не менее, оказалось, что Берлинский кабинет не позаботился о том, чтобы заручиться согласием других держав. Возникал вопрос, не была ли сама Россия, положившая глаз на эту бухту, в которой ее дальневосточная эскадра провела зиму 1896-97 годов, застигнута врасплох. Когда о занятии бухты стало известно в Англии, общественное мнение пришло в яростное возбуждение. Хотя Германия, казалось, постепенно отделялась от франко-русской группировки и сближалась с Великобританией, хотя английские и немецкие банки в 1897 году договорились о размещении на европейском рынке второго китайского займа в размере 16 000 000 фунтов стерлингов, и несмотря на то, что финансы двух стран часто сотрудничали в Китае, сердечность, существующая между подданными королевы Виктории и ее внука, даже сейчас на Дальнем Востоке была напряженной. Как только стало известно об оккупации Киао-Чау, в английской прессе произошел взрыв язвительных нападок, за которым вскоре последовала лавина шуток, когда Вильгельм II в забавной мелодраматической речи поднял тост за своего брата накануне его отплытия в китайские моря. Злоключения принца Генриха, задержавшегося из-за различных происшествий и постоянно вынужденного делать остановки на английских военно-морских станциях, добавили не мало к общему и весьма ироничному веселью.

Подлинную тревогу в Англии вызывали не столько действия Германии, сколько опасения, что правительство царя может воспользоваться ими для очередного продвижения в Северный Китай. Если для англичан не имело большого значения, что Россия должна занимать гавань, свободную ото льда в течение всего года, то их сильно беспокоила перспектива ее приближения к столице Поднебесной достаточно близко, чтобы получить прямое влияние на китайские дела. Англия настаивала на том, что подобный порт должен быть открыт для торговли всех наций, точно так же, как ее собственный Гонконг или договорные порты. Таким образом, в то время как мистер Бальфур в начале 1898 года практически предложил русским обеспечить себе выход в открытое море, несколько дней спустя другой министр Ее Величества - сэр Майкл Хикс-Бич - заявил под аплодисменты всей прессы, "что британское правительство абсолютно решительно настроено на то, чтобы "открытая дверь" в Китай не

была закрыта любой ценой, даже с риском войны". Чтобы противостоять спокойному продвижению России, Великобритания опередила ее, используя свою доселе успешную финансовую политику, и предложила одолжить "Сыну Неба" 16 000 000 фунтов стерлингов, в которых он особенно нуждался. Этот последний из трех великих китайских займов был наименее гарантирован. Таможенных поступлений больше не хватало для обеспечения процентов, и это давало кредитору больше поводов вмешиваться во внутреннюю администрацию и оказывать более сильное давление на политику Пекина. Условия этого займа включали добавление к списку открытых портов Талиен-вана на Ляо-тунском полуострове, который Россия давно желала заполучить. Открыв этот порт для торговли всех держав, его захват одной из них становился очень трудным, если не невозможным.

Игра, конечно, была очень хорошо разыграна, но для того, чтобы довести ее до конца, необходимо было иметь на месте достаточные силы, чтобы заставить Китай принять свои условия. Время для этого было неподходящее: зимой, когда Пэйхоу замерзает, Россия должна оставаться в Пекине более сильной, чем Англия. Напуганные угрозами русского поверенного в делах М. Павлова, цун-ли-ямыни не осмелились принять требования английского министра сэра Клода Макдональда, несмотря на энергичную манеру, в которой они были представлены.

Прямой заем, соответственно, не был заключен, Талиен-ван не был открыт, и Великобритании пришлось довольствоваться соглашением, подписанным в конце февраля 1898 года, по которому она получила, однако, несколько очень важных уступок. После июня 1898 года европейским пароходам было разрешено плавать по всем водам империи. Ни одна часть бассейна Ян-цзе-Кианг не должна была быть уступлена или сдана в аренду какой-либо иностранной державе; в провинции Юньнань должен был быть открыт порт, а должность генерального таможенного инспектора должна была быть закреплена исключительно за британским подданным до тех пор, пока британская торговля будет занимать первое место во внешней торговле Китая. Ценность этих уступок становится очевидной, если учесть, что бассейн Ян-цзы - самая богатая и густонаселенная часть Поднебесной. В качестве комментария к этому соглашению палата общин в марте включила в обращение к трону: "Для торговли и влияния Великобритании жизненно важно, чтобы независимость Китая уважалась". В ходе обсуждения г-н Керзон, заместитель министра иностранных дел, заявил, во-первых, что Англия выступает против любого посягательства на независимость или целостность Китая, во-вторых, она будет сопротивляться любой попытке закрыть любой китайский порт для ее торговли, пока он открыт или будет открыт для торговли любой другой нации, и, кроме того, она намерена сохранить в целостности все привилегии, которые она получила по Тянь-цинскому договору в 1858 году. Так была провозглашена знаменитая политика, известная как "открытая дверь".

Тем временем Германия в том же марте заставила Китай ратифицировать оккупацию Киао-чау, который был сдан ей в аренду на девяносто девять лет и который она поспешила, правда, объявить свободным портом. В то же время ей был уступлен обширный радиус железных дорог в Шань-туне, который она определила как "сферу интересов", и право преимущественной покупки всех железнодорожных и горных концессий, которые китайское правительство могло предоставить в этой провинции.

Россия же, встревоженная англо-китайскими переговорами, пришла к выводу, что если она будет медлить с оккупацией Ляо-тунского полуострова, то рискует если не быть отстраненной соперником, то, по крайней мере, стать свидетелем создания международных интересов, которые затруднят осуществление ее проектов. Она больше не колебалась и на сайте 600 27 марта 1898 года заставила Китай подписать конвенцию, уступающую ей право аренды Порт-

Артура и Талиен-вана, а также разрешение на строительство ветки, соединяющей эти порты с Восточно-Китайской железной дорогой. Таким образом, она добилась своего. Теперь Транссибирская магистраль выходила в открытое море и могла угрожать Пекину от входа в залив Пе-чи-ли. На мгновение показалось, что долго откладывавшаяся борьба между "Китом" и "Слоном" действительно вот-вот состоится. Два английских крейсера стояли в Порт-Артуре, когда этот пункт был уступлен России. Они вышли в море, но 29 марта грозный британский дальневосточный флот, значительно увеличившийся за зиму, был мобилизован, одна его часть отправилась на север, а другая осталась в устье Ян-цзы, готовая занять, как говорили, Чусанские острова, которые командуют входом в реку. Россия проявила исключительное благоразумие и, чтобы не добавлять мощную поддержку Японии к поддержке Англии, 18 марта отказалась от всякого активного вмешательства в дела Кореи, оставив эту страну открытой если не для политических действий, то, по крайней мере, для экономических интересов Страны восходящего солнца. Конфликт был предотвращен, но неизбежное противостояние русских и английских интересов, а также скопление в Китайском море военных кораблей всех национальностей, спешно отправленных туда после инцидента в Киао-чау, поддерживали в умах британской общественности вполне обоснованное чувство тревоги и раздражения, которое еще более усилилось благодаря франко-китайскому соглашению, подписанному в апреле. Франция, в соответствии со своей привычной политикой, оставалась в бедных районах юга, но получила от Китая обещание не отчуждать ни при каких обстоятельствах территорию, включающую три пограничные провинции Тонгкинг, и никогда не уступать остров Хайнань никакой другой державе, кроме Франции. К этим пунктам добавлялось продление концессии Юньнаньской железной дороги и, наконец, передача в долгосрочную аренду бухты Кван-чау-Ванг, расположенной на восточном побережье полуострова Лей-чау напротив Хайнаня, и, кроме того, китайцы обязывались назначить французского генерального директора почт. Это, конечно, было ответом на обещание, полученное Великобританией в отношении генерального директора таможни, и могло иметь большое значение для французов, поскольку передавало в их руки телеграфные линии Поднебесной, соединявшие, независимо от британского кабеля, линии в Индо-Китае, которые тянулись к русским линиям в Сибири, а оттуда в Париж. Несмотря на огромные политические интересы, это преимущество, к несчастью, было упущено, не был назначен Генеральный директор почтовых служб, эта должность по-прежнему остается объединенной с таможенной службой под руководством сэра Роберта Харта. Что касается других уступок, полученных Францией, то не похоже, что Англия или какая-либо другая держава должна быть сильно обеспокоена ими. Хайнань может иметь определенное значение для Франции, которая никогда не позволит какой-либо другой державе утвердиться у входа в залив Тонкинг. Что касается гавани Квангчау, которая не является гаванью первого ранга, так как устье узкое, то она не расширяет сферу действий Франции, а оставляет ее зажатой там, где она была на крайнем юге. Она принесла ей только раздражение и, конечно, не является стратегически важным пунктом, откуда она могла бы угрожать положению своих соперников в Китайских морях.

Гораздо важнее были уступки территории, которые вскоре после этого были сделаны Великобритании в качестве компенсации за оккупацию русскими портов Ляо-тун. Их ценность заключалась не в их площади, которая была невелика: всего лишь Вэйхай-вэй и небольшой городок в Шань-туне, а также 400 квадратных миль территории на полуострове Коулун и непосредственно напротив Гонконга. Обе территории были арендованы на девяносто девять лет. Стратегическая ценность, однако, имеет первостепенное значение. На полуострове Коулун, где до сих пор англичане владели лишь небольшим участком земли, теперь они получили в свое распоряжение все высоты и бухты, необходимые для защиты порта Хонг-Конг от нападения и обеспечения его расширения. С другой стороны, Вэйхай-вэй

давал им именно то, чего они давно желали, - военно-морскую станцию на севере Китая, чтобы, находясь в этих широтах, их эскадра больше не была вынуждена совершать четырех-пятидневное плавание, чтобы доставить провизию или найти убежище в Хунконге. Вей-Хай-Вей, укрепление которого было немедленно начато, в некоторой степени ослабляет Порт-Артур: они находятся точно напротив друг друга, между ними всего шестьдесят миль моря, и первый не намного больше удален от устья Пей-Хо. Нет нужды говорить, что, обладая столь превосходной станцией, Англия с ее превосходным флотом обязательно в течение многих лет будет в состоянии предотвратить вмешательство русской эскадры в ее проекты, а также, несмотря на краткость пути, препятствовать любой помощи по морю, оказываемой русским войскам, которые могут действовать на севере Китая. Кроме того, с этой позиции англичане могут ловким движением перерезать железнодорожную линию между Тянь-цинем и Великой стеной.

Несмотря на эти преимущества, ненасытная британская общественность не была удовлетворена и жаловалась, что правительство позволило Германии занять привилегированное положение в Шань-туне и, более того, обещало не вмешиваться в ее права в этой провинции, не строить железную дорогу от Вэй-хай-вэй и, более того, рассматривать это место как своего рода дальневосточный Гибралтар без каких-либо коммерческих претензий, тем самым соглашаясь на создание немецкой сферы интересов в противовес политике "открытых дверей". Когда в августе парламент был распущен, китайский вопрос обсуждался не менее восьми раз, а министерство Солсбери часто и очень яростно подвергалось нападкам со стороны своих сторонников. Неистовое ораторское искусство некоторых министров, в особенности мистера Чемберлена, который безоговорочно обвинял Россию в недобросовестности и даже дошел до того, что сказал, что при общении с Россией следует помнить старую поговорку: "У того, кто обедает с дьяволом, должна быть длинная ложка", не в малой степени способствовало возбуждению общественного мнения в Великобритании. Чтобы немного успокоить ситуацию, кабинет министров объявил парламенту, что его министр в Пекине уполномочен сообщить китайскому правительству, что Великобритания окажет поддержку, чтобы противостоять попытке любой державы совершить акт агрессии против Китая под предлогом того, что она предоставила британскому подданному концессию на железную дорогу или другие государственные работы.

Это был возврат к политике "открытых дверей", которой Англия придает столь большое значение. Она отказалась признать, что коммерческие привилегии должны быть предоставлены какой-либо одной державе, или какие-либо предпочтения при выполнении государственных работ; одним словом, она не хотела слышать ни о каких "сферах интересов". Такие условия, конечно, диаметрально противоречат формулировкам договоров, но в наше время вряд ли можно ожидать соблюдения даже самых торжественных обязательств, кроме как с помощью силы или угрозы ее применения. Англия сама была вынуждена согласиться с германской "сферой интересов" в Шань-туне. В августе и сентябре 1898 года вновь возникло опасение, что между Англией и Россией могут возникнуть проблемы из-за железной дороги от Шань-хай-Квана до Ниу-чвана, продления за Великую стену линии между Пекином, Тянь-цинем и Шань-хай-Кваном. Главный банк на Дальнем Востоке, Гонконгская и Шанхайская банковская корпорация, должен был построить ее для китайского правительства и эксплуатировать, оставив в качестве залога первую закладную на линию. В дело вмешалась Россия, которая возражала против того, чтобы железнодорожная концессия была предоставлена какой-либо другой державе, кроме той, что находится к северу от Великой стены. После длительного обсуждения державы пришли к

соглашению, и английская компания сохранила концессию, но только залог на уже построенную линию Пекин-Шань-Хай-Квань к югу от стены.

Посреди всех интриг и неприятностей, о которых мы только что рассказали, Европа, тем не менее, совершила в Пекине примечательную и беспрецедентную работу. Она не только добилась очень выгодных уступок для своей торговли, таких, например, как открытие для судоходства всех водотоков, на которых расположены договорные порты, но и выделение Европейской таможенной администрации сбора *Ликин* в долине Ян-цзы в качестве обеспечения третьего большого займа в 16 000 000 фунтов стерлингов. Она также получила право ввозить в Китай лучшие машины для эксплуатации его природных ресурсов. Англичане собираются разрабатывать угольные и железные рудники Шань-си и Хо-нань, немцы - Шань-тун, а англичане и французы вместе - рудники Юньнань. Шесть тысяч миль железных дорог должны быть построены не только на окраинах империи в степях Маньчжурии и на плоскогорьях, граничащих с Индо-Китаем, но и в густонаселенных центральных и восточных провинциях, от Пекина до Хань-кау и Кантона, от Тянь-цзиня до низовьев Ян-цзы, в Шань-туне и вокруг Шанхая, соединяя города с несколькими сотнями тысяч и даже более миллиона жителей, через страны, по крайней мере, вдвое более густонаселенные, чем Франция.

ГЛАВА XI

БУДУЩЕЕ КИТАЯ - СОХРАНЕНИЕ ИЛИ РАЗДЕЛЕНИЕ ПОДНЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ?

Необходимость медленного развития реформаторского движения в Китае, если мы хотим предотвратить свержение империи - Слабость правительства в Пекине - Император и реформатор Кан Ю Вэй - Вдовствующая императрица и Ли Хун Чан - Дворцовый переворот в сентябре 1898 года - Огромные препятствия на пути реформирования Поднебесной - Причины, по которым она не может последовать примеру Японии в 1868 году - Возможность разделения - Интересы Великобритании, США и Японии, сторонников политики "открытых дверей", а также Германии, России и Франции - опасности, связанные с разделом - трудности мирного осуществления раздела, а также управление европейцами сотнями миллионов китайцев - анархия, которая может возникнуть - услуги, которые может оказать прогрессу китайское правительство, чтобы предотвратить слишком быстрый переход - возможность обращения китайцев к материальному прогрессу.

"Каждый раз, когда кости Китая сотрясаются - а они никогда не сотрясались так энергично, как сейчас, - пишет одна техническая английская газета, - за этим следует рост торговли". Ничто не может быть более верным; но в то же время было бы разумно не трясти старый скелет слишком сильно, слишком часто или слишком долго, если мы не хотим, чтобы он разлетелся на куски. Китай - это своего рода аморфное государство, различные части которого соединены самыми слабыми связями, о которых мы почти ничего не знаем, и главная сила которого заключается в традициях и существовании правящего класса литераторов, набранных по всей империи, даже среди самого народа. С другой стороны, зародыши серьезного недовольства все же существуют; фактическая династия - чужая, которую в начале века почти уничтожило страшное восстание тайпинов, подавленное лишь с помощью европейцев, а потомки старой национальной династии Мин еще живы. Вступление на престол нынешнего императора было незаконным, как кажется, в соответствии с китайской процедурой, и страна кишит тайными обществами, целью которых является свержение существующего положения вещей. Народ в массе своей совершенно равнодушен к политике и очень редко проявляет враждебность к иностранцам, если

последние ведут себя осмотрительно, за исключением тех случаев, когда их подстрекают фанатики или недовольные, которых, к сожалению, легко разбудить. В главных городах каждой префектуры и субпрефектуры существует разнородная масса озлобленных и фанатичных литераторов, занимающихся самыми скромными ремеслами, чтобы не умереть с голоду, тесно связанных с народом, к которому они относятся с большим уважением, и которые повинуются их приказам, чтобы свергнуть европейцев и их нововведения.

Правительство Пекина слишком глубоко убеждено в своей внешней слабости, чтобы открыто сопротивляться любому требованию, предъявляемому ему державами, но если на него слишком сильно надавить и заставить ввести или допустить преждевременное введение всевозможных новшеств, причем сразу во многих местах, оно рискует возбудить против себя литераторов, которые не без основания считают любое распространение европейского влияния угрозой для своих привилегий. Такие действия легко могут привести к активному противодействию всем реформам, особенно в центральных и южных провинциях, более отсталых, чем северные, и, если удастся обнаружить лидеров движения, привести к полной дезорганизации Поднебесной. Неприятности уже произошли в Се-чуане, а также далее в нижней долине Ян-цзы. В 1898 году в Кван-си и Кван-туне вспыхнуло довольно серьезное восстание, но безрезультатно. Мы знаем, что местные неурядицы в такой плохо управляемой стране, как Китай, по необходимости должны стать хроническими, но во многих случаях новости о них доходят до Европы значительно приукрашенными и преувеличенными.

Несомненно, что элементы беспорядка сейчас сильно возбуждены. Даже в Пекине соперничающие группировки борются за власть; события, произошедшие там в сентябре 1898 года, мало известны и, возможно, никогда не будут полностью известны, и было бы невозможно рассказать с каким-либо приближением к истине о трагедиях и комедиях, которые постоянно разыгрываются в стенах Запретного города.

Император Куанг-Су, молодой человек двадцати пяти лет, с хилым телом и, как говорят, слабым умом, был полностью привлечен к движению реформ грамотным человеком новой школы по имени Канг-Ю-Вей, который был родом из Кантона. Его Небесное Величество, со всем рвением неопита, был побужден летом издать явно революционный указ. Говорили, что он дошел до того, что осмелился надеть европейский костюм, и даже намеревался лично отправиться в Японию, чтобы воочию наблюдать за преобразованиями, произошедшими за последние тридцать лет. Партия реформ, несомненно, питала не только английские, но и японские симпатии, а ее глава, Кан-Ю-Вей, провел свою последнюю ночь в Пекине в японском легате. Маркиз Ито, как говорят, не одобрял поспешности, с которой предполагалось провести в течение нескольких недель реформы, на осуществление которых в Японии ушло более четверти века.

Такая попытка не имела шансов на успех, поскольку не только противоречила многим предрассудкам и интересам, но и вызывала противодействие всех маньчжурских чиновников, Ли Хун-чжана, который недавно попал в опалу, и вдовствующей императрицы. Его Небесное Величество сделал вид, что хочет арестовать эту последнюю особу, которая приходится ему теткой, а не матерью; но проницательная принцесса сорвала его замысел. Большинство мандаринов были настроены враждебно, и вскоре она получила в свое распоряжение все необходимые инструменты для достижения своей цели. Император, в свою очередь, был заключен в тюрьму в своем дворце и вынужден был принести извинения и подписать указ, передающий бразды правления полностью в руки вдовствующей. Непосредственным следствием этого акта стало то, что все мандарины старой школы, среди которых был и Ли Хун-чжан, немедленно вернулись к власти; Кан-Ю-Вэй бежал на борту

английского судна, а большинство его приверженцев были либо обезглавлены, либо отправлены в ссылку, и очень скоро все следы их деятельности были уничтожены.

Из этой неосторожной попытки реформ мы можем извлечь несколько полезных уроков. Во-первых, она показала нестабильность пекинского правительства, а также существование, но в то же время бессилие, партии реформ среди литераторов; во-вторых, она подчеркнула тот опасный фактор в политике Дальнего Востока, который заключается в непреклонном антагонизме между Англией и Россией. Императрица Цзе-Хси, несомненно, очень умная женщина; сначала она управляла империей в качестве регента, но с 1887 года, при содействии Ли Хун-чана, который, как говорят, был ее бывшим любовником, она делала это от имени своего племянника, абсолютно отказываясь отречься от престола. Ее правление было, несомненно, пагубным для Китая, поскольку оно неизменно носило реакционный характер. В качестве примера можно привести недавний выговор одному из важных вице-королей за попытку реорганизовать по европейской системе войска в провинциях, которыми он управлял. Цун-ли-ямынь также за очень короткое время сумел укрепить партию, выступающую против нововведений, и ввел всевозможные ограничения на эксплуатацию рудников. При всем этом, плохом или хорошем, правительство Цзе Си и Ли Хун-чана все же является правительством; но и императрица, и ее министр уже в возрасте, и можно задаться вопросом, что произойдет, когда они перестанут существовать в этом мире.

Партия реформ, которой, кажется, симпатизируют несколько высокопоставленных чиновников, не включает в себя многих представителей мандаринов; неудачливые литераторы, которые борются за существование в городах внутренних районов и находятся в непосредственном контакте с народом, очевидно, остаются вне всякого представления о прогрессе, будучи абсолютно убежденными в огромном превосходстве китайцев над варварами. Поэтому очень трудно представить, как горстка новаторов сможет навязать свои идеи вопреки столь сильным предрассудкам. Революция, подобная той, что произошла в Японии в 1868 году и которая бросила эту империю на путь реформ, не имеет никаких шансов быть осуществленной в Китае, а даже если бы она и произошла, то получила бы только такой же отпор, как в 1898 году, или же привела бы к анархии и расчленению империи.

Сегодняшняя ситуация в Китае существенно отличается от той, что была в Японии тридцать лет назад. Прежде всего, китайская цивилизация, уступившая в Японии место европейской, была не отечественной, а по сути импортированной, чрезвычайно древней, которая так и не смогла одурманить японский народ, как это сделали китайцы; более того, предки и классики никогда не вызывали у японцев того же почтения, которое оказывают им китайцы. Гораздо выше традиций Конфуция и мудрецов древности стояли микадо о божественном происхождении и дух национальной независимости. Первой целью японской революции 1868 года было возвращение императору полноты власти, достигнутой, как мы уже объясняли, путем объединения главных кланов. Хотя она привела к подавлению феодализма и внедрению европейской цивилизации, изначально не была представлена в такой форме, и если вся нация в конечном итоге приняла эти нововведения, то только потому, что они были освящены божественным императором и, более того, одобрены мощной армией, которая всегда была дружелюбна к прогрессу и готова противостоять реакции.

Те преимущества, которые так благоприятствовали японским реформаторам, в Китае отсутствуют. В Пекине нет военной партии, дружественной реформам или желающей помочь реформаторам захватить верховную власть в нужный момент и помочь им ее удержать. Поэтому инициатива не может исходить ни от столицы, ни от провинций. Вместо японских даймио, или наследственных вождей, окруженных бесчисленными и верными вассалами, мы имеем в Китае наместников, неизменно чужих в управляемых ими провинциях, за которыми

шпионят татарские маршалы, имеющие в своем распоряжении в качестве армии орду недисциплинированных оборванцев, которых, даже если бы была сделана попытка превратить их в настоящих солдат, что потребовало бы многих лет, пекинский двор, будучи против этой затеи, быстро бы распустил. В Китае не существует боевого духа или чувства патриотизма, чтобы побудить правящие классы отказаться от своих привилегий, даже если бы это было сделано на благо страны. Упорная привязанность китайцев к своей очень древней, но неподвижной цивилизации является самым большим препятствием на пути прогресса, тем более что любовь к родине для подавляющего большинства китайцев - пустой звук.

Еще одно и очень важное отличие современного Китая от Японии 1868 года заключается в том, что тридцать лет назад Европа позволила островной империи совершить собственную революцию без вмешательства, тогда как сегодня державы наверняка предотвратят любую попытку слишком резкой эволюции в правительстве Поднебесной, которая только ввергнет страну в плачевное состояние беспорядка. Уже сейчас партия вдовствующей императрицы известна как русская, а партия Кан-Ю-Вея - как англо-японская. Возможно, это преувеличенный взгляд на дело, и ни одна из сторон не находится на службе у какой-либо конкретной державы; но неподкупность Ли Хун-чжана следует воспринимать с долей соли. Однако несомненно, что легаты ревниво следят за интригами различных группировок, и что опала Ли Хун-чжана рассматривается как победа Англии, а каждое возвращение к власти наместника Пе-чи-ли как успех России. Нет худшего знака для государства, чем постоянное вмешательство иностранных держав в его дела.

"Станем ли мы свидетелями расчленения Китая?" - этот вопрос постоянно задают себе люди. Никто особенно не желает этого, поскольку раздел такого наследства будет оспариваться как минимум пятью или шестью претендентами, которые решат свои разногласия только на острие меча. Последние двадцать пять лет Европа дрожит от одной мысли о войне, и мы не должны удивляться, что она боится одного лишь упоминания о разгроме Китая, что было бы еще страшнее, поскольку означало бы всеобщую войну, в которой Соединенные Штаты, Великобритания и Япония, а также континентальные державы приняли бы участие каждая. Даже если бы вопрос был решен полюбовно, какая страна захочет управлять восьмьюдесятью или ста миллионами китайцев? Некоторые говорят, что этот вопрос можно легко решить, если вообще не пытаться управлять ими, другими словами, пустить все на самотек; но ни одна европейская держава не станет и не сможет поступить иначе, чем управлять ими методично, в соответствии с нашими современными представлениями о правительстве. В наши дни, если в каком-нибудь затерянном уголке Китая существует банда разбойников, никто не беспокоится об этом, но как только этот уголок перейдет к европейской державе, непреодолимое желание попытаться установить порядок непременно приведет к восстанию. Внедрение европейских методов наверняка нарушит многие старые обычаи и традиции, которых китайцы придерживаются с почти жалким упорством. Чтобы управлять китайцами, требуется удивительный такт, что ежедневно подтверждается в Гонконге и иллюстрируется недавней серьезной вспышкой во французской концессии в Шанхае, где произошли беспорядки из-за сноса освященного временем святилища, чтобы освободить место для прокладки общественной дороги. Трудности, с которыми сталкиваются европейцы в каждой стране, проникнутой китайскими идеями - англичане в Бирме, французы в Тонкинге, японцы на Формозе, - доказывают, если бы требовалось доказательство, насколько велика сила сопротивления и с какими рисками придется столкнуться любой европейской нации, которая попытается управлять даже фрагментом огромной китайской империи.

С другой стороны, каждая держава, опасаясь последствий раздела, в равной степени не желает видеть, как соперник уносит львиную долю. Поэтому именно с прицелом на возможный раздел каждая страна стремится получить привилегированное положение в определенных регионах и завладеть сферами интересов, вынудив Китай дать единственное обещание никогда не уступать часть территории в определенных провинциях ни одной стране, кроме той, которая получит это обещание. Но такого рода обещания чреваты трудностями и могут стать источником вражды между нациями, претендующими на один и тот же регион, так же как и между сторонниками "сфер интересов" и сторонниками "открытых дверей".

Чтобы понять политику различных держав в Китае, в котором они видят очень важное поле для эксплуатации, необходимо сначала рассмотреть их коммерческие интересы в Поднебесной. Британская империя неоспоримо занимает первое место во внешней торговле Китая, которая в 1897 году составляла 366 000 000 хай-кванских таэлей, или 54 900 000 фунтов стерлингов (1 таэль = 3s.). Из них 236 934 000 таэлей, или 35 540 100 фунтов стерлингов, то есть две трети всего объема, принадлежит, согласно отчету Императорской китайской таможни, Великобритании. Здесь, однако, мы не должны впадать в заблуждение, так как если мы разделим эту сумму на части, то увидим, что около £5,500,000 принадлежит только Англии, £5,000,000 - ее колониям, кроме Гонконга, через которые проходит остальная часть, то есть около £23,000,000 товаров, Гонконг является просто транзитным пунктом. Товары, импортируемые из Германии, Америки и России в Китай, проходя через этот островной порт или экспортируясь оттуда в четыре стороны света, попадают в Англию. Кроме того, через Гонконг ведется очень важная торговля между севером и югом Китая, и таким образом получается, что Великобритания получает кредит на торговлю, которая на самом деле ей не принадлежит. Если бы Гонконг обладал надлежащей таможенной статистикой, было бы легко определить происхождение и назначение товаров, проходящих через этот порт; но такой статистики не существует. В этих условиях мы должны обратиться либо к статистике различных стран Европы и Америки, либо к подробной статистике китайской таможни, которая часто исправляет общие суммы, и таким образом мы узнаем, что российской нефти ввезено на 692 700 фунтов стерлингов, в то время как общий импорт из России по морю оценивается только в 485 100 фунтов стерлингов. Таким образом, разница должна быть учтена как прошедшая через Гонконг. Сравнение статистики китайской таможни со статистикой Германии, США, французского Индо-Китая и других стран заставляет признать, что три пятых, по крайней мере, торговли Гонконга действительно принадлежит Британской империи, что оставляет последней около £27 000 000, то есть 40-50 процентов от общего объема внешней торговли Поднебесной. Что касается импорта, то здесь господствуют англичане, которые держат в своих руках не менее трех четвертей и доминируют на рынке по двум основным статьям - опиуму и хлопку. Более того, их флаг развевается над 65 процентами всего тоннажа, зарегистрированного в китайских портах; из 636 иностранных деловых домов, основанных в открытых портах, 374 - английские; из 11 600 иностранцев 5 000 - британские подданные; а английский язык - самый распространенный во всех портах Дальнего Востока. Принимая во внимание все эти факты, мы вынуждены признать, что, имея столько интересов, которые необходимо защищать в этой части земного шара, Англия имеет право на то, чтобы ее голос был ясно слышен в коммерческих делах. Поэтому мы не должны удивляться, если она будет настаивать на политике "открытых дверей" в Китае. Теперь возникает вопрос, стремится ли она к территории в Поднебесной? Она, очевидно, пожертвовала теорией "сфер интересов", потребовав от Китая обязательства не уступать ничего в бассейне Ян-цзы, и английские джинго уже мечтают, что Великобритания будет хозяйкой не только от мыса до Каира, но и от Каира до Шанхая. "Разве Аравийское побережье и Персидский залив, - прочитал я недавно в одной английской

газете, - уже не принадлежат нам и морально подчинены нашему протекторату? Как только мы овладеем долиной Ян-цзы, кто помешает нам построить конкурирующую с Транссибирской линию от устья Нила до устья Голубой реки?"^[28] Хотя в настоящее время лучше не слишком рассчитывать на мудрость и хладнокровие англичан, тем не менее, их государственные деятели, похоже, осознают опасность столь прекрасной мечты. Они, по крайней мере, понимают, что опасность Британской империи заключается в ее огромных размерах. Большинство британцев, несомненно, было бы удовлетворено, если бы им позволили поставить свой капитал и свою торговлю в равные условия с другими странами Поднебесной, если бы территориальные посягательства держав не оправдывали опасений по поводу создания протекционистского тарифа. Поэтому мы можем надеяться, что Великобритания, получив все, что она желает, в виде стратегических пунктов в интересах своих военно-морских сил, а также большое количество коммерческих уступок, останется довольна своим жребием и не будет мечтать о посягательстве на независимость Китая, а скорее будет склонна помочь ей вернуть власть.^[29]

После Англии Соединенные Штаты ведут самый большой бизнес с Китаем. В статистике китайской таможни они фигурируют только в размере 4 500 000 фунтов стерлингов, но их собственные официальные публикации дают цифру 7 840 000 фунтов стерлингов. Нефть и хлопчатобумажные изделия являются основными статьями их торговли, которая, несомненно, значительно увеличится в будущем, поскольку Поднебесная требует все больше и больше машин, которые сегодня производятся в Америке гораздо дешевле, чем где-либо еще. Соединенные Штаты представлены в Китае тридцатью двумя деловыми домами и 1 564 гражданами; их торговый флот, однако, очень незначителен, но, заняв в последнее время место среди мировых держав и будучи уже установленным на Филиппинах, они, несомненно, быстро увеличат свой торговый флот, и поскольку они стремятся стать в один прекрасный день хозяйкой Тихого океана, они очень ревниво следят за всем, что происходит на Дальнем Востоке. Какими бы протекционистами они ни были у себя дома, они решительно выступают за "открытые двери" на этом рынке, большую часть которого они справедливо надеются в конечном итоге получить благодаря своей предприимчивости. В их дружбе с Россией уже наметилось охлаждение, а в январе 1900 года они получили гарантию, что ни одна из держав не будет устанавливать дифференцированные тарифы в арендованных "сферах интересов".

Япония занимает третье место с быстро растущей торговлей, которая в 1897 году достигла 5 850 000 фунтов стерлингов. Ее прядильный хлопок конкурирует с английским и индийским. Семьсот японцев зарегистрированы как проживающие в различных портах. В настоящее время у Поднебесной нет более теплых друзей, чем японцы. Японские газеты пестрят статьями, в которых положение двух стран сравнивается с положением Пруссии и Австрии после Садовы, проповедуется примирение, а о тесном союзе с энтузиазмом заговорили уже в конце войны. Многие японские государственные деятели изучают этот вопрос, среди них маркиз Ито, четырежды премьер-министр, и принц Коное, президент Палаты пэров, которые путешествовали по Китаю и останавливались в Пекине в 1898 и 1899 годах. Судя по некоторым признакам, их попытки не были совсем уж бесплодными. Правительство вдовствующей императрицы, похоже, не питает особой злобы к японцам за симпатии, которые они выражали реформатору Кан-Ю-Вею, и, несомненно, ищет поддержки, чтобы вывести себя из-под исключительного господства России. Если в Пекине опасаются этой последней державы, то, похоже, что Япония в настоящее время является наиболее авторитетной, к чьим советам прислушиваются и кто лучше всего служит посредником для продвижения в Китай. Именно у Японии Китай получает инструкторов для своей армии, а вице-король Чан-Чи-тун не только одалживал деньги, но и инженеров для своего литейного

завода в Ханьяне. Скреплению формального союза, несомненно, будет препятствовать страх перед Россией, и очень вероятно, что Китай не желает этого очень искренне. Возможно, в Пекине продолжают презирать японцев так же, как и европейцев, хотя, возможно, отдают предпочтение первым. Одно можно сказать с уверенностью: отношения между правительствами Пекина и Токио стали лучше, чем были до войны. Из западных держав подданные микадо больше всего предпочитают Англию, хотя даже к ней они относятся с некоторым подозрением. Подавляющее большинство японцев по-прежнему испытывает сильную обиду на Россию. Однако небольшое меньшинство желает, чтобы с ней было достигнуто взаимопонимание. Эта партия, однако, также желает "открытой двери", поскольку Китай является единственным выходом для их молодой и уже важной хлопковой промышленности.

Эти три страны - Англия, Соединенные Штаты и Япония - завершают группу искренних сторонников "открытой двери". Британская пресса часто выражала желание видеть союз между ними, и если бы он был создан только между Англией и Японией, то она была бы очень грозной на Дальнем Востоке. Японский флот превосходит, и каково бы ни было наше мнение о способностях моряков микадо, несомненно, что, объединившись с английским флотом под командованием английского адмирала, он мог бы вскоре прочесать Китайские моря, и тогда было бы легко собрать армию в сто, даже двести тысяч человек, которой, даже по мнению русских офицеров, было бы трудно противостоять царской армии на Дальнем Востоке. Возможно, Россия слишком сильно и слишком рано толкнула Империю восходящего солнца в объятия Англии.

Германия, которая, согласно ее собственной статистике, ведет торговлю с Китаем на сумму £3 400 000, из которых £2 320 000 - импорт в Китай, и которая насчитывает 104 торговых дома вместо 78 в 1892 году, и регистрирует 870 резидентов в договорных портах, делит свои предпочтения между политикой "сфер влияния" и "открытых дверей". Если она оставила за собой право на предпочтение в общественных работах, которые будут проводиться в Шань-туне, то она успокаивает раздражение англичан, сделав Киао-чау свободным портом; Но, несмотря на антипатию, существующую в глубине души между двумя нациями, и прогресс немецкой торговли, часто за счет британской торговли, и благодаря более любезным манерам и большей активности немецких купцов, с конца 1898 года в отношениях между двумя правительствами наступило явное улучшение, и Германия, кажется, в настоящее время отвернулась от франко-русской группы на Дальнем Востоке, чтобы поддержать британскую политику. Одной провинции в Китае недостаточно для ее коммерческих предприятий, и она опасается, что защита закроет другие порты.

Теперь мы переходим к России. Общий объем ее торговли с Поднебесной составляет не более 3 000 000 фунтов стерлингов, половина из которых проходит по суше через Сибирь. Нефть в качестве импорта и чай в качестве экспорта - вот две основные статьи российской торговли с Поднебесной. В Китае живет очень мало русских, а те, кто живет, в основном обосновались в порту Ханькоу. Цели России на Востоке почти полностью политические, и очень вероятно, что ее защитный тариф последует за территориальным расширением. Будучи уже хозяйкой Маньчжурии, она официально установила южные пределы своей сферы влияния, во время дела о железной дороге Ниу-Чван, на Великой стене. На севере находится обширная полоса земли, почти полностью состоящая из пустыни. По всей вероятности, этот предел является лишь временным, и, возможно, в российских устремлениях его нет; но прежде чем заявить о своей политике, она ожидает завершения строительства Транссибирской магистрали. Империя царя, несмотря на 60-80 тысяч человек, уже сосредоточенных между Амуром, Кореей и Пе-чи-ли, еще не чувствует себя в достаточной

безопасности, чтобы сделать шаг вперед, опасаясь вступить в конфликт с Англией и Японией. В день окончания строительства Транссибирской магистрали шаг на юг, несомненно, будет сделан. Антагонизм между Россией и Великобританией, которые стремятся стать ведущей азиатской державой, несомненно, станет еще более острым, чем когда-либо.

Политика Франции чаще всего была показной, робкой в душе и часто досадной по форме. Она подняла шум из-за нескольких коммерческих преимуществ, полученных в бесплодных провинциях, граничащих с Тонкингом, и выступила против Англии, не причинив ей никакого вреда в отношении открытия Западной реки. В некоторых делах, связанных с европейскими концессиями в Шанхае и Ханькоу, Франции, к сожалению, удалось не только досадить Англии, но и встревожить немцев, американцев и японцев чрезмерными правилами, которые она ввела на тех территориях, которые перешли в ее руки. Не похоже, однако, что французы сумели получить достаточную компенсацию за вражду, которую они вызвали, защищая, не без риска, интересы, которые, в конце концов, не были их собственными.

Роль, которую Франция хотела сыграть в Китае, не была сугубо коммерческой. Французские дорогие ткани с высокой степенью отделки не имеют смысла на китайском рынке. Если бы у нее хватило здравого смысла и предприимчивости послать в Тонкинг первоклассных ткачей и основать там мануфактуру под французским руководством с дешевой местной рабочей силой, то, скопировав хлопчатобумажную промышленность Индии, она вскоре смогла бы конкурировать с Японией на китайском рынке. Поэтому именно вывоз капитала должен стать ее целью на Дальнем Востоке, как в Китае, так и в Индо-Китае. Несмотря на их активность, не Япония и Россия, не имеющие капитала, могут попытаться использовать богатства Китая, а страны, уже продвинутые в цивилизации, такие как Германия, Соединенные Штаты, и прежде всего Франция и Англия, которые, благодаря внедрению огромных ресурсов своего капитала, в состоянии работать на рудниках, железных дорогах и других ресурсах Поднебесной. Если бы вместо того, чтобы пытаться получить эксклюзивные привилегии в бедном регионе, которые не приносят пользы и только раздражают другие нации, Франция поддержала бы их в их политике "открытых дверей", она бы многое выиграла, ничего не потеряв с чисто коммерческой точки зрения, и таким образом французы могли бы поставить себя на одну ступень с людьми всех наций, Точно так же, как англичане и немцы сумели прийти к соглашению в деловых операциях, несмотря на расхождения, которые все больше и больше разъединяют их, и тогда она смогла бы с выгодой разместить свой капитал и тем самым значительно увеличить свое процветание не только за границей, но и внутри страны, как это было во времена Второй империи, когда она покрыла Европу железными дорогами.

Более того, с чисто политической точки зрения Франция могла бы сыграть примирительную роль и тем самым предотвратить слишком сильное влияние в Пекине, которое в конечном итоге могло бы привести к ужасному конфликту, и она должна была бы работать над сохранением независимости Китая. Теперь, когда китайцы позволяют европейцам брать в руки свои богатства, строя свои железные дороги и разрабатывая свои шахты, нам кажется, что Франция должна позволить ей сохранить своего рода общинное существование, в котором цивилизованные нации могли бы вести свою экономическую деятельность точно так же, как они это делают в Турции, с той разницей, что империя Сына Неба гораздо обширнее, богаче и населена гораздо более трудолюбивым народом, чем империя султана Абдул-Хамида.

Это, конечно, решение явно временного характера, но оно может иметь шанс здесь, как и в других местах, продержаться дольше, чем десятки других решений, которые считаются окончательными, при условии, что державы не будут оказывать слишком сильного давления

на слабое правительство в Пекине, и особенно если Россия, после завершения строительства Транссибирской магистрали, не будет настаивать на своих требованиях столь жестоким образом, чтобы вызвать одновременные действия со стороны держав и тем самым привести к разделу. Судьбы Поднебесной, однако, во многом находятся в руках царя, который, к счастью, уже не раз доказывал свою прозорливость.

В настоящий момент сохранение китайского правительства представляется более предпочтительным, даже в интересах открытия страны и внедрения нашей цивилизации на ее огромной территории, чем раздел Китая между различными европейскими нациями. Мы говорим это не потому, что считаем китайское правительство обращенным к прогрессу, ибо мы уверены, что, за редким исключением, те, кто направляет судьбы Китайской империи, так же окаменели в своих предрассудках, так же твердо верят в свою дряхлую мудрость, так же стремятся доказать свою ненависть к западной цивилизации, и, более того, так же коррумпированы, как и раньше. В то же время они убеждены невозможности Китая противостоять посягательствам европейской цивилизации и как никогда готовы уступить внешнему давлению. Безусловно, эпоха уловок с одной стороны и угроз с другой еще не закрыта, и, несмотря на реформы, которые были и еще будут проведены в будущем европейцами, значительная часть материальных выгод от преобразования Китая останется в руках и в рукавах мандаринов. Но если прогресс будет несколько замедлен этим сопротивлением, которое, в конце концов, будет лишь временным, то лучше так, чем если бы оно было введено слишком внезапно и вызвало ненужные проблемы. Между тем, правительство Пекина играет чрезвычайно полезную роль. Некоторые люди без колебаний говорят, что если бы оно прекратило свое существование, прогресс был бы гораздо более быстрым, забывая о том, что наступила бы анархия, конец которой было бы так же трудно предвидеть, как и найти средства для ее прекращения или определить, каким образом любое европейское правительство могло бы управлять 200 000 000 китайцев. Убытки, которые повлечет за собой восстановление стабильного режима, и огромные расходы на усмирение восстания, несомненно, превысят те, что возникнут в результате промедления при существующей форме правления.

По истечении определенного периода велика вероятность того, что ход событий ускорится, а когда масса китайского народа соприкоснется с результатами западного прогресса, велика вероятность того, что его великий здравый смысл сделает все остальное. Если мы хотим обратить китайцев, наиболее реалистичную и наименее идеалистичную нацию, мы должны обратиться к их коммерческим и денежным инстинктам. Железные дороги станут лучшими миссионерами цивилизации в Китае.

1. За перевод этой работы отвечает мистер Ричард Дэйви, но я добавил сноски здесь и там (подписанные моими инициалами), и я пересмотрел написание имен собственных, чтобы привести их в соответствие с английскими обычаями. Чтобы избежать обвинений в непоследовательности, могу сказать, что я действовал по принципу, принятому в написании европейских имен собственных, то есть сохранил неправильные написания, освященные давним обычаем - например, Chefoo, Suchow, Hankow, Kowloon, так же как мы пишем Florence, Munich, Naples, Moscow. Но имена, которые еще не стали регулярно европеизироваться, я пишу в соответствии с последовательной и более разумной системой транслитерации - Kiao-chau, Pe-chi-li, Kwei-chau. Французское написание китайских имен

выглядит очень странно для английского глаза и произведет совершенно ложное впечатление на английское ухо.

2. Таймс, 13 сентября 1900 г.

3. Например, автор, подписывающийся "Diplomaticus", в "Fortnightly Review" за сентябрь 1900 года легкомысленно отбрасывает как "иллюзии" убеждение, что "Китай постепенно разрушается, что он не способен на организованное сопротивление иностранцам, что его миллионы не имеют национального духа и неспособны к прогрессу". Каждая из этих "иллюзий" - элементарный факт о Китае, за исключением тех случаев, когда иностранная помощь и руководство могут изменить его.

4. Специальный корреспондент газеты "Таймс", 11 сентября 1900 года.

5. Написано автором специально для американского издания.

6. Положение маньчжурской династии в Китае в какой-то степени аналогично положению сёгуната в Японии, который около сорока лет назад также оказался между национальными чувствами и иностранцами. Но в Японии, когда сёгунат пал, остался божественный император, чей престиж покрывал все реформы, которые проводили просвещенные государственные деятели. В Китае после правления маньчжурской династии не осталось ничего, кроме хаоса.

7. Ермак - жернов, - так прозвали Василия, сына Тимофея, волжского следопыта, за то, что он молот кукурузу для своей партии. Он не был казаком по происхождению, но присоединился к донским казакам-пиратам.-Н. Н.

8. Импорт цейлонского чая в Россию уже велик и быстро увеличивается.-Н. Н.

9. Вся та часть Сибири, которая расположена к востоку от Байкала, образует своего рода нейтральную территорию, свободную от таможенной пошлины. Только спиртные напитки, табак, сахар, минеральные масла, люциферовые спички и вообще все товары того же характера, которые облагаются акцизом в самой Сибири, платят таможенные пошлины, когда их отправляют для продажи в сибирские порты на Тихом океане. Все остальные товары должны платить "таможню" только в том случае, если они направляются в части империи к западу от Байкала, а она уплачивается в Иркутске, через который все должно проходить. Чай, идущий из Кяхты, оплачивается пошлиной в Иркутске.

10. С помощью ледокольного парохода суда теперь могут выходить и входить в гавань Владивостока в любое время.

11. Царь назначил Комиссию для расследования всего вопроса о перевозке в Сибирь, с целью ее прекращения. Комиссия, как теперь предполагается, представила доклад в этом смысле. N.

12. Здесь автор дезинформирован. Большой ледокольный пароход "*Байкал*", перевозящий поезда, и меньший пассажирский пароход "*Ангара*" были спроектированы, построены и отправлены на озеро Байкал сэром У. Г. Армстронгом, компанией "Уитворт и К°, Лтд." из Ньюкасла-на-Тайне.-Н. Н.

13. Официальная оценка общей стоимости железной дороги составляет более 80 000 000 фунтов стерлингов, из которых более 50 000 000 фунтов стерлингов были потрачены к концу 1899 года.-Н. Н.

14. Этот поезд уже год ходит до Иркутска.-Н. Н.
15. Один коку равен 4-95 бушелям.
16. В 1899 году (по 25 декабря) 423 646 605 иен или 42 364 660 фунтов стерлингов.-Н. Н.
17. Японцы позаботились о том, чтобы оговорить выплату репараций в золоте при обмене таэля в 1895 году, что позволило им точно знать, на какую сумму они могут рассчитывать, что было крайне важно для них, поскольку Япония перешла на золотой стандарт, а большая часть репараций должна была быть потрачена на закупки в Европе и США.
18. Многие даймио, чье личное имущество было очень небольшим, сейчас крайне бедны. Самые большие состояния в Японии принадлежат купцам и банкирам, которые при старом режиме скрывали свои богатства, чтобы избежать налогообложения.
19. Японский парламент состоит из двух палат - Палаты лордов, или пэров, в которую входят (1) принцы крови (13); (2) все принцы и маркизы (40); (3) представители, избираемые на семь лет графами, виконтами и баронами (123); (4) члены, назначаемые императором пожизненно (100); (5) члены, избираемые по одному от каждого департамента и выбираемые из числа пятнадцати наиболее важных персон департамента старше тридцати лет (45). Палата депутатов состоит из 300 членов, по одному на каждые 128 000 жителей, и избирается всеми японскими подданными старше двадцати пяти лет, которые проживают в избирательном округе в течение двенадцати месяцев и платят 30 с. прямых налогов. Чтобы быть избранным, кандидат должен быть старше тридцати лет и удовлетворять тем же условиям, что и выше. Главы знатных семей не могут быть ни выборщиками, ни избираться в Нижнюю палату. В 1895 году насчитывалось 467 887 избирателей (11 на 1 000 жителей), а всего 517 130 человек (12 на 1 000), плативших более 30 с. прямых налогов. Среди первого сословия было 21 070, а среди второго - 25 405 *сидзоку*, или древних *самураев*, из чего можно заключить, что среди древних *самураев* меньше богатых людей, чем среди остального населения. Что касается дворян, так называемых *квэдзоку*, то не менее трети глав знатных семей платят меньше 30 с. Доля *сидзоку* среди тех, кто имеет право голоса, составляет менее 5 процентов.
20. В обычные времена, до исключительного увеличения эффективных сил в результате событий 1898 года, Англия имела на Дальнем Востоке всего двадцать шесть судов, и даже сейчас ее флот все еще уступает японскому.
21. В настоящее время численность русских войск в Маньчжурии и на Нижнем Амуре не превышает 60 000 человек.
22. 'Политика и народы Дальнего Востока'. Лондон: Fisher Unwin. 1895.
23. Численность населения Китая оценивается очень по-разному. Существует официальная статистика, но вопрос в том, насколько ей можно доверять? В "Ежегоднике государственного деятеля", который, как правило, хорошо информирован, приводится цифра 383 000 000 для самого Китая и 402 000 000 для всей империи. Некоторые путешественники, однако, считают, что эти цифры должны быть сильно изменены, и утверждают, что правильная средняя цифра находится между 200 000 000 и 250 000 000, потому что горные районы очень малонаселенные, и путешественники ошибочно формируют мнение, исходя из состояния долин, через которые они проходят, которые обычно густонаселенные.
24. Цитируется мистером Генри Норманом, "Народы и политика Дальнего Востока".

25. Восхитительное и даже галантное поведение китайского полка из Вэй-хай-вэя под командованием британских офицеров в недавних тяжелых боях в районе Тянь-Цинь служит ярким подтверждением слов М. Леруа-Болье.- Н.Н.
26. Ниже приводится список договорных портов: К северу от Голубой реки: Ниу-чван, Тьен-цин, Чефу, и близ устья реки Шанхай и его пристройка, Вусунг. На Ян-цзе-Кианг: Чин-Кианг, Нанкин, Уху, Киу-Кианг, Ша-ши, Ханькоу, Ит-Чанг, Чун-Кинг - всего восемь речных станций, из которых Нанкин не является по-настоящему "открытым", хотя и упоминается во французском договоре Тянь-Цин. Недалеко от Шанхая находится Сучоу, расположенный на внутренних каналах. На побережье к югу от Голубой реки находятся Хангчоу, Нин-по, Вэньчоу, Фучоу, Амой, Сватоу. В устье Западной реки находится Кантон, а выше по реке Самшуй, Вучоу, а с весны 1899 года Наньнин-фу. На берегу Тонкинского залива: Пахуэй, а на острове Хайнань - Хой-хоу. Открытыми городами на границе Индо-Китая являются: Лунг-чау, Монгце, Хо-Кау, Сземао, Тчун-нинг-фу, а шестой, Тонг-хинг, еще не занят. Открытых портов в 1842 г., согласно Нанкинскому договору, было только пять, но они были увеличены договором Тьен-цин до девятнадцати; другие были открыты договором Шимоносаки в 1895 г. и конвенцией с Англией, подписанной в 1897 г. Более поздний договор с этой державой (1898 г.) обещает, но без установленной даты, открытие трех новых портов: Кин-чау в Маньчжурии, Фу-нинг в Фокиене и Йо-чау в Ху-нане (открыт в декабре 1899 г.).
27. История о неправильном салюте была газетной выдумкой. Никаких оснований для нее никогда не приводилось. Угрозы" после потопления *"Коу-Синга"* были совершенно неофициальными, и этот вопрос был передан в арбитраж двумя правительствами.-Н. Н.
28. К сожалению, автор не указывает название газеты, в которой он прочитал это смехотворное высказывание; мы, несомненно, увидим, что она далеко не отражает британское мнение. N.
29. М. Леруа-Болье не может всерьез полагать, что независимость Китая находится под угрозой со стороны Великобритании. Британская политика, как и всегда, направлена на сохранение независимости Китая всеми средствами. N.
-

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА

1. Молча исправлял опечатки и орфографические ошибки.
2. Анахроничные, нестандартные и неопределенные написания сохранены в печатном виде.
3. Сноски были заново проиндексированы по номерам и собраны в конце последней главы.
4. Р. 125, заменив "40 процентов" на "4 процента".